

БИОУГРОЗА

Тим Каррэн

Ближайшее будущее. Радиоактивные осадки, мутации, смертельные эпидемии, труповозы, кремационные ямы, опустевшие города. Человечество балансирует на грани вымирания. Выживают только самые отчаянные. Один из них — Рик Нэш. Но у выживания есть цена — поклонение хищному злу, рожденному из пекла ядерных отходов. Оно требует жертв. Лишь это может помочь Нэшу быть на шаг впереди преследующего его кошмара. Разумной кипящей чумы, идущей по пятам выбранной ею добычи — последних представителей рода человеческого. Принять предложение Тени — значит жить на грани смерти.

Биоугроза

И совершай всесожжения твои, мясо и кровь, на жертвеннике Господа, Бога твоего.
Книга Второзакония, глава 12, стих 27

Пролог

Когда в четверг, 17-ого октября, наступил конец света, все принялись слепо метаться, в ужасе крича, что это, наконец, свершилось. Что Армагеддон, наконец, пал на головы сыновей и дочерей человеческих. Оптимисты были глубоко потрясены. Пессимисты обрели подтверждение своим страхам. Верующие заявили, что пришло время Вознесения. И пока они ждали, когда Иисус призовет их в царствие небесное, остальные сосредоточились на выживании.

Что было не так-то просто, если учитывать радиацию.

А еще мародерствующих ополченцев.

Кочующих бандитов.

Национальную гвардию и спецотряды полиции, в чьих обязанности входило бороться и с теми, и другим. По всей стране было введено военное положение. Людей расстреливали на улицах. Насиловали. Убивали. Грабили. И этому не было видно конца.

Но что самое страшное, к концу первой недели — за семь дней до Хэллоуина — на землю, как и предсказывали теоретики, опустилась ядерная зима. В атмосферу было выброшено столько пыли и мусора, что солнце не показывалось почти месяц. Все это время царствовали абсолютный мрак и мороз. А еще снег. Он валил неделями напролет. Никто никогда не узнает, сколько людей погибло за эти страшные дни и ночи.

На Среднем Западе, выжившие — закаленные северяне — справлялись с холодом, как и в любую другую зиму — жгли дерево. Собирали печи на гранулированном топливе, керосиновые нагреватели, все, что давало тепло.

А потом снова выглянуло солнце.

Первую пару недель оно больше походило на призрак. Но когда с дождем на землю вернулись мусор и пыль — большей частью зараженные смертоносной радиацией, солнце восстановило свой привычный цикл. По-прежнему было холодно, хотя и не так, как раньше. По крайней мере, не было уже той крошечной, круглосуточной тьмы.

К концу декабря по стране распространилась странная жара, снег растаял и пришли дожди. Инфекции, ранее сдерживаемые холодом, словно проснулись от зимней спячки.

Эпидемии бушевали повсюду, кося и без того поредевшее гражданское население.

Но некоторые из нас остались в живых.

И вот как нам это удалось.

ЯНГСТАУН, ШТ. ОГАЙО 1

Когда я закрываю глаза, я чувствую запах Янгстауна.

Разве не странно? Я вырос там, играл в школьной футбольной команде ("Вперед, Синие Дьяволы!"). Работал там, женился... Но теперь, после всего этого, я помню лишь его запах.

Всепроникающий запах тлена и нечистот.

Он заползает в нос, спускается в живот, поэтому даже с закрытыми глазами ты знаешь, что находишься в городе. Запах гниющего мусора и горящего дерева, топливного масла и непогребенных мертвецов. Еще тогда я понял, что нужно было набрать его в бутылку и поставить на полку. На тот случай, если все когда-либо вернется на круги своя. И всякий раз, в часы уныния, я смогу открыть пробку и вдохнуть его. А потом сказать себе, да, может, жизнь и дерьмо, но сейчас хотя бы не пахнет, как в Янгстауне.

2

У моей жены было две напасти — лучевая болезнь и холера. Первую она подхватила от радиоактивных осадков, пришедших с дождями, неделями заливавшими город. Они затопляли улицы, засоряли канализацию, и загрязненные сточные воды устремлялись во дворы и дома. Холеру она получила, поскольку все водные запасы города были заражены, а сама она — как и многие другие — была ослаблена лучевой болезнью.

Смысла везти ее к врачу не было, поскольку больницы были переполнены больными и умирающими, коридоры забиты людьми, ждущими лечения. Больничные печи работали без перерыва. Зараженная одежда, отходы, биологические жидкости, трупы — все скармливалось огню. Система здравоохранения штата Огайо — как и всей страны — оказалась бессильной перед натиском инфицированных. Она попросту не справлялась с таким количеством.

Не была к этому готова.

А с дефицитом лекарств и медикаментов — заводы по всей стране закрывались, торговля застопорилась — медицинского обслуживания на всех не хватало. Да и сам персонал зачастую заражался в процессе лечения.

Теперь вы понимаете ситуацию.

И если радиоактивные осадки уже серьезно подкосили здоровье Шелли, то холера вбила последний гвоздь в ее гроб. Я мыл ее, лечил, кормил, не отходил от нее долгими темными ночами.

Холера — мерзкая штука.

Рвота и диарея, болезненные спазмы и обезвоживание, лихорадка и бред. Ничего хорошего. Я лечил ее так, как сказали мне в больнице и тем, что мне дали. Следил, чтобы она пила много жидкости. Растворял в воде пакетики с натрием, калием, глюкозой и хлоридом и давал ей. Колол ей антибиотики — тетрациклин, ампициллин, хлорамфеникол. Но чаще всего, просто обнимал ее и утешал, в то время как что-то внутри меня — возможно, вера и надежда — увядало и чернело, словно цветочные лепестки на полу склепа.

Это было ужасно.

Я постоянно вспоминал, как еще в августе мы отдыхали в Чесапикском заливе, на Смит Айленде, и все было хорошо, даже очень. Ярко светило солнце, вода искрилась, а я натирал

ей спину маслом для загара. Кожа у нее была бронзового цвета, а глаза — темно-синими, как Карибское море. Ночью мы занимались любовью, днем валялись на пляже, по вечерам ели моллюсков.

А шесть месяцев спустя она в судорогах умерла у меня на руках.

Несколько дней я не отходил от ее трупа.

Это был какой-то извращенный поминальный обряд. Я зажег свечи и разговаривал с ней. Иногда плакал и звал ее по имени, но в основном пил виски. Я находился в каком-то алкогольном ступоре, мой разум затягивал меня в водоворот скорби, вины и отрицания.

Внизу, на улицах катались труповозы, бесновались какие-то психи, а остатки полиции топили бунты в крови и сами тонули в этой жуткой купели.

— Они не заберут тебя, Шелли, — сказал я ей. — Я не позволю.

С каждым днем все становилось хуже и хуже.

Прошло уже четыре месяца. Четыре месяца, а я по-прежнему находился в Янгстауне. Возможно, надеялся, что человечество соберется с силами, и мы сможем воссоздать по кусочкам разбитый вдребезги мир. Но этому не суждено было случиться, и то, что распростерлось на диване, было лучшим тому подтверждением.

Я знал, что должен был уехать.

Должен был вытащить из города нас обоих — возможно, перебраться в Пенсильванию, к сестре в Ньюкасл. Но я продолжал держаться за какую-то безумную и совершенно ущербную мысль, что конец света обойдет нас стороной, как эпидемия гриппа. Пусть цивилизация утонет в собственном дерьме и рвоте, только б он миновал нас. Только бы эта лихорадка прошла мимо.

Как же я заблуждался! А когда упали бомбы — а сыпались они словно рис на свадьбе — мир лопнул, как штаны на заднице наклонившейся толстухи, и не было такой швеи, которая могла бы его заштопать.

А теперь Шелли умерла.

Умерла.

Она была бледной как белильный камень, тело сморщилось, обезображенное смертью. За окном, окрестности оглашал страшный звон. Это был колокол церкви Святого Марка. *Бом, бом, бом, выносите своих мертвецов!*

Но я не собирался этого делать.

Только не Шелли. Я никогда не дам им забрать ее. Никогда не дам им сжечь ее вместе с другими в одной из тех жутких ям. Эта мысль просто не укладывалась в голове, поэтому я гнал ее прочь. Но я не мог сидеть с Шелли изо дня в день. Не только потому, что это было чистой воды безумие, но и потому, что *они* все равно пришли бы за ней. Но я должен был что-то сделать. Тогда у меня и появилась мысль тайно похоронить ее. Такое погребение являлось незаконным и было запрещено. На меня могли донести в полицию, а попавших в руки властей ждал расстрел. Но эти обстоятельства лишь усиливали важность моего решения.

Я собирался похоронить свою жену, провести небольшую службу над ее могилой.

Вот, что я собирался сделать. И я был готов хладнокровно убить любого мерзавца, который встанет у меня на пути. Поэтому, слушая тот богомерзкий колокольный звон, я собрался с силами, привел мысли в порядок и принялся за дело. Впервые за несколько недель я улыбался, испытывая тайную, извращенную радость от того факта, что незаконно похороню свою жену. Тем самым я собирался показать государству средний палец. Пошли

они на хрен! Пошли эти власти на хрен! Пошли на хрен те, кто вообще создал этот кошмар. Те злобные, ущербные умы — части прогнившего бюрократического аппарата, уничтожившего мир.

Я взял белое атласное покрывало, которое любила Шелли, и завернул в него ее тело. Поцеловал напоследок ее холодные, мертвые губы, и зашил саван. Я слышал за окном шум приближающихся грузовиков. Слышал, как они грохочут, видел, как их проблесковые огни озаряют ночное небо. С улицы доносились голоса.

Они приближались.

Выносите своих мертвецов.

3

Вслед за ядерной зимой последовала одна страшная эпидемия за другой. Люди умирали в массовом порядке, и обычные морги не справлялись с таким количеством трупов.

Поэтому и звонили церковные колокола.

Они звонили днем и ночью, и вовсе не по случаю чьей-то свадьбы в часовне. Нет, своим звоном они извещали, что труповозы едут собирать мертвецов. Самосвалы, грузовики, не важно. Все, что имело кузов, превращалось в труповозы. А поскольку радио, телевидение и интернет больше не работали, отцы города решили прибегнуть к древнейшей форме коммуникации — через церковный колокол. В Янгстауне было полной церковью, в некоторых районах стояло даже по две. Поэтому колокола звонили, объявляя о прибытии труповозов.

Вы должны были вынести тела близких на тротуар вместе с мусором, и труповозы забирали их.

Акт доброй воли со стороны властей.

Бом-бом-бом-БОМ! Едут труповозы, братья и сестры! Поэтому забудьте о сочувствии, порядочности и уважении. Действуйте, как в гребаном средневековье. Дядюшка Джо выbleвал прошлой ночью свои кишки? Мамочка утонула в собственных фекалиях? Крошка Кэти покрылась черными гнойниками? Споры и язвы превратили маленькую леди в прохладное, белое желе? Без проблем, дружище. Заворачивай ее или его в брезент, либо складывай останки в мешок, коробку, только, пожалуйста, никак не помечай. А мы позаботимся обо всем остальном! Еще не умер, но уже вот-вот? Скидывайте все равно. Незачем заражать весь район. А если лицо у вас покрылось какими-то мерзкими нарывами, лучше прыгайте к нам в труповоз, пока не начали срать красными червями, ссать желтой слизью, а глаза у вас не полопались и не испачкали новый диван.

Это было отвратительно.

Унизительно.

И бесчеловечно.

Но притом, крайне необходимо.

Трупы были по всему городу. Гнили в канавах, громоздились на тротуарах, словно груды мусора. Радиоактивные тучи, ползущие на запад из Нью-Йорка и на восток из Чикаго принесли с собой лучевую болезнь. А низкий уровень санитарии привел к бурным вспышкам холеры, тифа и чумы. Повсюду свирепствовали новые формы гриппа и пневмонии, а мутировавший штамм геморрагической лихорадки уничтожил все, что осталось от некоторых восточных городов вроде Филадельфии и Питтсбурга, и по слухам выживших, проедал уже себе путь через Акрон.

В Янгстауне трупы сжигались, но через некоторое время их стало так много, что люди стали выбрасывать их во дворы или сваливать на тротуары. Все эти гниющие "жмуры"

становились источниками инфекций, привлекали крыс и мух, которые распространяли чуму еще дальше. Патогены передавались через воду и воздух, и люди продолжали умирать.

Повсюду царили безумие и безнадега.

А это было лишь начало.

4

Когда я обдумывал тайное погребение своей жены, раздался стук в дверь.

Я не собирался отзываться на него... Но я знал, что, если не открою, люди из труповозов выломают дверь, ворвутся в своих белых защитных костюмах и заберут Шелли, прежде чем я успею улизнуть вместе с ней.

— Кто там?

— Это я, — раздался шепот. — Это Билл.

Билл Хермс жил в другом конце коридора. Нормальный мужик. Старый железнодорожник, вдовец. Мы часто приглашали его к себе на ужин. Шелли всегда заботилась о нем, угощала домашним печеньем и пирожными. Хороший старик.

Я вздохнул.

— Чего вам надо?

— Рик... Мне нужно поговорить с тобой.

Я приоткрыл дверь.

— В чем дело, Билл?

Он сглотнул.

— Рик, я пришел поговорить насчет Шелли. Уже несколько недель ее никто не видел. Люди начинают болтать всякое.

— Да пошли они.

— Сынок... труповозы едут.

— У меня нет ничего для них.

Билл вытер носовым платком слезящиеся глаза.

— Я и не говорил, что у тебя что-то есть для них. Надеюсь, что нет. Но... но я подслушал разговор двух парней внизу. Они говорят, что Шелли в списке. *В том гребаном списке.* Знаешь, что это значит?

Это значит, что кто-то настучал на нас. Сообщил в управление здравоохранения, что Шелли при смерти. Возможно, кто-то из больницы. Лучевая болезнь вкупе с холерой... это лишь вопрос времени. Чистильщики придут забрать ее. Либо, как минимум, потребуют доказательств, что она еще дышит.

Грузовики приближались.

— Спасибо, Билл, — сказал я, закрывая дверь.

Пора уходить.

Взяв Шелли на руки, я убедился, что в коридоре никого нет, и тихонько спустился по черной лестнице вниз. Оказавшись в переулке, обошел здание и двинулся через находящееся позади него небольшое поле. Меня всего трясло, и прошибало потом. Я чувствовал себя осужденным, перелезшим через тюремный забор. Шелли почти ничего не весила. Я мог бы пробежать с ней многие мили. Я почти уже пересек поле, как кто-то закричал:

— *Вон! Вон он!*

И я побежал.

Люди с фонариками вышли на поле. Я бросился в небольшие заросли, порвав саван Шелли о шипы ежевики. Я пробивался вперед, царапая себе руки и лицо. Я упал лишь раз.

тут же вскочил на ноги и продолжил бег. Выбравшись из зарослей, я увидел, что со всех сторон стягиваются люди в белых костюмах, а на улицу выезжают грузовики с прожекторами.

Я был в ловушке.

Я метался из стороны в сторону, но тщетно. Грузовики приближались, а люди с фонариками уже пересекали заросли. Они были повсюду. Бежать было некуда. Картина была сюрреалистичная и совершенно неправдоподобная. Эти преследующие меня люди. Фонарики. Грузовики. Смерть из канав. Вялый туман, ползущий с реки. Звезды над головой, скрытые грязным пятном черного дыма, поднимающегося из ям за городом, в которых сжигали трупы.

Я сделал отчаянный рывок в сторону улицы, и один грузовик едва не сбил меня. Раздались предупредительные выстрелы, вокруг засвистели пули. Прожекторы нашли меня, и я замер как вкопанный на мокром тротуаре, ослепленный их светом.

Рядом остановился грузовик и четверо человек в защитных, некогда белых костюмах схватили меня. Я дрался, царапался и кричал. От них пахло трупной слизью. Потом удар приклада в висок сбил меня с ног. На какое-то время я отключился, потом снова вскочил и стал пробиваться через скопление людей. Удары сыпались со всех сторон, я тоже яростно колотил направо и налево, расталкивая преследователей в стороны. Добравшись до задней части грузовика, я увидел на горе гниющих трупов Шелли. Саван был порван, и одна белая как мел рука свесилась наружу. Я чувствовал запах тлена и слышал гудение мясных мух. Некоторые из трупов были зеленого цвета и кишели червями.

Шелли. Боже милостивый! *Шелли*.

Люди схватили меня, но я словно спятил. Стал отбиваться от них руками и ногами.

Они отступили, видимо, боясь порвать в драке свои грязные костюмы. Я принялся взбираться на груды мертвечины, и никто не стал меня преследовать. Я обливался потом и кровью, в висках словно стучал барабан, голова кишела кричащими тенями. Это было безумие, полное безумие, но я просто не мог оставить там Шелли. С теми другими мертвецами. А в кузове самосвала их были десятки. Это была огромная, шевелящаяся масса, кишущая ползающими и извивающимися тварями. Я карабкался, а мои руки проваливались в пористые животы, выпуская наружу желтые облака удушливого трупного газа. Обезумев от горя, я полз через это зловонное море гнили. Мои пальцы протыкали размякшие лица, царапали черепа, пытаюсь нащупать точку опоры.

До савана Шелли оставались считанные дюймы... как вдруг я сорвался вниз.

Невыносимые тошнота и отвращение лишили меня остатков сил. Я скользил по груды трупов вниз, по лицу ползали гудящие мухи, тухлое мясо забилося под ногти.

— Готов уже спуститься, сынок? — спросил один из мужчин.

Когда я сполз с кузова, они швырнули меня на тротуар и стали выбивать из меня дерьмо, пока я не потерял сознание. Когда пару часов спустя я очнулся, то обнаружил, что лежу в траве, там, где меня бросили. Какая-то собака слизывала у меня с пальцев грязь. Дыхание вырывалось из меня белыми холодными облачками. Лик луны над головой был запятнан черным дымом, стелящимся из незатухающих трупных ям.

Вот к чему все пришло.

Боже, благослови Америку.

5

Все что мне хотелось после этого, это побыть одному. Остаться наедине со своими

горестными мыслями и бутылкой виски, но Билл Хермс нашел меня и не дал мне раскиснуть.

— Она умерла, — сказал он. — Шелли оставила нас и обрела покой. Не оскверняй ее память своим саморазрушением.

Я знал, что он абсолютно прав, а еще я знал, что я не последую его мудрому совету. Все, что я хотел сейчас, это разрушения, белого холодного забвения. Возможно, Билл это тоже почувствовал, потому что вскипятил воду на своей дровяной печи, навел ванну и заставил меня помыться. После чего приготовил мне немного еды. Она была из консервов — другой в эти дни не было, но, по крайней мере, хоть что-то попало мне в желудок.

Он смотрел, как я ковыряю хэш из солонины и омлет из яичного порошка. Смотрел очень внимательно. Затем вытащил сигарету из мятой красной пачки, отломил фильтр и закурил, выдыхая дым из ноздрей. И за это время он ни разу не сводил с меня глаз.

— Что ж, валяй, Билл, — произнес я. — Если у тебя есть что сказать, говори.

Он усмехнулся.

— Думаю, пора тебе собирать вещи и двигаться отсюда. Тебя больше ничего уже не держит. Здесь день ото дня становится все хуже. Выбирайся отсюда. Выбирайся загород, где у человека есть хоть какой-то шанс.

— Мы жили здесь. Это — наш район.

— Все это уже в прошлом, сынок. Ничего не осталось, кроме воспоминаний. Выбирайся, ради бога. Выбирайся немедленно.

— А ты?

— Зачем? Там меня ничто не ждет. Я слишком стар, чтобы начинать все сначала.

От отложил вилку.

— Билл, здесь у тебя тоже ничего нет, кроме воспоминаний.

— Доживешь до моих лет, — сказал он, выпуская облако дыма, — вряд ли будет как-то по-другому.

Он отвернулся и выглянул из-за занавесок на улицу. Покачал головой.

— Чертова помойка, Рик. Вот что это. Я давно хотел выбраться отсюда. И выбрался бы, если б Эллен не любила этот город так сильно. Она выросла через две улицы отсюда. Даже когда она ушла... не знаю... что-то удерживало меня.

— Меня тоже что-то удерживает.

— Чушь. — Билл откашлялся в руку, и я, возможно, впервые заметил пятна у него на лице. А еще странный желтоватый отлив. — Чушь, говорю. Тебе нужно уходить, пока не стало хуже. Прямо сейчас, Рик. Я слишком стар, чтобы пойти с тобой. Когда вырывает старое дерево с корнями, оно умирает. Но молодое... можно пересадить, и оно снова зазеленеет. Понимаешь, о чем я?

Я все понимал.

— Я подумую.

У Билла был вид, будто он собирается прочитать мне выговор, но вместо этого зашелся в приступе кашля. Сигарета выпала у него из пальцев, и он вцепился в кухонную стойку.

Я вскочил на ноги.

— Билл...

Он отмахнулся.

— Я в порядке. Просто старый стал. Давно и много курю. Вот и все.

Но я не верил ему. Этот кашель. Слабость. Пятнистое лицо. Нет, это было что-то

совершенно другое. И что-то очень серьезное.

— Рик, вали отсюда к черту, — сказал он и встал прямо. Это далось ему с таким трудом, что он стал задыхаться. — Мы с Эллен... о, отец наш небесный... мы так сильно любили вас с Шелли. У нас никогда не было своих детей. Всегда мечтали о похожих на вас двоих. Так что сделай старику одолжение и убирайся из этого города.

— Билл, я...

— Пожалуйста, Рик.

Потом мне все стало ясно: Билл Хермс страдал от лучевой болезни.

Через неделю его не стало.

6

Билл Хермс был хорошим человеком. Умудренным временем и опытом. Послушал ли я его совета? Конечно же, нет. Я остался. Остался, вопреки здравому смыслу.

Пища и вода были самой главной проблемой. Долгое время был занят только тем, что пытался выходить Шелли, и, следовательно, пренебрегал всем остальным. В чулане было хоть шаром покати, поэтому я вместе с остальными канализационными крысами стал выходить на улицы, собирая все, что мог найти.

Когда состояние Шелли только начало ухудшаться, в городе работало несколько пунктов первой помощи, где можно было получить свежую воду, еду и медикаменты. Но несколько недель спустя все они были закрыты и заколочены. Если не принимать во внимание армейские патрули, порядка было мало. Органы власти — государственные и местные — рухнули на всех мыслимых уровнях.

Поэтому, вооружившись пистолетом, я начал охотиться.

И сам стал объектом охоты.

У меня был "Браунинг Хай-Пауэр" 9-ого калибра, который я забрал из квартиры Билла Хермса. Никогда в жизни я никого не убивал, да и не хотел, если честно. Но я знал, что это время пришло. Однажды я выпустил несколько пуль поверх голов каких-то хулиганов, погнавшихся за мной, и это все.

Потом, дня через три или четыре после смерти Билла, на улице ко мне подошел какой-то старик и попросил сигарету. Бедолага был насквозь изъеден лучевой болезнью. Зубы и волосы выпали, лицо покрылось язвами.

Но я не мог рисковать.

Я направил на него пистолет и приказал отвалить. При таком количестве смертей от инфекционных болезней я серьезно опасался вредных бактерий, летающих в воздухе и того, на что они способны. Радиация как-то повлияла на них, сделала их больше, злее, опасней. Некоторые из них не изменились, но другие стали гораздо смертоноснее. К тому времени я уже подвергся воздействию холеры и, бог знает, чего еще. И рано или поздно мне все-равно грозила смерть.

Старик попытался улыбнуться.

— Просто хочется сигаретку. Вот и все. — Он зашелся в припадке кашля, сплевывая на тротуар кровь и желчь. — Дай сигаретку, дружище. Дашь, и я расскажу тебе, где есть еда. Сам я и пары дней не протяну. Так что мне уже не пригодится.

Я бросил ему пачку и спичечный коробок.

— Оставьте себе. У меня есть еще.

Закурив, он было словно на грани оргазма. Такова природа зависимости. Мне она была хорошо знакома. Я бросил курить за три года до... Но после бомбардировки, из-за стресса,

снова закурил. Сделав пару затяжек, он рассказал мне про продуктовую лавку. Консервы там были почти не тронуты. И все это было в моем распоряжении.

Обыскав несколько улиц, я нашел черный вход в лавку, о которой рассказывал старик. И как он и сказал, там был склад, забитый коробками с консервированными и сушеными продуктами. Ощущая себя ребенком, попавшим в кондитерскую, я бросился набивать рюкзак консервированной пастой, овощами, сухим молоком, макаронами и сыром. Я был рад безмерно. Потому что все шло очень гладко. И даже слишком, как вскоре я узнал.

Когда я собрался уже уходить, из передней части магазина вывалилась, спотыкаясь, какая-то женщина. Она была одета в старое меховое пальто, под которым ничего не было. Ее тело было изъедено язвами и покрыто шелушащимися струпьями. Из носа выпирал какой-то покрытый коркой, грибковый нарост, голова была совершенно лысая. Она смотрела на меня остекленевшими, неподвижными глазами и усмехалась ртом, полным серых, сломанных зубов.

— *Мое*, — сказала она, протягивая грязные руки. — *Все мое!*

Я навел на нее "Браунинг".

— Отвали от меня, на хрен!

— *Мое!* — прохрипела она. С подбородка стекала желтая пена, словно она страдала бешенством. — *Отдай это мне, красавчик! Это все мое!*

Она бросилась вперед, а я даже не сумел выстрелить.

Да, я вскинул пистолет, но, как и большинство людей, не привыкших убивать, замешкался. И этой доли секунды ей оказалось достаточно. Она накинулась на меня и сбила с ног, пистолет вылетел у меня из руки. Крепко ударившись, я упал, и она навалилась на меня, прижав к полу. От нее исходил удушливый, тошнотворный смрад. Это был влажный запах брожения, как от теплого, гниющего фрукта. Вцепившись мне в горло покрытыми струпьями руками, она принялась меня душить. От накатившей тошноты меня буквально выворачивало наизнанку. И дело было не только в запахе, гниющем лице и мерзкой слизи, капавшей у нее изо рта... а в том, что она делала.

Она вращала тазом.

Яростно терлась об меня своей зараженной промежностью, имитируя половой акт.

— *Красавчик! Красавчик! Краса-краса-красавчик!* — тараторила старая карга без умолку. Изо рта у нее свисали ленты слизи. — *Я трахаю красавчика!*

Это больше, чем что-либо, придало мне сил для сопротивления — чистое, безрассудное, физическое отвращение. Я ударил ее в лицо три, четыре раза. Ее голова всякий раз откидывалась назад. А затем вцепился ногтями ей в глаза. Гнилая, изрытая язвами плоть была такой мягкой, что мои пальцы, соскользнув, вонзились в щеку и царапнули по кости черепа. В конце концов мне удалось просунуть под нее колено и отпихнуть прочь.

Я потянулся за пистолетом, а старуха поползла ко мне на четвереньках, словно какой-то мерзкий, мясистый паук. Когда "Браунинг" оказался у меня в руке, я издал пронзительный боевой клич и спустил курок.

Пуля попала ей прямо в живот. Старуха упала на колени, зажимая рану покрытыми струпьями руками. Между пальцев сочилась кровь.

— *Охххххххх! Посмотри, что ты наделал, красавчик! Посмотри, что ты наделал!*

Она снова двинулась на меня, и я выстрелил ей в голову. Мозговое вещество и кровь брызнули на стену образовав причудливый, маслянистый узор. Она упала на пол, рот у нее продолжал открываться и закрываться словно у выброшенной на берег рыбы. Какое-то время

она билась в конвульсиях, а потом затихла. Раздалось какое-то шипение, и нечто, похожее на серую, комковатую слизь вытекло у нее между ног.

Гниющая рыба. Пахло гниющей рыбой.

Меня вырвало. Теплая рвота хлестала из меня до тех пор, пока тело не содрогнулось от спазмов. А когда все кончилось, мне показалось, что я исторг не только содержимое желудка, но и нечто, более важное и нематериальное, как душа.

Я попятился от трупа прочь, вглубь магазина. Затем бросился бежать и наткнулся еще на двоих — мужчину и женщину. Оба были лысыми. У обоих шла пена изо рта. У обоих были язвы на лице и те безумные глаза.

Я открыл по ним огонь.

Продолжал стрелять, даже когда они упали.

Это была моя первая стычка со Скабами (*от англ. Scab — короста — прим. пер.*), как их называли. После того, что мерзкая старуха сделала со мной — а это можно было лишь сравнить с попыткой изнасилования — я пристрелил этих мерзких, заразных ублюдков, не колеблясь.

Тогда я впервые почувствовал вкус крови. Это было все равно, что лишиться девственности. Потом стало гораздо легче.

Психи были повсюду. Но, как ни странно, хорошие люди тоже встречались. Предупреждали насчет опасных районов, насчет лежбищ ночных тварей, насчет территорий, где национальные гвардейцы могли застрелить на месте. Однажды, когда меня преследовала банда Скабов, мне на помощь пришел парень с длинной черной бородкой, вооруженный дробовиком. Он показался мне нормальным. Потом мы ели с ним суп в подвале, где он жил. Он не проронил ни слова, лишь мычал, когда я его о чем-то спрашивал. На полу лежали две закутанные саван фигуры.

— Это мои дочери, — наконец, произнес он. — Это я убил их. Убил их обеих. Они начали меняться.

— Меняться?

Парень посмотрел на меня черными пронзительными глазами. — Превращаться в других. Тех, что со светящимися глазами. Которые выходят лишь по ночам. Так что гляди в оба.

Я ушел оттуда, решив, что парень спятил, как и остальные. Но два дня спустя, я понял, что заблуждался. Тогда я впервые увидел одно из тех существ.

Их называли Детки.

7

Темнело, а до дома было далеко. Одно это уже было проблемой. После всего, что я насмотрелся, мне нужно было быть внимательнее. Я жил раздобытками, поэтому приходилось искать места лучшего улова. На углу Махонинг Авеню и Сауз Гленнеллен находился склад церкви Святого Винсента, где держали продукты для нуждающихся. За эту информацию я отдал одному парню пистолет 38-го калибра. Он уходил из города, и еда его не интересовала.

Поэтому я направился туда.

Я пробрался на склад, разбив окно в переулке. Оказавшись внутри, я без проблем нашел еду. Психов и мутантов поблизости не оказалось, так что это была легкая добыча. Я стал загружать в сумку консервы, коробки с пастой, банки с ветчиной, все, что только можно.

Набив мешок, я был счастлив, как канализационная крыса. Поскольку только что приобрел себе еще пару недель жизни.

Когда я вышел на улицу, солнце уже садилось.

Это было время, когда на улицы выползали всевозможные ночные твари — плотоядные хищники, охотники за головами, собиратели костей и кровососы. Я увидел на тротуаре пса. Он просто сидел там. Грязный, запаршивевший ретривер, у которого отсутствовало пол уха. Шкура была покрыта коркой запекшейся крови. Он посмотрел на меня, поджал уши и зарычал.

Я мог бы пристрелить его.

Возможно, не стань я играть в доброго самаритянина, я без проблем успел бы добраться домой. Но мне стало жалко пса. Он не был бешеным. Это было видно. Не походил на инфицированного чем-то или мутировавшего. Поэтому я рискнул. Заговорил с ним мягким, успокаивающим тоном. Пес сразу же перестал рычать. Завилял хвостом и жалобно заскулил. А его глаза... Господи, если у вас когда-либо был ретривер, вы знаете, как они могут смотреть на вас. Эти самые печальные в мире глаза, выгнутые брови и почти человеческий взгляд, от которого можно расплакаться.

Именно так на меня и смотрел этот пес.

— Все хорошо, мой мальчик, — сказал я ему. — Я тебя не обижу. Может, пойдешь ко мне жить, а? Будем заботиться друг о друге.

Он вилял хвостом, продолжая смотреть на меня. Это был хороший пес. Я был готов поспорить, что раньше он жил в семье. Ретриверы — замечательные собаки... нежные, умные, невероятно терпеливые и преданные. Я знал, что этот старый, боевой пес был из их числа. Я опустился рядом с ним на колени и, чтобы умиловить, пожертвовал одной палочкой "Слим Джим". Это такие тонкие говяжьи колбаски. Знаете, наверное. Псу она понравилось. Он тут же проглотил ее, я дал ему еще и еще. И получил себе друга на всю жизнь. Я готов был расплакаться — наконец, я нашел кого-то, о ком смогу заботиться, и кто будет заботиться обо мне. В этом отличительная особенность собак. Вы можете любить мужчин или женщин, но человеческая порода эгоистична, и они сделают вам больно при первой же возможности. Собаки не такие. Если вы их кормите, заботитесь о них, они будут любить вас до конца жизни. Не колеблясь, пойдут за вами в ад и оторвут яйца любому, кто будет вам угрожать. Это называется преданность. Попробуйте найти это качество в людях. Удачи.

Так что теперь у меня был друг.

Но становилось темно. Пора было идти. Я двинулся вдоль по тротуару, зная, что мне нужно преодолеть примерно четыре квартала. Но пес не пошел за мной. Он просто остался сидеть на месте с прежним несчастным видом.

— Идем-же! — позвал я, хлопнув по ноге. Он бросился за мной, потеряв мордой об ногу, принялся скакать вокруг с искренней радостью, известной лишь собакам.

Мы снова перекусили "Слим Джимами". Я чесал ему за ухом. Болтал с ним. Потом когда тени стали совсем длинными, мы оба затихли, поскольку находились сейчас на вражеской территории. У собак отлично развиты слух, обоняние и осязание. Поэтому я чувствовал себя рядом с ним практически неуязвимым. Никто не смог бы подобраться к ретриверу незамеченным.

За два квартала от моего дома пес остановился.

Наострил уши... во всяком случае, одно из них... и слегка наклонил голову. Потом

принялся нюхать землю. Из горла у него вырвалось глухое рычание. Он явно почувствовал что-то нехорошее.

Я позвал его, и тут увидел стоящую на тротуаре, в луже лунного света, маленькую девочку. Обычную маленькую девочку с косичками в грязном, рваном джемпере синего цвета. На вид ей было лет восемь, не больше. Пес рядом со мной словно обезумел, стал лаять и выть.

— Тихо, — сказал я ему. Я посмотрел на девочку. — Что ты делаешь на улице так поздно, малышка? Здесь небезопасно, здесь...

Я не договорил. Ибо я сумел рассмотреть ее, и у меня внутри все сжалось от страха. Это была не маленькая девочка. Ярко-желтые глаза светились, а морщинистое лицо напоминало страшную маску жуткого серо-голубого цвета. Она протянула ко мне руки, открыла рот, полный крошечных крючковатых зубов, предназначенных хватать и удерживать жертву. От нее исходил пар и какое-то потрескивание, как от наэлектризованного одеяла.

Изо рта у нее вырвался пронзительный писк, который становился все громче, урочая разорвать барабанные перепонки. Она поплыла вперед, окутанная слабым пульсирующим сиянием. Казалось, вся она искрилась от радиации. И не шла, а именно, *плыла*, оставляя за собой смутный мерцающий след.

Она готова была схватить меня.

Упав назад, я дважды выстрелил и оба раза промазал. Но пес — да хранит его Господь — не собирался меня бросать. Он завыл и бросился на тварь, широко разинув пасть для атаки. Но та обхватила его руками, и пес пронзительно заскулил от дикой боли. Он буквально вспыхнул в ее объятьях. Загорелся холодным синим пламенем, задымился, покрылся волдырями, а потом съезжился до черной головешки прямо у меня на глазах. От сгоревшего пса шел горячий, резкий смрад... Потом он выпал у нее из рук грудой тлеющих костей и облаком серого пепла.

К тому времени я уже бежал со всех ног. Тварь не последовала за мной, и когда добрался до дома, меня трясло так, что я не мог держать стакан с виски, который пытался опрокинуть себе в горло. Бедный пес. Я никогда не забуду его... Не забуду то, что он сделал для меня и то, что тот радиоактивный призрак сделал с *ним*.

После этого, всякий раз, когда я видел собаку, не страдающую бешенством, не инфицированную и не мутировавшую, я давал ей еду, воду, все, что мог. А еще после этого, я стал стрелять в Деток без предупреждения. Ибо не было кладбищенских упырей страшнее, чем они.

8

К чему я привык очень быстро, так это к трупам.

Потому что они были буквально повсюду. Сам город напоминал скорее какой-то взорванный, разрушенный труп. Было столько ожесточенных боев между Национальной Гвардией и местным ополчением, что целые районы выгорели дотла, а здания лежали в руинах. Дороги были завалены щебнем и почерневшими остовами машин. Телефонные столбы были повалены и лежали, опутанные сетью собственных проводов.

И все это городское кладбище было усеяно... трупами.

К апрелю система труповозов полностью вышла из строя, и мертвецы лежали там, где их настигла смерть, либо где их бросили родные.

Они являлись единственным, оставшимся от города сырьем, и его было в изобилии. В целом или разрозненном виде. От одних остались лишь истлевшие скелеты, от других —

почерневшие огарки. Но в основном это были позеленевшие, раздувшиеся на солнце трупы, над которыми парили тучи мясных мух, кормящихся и откладывающих яйца. Необычно было наблюдать, как мертвые движутся, шевелятся, настолько они были переполнены личинками. Многие трупы были объедены. Возможно, крысами. Хотя были и другие твари, которые появлялись лишь с заходом солнца.

Толстый покров снега, похоронивший Янгстаун, стоял почти за ночь, оставив по всему городу стоячие водоемы, в которых плавали раскисшие от воды тела. Смытые проливными дождями, они устремлялись во дворы и в дверные проемы. Целые реки из трупов текли вдоль фасадов домов. А что поражало меня больше всего — а, возможно, и пугало — это то, что я и другие выжившие уделяли этим громоздящимся человеческим останкам крайне мало внимания. В поисках припасов мы копались среди них, перепрыгивали через них, отпихивали ногами в сторону. И избегали их лишь, когда замечали в них переносчиков инфекций.

Со временем можно привыкнуть ко всему.

Учитывая, что город был завален непогребенными мертвецами во всех возможных стадиях разложения, неудивительно, что природа со своей безграничной творческой свободой породила мутантов, воспользовавшихся всей этой падалью.

В паре кварталов от моего дома находилась одна забегаловка под открытым небом. В свое время я частенько заезжал туда за прохладительным коктейлем и хот-догом, но через два месяца после смерти Шелли, по какой-то безумной причине ее превратили в трупную свалку. На солнце жарились сотни тел, окутанных тучами мух и источавших горячий, густой, сшибающий с ног смрад.

Поговаривали, что даже крематории и ямы для сжигания не справлялись с таким количеством мертвецов, поэтому их хранили в разных местах города. Так что труповозы просто сбрасывали их на парковку возле кафе.

Я почти ежедневно проходил мимо нее, почти не обращая внимания на громоздящиеся горы мертвецов. К тому времени весь город уже смердел как гниющий на солнце труп. Но наиболее концентрированным запах был возле этой забегаловки, поэтому я всегда натягивал на рот платок. Единственная вещь, которая не оставляла меня в покое, это то, что в кафе могла оставаться еда, которую не успели растащить. Но даже это не могло заставить меня сунуться в это море падали. Тучи мух были такими густыми, что казалось, будто над трупами висели клубы сажи. Сваленные в кучи тела гнили, превращаясь в зловонную, жидкую массу.

Однажды я нашел на складе Армии Спасения нетронутую коробку консервов, и по пути домой мне пришлось проходить мимо этой трупной свалки. Оказавшись рядом, я заметил, что тела шевелятся.

Они действительно *двигались*.

Сперва я подумал, что это газ заставляет их корчиться и подрагивать, но оказалось, что вовсе нет. Терзаемый любопытством, я остановился. Горячий смрад окутывал меня, мухи неистово жужжали.

Тогда я впервые увидел трупного червя.

Он вырвался изо рта у одного жмура... Толщиной с человеческую руку, сегментированный, покрытый какой-то слизью. Он имел сплюснутую форму, как у ленточных червей. Выпрямившись, он завис словно кобра, изготовившаяся к броску. Глаз, как таковых у него не было. Но с нарастающим отвращением во мне укрепилась уверенность, что он *смотрит* на меня. На предполагаемом месте рта было какое-то утолщение, которое

открывалось и закрывалось, словно тварь дышала. Из отверстия постоянно капала черная, похожая на тушь жидкость.

Я просто стоял и смотрел, окаменев от удивления и отвращения.

Коробка с едой выпала у меня из рук, банки с бобами и спагетти покатались по тротуару.

Но червь просто замер в вертикальном положении, словно провоцируя меня на бой. Другой червь выскользнул из зеленого живота мертвой женщины, а третий высвободился из глазницы черепа, на котором еще сохранились остатки плоти. Довольно скоро появились и все остальные. Казалось, они хотели погреться на солнце, словно выползки после дождя. Некоторые были толщиной с палец, не больше, но остальные — с человеческую ногу. Они выползали из ноздрей, глазниц и задних проходов. Скользили вокруг, вставали дыбом, склизкие и бледные, как кожа трупов.

К тому времени я насмотрелся разных тварей, тварей, порожденных радиацией, которые еще год назад свели бы меня с ума. Но я не видел ничего подобного.

Однако вскоре черви потеряли ко мне интерес — видимо, живая плоть их не интересовала — и вновь принялись за работу. Они стали есть, проделывая туннели в грудях падали, всасывали, хлюпали, жевали. Стоило им прогрызть путь в чей-то труп, как начинался пир. Своими утолщениями или ртами они впрыскивали в трупы тот черный сок, отчего внутренности разжижались. Этот сок был чем-то вроде пищеварительного фермента, который пауки вводят своей жертве. Впрыскивают, а потом высасывают образовавшуюся жидкость.

Это было омерзительно.

Но что самое страшное, эти десятки червей выползали из тел и спутывались воедино, образуя огромную спираль. Они извивались, издавая странную трель. Подрагивали, покрытые водянистой слизью.

Вот тогда я побежал.

Ибо я понял, что так они размножались. И было в этой жуткой трели нечто похожее на наслаждение... словно черви испытывали оргазм.

И то была лишь еще одна сторона унаследованного мною мира.

9

К маю я совершенно отчаялся и дошел до ручки. Я устал цепляться за свое жалкое существование. Устал от всего этого дерьма, от стресса, от постоянной терзающей душу тревоги. И все-же. Ради чего я выживаю?

Подавленный, измотанный, разбитый, я думал об этом и пришел к единственному разумному решению — я убью себя. Поэтому одной непогожей ночью взял нож и приготовился вскрыть себе вены.

Поверьте, мне далось это нелегко. Но я был настолько измучен, что просто не мог так жить дальше. Для того, чтобы выживать, приходилось превращаться в животное. А я просто не мог находить в себе на это силы каждый день. Мир постепенно умирал, моей жены больше нет. Какой смысл пытаться делать что-то, пытаться выживать? Поджигатели войны и политики выпотрошили этот мир, и теперь все кончено. Американская мечта превратилась в глобальный кошмар. Исчезло все — прекрасная зелень лета, прохладная белизна зимы, бейсбольные игры по субботам, праздник Четвертого Июля, свежесть осени и детские голоса, поющие рождественские гимны. Все исчезло. Слово скомканная и выброшенная в мусор заляпанная мочой газета.

Весь мир сошел с ума.

Погода тоже съехала с катушек. По всей планете бушевали аномальные бури.

Вода была отравлена.

Урожай гнил на полях.

Остатки человеческой расы неистовствовали, безумствовали либо умирали.

Смертельные болезни, о которых мы почти забыли в нашу просвещенную эпоху антибиотиков, снова постучались в двери — холера, брюшной тиф, бубонная чума, дифтерия, инфекционный грипп. А еще десятки их мутировавших производных, которые даже не имели точного определения.

Смертоносные тучи, все сметающие песчаные бури, льющий с неба дождь несли с собой радиацию.

Крысы, мухи, москиты, паразиты всех мыслимых и немыслимых видов расплодились в невероятном количестве.

На улицах бесчинствовали банды. Грабили, насиловали, убивали.

Между ополченцами и армией постоянно происходили кровавые стычки.

На тротуарах громоздились груды тел.

Целые районы "стерилизовались", чтобы замедлить распространение болезни.

В черных дымящихся ямах горели трупы.

Это было наследие нашей нации, нашего мира. Пока еще работали телевидение, радио и интернет, я видел все это и, как и остальные, испытывал ужас и отвращение. Мысленно забивался в темные закутки своей души, где мог кричать в одиночестве. А когда все средства связи и массовой информации вышли из строя... я видел все это из окна. Выживать не было смысла. Не было смысла ждать, что будет через год или через десять лет. Прежний мир был стерт подчистую. Как и говорилось про ядерную войну, за пять минут мы переместились из космической эры в каменный век.

Я не хотел видеть, что будет дальше.

Поэтому я сидел один, сломленный и совершенно опустошенный, и прижимал к запястью лезвие ножа. И тут я услышал шипение, словно кто-то оставил открытым газовый вентиль. А потом раздался голос, отчетливый и властный. Он произнес мне на ухо:

— *Ты хочешь жить?*

Сперва я выронил нож, а потом сполз со стула, словно мои кости стали резиновыми. Я онемел. Не мог ни двигаться, ни говорить. Не мог даже дышать. Упав на пол, я ничего не чувствовал, кроме ужаса. Меня трясло так, что стучали зубы. А тот голос, тот страшный голос продолжал...

— *Ты хочешь жить?*

— Да, — ответил я, вновь обретя дыхание. Честно говоря, я не был уверен, хотел я жить или нет. Но я был так напуган, что боялся сказать что-то другое.

— *Пойдешь ли ты ко мне?* — раздался холодный как лед шепот. — *Во мне есть спасение и жизнь. Искупление. Я требую искупления. Принеси мне огненную жертву, выбранную твоей рукой. Через огонь они обретут спасение.*

— Жертву...

Это была Тень.

Она никогда не проявляла себя. Возможно, я еще был слишком нечист, чтобы лицезреть. Она поведала мне, как это должно произойти. Теперь у меня был покровитель. Я

не знаю, ни чем она была, ни чего хотела. Но она продолжала говорить со мной, шептать у меня в голове. Всегда показывала верное направление и сохраняла мне жизнь. Это пугало меня. И вместе с тем интриговало. Я чувствовал себя избранным. И проклятым одновременно. Спустя несколько месяцев я даже не был уверен, что слышал ее. Возможно, этот голос был плодом моего воспаленного воображения. Возможно, я просто сошел с ума. Но именно с этого все началось. Так я продал душу, чтобы остаться в живых. Так я стал тем, кто выносит людям смертные приговоры.

Но тогда я еще ничего не знал об этом.

10

С того дня я жил как паук.

После того, что Тень нашептала мне — лишь намекая на вещи, которые я должен был сделать, но не называя их своими именами — я рыскал по городу, выискивая темные, влажные углы и щели, где мог бы затаиться, где кочующие банды мародеров и стаи диких собак не смогли бы меня найти. Я научился прятаться и выслеживать, главным образом благодаря подсказкам Тени. Ее голос сообщал мне, где можно найти пищу и укрытие. В каких подвалах безопасно и нет колоний бешенных крыс.

Однажды, когда был занят поисками оружия, меня забрали на военную службу.

Армия — или то, что от нее осталось — обнаружила меня.

Я вышел из переулка и увидел двух мужчин в белых защитных костюмах. В руках у них были тактические карабины, и стволы были направлены прямо мне в лицо. Бежать не было смысла. Я не успел бы сделать и десяти шагов, как меня б пристрелили. Поэтому я просто стоял и молчал, со своим "Браунингом" за поясом и сумкой, закинутой за плечо. В тот момент я понимал, что выгляжу как обычный бродяга... невымытый, оборванный, с безумными, отчаянными глазами.

Они продолжали держать меня на мушке.

— Послушайте, — наконец, сказал я, поднимая руки вверх, — Я не хочу неприятностей. Я просто пытаюсь найти какую-нибудь еду. Я сейчас просто уйду и двинусь своей дорогой. Хорошо?

Мужчины просто переглянулись через плексигласовые щитки своих белых шлемов.

Я попятился назад.

И как только я сделал первый шаг, мужчина, стоящий слева, выстрелил из карабина в стену рядом со мной. Пули 9-ого калибра впились в кирпич прямо у меня над головой. Я упал на колени, продолжая держать руки над головой.

— Господи... Успокойтесь, парни... просто... успо... койтесь...

— Ты никуда не пойдешь, урод, — рявкнул один из них. Он посмотрел на напарника. — Обищи его.

Второй парень подбежал и сбил меня с ног. Забрал у меня "Браунинг" и сумку. Отнял нож, оставил только одежду, которая была на мне. Затем заставил меня лечь, раскинув руки и ноги и уткнувшись лицом в грязную лужу. Он поводил вдоль меня счетчиком Гейгера, проверил насчет гнойников и язв.

— Похоже, чистый, — сказал солдат.

— Вставай, урод, — рявкнул другой парень. — Поздравляю, ты принят на службу.

Я поднял на него глаза.

— О чем вы, черт возьми?

Но парень лишь рассмеялся и, надев на меня наручники, отвел меня к армейскому

фургону оливково-серого цвета, стоявшему дальше по улице. Тычки и пинки сопровождали меня всю дорогу. Когда они спросили, как мне нравится в армии, я предложил им пойти трахнуть своих мамаш. В ответ получил удар прикладом по затылку и билет в страну грез.

Принят на службу.

Так сказали эти засранцы.

Я стал частью уборочной бригады. Кроме меня туда входила кучка других кретинов, которых подобным образом "приняли на службу".

В нашей работе не было ничего даже отдаленно напоминающего воинскую службу. Мы просто собирали трупы. Наряженные в белые защитные костюмы, мы катались на мусоровозах по улицам и собирали мертвецов, представлявших серьезную угрозу для здоровья.

Так я познакомился со Спексом, тощим пареньком в огромных очках, которого постоянно любили подкалывать солдафоны. Наша бригада состояла из меня, Спекса и еще двоих парней, которых звали Полсон и Джейкоби. Курировавший нас сержант — суровый "бессрочник", по фамилии Викас — обобщенно называл нас "говнюками". А еще он придумал нам прозвища. Я у него был "Балбес", Спекс — "Молокосос", Джейкоби — "Тупорылый", а Полсон — "Мистер Ноль".

Работенка была та еще.

Мы собирали трупы и бросали их в кузова, словно понедельничный мусор. В первый раз, когда я увидел, как Полсон потянул рычаг и гидравлический пресс принялся давить и трамбовать тела, меня вырвало. Прямо на улице. От возни со всем этим зеленым мясом у меня уже было нехорошо в животе, но этот звук, когда те лезвия загребали тела в главный контейнер и превращали в кашу... это было уже слишком. Я упал на колени и, сорвав с себя маску, исторг из себя содержимое желудка.

Солдаты взорвались хохотом.

— Что, не нравится это дерьмо, Балбес? — спросил Викас. Возможно, в следующий раз я брошу туда твою задницу, гребаный слабак.

Спекс помог мне подняться на ноги.

— Ты привыкнешь, мужик. Это хреновая работа, но ты привыкнешь.

Ни один новобранец ни в одной войне не прошел через такой ад, через какой прошли мы.

Ты стоял там в этом жарком костюме, вокруг жужжали мухи, с твоих рукавиц сыпались личинки, а ты весь был вымазан в этом мерзком дерьме, сочащемся из тел. Все это было уже отвратительно, но еще хуже было *слышать*, как прессуются трупы. Даже шлем не мог заглушить звук раздавливаемых тел, ломающихся костей и перемалываемой в кашу плоти. Всякий раз, когда "груз" подвергался переработке, с днища кузова на улицу вытекала черная жижа, выжатая из трупов, словно мякоть из помидоров.

А этот запах... Боже милостивый, он был неопишуем.

Но у нас не было выбора.

Пока я и другие бедолаги бросали тела в кузов, солдаты держали нас под прицелом. Если бы ты попытался вырваться, попытался убежать, они тут же пристрелили бы тебя и бросили в кузов вместе со "жмурами".

Когда мусоровозы наполнялись, мы вывозили их к загородной свалке, вываливали содержимое кузовов в огромные ямы для сжигания. В миле от свалки можно было увидеть черный дым, поднимающийся к небу, почувствовать запах горячей плоти и паленых волос.

Это было все равно что стоять с подветренной стороны от печей Треблинки.

И если где-то на Земле действительно существовал ад, то он был именно здесь.

11

Викс был не только психопатом, стреляющим во все, что движется, а еще страдал от бредовых идей и паранойи. По нему явно плакала "дурка". Я так и не понял, что с ним на самом деле. Родился он уже психом или это судный день так на него повлиял, но он не верил, что Соединенные Штаты были уничтожены ядерным оружием. По крайней мере, не тем, которое применили люди. Он был уверен, что за все ответственны пришельцы из космоса. Что это они распространяют болезни и эпидемии и прячутся в человеческом облике.

— Скажи, откуда ты? — спросил меня он однажды.

— Из Янгстауна.

— Думаешь, это смешно? По-твоему, это шутка такая, мать твою?

— Ты спросил, я ответил.

Он направил меня карабин.

— А откуда мне знать, что ты не один из них? Что ты не Аутсайдер?

Это так Викс называл их — "Аутсайдеры". Он ни разу не использовал слово "пришелец", но ему это было необязательно. Все и так понимали.

Я даже не знал, как этот парень выглядит. Они никогда не снимал свой защитный костюм. Даже спал в нем. Даже в казармах неизменно носил его, потому что не хотел, чтобы "аутсайдерские" жуки добрались до него и превратили в какую-нибудь тварь. Ему нравилось забавляться с нами, его "говнюками". Он пытался пугать нас, угрожая бросить в кузов мусоровоза. Сперва это работало. Но после ежедневной возни с этим "мясным ассорти", нас было сложно вывести из равновесия.

В действительности Викс очень напуган.

Он боялся всего и вся.

Особенно боялся Полсона, потому что считал его "Аутсайдером". И до конца еще не был уверен насчет Спекса. Поэтому, всякий раз, когда заговаривал с ними, старался держаться на расстоянии. А когда хотел задать им взбучку, всегда заставлял делать это своих громил-солдафонов. Я узнал, насколько он был напуган, однажды, когда он поскользнулся на трупной слизи, вытекшей из кузова грузовика, и я схватил его, не дав упасть.

Он закричал.

Завопил во все горло.

Он так перепугался, что выхватил карабин с твердым намерением пристрелить меня на месте. Но его трясло настолько сильно, что он не мог даже держать оружие. Наконец он бросил карабин и отполз назад.

— *Грязный! Грязный! Грязный!* — кричал он, не переставая. — *Ты трогал меня своими грязными руками! Ты заражен, как и все остальные!*

Наконец, он поднялся на ноги и запрыгнул в кабину, где, несомненно, принялся опрыскиваться антисептиками.

Один из солдафонов подошел ко мне и направил ствол карабина прямо мне в лицо.

— Тебя нужно пристрелить, тупой засранец!

Я не испытывал страха. Тогда смерть уже не представляла для меня большой угрозы.

— Давай.

— Что?

— Я говорю, *давай*.

Солдат растерянно посмотрел на своих товарищей. Другие просто стояли рядом, чувствуя себя неловко и глупо в своих белых биокостюмах. Я не отступал. Проработав в уборочной бригаде больше месяца, я уже знал, что к чему. За последнее время Виксу не удалось найти ни одного новобранца. Слух о том, чем занимается армия, распространился вокруг, и люди стали прятаться при приближении грузовиков. На улицах появлялись лишь больные, психи и Скабы, но от них не было толку.

Викс нуждался во мне. Нуждался во всех нас.

Вот почему тот солдат не стал стрелять.

Вот почему *испугался* меня убивать. Потому что проблема была в том, что мы были в меньшинстве. И если б я умер, это означало, что одному из солдат пришлось бы занять мое место. Викс настоял бы на этом. Он постоянно грозился этим своим парням. И всякий, кто спустил бы курок и завалил "Говнюка", взял бы на себя его работу.

— Я не шучу, — сказал солдат.

Я шагнул вперед. Ствол карабина был так близко от моего носа, что я чувствовал исходящий от него запах паленого кордита.

— Так, прикончи меня, засранец. Сделай это. Давай. Тогда наступит твоя очередь возиться с мясом.

Солдат отступил назад, потом прокричал что-то и огрел меня прикладом. При данных обстоятельствах это было единственное, на что он был способен. Он не мог убить меня, но с другой стороны не мог спустить мне с рук такое открытое неповиновение. Черт, во что превратилась бы армия, если б люди перестали исполнять приказы и начали действовать самостоятельно?

Поднявшись на ноги, я сплюнул кровь и ухмыльнулся.

— Если еще раз поднимешь на меня ружье, я забью тебе его в зад по гланды.

Он снова вскинул карабин, но я понял, что это была обычная защитная реакция.

— Ты — труп! Ты — гребаный труп! Слышишь меня? Ты — гребаный труп!

— Так спусти курок, сосунок чертов.

Солдат замешкался. Я шагнул вперед. Он попятился.

Другие солдаты не спускали с нас глаз.

— У тебя духу не хватит, — сказал я ему.

На этом стычка закончилась. После того, через что я прошел, этот маленький отморозок казался мне жалким. Он боялся занять мое место. Он знал это. И я знал это. Всегда присутствовала вероятность того, что он психанет и пристрелит меня, но в этом не было серьезной угрозы. Что с того? Зарабатывающему на жизнь уборкой трупов на светлое будущее рассчитывать не приходится. То, что я сделал — и что намеревался сделать изначально — это символически кастрировать перед всеми этого игрушечного "морпеха". И у меня получилось. С того момента в наших глазах он превратился в бабу.

Я посадил семена открытого восстания, и гряло нечто крупное.

Решающее столкновение.

Думаю, что все мы были готовы к нему, и даже жаждали этого. Я знал, что оно грянет, потому что об этом сказала мне Тень. А еще она сказала, что оно закончится в мою пользу.

12

В свободное от собирания трупов время, Викс и его головорезы обитали на базе Национальной гвардии в Остинтауне, где некогда располагались части 838-ой роты военной

полиции. Там находилось спальное помещение, напоминавшее больничную палату из старых фильмов. В нем мы и спали. На ночь нас запирали, а утром выпускали. Та еще жизнь. Навозившись днем с "мясным ассорти", мы приходили, грязные и пахнущие гнилью. Нас запикивали в эту комнату и заставляли спать в этой грязи.

По ночам Спекса мучили кошмары. Он кричал или всхлипывал во сне, что очень злило других парней, нуждавшихся в отдыхе. Его койка была рядом с моей, и мне приходилось будить его.

— Спекс, Спекс, — говорил я. — Прекрати, ради бога.

Он лежал в темноте, с блестящим от пота лицом и просто мигал. Судный день совершенно выбил его из колеи, а с кем-то было иначе?

Однажды ночью, когда мы сидели с ним и курили, он сказал:

— Знаешь, что, Нэш? Я верю в приметы и предзнаменования. Думаю, наше будущее уже предначертано, просто надо научиться его читать.

— Да ну? — спросил я.

— Правда, Нэш. Я не шучу.

Я затынулся дымом.

— Да, какая разница, Спекс? Все равно впереди один беспросвет. Лучше и не знать вовсе.

— Ты не прав. Если можешь читать знаки, они помогут тебе выжить. Были б у меня карты Таро, я показал бы тебе твой жизненный путь. Рассказал бы, что тебя ждет.

— Я не хочу знать, что меня ждет.

Спекс не переставал нести весь этот оккультный бред, которым увлекался. Можно называть это как угодно, но для меня это было все равно, что гадание ярмарочной цыганки. Но Спекс обожал эту тему, обожал подробно рассказывать обо всем — от силы пирамид до энергии кристаллов.

Спустя двадцать минут Полсон не вытерпел.

— Почему бы вам не поискать себе отдельную комнату, девчата, — проворчал он. — Я тут поспать пытаюсь.

Но Спекс никак не мог успокоиться.

— Нэш, послушай...

— Давай спать, — сказал я ему. Я закрыл глаза, но все это безумное дерьмо никак не шло у меня из головы. Потом я вспомнил свою жену. В ту ночь мне тоже снились кошмары. Мне снилось, как Шелли ели крысы.

13

Решающее столкновение — или развязка — случилось лишь через три дня.

Мы, как обычно, ездили по городу и собирали трупы, когда Виксу сообщили по рации, что на автостоянке возле торгового центра в Южном Парке гниет груда трупов. А это, якобы, не позволительно. В городе, заваленном непогребенными трупами, гражданские власти — точнее, то, что от них осталось — возжелали, чтобы эта чертова парковка была расчищена. Не позволительно, чтобы добропорядочные туристы, приехавшие отовариться в торговый центр, видели там всю эту падаль. О чем они там думали? Видимо, для них не имело значения, что торговый центр лежит в руинах, а единственными туристами, появлявшимися там, были психи и жертвы радиации.

Возле "Сирса" (*сеть универмагов — прим. пер*) лежала куча трупов, очень похожая на ту, что я видел возле кафе. Это было одно сплошное смердящее месиво. Подъезжая, мы тут

же слышали жужжание мух. В воздух взмыла стая чаек и ворон.

Выпрыгнув из грузовика, мы переглянулись и лишь покачали головами. Запах стоял невыносимый. Это была огромная, гниющая гора трупов, количество которых, наверное, исчислялось сотнями. Повсюду сновали различные падальщики, растаскивающие ее по кусочкам.

— Итак, Балбес. Бери с собой Тупорылого и приступайте. Через десять минут лучше пахнуть не станет.

— Это абсурд, — проворчал Спекс. — Они же все размякли... нам нужны лопаты.

— Завали хлебало, Молокосос. Лезь туда. И ты тоже, Мистер Ноль. Загружайте кузов Вперед!

Заметив нашу нерасторопность, один из солдафонов выпустил пару пуль над нашими головами. Но даже это не заставило нас прибавить скорости. Подойдя к периметру кучи, мы устали на все эти разлагающиеся оболочки, исклеванные птицами лица, свисающие конечности. А затем остальные члены бригады посмотрели на меня. В последнее время они часто смотрели на меня. Видимо, считали меня лидером восстания, которого ждали все. И я чувствовал, как оно крепнет, набирает силу... вот-вот готовое взорваться. Думаю, они тоже это чувствовали. Мы ждали, когда катализатор зажжет фитиль. И этот час настал.

— Давайте сделаем это, — сказал я им. — Загрузим этот гребаный кузов. А потом посмотрим.

Мы взялись за работу.

Даже по нашим меркам это было отвратительно. Трупы настолько прогнили, что распадались, словно вареные цыплята. Руки и ноги отваливались, размякшая плоть слезала с костей. Мы подогнали грузовик как можно ближе, потому что это мерзкое зловонное месиво можно было загружать лишь частями. На работу ушли часы. Мы истекали потом в своих грязных биокостюмах, окутанные тучами мух и могильным смрадом.

В какой-то момент Спекс не выдержал.

Обычно он даже кашлянуть перед солдатами боялся, но сегодня было все иначе. Возможно, он тоже почувствовал дух восстания. Он усердно копался в "жмурах", полностью погруженный в работу. Погружал одетые в рукавицы руки в эту кипящую, шевелящуюся гниль и швырял части тел себе за спину, в кузов. Из детского трупика выскользнул червь, и Спекс раздавил его, не успев тот погреться на солнце.

— Вот! — сказал ему Викс, не подходя ближе. Свой карабин он держал на плече. — Вот правильно, Молокосос! Бросай это дерьмо в кузов! Понял, сукин сын?

Это сподвигло Спекса на дальнейшие подвиги. Он зарывался в месиво, подбрасывая в воздух конечности, кости и комки требухи, чуть не сшиб меня с ног отвалившейся бедренной костью. А потом он случайно наткнулся на голову. Голову девушки-подростка. Лица было невидно из-за огромного грибкового нароста, с черепа сочилась желеобразная слизь... Но Спекс буквально впал в ступор.

Он поднял голову, с нее свисали длинные рыжие волосы. Они слиплись от грязи, но цвет все-равно угадывался.

— Какого хрена ты творишь, Молокосос? — спросил один из солдафонов.

Интересно было всем.

Спекс стоял на месте и дрожал, держа перед собой сгнившую голову. С нее капала слизь, а по рукам у него ползали отвратительные черные жуки.

Потом издав сдавленный крик, Спекс бросил голову.

Она упала на тротуар словно мягкая, раскисшая тыква и развалилась на части у него под ногами. Из расколотого черепа копошащимся потоком хлынули жуки.

Викс, конечно же, отступил еще дальше.

Спекс продолжал издавать сдавленные звуки.

Эта голова была катализатором, которого мы ждали.

Я поднялся из груды падали. Мой белый биокостюм был в серых и черных пятнах от трупных выделений. Я смахнул с рукава несколько прилипших личинок.

— Эй! Ты в порядке, Спекс? Спекс? Ты в порядке, мужик?

— Продолжайте работу, — заорал Викс.

Но мы проигнорировали его приказ. У Спекса случился приступ. Может, мы и были грязными от гниющей плоти и трупной слизи, может, мы и возились с человеческими останками под дулом карабинов целыми днями, но нас это сплотило. Сделало нас сильнее. Заставило заботиться о друг друге. И в какой-то момент сделало нас чуть более человечными, чем эти трутни с пушками.

— Я сказал, продолжайте работу, — крикнул Викс, выстрелив пару раз в воздух.

— Да пошел ты на хрен, — сказал ему Полсон.

Викс сделал два неуверенных шага вперед, вынимая из своего тактического карабина пустой магазин и заменяя его новым.

— Что он только что мне вякнул? — спросил он, обращаясь к своим солдафонам.

— Он сказал вам... — начал было один из них, с трудом подавляя безудержное желание захихикать, — сказал вам идти на хрен... *сэр*.

Викс был в бешенстве, но мы не обращали на него внимания. Мы собрались вокруг Спекса, принялись его успокаивать, в то время, как он, всхлипывая, продолжал бормотать что-то о своей сестре Дарлин. О ней и ее красивых рыжих волосах. И о том, как она сгнила в своей постели от тифозной лихорадки.

На этот раз мы заметили, что Викс орет на нас. Мы повернулись и увидели, что он направил на нас оружие своими дрожащими руками. Он был либо до смерти напуган, либо разозлен до предела.

— Мистер Ноль, — закричал он. — Отойди от этих говнюков! Немедленно! *Выполний, ты, жалкий кусок дерьма! Или завалю на месте! Ты — ходячий мертвец!*

Полсон стянул с себя шлем и бросил в Вика. Тот чуть не выпрыгнул из своего биокостюма, пытаясь увернуться от грязной штуковины. Шлем упал на землю и покатился по парковке.

— Нет, — сказал он. — Я отказываюсь.

— Нет? Нет? Нет? *Что значит, отказываешься?* — прохрипел Викс, будто во рту у него пересохло. — *Ты не можешь отказаться! Не можешь отказаться, мать твою! Ты, что, спятил? Или что? Или ЧТО?*

— Да, сэр... похоже, что так, — сказал Полсон.

Спекс, Джейкоби и я встали рядом с ним, образовав кольцо. Так, чтобы Вика пришлось стрелять в нас, если б он захотел добраться до Полсона.

— Отойдите от него! — приказал нам Викс. — Отойдите от него или я перестреляю вас всех!

— Давай! — закричал Спекс. — Давай-же!

Викс подошел еще ближе, то же самое сделали его солдаты. И тут я понял, что все, конец. Насколько же мерзко было стоять по колено в человеческих останках в грязных

костюмах с жужжащими вокруг мухами.

Викс собирался стрелять, в том не было сомнения. Но Спекс вдруг полез в кузов и вытащил распухшую белую руку.

— Проголодался, засранец? Как насчет крылышка? — Он бросил руку, и та с влажным шлепком попала в одного из солдафонов. Парень упал на задницу и закричал.

Мы захохотали.

— Как насчет бедрышка? — спросил Джейкоби и поднял червивую ногу.

— А у меня здесь грудинка, — сказал Полсон, подбирая высохший торс. — По крайней мере, мне кажется, что это грудинка... — Он отправил ее в полет.

Тут все мы буквально обезумели от этой затеи.

Конечности и кости, внутренности и склизкие комки плоти полетели в солдат, заставляя их прыгать и пригибаться под дождем из падали и личинок. Викс хотел было рвануть назад, но я швырнул в него голову, которая, расколовшись, забрызгала его червивым серым веществом.

Конечно же, он закричал.

Закричал и упал на задницу.

— Да ну на хрен! — воскликнул один из солдат и бросился бежать через парковку.

— Вернись! — заорал Викс ему в след. — *Ты покидаешь свой боевой пост!*

Но парень не послушался, и Викс выстрелил в него, уложив на месте.

После этого начался кромешный ад.

Один из солдат выстрелил в Джейкоби, швырнувшего в него горсть гнилой требухи. Пробитый пулей, тот пошатнулся и, падая, сумел повалить с собой выстрелившего в него парня. Я бросил кольцо внутренностей в Вика, и оно попало ему прямо в грудь, оставив на белом биокостюме серое, извилистое пятно. Он завопил и бросил свой карабин.

— *Меня заразили! Запачкали. Я грязный! Грязный! Грязный! Грязный!* — завизжал он сквозь стекло шлема и принялся кататься по тротуару, словно пытаюсь стереть с себя трупную слизь.

Другой солдат продолжал барахтаться под Джейкоби и, наконец, сумел оттолкнуть его в сторону. Он вскинул ружье, и тут на него с гнилым трупом наперевес бросился Полсон. Солдат выстрелил. Выпустил в него три пули подряд, и Полсон упал у его ног. Труп, который был у него в руках ударился об тротуар и просто взорвался.

Не вмешайся в тот момент судьба, солдат застрелил бы и нас тоже.

Брызги гнили временно ослепили его — круглый плексигласовый шлем был весь залеплен черным соком и кусочками мяса. Солдат сорвал с себя шлем и отбросил в сторону. В тот самый момент из живота "жмура", которого уронил Полсон, выскользнул трупный червь.

Это был самый крупный из тех, что я видел.

Сперва я подумал, что из живота у трупа вывалился фрагмент раздувшегося кишечника, но потом тот *зашевелился*, стал извиваться, сокращаясь и вытягиваясь словно белый резиновый шпагат. Он был огромным, сплюснутым с одного конца, сегментированным и блестел от слизи и нечистот. Червь издавал какое-то сердитое гудение, высокое и пронзительное.

Солдат увидел его в тот момент, когда тот поднялся из живота трупа с влажным, чавкающим звуком. Несмотря на отсутствие глаз, казалось, он знал, где находится солдат. Гудение стало настолько пронзительным, что у нас готовы были лопнуть барабанные

перепонки. Туловище червя распухло, раздулось, словно какой-то эрегированный пенис. Нарост на голове тоже увеличился в размерах.

Солдат вскинул карабин.

Но червь ударил первым. Выстрелил чернильной струей сока прямо ему в лицо, и эффект был молниеносным. Солдат закричал и упал на колени, схватившись руками за лицо... Только это было уже не лицо, как таковое — между пальцев у него потекло нечто жидкое, как каша.

Когда червь ретировался, мы со Спексом подошли к Виксу.

Он по-прежнему плакал и скулил высоким девичьим голосом о том, что его запачкали, ползая при этом на четвереньках. Сперва мы стояли и просто смотрели на него, а потом принялись бить его ногами. Мы пинали его до тех пор, пока он не обмяк.

Затем подтащили его безжизненное тело к грузовику.

Содрали с него костюм.

И закинули этого засранца в кузов.

Потом мы принялись бросать сверху тела и части тел, все, что могли найти, пока Викс не оказался полностью погребен под внутренностями, торсами и конечностями. Под одеялом из падали и трупных червей. В какой-то момент он очнулся, стал биться и кричать, пытаясь освободиться от гниющей зеленой плоти. Пытаясь выбраться.

Спекс, хихикая, потянул за рычаг и лезвия кузова пришли в движение.

Прежде чем Викс исчез, мы успели увидеть его там, опутанного кишками, с рукой, застрявшей в чьей-то склизкой грудной клетке. А еще мы увидели, как из одного тела выскользнул толстый белый червь и принялся изучать его лицо.

А затем лезвия увлекли его в контейнер вместе с остальной падалью, пресс раздавил это все с влажным хрустом, и из сливных отверстий в днище кузова полился едкий сок.

Вот и все.

Мы со Сексом сбросили с себя костюмы, закурили, как трудяги после тяжелого рабочего дня и побрели прочь. Необходимо было найти машину. Наш путь лежал в Кливленд.

КЛИВЛЕНД, ШТ. ОГАЙО 1

В Кливленде проблемы с крысами были еще серьезнее, чем в Янгстауне. По ночам целые орды вылезали из канализационных труб и подвалов и заполняли улицы, словно бродячие муравьи, пожирая все на своем пути. Все крысы были заражены бешенством и отличались невероятной злобой. В лунном свете было видно их сальные серые тельца. Их было такое количество, что по их спинам можно было перейти через улицу, ни разу не коснувшись земли. Я видел, как они нападали на стаи собак и уличные шайки, оставляя после себя одни кости.

А еще, как выяснилось, в Кливленде шли "красные дожди".

2

В первую ночь, которую мы провели в городе, я проснулся от криков Спекса. Мы отрубились в большом "Кадиллаке Эльдорадо", который нашли на пустой парковке в Фэрфаксе, неподалеку от пересечения Сидар-авеню и Восточной 86-ой. Похоже, когда-то это была сутенерская тачка... Леопардовые сиденья, напольное покрытие из огненно-красного плюша и тонированные окна. Я расположился на переднем сиденье. Спекс спал

сзади. На следующее утро он проснулся с криками.

В панике я выхватил пистолет и протер глаза. Из оружия у меня был лишь маленький пятизарядный, короткоствольный пистолет 38-ого калибра, который я нашел на изуродованном трупе копа в Равенне пару дней назад.

— Что? Что? Что? — затараторил я, высматривая хоть какую-то мишень.

Спекс тяжело дышал с заднего сиденья.

— Просто сон приснился... я разве кричал?

— Да, придурок, ты орал, как недорезанный. Я подумал, что тебя убивают.

— О, прости, Нэш. Иногда мне снятся кошмары. Просто все эти трупы повсюду, понимаешь? Иногда мне снится моя сестра, Дарлин.

Бедняга Спекс. Я не хотел, чтобы он снова вспоминал свою мертвую сестру. В те дни я продолжал носить наручные часы — отличные "Индигло Таймекс", которые Шелли подарила мне на день рождения. И я еще не успел ассимилироваться и не научился определять время по положению солнца. Судя по часам, было десять утра... хотя в машине было довольно темно. Я подумал, что это из-за тонированных стекол, но, оказалось, дело было совершенно в другом.

Все окна "Кадиллака" покрывало что-то темное. Я не мог понять, что. Я вытащил бутылку с тепловатой водой и побрызгал на лицо, пытаясь освежиться.

— В чем это окна? — спросил Спекс, и по тону голоса я уже уловил закраившуюся в него паранойю. Бедняга. В целом Спекс был хороший парень, но параноик еще тот. За каждым углом ему мерещился бугимен, хотя кто мог его за это винить?

— Не знаю, — ответил я.

Окна в "Кадиллаке" опускались по-старомодному, при помощи ручки. Огромный, просторный автомобиль, сошедший в свое время с детройтского конвейера. Я попробовал опустить окна, на пару со Спексом, но их заклинило. Поэтому я сделал то, чего совсем не хотел делать: я открыл дверь.

Вокруг было красным-красно.

Улицы, здания, даже деревья и светофор были красными, словно их окунули в красные чернила. Это было какое-то безумие. Мы со Спексом вылезли из машины и обошли вокруг. Все было покрыто красной затвердевшей пленкой. Я никогда не видел ничего подобного. Будто ночью прошел кровавый дождь. Подойдя к старому развесистому дубу, я увидел, что с ветвей все еще свисает несколько красных капель.

— Это кровь, Нэш. Господи Иисусе, это кровь, — сказал Спекс. Он прижимался ко мне так сильно, будто собирался поцеловать.

Я оттолкнул его.

— Это не кровь. Это какой-то странный дождь. Типа кислотного или вроде того.

Хотя я сам себе не поверил. Что-то сжималось у меня внутри, когда я шел по этим кроваво-красным улицам. Все вокруг было безжизненным и неподвижным. Лишь нависшее туманное небо, кладбищенская тишина и красный цвет всего вокруг. Это было похоже на какую-то картину экспрессиониста или вроде того, от вида которой у меня внутри все холодело.

— Ты же знаешь, что это, верно? — спросил Спекс.

— Нет, не знаю. Но уверен, что ты мне скажешь.

— Это предзнаменование, — сказал Спекс. — Плохое предзнаменование, Нэш. Очень плохое.

И в этот момент я ему поверил.

3

Мы шли целый час. Через некоторое время красный цвет просто исчез. Солнце ли высушило его, или этот дождь прошел лишь в определенных частях города, я не знал, и не хотел знать. Поэтому мы шли, а Спекс болтал без умолку, что было в его стиле. На Сидаравеню нам не встретился никто, всюду были лишь запустение и разруха. Почему я решил, что Кливленд будет лучше Янгстауна, я не знал.

— Жалко, что мы не можем оставить себе "Кадиллак", — сказал Спекс. — Клевая была тачка.

— Да уж, — согласился я, осматривая улицы, — клевая тачка с двумя спущенными шинами и дохлым движком.

— Ну, была клевая. И ты это знаешь. Было б круто поколесить по городу в такой.

— Мы обязательно подцепили бы пару телок, — сказал я.

Город словно вымер. По крайней мере, та его часть, которую мы видели. Еще одно кладбище. Остовы брошенных машин ржавели повсюду: у обочин, на тротуарах, на улицах, перевернутые верх-дном или разбитые. Я понял, что кто-то здесь есть — или был — поскольку колеса со многих машин были сняты. Скорее всего для костров. Ничто не горит так хорошо, как покрышки.

Особых разрушений в Кливленде я не заметил. Я видел некоторые сгоревшие или пострадавшие от огня районы, но ничего похожего на Янгстаун. Там целые части города были подвергнуты бомбардировке, ради уничтожения инфекции и ее носителей. Здесь же не было ничего, что носило планомерный характер. Просто обычные пожары, подумал я.

И все же разрушения присутствовали. Здания, превратившиеся в груды щебня, перекрывавшие проходы. Дома, сгоревшие дотла. Повсюду были открытые подвалы, затопленные водой, с плавающими в ней листьями. Некогда стоявшие над ними здания исчезли. На тротуарах росли сорняки. Телефонные столбы были повалены, некоторые стояли лишь из-за удерживающих их проводов. Витрины были повреждены огнем, стеклянные двери разбиты, кирпичные фасады изрешечены пулями.

Повсюду валялись скелеты. Распростертые во дворах, сброшенные в канавы, некоторые сидели за рулями машин. Но все были обклеваны птицами подчистую. Не только человеческие скелеты. Были также собачьи, кошачьи и крысиные. А еще немало остовов настолько неестественного вида, что я даже не мог определить, кому они принадлежали. Кости стали единственным истинным сырьем "дивного нового мира" и они были в изобилии.

Спустя некоторое время мы со Спексом сделали перерыв.

Столкнув с облезшей скамейки груды останков, мы присели передохнуть. Для сбора припасов у меня был оливково-серый армейский рюкзак. Каждый из нас съел по банке холодной говяжьей тушенки "Динти Мур" и запил ее теплой вишневым газировкой "Маунтин Дью". Это был наш обед.

Я вытащил свою газировку.

— Нам нужно раздобыть какую-нибудь машину, Спекс, — сказал я, поскольку Тень нашептала мне, что мы должны двигаться дальше на запад. И я не собирался идти пешком.

— Да, жаль тот "Кадиллак".

— Нам не нужна сутенерская тачка, — сказал я ему. — Нам нужно что-нибудь повышенной надежности. Полноприводный автомобиль или вроде того. Дороги сейчас

плохие.

Из Янгстауна до Кливленда мы добирались на мотоциклах. Затем бросили их в Гарфилд-Хайтс после того, как какие-то крупные птицы набросились на нас и украли у Спекса шляпу. Я не знаю, что это были за птицы. Похожи на ворон. Только на больших и мутировавших. После этого мы решили, что нуждаемся в чем-то, что обеспечит нам крышу над головой.

— Ты когда-нибудь задумывался, где мы окажемся через год, Нэш?

— Нет, не задумывался. У меня достаточно проблем здесь и сейчас.

— Иногда я думаю об этом. Гадаю, есть ли где-нибудь еще города с нормальными людьми.

Я даже не думал рассуждать на эту тему. Доел тушенку и выбросил банку на улицу. Мы, выжившие, стали большими любителями помусорить. Я курил, потягивая газировку. Ее мы стащили из одной лавки в Гарфилд-Хайтс. Все там давно сгнило, но консервы и газировка были в порядке. Цивилизация, может, и рухнула, но газировка — это то, что пребывает вечно.

— Почему ты выбрал запад, Нэш? Почему не юг?

Он давно уже хотел спросить меня об этом. Поэтому я рассказал ему про Тень. Я не хотел, потому что он был слишком погружен во все это оккультное дерьмо. И я знал, что он превратит это в нечто сверхъестественное. Что он, собственно, и сделал. Но я должен был рассказать ему. Поэтому и рассказал.

После этого, все его мысли были заняты Тенью.

4

Темнело, а мы все еще не нашли машину. И мне уже до смерти надоели разглагольствования Спекса насчет Тени. Он был уверен, что это — древнее языческое божество, которое всплыло на поверхность теперь, когда христианство опустилось на дно, и изводил меня вопросами.

— Послушай, — наконец, сказал я. — То, что я тебе рассказал, это тайна. И мы не будем говорить об этом, хорошо? Оставь эту тему в покое.

У нас было полно других причин для беспокойства.

Я прекрасно знал еще по Янгстауну, что после наступления темноты лучше не оставаться на открытом пространстве. Нам нужно было найти место, где можно было затаиться. Мы шли вдоль реки Кайова. Вокруг, в основном, располагались промышленные объекты, многие из которых выглядели давно заброшенными, а также обычный ассортимент лавок и заведений, которые появляются в подобных местах. В основном, это были многочисленные бары и закусочные. Мы нуждались в подходящем месте. В чем-то, удобном для обороны.

Пока я осматривался, Спекс потянул меня за локоть.

— Нэш, — сказал он. — О, боже, Нэш. Смотри.

Черт. Скабы. Пятеро или шестеро сидели выше по улице на груде щебня, полуголые, бледные и грязные, как хищные птицы, высматривающие с возвышенности вкусных грызунов. Я был не совсем уверен, что они нас видели. Одна из них, женщина в черном мотоциклетном жилете на голое тело пристально смотрела в ту сторону, откуда мы только что пришли. Другие тупо пялились себе под ноги.

Я осторожно вытащил пистолет из кармана куртки.

Мы со Спексом медленно двинулись к ряду разрушенных зданий, находившихся в

двадцати футах от нас. Я прекрасно осознавал, как громко хрустит мусор у нас под ногами. Думаю, всю дорогу я шел, задержав дыхание. Это были самые длинные двадцать футов в моей жизни. Мы нырнули в огромную дыру в кирпичном фасаде какого-то бара. Казалось, будто в него попал противотанковый снаряд. Возможно, так оно и было.

У нас получилось.

— Эй, не плохо... — начал, было, говорить Спекс.

— Заткнись, — сказал я ему. — Они не глухие.

Я заглянул за угол. Скабы не двигались. Я поднес палец к губам и повел Спекса вглубь бара. Что бы ни пробило ту стену, оно продолжило полет и вынесло хороший кусок задней стены, вместе с большей частью санузла. Мы выбрались из здания в небольшую аллею, мощенную кирпичом. Тени уже начали удлиняться. Аллея заканчивалась тупиком, и вход в нее был завален щебнем. Мы залезли через окно в другое здание и вскоре увидели, что внутри оно буквально выпотрошено. От верхних этажей почти ничего не осталось. Сквозь рваную брешь в потолке проглядывало небо.

— Что, черт возьми, здесь случилось? — спросил Спекс.

— Должно быть, какой-то бой. Похоже, этот дом попал под авиаудар или артобстрел.

Огромная часть пола отсутствовала, провалилась в подвал. Мы осторожно двинулись вокруг дыры, нашли дверь. Но с другой стороны было еще хуже. То, что мы увидели, походило на Лондон после бомбардировки. Груды щебня, полностью выпотрошенные и обрушившиеся здания. Крыши обвалились, окна были выбиты, отсутствовали целые стены. А полы? Их не было. Просто огромные ямы, глядевшие в подвалы, темные и зловещие, заваленные обломками и затопленные черной водой. Идти можно было лишь по каркасу из балок. Это было рискованно.

— Ой, не знаю, Нэш, — сказал Спекс. — Мне совсем это не нравится.

Но у нас не было выбора. За спиной у нас раздались крики и визги. Появились еще Скабы. Возвращаться прежним путем было нельзя.

— У тебя получится, — сказал я Спексу. — Балки — целый фут в поперечнике. Просто не смотри вниз.

Мы подошли к краю ямы, поднимая вверх клубы кирпичной пыли. Я встал на одну из балок, и оказалось, все не так уж и плохо. Места для ног было полно. Главное — не смотреть вниз. Глубина ямы была не очень большая... футов восемь, примерно. Но падать в щебень, искореженный металл и зловонную воду, под которой может скрываться арматура, которая проткнет тебя насквозь?

— Давай же, — сказал я Спексу. — Не смотри вниз.

Спекс нерешительно ступил на балку. Сперва он двигался как черепаха, но быстро освоился. Перебравшись через яму, мы нырнули в полуобвалившуюся арку и оказались в еще одном здании без пола. Я заметил свисающее на проводах с потолка, опутанное паутиной кресло. Оно раскачивалось взад-вперед. Поверхность воды у нас под ногами была покрыта листьями. Плавало несколько пластиковых бутылок.

Я преодолел две трети пути по центральной балке, когда услышал приглушенный всплеск. Может, не совсем всплеск, но какое-то хлюпанье. Я обернулся назад. Спекс продолжал идти за мной следом, глупо ухмыляясь. Он ничего не слышал.

— Не так уж и плохо, — сказал он. — Примерно, как ходить по бордюрам в детстве.

Я кивнул, слабо улыбнувшись. Я снова услышал то хлюпанье и посмотрел назад. На этот раз я что-то увидел. Что-то, что заставило меня замереть, а мое сердце — учащенно

забиться. На лице выступил холодный пот. Прямо под Саксом я увидел... или мне показалось... морщинистое белое лицо, нырнувшее под устланную листьями воду.

Я дошел до конца балки.

— Что-то не так, Нэш? — спросил меня Спекс.

— Нет, все хорошо, — заверил я его, ожидая, что пара белых, пятнистых рук вот-вот схватят его и утянут в затопленные стигийские бездны. Но этого не случилось. Мы перебрались через яму, затем юркнули в какую-то брешь. И уткнулись в сплошную кирпичную стену. Вместо того, чтобы идти напрямик, нам придется повернуть и двигаться вдоль зданий. Этого я и боялся. Такими темпами путь займет довольно много времени. Чтобы компенсировать это, я провел Спекса вокруг огромных куч битого кирпича, через полуобвалившийся дверной проем. И мы оказались в крошечной темноте. Вдалеке я увидел пятно света.

Мне показалось, что мы очутились на каком-то складе.

Вокруг нас громоздились ящики и бочки. В здании было очень темно. Здесь был миллион мест, где мог прятаться неприятель и существовало примерно такое же количество способов погибнуть. Но бетонный пол оказался целым.

Я повел Спекса вперед. Он то жался ко мне, то тянул за куртку, то натыкался на меня, то хватал за руку. Это было все равно, что идти по карнавальному "дому ужасов" с сильно напуганным младшим братом. Я двигался вперед, с пистолетом в руке, стараясь ни за что не запнуться. Мы были здесь ни одни. Один раз я услышал какое-то царапанье, а потом звук волочения.

Когда до пятна света — дверного проема — оставалось футов пятнадцать, Спекс остановил меня.

— Слышишь? — спросил он.

Я сразу же услышал: чье-то низкое, хриплое дыхание. Я мог поклясться, что увидел у нас за спиной причудливые фигуры, движущиеся в темноте. Кем бы они ни были, они приближались. Я схватил Спекса и бросился к двери, а затем под слепящий свет.

Нас никто не преследовал.

Мне показалось, что небо выглядело странно. Клубящиеся розоватые облака с каждой минутой становились все краснее и ярче. Дождевая капля упала мне на ногу. Еще одна сползла вниз по ветровому стеклу разбитого пикапа. Только это был не дождь... не вода. Что-то красное. Как кровь.

— Черт, — услышал я голос Спекса.

Я повернулся, чтобы найти ближайшее укрытие и увидел здорового парня с дробовиком в руках. Вид у него был не добрый.

— Куда вам выстрелить, засранцы? — спросил он. — В пузо или в башку?

5

Со своим пистолетом я чувствовал себя полным импотентом перед этим смертоносным куском железа в руках здоровяка. Ростом парень был под два метра, а весом килограмм 120, если не больше. Волосы у него были короткими и неровными, длинная, спутанная борода доходила ему до груди. На нем был рваный джинсовый жилет с множеством нашивок. Это был байкер. Гребаный байкер.

— Мы не Скабы, — сказал ему Спекс. — Мы не заражены.

— Знаю, коротышка. Если б вы были Скабы, вы были бы уже мертвы. Я искал нормальных людей, и полагаю, вы, двое лузеров, мне сгодитесь. — Он стоял под широким

тентом возле обувной лавки, косясь одним глазом на небо. Упало еще несколько капель крови. — Лучше идите сюда, парни. Если не хотите попасть под красный дождь.

Мы встали рядом с ним под тент. Я закурил, объяснил, кто мы такие, откуда, и что ищем тачку, чтобы двинуть на ней на запад. Он кивнул, хотя, похоже, ему было не особо интересно. Его огромные голые ручки были покрыты татуировками. И я сразу понял, что они имеют для него какое-то значение — все эти змеи, черепа, имена и названия мест. Это был не просто какой-то псевдо-панк или яппи, считающий, что немного чернил превратит его в настоящего мужчину. Это был подлинный байкер вне закона.

— Меня зовут Маккри, Шон Маккри. Друзья кличут меня "Чэнг", — сказал он нам глядя на небо. Вид у него был встревоженный. — Ну и погодка, мать ее.

— Приятно познакомиться, Чэнг, — сказал Спекс.

— Можешь называть меня Шон, коротышка, — сказал он. — Все мои друзья умерли.

Новые красные капли падали на улицы, стучали по капотам машин. А затем хлынул ливень, сплошной красной, как кровь завесой. Но это была не просто жидкость, но еще какие-то странные комки, падавшие со шлепками повсюду. Это длилось минут десять, и сопровождалось едким смрадом, обжигавшим слизистую оболочку носа. Но и он со временем рассеялся. Жидкость на улицах высыхала, оставляя липкую красную пленку, которую я видел утром. Я присмотрелся внимательнее. Это было невозможно с чем-то перепутать — на улице валялись кости. Не человеческие, а кости животных. Большинство довольно мелкие. Раньше их здесь не было.

— Это кровь, — сказал Спекс. — А еще кости!

— Это не может быть кровь, — сказал я ему. — Это абсурд. Это кислотный дождь или вроде того.

Вы оба правы.

Мы посмотрели на Шона.

— Вы не ослышались, — сказал он. — В этом дерьме есть кислота, и она прожжет вам подошву башмаков и кожу, если попадет на них. Но в основном, это кровь и отходы. Понимаете, на Кайове была скотобойня. В свое время они сбрасывали отходы прямо в реку, и летом вода в ней краснела. Но Агентство по охране окружающей среды заставило их прекратить это дело, — объяснил нам Шон. — Поэтому они построили два гигантских стальных резервуара, пятнадцать футов в глубину и шестьдесят в диаметре. В них закачивали субпродукты: кровь, кости, жир и все такое. Резервуары были наполнены кислотой...

Он рассказал нам, что резервуары не были закрыты, чтобы жидкость могла испаряться. Затем мир рухнул, а эти два бака, наполненных останками, кислотой и отходами остались стоять. Он мог лишь предположить, что время от времени на большом озере зарождалось нечто вроде смерча и спускалось по реке, втягивая в себя все, что не было привязано. По какой-то причине, оно почти всякий раз засасывало в себя содержимое тех резервуаров. Баки никогда не высыхали, потому что дождь снова наполнял их, а смерчи взбалтывали содержимое, поднимая вверх всю "вкуснятину" со дна.

— Я видел эти резервуары, — сказал он. — Их можно учуять за милю. Полагаю, на заводе есть и другие хранилища, наполненные кровью и слизью, возможно, с гравитационным питанием. Рано или поздно утилизационные резервуары высохнут и останутся без отходов. Но этого пока не случилось.

Мы стояли под навесом, курили и болтали. Шон сказал, что нам нужно подождать, когда дождь полностью высохнет, иначе он проест дыры в наших башмаках. Поэтому мы

ждали, а он рассказывал нам о своей байкерской жизни. Шон был "сержантом" мотоциклетной банды "Колдуны" из Нью-Джерси, что означало, что он был головорезом, который не только избивал, но и убивал людей, по приказу клуба. На спине его жилета был изображен пылающий череп. Над ним было написано: МОТОКЛУБ "КОЛДУНЫ". А на черепе: БЕЙОНН, Н-ДЖ.

— Далеко тебя занесло из Бейонна.

— Да, уж, братан. Приехал сюда разобраться с кое-каким дерьмом. Это моя работа, — сказал он мне. — Понимаешь... Как раз перед тем, как сбросили эти гребаные бомбы, меня послали сюда уладить кое-какие дела. Это касается только клуба. Но раз уже не больше ни закона, ни федералов, ни клубов, я расскажу тебе. Здесь, в Кливленде был один клуб, подразделение "Ангелов Ада". Одного из этих людей — Рэя Кумбса, по кличке "Крысолов", пристрелили. Пара громил из клуба "Кровавые братья" завалили его в Ньюарке. "Кровавые братья" это кучка кровожадных ублюдков, которые очень старались произвести впечатление на "Изгоев" из Детройта, поэтому стали валить "Ангелов". Понимаешь, "Ангелы Ада" и "Изгой" были тогда крупнейшими байкерскими бандами, и ненавидели друг друга. Обеими сторонами было спровоцировано множество убийств, вендетт и разборок. Я катался с "Колдунами". Мы были тесно завязаны с "Ангелами". Из Окленда пришла "малява", что они хотят разобраться с этими "Кровавыми братьями". Те прятались в Кливленде, в районе складов. Это дело поручили мне.

Спекс вытаращил глаза. — Значит, ты киллер? Значит, ты приехал убить тех байкеров?

— Нет, мать твою, я приехал потанцевать с ними, — сказал Шон. Он перевел взгляд на меня. — С этим парнем что-то не так?

— Нет, просто он через многое прошел.

Шон пожал плечами.

— Одного из тех мешков с дерьмом я грохнул, затем упали бомбы, и с тех пор я здесь. Поселился у одного "ангела", Грязного Санчеса и его "старухи", Дылды Салли. Пару недель назад до них добрались Троги. С тех пор я охочусь на Трогов.

Он рассказал нам, что Троги живут под землей, что они очень опасны, и что они не совсем люди.

— Когда я не убиваю Трогов, я истребляю Скабов. Но это все равно, что стрелять по уткам. Проще простого. В случае с Трогами требуется мастерство. Как в спорте.

Дождь на улицах высох, оставив после себя красные пятна. На город быстро опускалась ночь. Нам требовалось место для ночлега, где нам не придется беспокоиться, что нам перережут горло.

Вдруг я услышал визг и увидел крысу. Я хотел пристрелить ее, но Шон меня остановил. Вскоре появились семь или восемь крыс. Больших, мерзких тварей с красными глазками и странными наростами, торчащих из их ободранных шкур. Они не обращали на нас никакого внимания. Они набросились на кости и через несколько секунд от тех ничего не осталось. Крысы исчезли.

— Не знаешь, где есть хорошие тачки? — спросил я.

Шон кивнул.

— Конечно. Я могу достать все, что захочешь. Но не сегодня. Утром слышал от одного бродяги, что с севера идут Тесаки. Так что сегодня на улице лучше не задерживаться.

— Что за Тесаки? — спросил я.

Он рассмеялся.

— Братан, лучше тебе не знать.

6

— Я бросил школу на последнем году учебы и угнал пару тачек, — поведал нам Шон в своей надежно укрепленной подвальной квартире, пока мы ели свинину с бобами и запивали теплым пивом. — Загремел в колонию для малолеток. Выйдя на свободу, угнал еще одну машину и устроил гонки с полицией штата. Судья сказал, или в армию или в тюрьму. Я пошел в армию. Служил в разведке. Долг выполнял в Ираке, во время первой "Бури в пустыне". Как только демобилизовался, связался со своими старыми друзьями, и мы основали байкерский клуб под названием "Грязная дюжина". Проблема в том, что нас было всего четверо. Потом нас стало шестеро, и другие клубы называли нас "Грязной Полудюжиной". Вылили на нас кучу дерьма. Но когда нас стало тридцать, и мы показали, что отступать ни перед кем не намерены, нас перестали поливать дерьмом. "Язычники" и "Колдуны" хотели взять нас к себе. Даже "Изгой" и "Ангелы" поглядывали в нашу сторону. Нам нравились "Колдуны", потому что они были такие же отмороженные, как "Монголы" из Калифорнии. Так я оказался здесь. Не буду говорить о том, сколько я отсидел, сколько дури толкнул, сколько мерзавцев избил, сколько трупов наделал. Какое сейчас это имеет значение?

— Мы направляемся на запад, — сказал ему Спекс. — Тебе нужно пойти с нами.

— За каким хреном мне нужно идти на запад?

— За тем, что там все случится.

Я перехватил взгляд Спекса и дал ему понять, что мы не собираемся обсуждать Тень. Не сейчас. Может, вообще никогда больше. И уж точно не с этим головорезом. Шон казался нормальным парнем, но он был опасным преступником. И мне не очень-то хотелось поворачиваться к нему спиной.

Шон растянулся на диване. Мы устроились на полу в спальнях мешках. В комнате был зеленый металлический шкаф с оружием, в который мне очень хотелось заглянуть. Вокруг валялись всевозможные армейские прибабасы: еда, обмундирование, медицинские препараты и многое другое. Видимо, Шон хорошо поработал на местной военной базе или оружейном складе Нацгвардии. Слушая его, я смотрел на мерцающее пламя примуса.

— Да, на завтра у меня есть замечательные планы, братва, — сказал он, уставившись в темноту. — В двух кварталах отсюда находится логово Трогов, неподалеку от того места, где я вас нашел. Где-то там должен быть вход в систему канализации, который я пока не обнаружил. Троги где-то под землей, братва. И я доберусь до них. Да, доберусь. Нет ничего круче, чем охота на Трогов. А вы, парни, должны мне помочь. Я покажу вам, как это делается.

— Нам нужна машина, — сказал Спекс.

— Возможно, завтра я помогу вам с этим. А сперва вы должны мне помочь убить парочку Трогов. — Он рассмеялся. — А теперь нам лучше поспать. Охота на Трогов — непростая работа. Нэш, гаси примус. Давайте уже дрыхнуть.

7

На следующее утро мы плотно поели. Так хорошо я не ел уже несколько недель. Запасы Шона превосходили наш обычный рацион из холодных спагетти и банок с пряной ветчиной. У него было полно армейских сухпайков. Поэтому мы позавтракали яичницей с беконом, крекерами с желе, а на десерт у нас был персиковый пирог.

— Набивайте пузо, братва, — сказал нам Шон. — Нам потребуются силы.

Как оказалось, он был прав. Позже я понял, что Шон часто бывал прав.

Он вооружил нас и повел на охоту на Трогов. Мне он дал 9-ти миллиметровую "Беретту" и винтовку "Сэведж" калибра.30–06. Спексу вручил револьвер "Смит энд Вессон" калибра.357, и рассказал, как не отстрелить себе ногу. Еще он заставил нас надеть желтые шахтерские каски с фонариками. Поскольку батареек были в дефиците, мы должны были включать свет лишь по его команде.

Он показал мне две гранаты, снаряженных белым фосфором.

— Для Трогов? — спросил я.

— Если наткнемся на стаю, эти штуки нас выручат. Надеюсь, сегодня я ими воспользуюсь.

Господи.

Зачем мы пошли с ним? Не знаю. Не было никакой ни явной, ни скрытой угрозы. Мы могли уйти в любое время — без оружия, но мы почему-то не захотели. Шон меня поражал. Он был хладнокровным и никогда не терял самообладания. Опасным, но честным и преданным по-своему. А еще сообразительным. Господи, он был очень сообразительным. Он знал почти все про оружие, боеприпасы и ведение боя. И уж точно знал, как выживать.

Через пару часов после завтрака — а ели мы около полудня — мы вернулись в тот же район, где нас обнаружил Шон. Он повел нас в полуразрушенное здание возле реки. Большинство окон было заколочено досками, стены покрыты граффити. Видимо, оно было заброшено задолго до Судного дня. Внутри было пыльно и грязно, отовсюду, как серпантин, свисала паутина. В здании располагались офисы, складские помещения и большой гараж в задней части. Похоже, раньше здесь было пожарное депо. Сквозь щели между досками на окнах и дыры в стенах проникал скудный свет.

Мы двигались в полумраке, мимо гниющих картонных коробок с гроссбухами и папками с документацией, мимо поврежденных водой ящиков с ржавеющими деталями машин.

— Что это за место? — спросил Спекс.

— Черт его знает, — ответил Шон. — Идемте.

Он вел нас через груды обломков, по натянутым паутиной коридорам. Каменная кладка осыпалась вокруг нас. Повсюду был рассыпан крысиный помет. Шон нашел человеческий череп, пнул его ногой, и рассмеялся, когда тот отскочил от стены и упал прямо в мусорное ведро.

— Один-ноль в мою пользу, — сказал он.

Пара потревоженных летучих мышей проснулись и сердито запорхали у нас над головами.

— Фу, — произнес Спекс. — Терпеть не могу этих тварей.

— По крайней мере, это нормальные летучие мыши, — сказал Шон. — Не размером с кондоров, не с зубами как у ягуаров. И они не смеются как гиены. Я видел колонию таких в Детройт-Шоруэй. Мне потом целый месяц кошмары снились.

Он провел нас через гараж в маленькую комнату, находящуюся сразу за ним. Потолок был сводчатым, пол завален обвалившейся кладкой. Там пахло не только сыростью и плесенью, но еще и тленом. И причину этому мы вскоре выяснили.

В комнате находился труп женщины.

— О, боже, — воскликнул Спекс.

Тело висело, привязанное за ноги к потолочной балке. Оно было белым, как отваренная кость. Похоже, кровь вытекла из нее капля за каплей. Живот был вскрыт до самой промежности. Внутренности, видимо, были извлечены, поэтому брюшная полость зияла пустотой. Труп походил на разделанную коровью тушу на скотобойне.

Дулом дробовика Шон отогнал от тела мух.

Он стоял и кивал, заинтригованный увиденным. На поясе у него с одной стороны висел "Магнум" 44-ого калибра. С другой — большой армейский нож, а еще топор и пустой картофельный мешок. Я не знал, для чего он, и Шон не говорил.

— Видите? — произнес он. — Ее поели. Здесь и здесь. Видите следы зубов?

И я увидел. Труп был испещрен вмятинами и царапинами. Похоже, что-то укусило ее в плечо. Вагина отсутствовала.

— Троги любят половые органы, — объяснил Шон. — Не спрашивай, почему. Сперва кишки, потом половые органы. Я повесил ее вчера утром, и они, должно быть, приходили к ней ночью.

— Ты это сделал? — спросил Спекс.

— Она уже была мертва, коротышка. Я просто использовал ее, как наживку.

Это было омерзительно. Шон был одержим подобными вещами. Мир полетел в тартарары, а он беззаботно и радостно охотится на мутантов. Было в этом что-то очень тревожное.

— Они все-еще где-то рядом? — спросил я.

Шон сказал, что беспокоиться не о чем. У него была теория, что подземные обитатели выходят лишь по ночам, как вампиры из дешевых "ужастиков". Потому что они живут под улицами, прячутся в подвалах и в системе канализации так долго, что их глаза больше не могут выносить солнечный свет. Как земляные черви, кроты или летучие мыши. Теория показалась мне вполне логичной. Ибо подземные обитатели — или *Троги*, как мы их называли — являлись, по сути, ночными пещерными людьми — троглодитами. Радиация начала мутацию, тьма позаботилась об остальном.

— Они выходят только по ночам, — сказал Шон. И у меня не было никаких причин сомневаться в его словах.

Я подошел ближе к телу. Оно было таким же отталкивающим, как и любой другой труп, а я к тому моменту повидал их немало — особенно при работе в уборочной бригаде — что не сразу вызвало у меня отвращение. Пахло от трупа довольно плохо, но не распадом, а чем-то резким и едким, почти как смесь кошачьей мочи с аммиаком, если такое можно себе представить.

— Чувствуешь запах? — спросил Шон. — Знаешь, что это такое, братан?

Я покачал головой.

— Это моча Трогов. Если однажды почувствуешь этот запах, никогда уже не забудешь. Понимаешь, Троги любят питаться падалью. Они не прочь завалить тебя или меня и поджарить наши внутренности на вертеле. Но особенно им нравится что-нибудь мягонькое, подгнившее... выдержанное, так сказать. Они метят свои деликатесы, мочась на них, как собаки, метящие территорию. Он показал мне старый рубец на запястье.

— Видишь ожег? Это моча Трогов. Однажды один из них брызнул на меня. Жгучее дерьмо.

Спекс держался в стороне от трупа. Даже при том, что он работал в уборочной бригаде, вид у него был неважный. Хотя больше от рассказней Шона.

— Я тоже чувствую, — сказал он. — Только запах идет отсюда.

Он стоял у дверного проема. Лестница вела во тьму. Шон сразу же подошел. Как бы нелепо это ни казалось, он опустился на четвереньки и стал нюхать землю, словно охотничья собака.

— Ага. Это моча Трогов. Должно быть, один из них пометил это место. Ставлю десять к одному, что в подвале есть Трог. Кто хочет взглянуть? — Он поднялся на ноги. — Как насчет тебя, коротышка?

— Меня? — спросил Спекс.

Шон рассмеялся.

— У тебя яйца не отросли. Я пойду.

Спекс преградил ему путь.

— Я сделаю это.

Шон улыбнулся.

— Слушай их. Они очень громко дышат.

Мне это не нравилось. Должно быть, в другой жизни Спекс был унитазом, потому что всегда терпел всякое дерьмо. Но ему не нравилось, когда его считали неполноценным. Он хотел доказать обратное.

— Я пойду с ним, — сказал я.

Спекс посмотрел на меня.

— Ты мне не нужен.

Он включил фонарь у себя на каске, вытащил револьвер и начал спускаться. Я попросил его быть осторожным. Ситуация мне очень не нравилась. Я так нервничал, что закурил. Я всегда присматривал за Спексом. Мне не нравилось, что Шон подтрунивает над ним.

— С ним все будет в порядке, — сказал мне Шон.

— Молись, чтобы это было так.

Шон бросил на меня жесткий взгляд, и я ответил тем же. Если со Спексом что-нибудь случится, я убью его. И думаю, он знал это. Мы смотрели друг на друга.

Шли минуты.

8

Вскоре раздался вопль Спекса, и он взлетел вверх по лестнице. Глаза за очками были выпучены, лоб блестел от пота. На куртке была паутина.

— О, БОЖЕ! О, БОЖЕ, МАТЬ ВАШУ! — в истерике орал он. — ОН ТАМ! Я ВИДЕ ОН СМОТРЕЛ ПРЯМО НА МЕНЯ! НЕ ХОДИТЕ ТУДА! ГОСПОДИ, НЕ ХОДИТЕ ТУДА!

Спекс буквально из кожи готов был выпрыгнуть. Он дрожал, хватал ртом воздух. Я держал его, пока он не успокоился. Шон улыбался. Ему это казалось чертовски забавным.

— Днем они не слишком активны, коротышка, — сказал он.

— Чушь, — сказал Спекс. — Этот выглядел очень даже активным.

— Пойду взгляну.

— Лучше не ходи туда, — предостерег его Спекс.

Шон его не послушал. Он включил фонарик на каске, передернул затвор дробовика и начал спускаться. Сделав шага три, он вернулся, пятясь.

— Будь я проклят, — сказал он.

— Что? — спросил я.

— Он идет на свет.

Я почувствовал, как по спине пробежал холодок, и на то была причина. Запах мочи

внезапно усилился. Он стал таким резким, что, казалось, опалил волоски в ноздрях

— Валим отсюда на хрен! — воскликнул Спекс.

— Ни в коем случае, братан, — возразил Шон. — Я ждал этого.

Мы со Спексом отступали вдоль дальней стены к двери, чтобы дать деру, если придется. Я услышал шлепки босых ног, поднимающихся по ступеням. Во рту у меня так пересохло, что я не мог даже сглотнуть. Послышалось дыхание Трога, похожее на глухое шипение. От запаха мочи у меня заслезились глаза.

— Приготовьтесь, — прошептал Шон.

Я увидел, как из мрака появляется уродливая тень... Она издавала низкое утробное рычание. На свету она выглядела, как гротескная карикатура на человека. Мне показалось, что это женщина. Наклонившаяся вперед, словно сломанная пополам. Одно плечо выше другого. Левая рука свисала ниже колена, другая едва доставала до пояса. Тварь была голой, с грязно-желтым, как у прокаженного, телом. Ужасно сморщенная кожа, покрытая такими глубокими трещинами, что в них можно потерять монетку. Груды походили на спущенные воздушные шары.

— Господи, — пробормотал Спекс.

Голова у твари была бесформенной, с голого черепа свисали длинные, похожие на паутину волосы. Она осмотрелась вокруг. Ее блестящие розовые глаза были испещрены темно-красными прожилками, как неоплодотворенные яйца. Зрачки представляли собой крошечные черные точки. Морщинистый рот растянулся в стороны, обнажив черные, неровные, треугольной формы зубы. Они выглядели зазубренными. С уголков рта стекал водянистый бурый сок.

Тварь подняла к лицу руку, заслоняясь от света. И я увидел, что ладонь у нее усеяна кольцевидными наростами, похожими на рубцы от присосок кальмаров на китах.

— Я здесь, сука, — сказал Шон.

Тварь посмотрела на него, и на мгновение мне показалось, что она его узнала. Она издала визг, пронзительный, нарастающий крик, неземное завывание, которое проникло мне в голову и скоблило внутренние стенки черепа, словно вилкой. Мне показалось, что мой мочевого пузырь не выдержит. Я едва не упал на Спекса. Крик эхом разнесся по пустому зданию и вернулся к нам. Он походил на визг животного, бьющегося в предсмертной агонии.

Затем она заговорила... или стала издавать звуки, похожие на речь. Не знаю точно, но именно так мне показалось.

— Тттыыыыыыы, — прошипела она с таким тембром, что у меня внутри все сжалось. — Тттыыыыыыы...

Не будь у Шона этого дробовика, тварь вырвала бы ему горло и умылась в его крови. Она поковыляла к нему, ослепленная светом, шипящая от злости.

Шон дал ей подойти на четыре фута и вlepил заряд ей прямо в живот. Картечь 12-ого калибра, выпущенная с близкого расстояния, почти разорвала ее пополам. С визгом тварь упала на пол и забилась в конвульсиях. Он выпустил в нее еще один заряд, на этот раз в грудь. Она дернулась и затихла. Кровь у нее пахла так же невыносимо, как моча.

— Вот так это делается, — сказал Шон.

Ноги у меня подкосились, и я жестко сел на задницу, рядом со сложившимся пополам Спексом. Мы сидели и молчали. Нам казалось, что убийством твари все закончится. Но это было не так. Только не для Шона. Он отложил свой дробовик и присел возле твари. Намотал ее волосы на кулак и сильно потянул. Затем взял топор. И парой быстрых ударов обезглавил

ее.

Потом встал, держа в руке мерзкую голову. Из обрубка капала кровь.

— Хотите, парни, такой трофей? — Мы тупо посмотрели на него. — Вижу, что нет. —

Он открыл свой картофельный мешок, бросил в него голову и привязал себе на пояс.

Наконец, я обрел дар речи.

— За каким хреном тебе это нужно?

— Есть на то причины, братан, — ответил он. — Понимаешь, я думаю, что Троги — очень суеверные. Возможно, они верят в призраков или вроде того. Не знаю. Но они не любят своих мертвых сородичей или их части. Однажды меня зажали трое этих ублюдков. А в пистолете у меня был всего один патрон. Что делать? Я бросил в них трофейную голову, и они бросились бежать, словно за ними погнался сам Дьявол. Надо было это видеть!

Я был очень рад, что тогда меня не было рядом.

9

Я ни за что не хотел бы участвовать в охоте на Трогов. Ни за какие деньги. В основном они жили в канализации, как рассказал Шон, и лучше там бы и оставались. Но одно происшествие изменило мое мнение.

Мы вышли из здания на солнечный свет — Шон пообещал отрыть у себя дома припасенную бутылку "Джека Дэниелса", и я был целиком за это — и сразу же увидели следы бойни. Скабы. На улице лежало около дюжины трупов. Щебенъ был залит ярко-красной кровью. Тела были расчленены, разрублены, разрезаны, выпотрошены. Повсюду валялись внутренности. Один клубок свисал со знака "СТОП". Все трупы были обезглавлены, а головы аккуратно уложены в ряд на тротуаре.

— Что, черт возьми, произошло? — спросил я.

Шон сразу же резко присел, как делают в армии разведчики, оказавшись на вражеской территории. Я не понимал, что случилось.

— Кто убил их? — поинтересовался Спекс.

— Заткнитесь, вы оба, — рявкнул Шон, и он не шутил.

Он двинулся к телам, его глаза сканировали местность во всех направлениях. Подойдя к одному, вытащил из живота что-то, похожее на сломанную палку. Но потом я увидел, что это наконечник копья.

— Тесаки, — сказал он. — Должно быть, прошли здесь, пока мы были внутри. Возвращайтесь в здание.

— Я не пойду больше туда, — сказал Спекс.

— Тогда ты умрешь здесь, коротышка, — сказал Шон. — Умрешь. Потому что Тесаки никого не оставляют в живых, когда прочесывают местность.

Я вернулся в здание. Поскольку решил не рисковать. Уже второй раз Шон упоминал этих Тесаков. Я не знал, кто они такие, но если они так пугали Шона, то это, наверное, очень плохие ребята.

Мы вошли внутрь, и Шон сказал нам не подходить к окнам. Но сам стал наблюдать за улицами.

— Что это за Тесаки? — спросил Спекс.

Шон издал протяжный, низкий вдох.

— Они очень опасны, — сказал он. — Скабы — психопаты, но они разобщены. В половине случаев, когда им нечем заняться — в смысле, простыми людьми — они убивают

друг друга. Но Тесаки организованы в большие группы. Они убивают все, что видят. Тех, кого не убивают, они насилуют, пытаются или забирают в рабство. С ними лучше не связываться. Это... первобытные дикари. Лучшего объяснения я дать не могу. Они не пользуются огнестрельным оружием. Они используют топоры, копья, молоты... что угодно. Скажем так, вы когда-нибудь видели те передачи по телевизору... когда еще было телевидение... о муравьях-легионерах, марширующих через джунгли и опустошающих все на своем пути? Именно это и делают Тесаки. По большей части, они налетчики. Любят скальпировать людей, отрезать у них части тел в качестве трофеев.

У меня было много вопросов, но я не стал их задавать. Я был напуган. Как и Спекс. Шон был крутым парнем. Вряд ли было что-то такое, с чем он не мог справиться. Но Тесаки вселяли в него ужас, и этого мне было достаточно.

Спустя примерно десять минут тишины он жестом попросил нас подойти.

— Смотрите, — сказал он.

Я увидел, как двое или трое мужчин подошли к груде щебня. На них были грязные армейские пальто. У одного из них был мачете. Другой держал в руке отрезок цепи. Третий нес на плече пожарный топор. Они оглядывались по сторонам. Самое удивительное было то, что на них были противогазы, как у солдат из окопов Первой мировой.

— Для чего противогазы? — прошептал Спекс.

Шон покачал головой.

— Черт его знает. Но все Тесаки носят их. Наверное, разграбили склад армии или Национальной гвардии. Я никогда не видел, что под противогазами, но слышал, что лица у них изъедены каким-то грибом.

Мне хватило того, что я увидел и услышал.

Шон продолжал наблюдать за Тесаками.

— Если увидели двоих или троих таких, можете быть уверены, что поблизости еще тридцать. Это разведчики. Не хочу говорить вам это, братва, но мы по уши в дерьме. Они уже прочесали территорию. Сейчас начнут проверять здание за зданием.

Спекс посмотрел на меня. Глаза у него были выпучены.

— Отлично. И что теперь?

— Остынь, — сказал Шон. Лучше нам спуститься в подвал.

Спекс был близок к панике.

— К Трогам? Ты спятил? Я был там. Там дыра в стене. Оттуда и пришел тот Трог.

Шон ухмыльнулся.

— Верно, в стене есть дыра. Она ведет в канализационные сети. Туда мы и пойдем.

10

В сложившихся обстоятельствах у нас не было выбора.

Включив фонари на касках, мы вошли в дыру в стене. Я не знал, проложили ли это Троги себе путь или сюда попала бомба. Так или иначе, мы вошли в нее и оказались в темном лабиринте канализационных труб. Насколько хватало света наших фонариков, мы видели лишь обрушившийся местами кирпичный туннель. Он был футов семь в диаметре. Достаточно просторный, и все-таки это была канализация. Под ногами у нас плескался футовый слой воды, в котором плавал мусор и случайные трупики крыс.

— Отлично, — проворчал Спекс.

Шон шагнул в воду, и мы сделали то же самое. Она была неприятно теплой. Все-равно, что стоять в потоке мочи.

— Это основной водосток, — пояснил нам Шон. — Он проходит под городом на многие мили. От него ответвляются сотни каналов. Некоторые такие же, как этот, а по некоторым нужно ползти на четвереньках. Ладно, идемте.

Я даже не спросил его, куда мы направляемся.

Мы шлепали по воде, наши фонари подпрыгивали с каждым шагом, по стенам туннеля скользили гигантские тени. Запах стоял ужасный. Смрад влажного гниения, стоячей воды и других вещей, о которых я предпочел бы не думать. Повсюду капала вода, и то и дело отваливались куски кладки. Мы видели огромные колонии бледных, как трупы, грибов, растущих из трещин в стенах туннеля. Клянусь, они пульсировали, будто дышали. От воды поднимался зловонный туман.

— Сколько еще идти? — спросил Спекс.

— Прилично. Я хочу уйти, как минимум, кварталов на пять-шесть.

— А как мы узнаем, сколько мы прошли?

— Я пойму.

— Но...

— Просто ненадолго заткнись, — сказал Шон.

Я подавил улыбку. Вот такой был Спекс. Когда он нервничал, мог своей болтовней вытрахать тебе все мозги. Это было в его стиле. Надувшись, он шел рядом со мной. Бросал на меня косые взгляды, возможно, рассчитывая, что я встану на его защиту. Но на то у меня не было никакого желания. Нам нужно было соблюдать тишину.

Периодически мы оказывались в местах, где туннель был почти заблокирован завалами. В большинстве случаев из-за обрушившихся зданий, подвалы которых находились прямо над туннелями. Повсюду рос мох, какая-то зеленая плесень, которая светилась в темноте.

Мы прошли примерно квартал, когда увидели первых живых крыс. Огромных и грязных, с глазами, горящими как красные рождественские фонари. Они дали нам пройти, непрерывно следя за нами.

За спиной у нас постоянно слышались звуки. Тихие, похожие на царапанье когтей. Возможно, это было наше эхо, потому что в туннелях все отдавалось эхом, даже наши голоса. Но чем дальше мы уходили, тем сильнее я убеждался, что это не эхо.

Наконец, Шон остановился.

— Слышали? — спросил он.

— Ага.

Мы все отчетливо слышали: царапанье и повизгивание, как от огромного полчища крыс. Звук усиливался. Раньше я имел с крысами дело. Когда их несколько, это уже плохо, но, если их большое количество, считай, ты в серьезной беде.

— Двигаем! — скомандовал Шон.

Быстро идти по туннелю оказалось не просто, фут воды под ногами серьезно затруднял движение. Шон знал дорогу — по крайней мере, я на это надеялся. Он то уводил нас в боковые проходы, но снова в главный туннель. Туда-сюда, пока я не перестал понимать, где мы находимся. Потом мы оказались возле дыры в стене. Шагнув в нее, мы попали в затопленный подвал. Здания над ним не было. Оно было снесено взрывом. Солнце казалось довольно приветливым. Но выходить на свет было ни в коем случае нельзя. Нужно было возвращаться в туннели.

Мы бросились в очередной боковой проход, и Шон вдруг остановился.

— Трог, — сказал он, затем расслабился. — Черт,дохлый.

Тот стоял в маленькой нише. Серый и сморщенный, почти полностью мумифицировавшийся. Руки у него были сложены на груди. Тело было покрыто тонкой зеленой сеткой плесени.

Затем мы попали в еще один подвал. В нем было темно, и вода доходила нам до колен. Среди листьев плавали какие-то мертвые существа. Вокруг, словно портовые сваи, возвышались сломанные балки и обломки бетонных плит. Я увидел торчащие из воды человеческие кости. Здесь грудная клетка, там — желтеющее бедро. В воздухе пахло мясом и кровью. Мне совсем не нравился этот запах.

Обойдя груды щебня, мы оказались в крысином гнезде.

11

— Черт, — воскликнул Шон, свет его фонаря плясал на телах тварей.

Мы все направили на них свои фонари и стволы. Позади нас я слышал повизгивание и царапание, преследующей нас крысиной стаи. В голову мне начала закрадываться мысль, что Тесаки были не настолько и плохи.

— Валим их! — сказал Спекс.

— Нет, — возразил я. — Пока у нас не будет другого выбора. Не стоит злить их без особой необходимости. Если начнешь стрелять, они будут вынуждены драться.

— Правильно мыслишь, братан.

На куске обрушившейся стены сидело восемь или девять тварей. Огромные, жирные крысы с красными блестящими глазами. Некоторые из них жевали что-то белое и разбухшее. Это была человеческая рука. И по ней ползали личинки. Одна из крыс посмотрела прямо на меня, растущие из живота червеобразные наросты издавали омерзительный шелест. Тварь оскалила зубы и растопырила когти, словно была готова наброситься на меня. Сальный черный мех, казалось, трепетал и щетинился, будто кишел вшами. И пока я смотрел на крысу со смесью отвращения и изумления, с ее спины прыгнул белый как личинка, размером с мармеладную конфету паразит.

— Хорошие крыски, — успокаивающе пробормотал Шон, обходя их стороной. Мы просто пройдем мимо. И не причиним вам вреда.

Мы обошли груды обломков и будто оказались в какой-то пещере. С потолка свисали корни деревьев. Из воды выступал разнообразный мусор, даже несколько ржавых металлический свай. Повсюду были кости, человеческие кости. Отполированные до бела и начисто обглоданные. Я видел несколько черепов, испещренных отметинами зубов.

— Нэш, — простонал Спекс. — Нэш...

И тут я увидел.

Там были буквально сотни крыс-мутантов. Армии горбатых тварей с острыми зубами и блестящими глазами сидели в ожидании. Одна из них была распухшей, бесформенной, почти лишенной волос. Из нее росли несколько, похожих на обрубки слепых голов зародышей. Их рты открывались и закрывались. И смрад... Боже милостивый. Там, где раньше был резкий, горячий запах мяса, крови и сырости, теперь был окутывающий, тошнотворный смрад тлена.

Ничто, рожденное природой, не могло источать такой запах.

Крысы стали медленно приближаться, окружая нас. Теперь они были спереди, сзади и по бокам. Куда не попадал свет наших фонарей, везде мы видели ряды блестящих, голодных глаз.

Шон достал из висящей на плече сумки зеленый цилиндр. Это была одна из гранат с

белым фосфором. Он держал ее наготове.

Некоторые крысы были размером с гончих и терьеров. Огромные, мутировавшие твари, некоторые почти полностью лишённые волос, другие опутанные копной извивающихся, подрагивающих наростов. Многие имели в дополнение к обычным конечностям, две, а иногда и три гигантских когтистых лапы. Они были такими большими, что было слышно их дыхание. Многие имели похожие на горбы опухоли и открытые раны. У одних было слишком много глаз, у других — по одному, либо вообще ни одного.

Крысы собрались вокруг нас, мутанты, мерзости различного рода. Они приближались все ближе. Чувствовали себя хозяевами в этом черном, смердящем кошмарном мире. Надвигались, оттесняя нас все дальше, словно вели нас к чему-то.

Мы шлепали по воде, в любой момент готовые открыть огонь... только ради чего? Крысы похоронили бы нас заживо в считанные секунды. Их было слишком много.

Спекс обошел кусок обвалившегося сверху пола и закричал. Я никогда не забуду этот крик. Будто его мозг взорвался перед лицом нового, невыразимого ужаса.

Он повалился на меня, цепляясь, дергая и пытаясь, как мне показалось, прижаться ко мне всем телом.

— Нэш, Нэш, Нэш... оно там, Нэш! Оно прямо там, говорю тебе! Я видел его... *Видел, как оно смотрит на меня...*

Затем мой фонарь тоже высветил это, и что-то внутри меня будто оборвалось. Я смотрел, и мои глаза отказывались верить увиденному. Ибо я повидал разных *мутантов*.

Но эта крыса была размером с грузовик.

Возможно, не одна, а две или три, сросшихся в одну дряблую кошмарную массу, ужасно сморщенную, безволосую и белую, как брюхо рыбы. Вот, что я увидел. Тварь покоилась на грязной, смердящей грудке мусора, объединенных человеческих тел и костей, в огромной продолговатой нише в стене. Это было что-то вроде алтаря. Белая, как клоунский грим плоть подрагивала, словно пульсирующее желе и была такой прозрачной, что было видно кости. Кожа твари шевелилась, подрагивала и вибрировала, будто под ней находилось нечто аморфное и пребывающее в постоянном движении. На похожих на стволы дерева шейх покачивались две головы, скрежеща желтыми и огромными как лезвия ножей зубами. Но хуже всего были глаза. У одной головы было три красных, сочащихся гноем глазных яблока размером с софтбобольные мячи. У другой — только одно, покрытое пленкой и пустулами. Была еще третья голова, безвольно болтающаяся на тонкой шее.

И клянусь вам, из туловища росла еще дюжина маленьких зародышевых голов, как из той, другой крысы, полных какой-то противоестественной жизни.

Шон пробежался по твари лучом своего фонаря, сдавлено ахая при этом. Из брюха у нее росли липкие змееподобные отростки. И мне показалось, что я увидел открывающиеся среди них глаза... желтые, наполненные слизью...

На меня навалилась слабость, тошнота, головокружение... Сложно описать словами мои ощущения. Но еще среди них был *ужас*, ибо никогда мои глаза не видели чего-то столь отталкивающего, столь предельно отвратительного, как эта похожая на гигантскую личинку тварь.

Другие крысы попятились назад.

И причина тому была очевидна. Нас привели к этому чудовищному мутанту невредимыми, чтобы мы послужили в качестве пищи. Мы были живыми жертвами, возложенными к ногам этой уродливой, кошмарной матери. До сего времени они

предлагали ей лишь объедки.

А она хотела большего.

Выпустив блестящие когти из кожистых ножен своих лап, тварь двинулась вперед. Это было какое-то скачкообразное, и при том скользящее движение. Казалось, будто в нем были задействованы все части тела. Пульсирующая биологическая масса.

Начисто обглоданная грудная клетка покатила с груди в след за тварью. У ее ног, среди человеческих костей и конечностей извивалось ее потомство. Сотни безволосых, полупрозрачных визжащих тварей. Бесформенные, деформированные зародыши, они копошились среди трупов, словно личинки в свинине.

Возможно, это и побудило нас к действию.

Мать прыгнула вниз, ее когтистые, размером с лопаты лапы шлепнули по мокрым доскам. Губы растянулись в стороны от черных десен, извивающиеся языки облизнули частоклы зубов. Из глоток вырвался шипящий яростный рев, достойный товарного поезда. И она двинулась на нас, ее гигантские отвисшие соски болтались взад-вперед словно мешки с зерном.

Шон открыл огонь.

Необходимо было прикончить, уничтожить эту... дегенеративную, порочную и злую тварь.

Первый заряд картечи разбрызгал один из ее глаз, словно гнилую виноградину, следующий разорвал морду пополам. Мы со Спексом тоже начали палить. Пули попадали в шею и когтистые лапы. Выбивали зубы и рассекали соски, расплескивая зловонное молоко.

— Бежим! — скомандовал Шон. — Вон туда! В ту трубу!

Из стены торчала небольшая соединительная труба. Диаметра которой хватало, чтобы ползти на четвереньках. Мы со Спексом бросились к ней, спотыкаясь, падая и поднимая друг друга из воды. Параллельно продолжали стрелять по другим крысам. Спекс скользнул в трубу.

Я повернулся назад и увидел, что Шон разрядил дробовик в мать-крысу, а затем выдернул чеку на своей фосфорной гранате. Он бросил ее прямо в тварь и нырнул в воду. Последовала ослепительная вспышка белого света, пламя поглотило гигантскую крысу и распространилось по воде и по торчащим сваям. Остальные крысы бросились врассыпную.

Шон вынырнул через несколько футов, с криком:

— В трубу! Быстрее! Быстрее!

Вокруг стоял ужасный, тошнотворный смрад горелого мяса и шерсти. Визжащая, мяукающая мать и ее орды жарились заживо.

Я пополз по трубе на четвереньках так быстро, как только мог. За спиной раздавались проклятия Шона. Спекс был далеко впереди нас. Я видел качающийся свет его фонарика. Сзади доносился рев матери-крысы и пронзительный, яростный визг и писк ее стаи. Я понимал, что у нас никогда бы не получилось. Нас сожрали бы заживо в этой узкой, клаустрофобной трубе. Но, в конце концов, она вывела нас в основную дренажную магистраль. Должно быть, это было что-то вроде водослива.

Когда я выбрался наружу, меня поджидал Спекс. Его вымазанное в грязи лицо было напряжено, глаза выпучены. Шон вылез следом за мной и повел нас по воде к лестнице. Он поднялся первым и открыл крышку люка. Я сомневаюсь, что у меня хватило бы сил справиться с этим. Затем поднялся Спекс. После — я, оставив позади этот подземный ад.

Шон с лязгом захлопнул крышку люка.

Мы сидели на тротуаре, под ярким солнечным светом, и вокруг нас не было ничего кроме ржавеющих на пустой улице автомобилей.

Шон тяжело дышал. В своей каске, грязный и потный, он походил на горняка, только что поднявшегося из шахты. Он заметил, что мы смотрим на него, и усмехнулся себе под нос.

— Черт возьми, — сказал он. — Я потерял голову Трога.

12

Шон был психом.

В этом можно было не сомневаться. Наше приключение в канализации вымотало меня под чистую. Меня трясло, я обливался потом, а желудок мучили спазмы. С одной стороны, мне хотелось кричать, а с другой — хохотать без остановки. Но я не собирался сдаваться.

— Поверить не могу, что мы видели такое, — сказал я спустя некоторое время. Я затыкнулся несвежей сигаретой, держа ее обеими руками, чтобы не уронить.

— О, и все же мы видели, братан, — произнес Шон, хлопая меня по плечу. — Все это безумное дерьмо там внизу. Тварей, подхвативших хорошую дозу радиации, а затем уползших туда размножаться. Там внизу есть такое дерьмо, которое никогда не видело дневного света, и мы должны радоваться этому.

Спекс ничего не сказал. Он просто смотрел на нас, глаза у него были остекленевшими и неподвижными. В основном, он смотрел на Шона. Фактически, не отводил взгляд. Наконец, Шон сказал:

— Какие проблемы, сученыш?

Спекс был зол. Я видел это.

— Мы могли погибнуть там внизу, охотясь за твоими гребаными Трогами! — взорвался он. — Ты — гребаный маньяк! Скажу больше. Ты — эгоистичный, безрассудный маньяк, которому срать на других! Пошел ты на хрен со своими Трогами! Слышал меня? Вы оба пошли на хрен!

В какой-то момент он вскочил и просто пошел по улице. Мы последовали за ним, и я постепенно его успокоил. Шон, конечно же, не переставал смеяться, чем только ухудшал ситуацию.

— Не беспокойся, малыш, — наконец, сказал ему Шон. — Я не попрошу тебя больше спускаться туда. Это не твое.

Он повел нас по улицам, поглядывая, нет ли поблизости Тесаков. Примерно в квартале от его жилища я увидел на улице какую-то фигуру. Это была девушка. Вполне нормального вида. Она просто стояла и смотрела на нас. Но не двигалась и ничего не говорила. Я окликнул ее, но она не отозвалась. Я дал другим сигнал остановиться.

— Не запачкай ее слишком сильно, Нэш, — сказал Шон.

Когда я подошел ближе, то увидел, что она примерно студенческого возраста, лет девятнадцать-двадцать, не больше. Симпатичная соседка с высокими скулами и большими голубыми глазами, и светлыми, убранными в хвост волосами до лопаток. Грязная, одетая в рваное тряпье, и, несмотря на это, выглядела она потрясающе.

— Я нормальный, — сказал я, успокаивающе протянув вперед руки. — Они тоже. Все в порядке. Правда.

Ее холодные глаза были лишены каких-либо эмоций. Когда я подошел ближе, она вдруг ожила, и в руке у нее появился нож. Я сцепился с ней в короткой борьбе, пытаясь вырвать его, что вызвало у Шона смех, а у Спекса — панику. Наконец, мне удалось прижать девушку

к земле. И это было не легко: она оказалась сильной и решительной.

— Прекрати сопротивляться, — сказал я ей. — Никто тебя не тронет! Никто не собирается убивать, избивать или насиловать тебя!

— Говори за себя, — сказал Шон.

— Заткнись, — огрызнулся я.

Я видел по глазам девушки, что она хочет мне поверить, но сомневается. Но кто мог винить ее в этом?

— Сейчас я тебя отпущу, — сказал я. — Если хочешь убежать, валяй. Мы не будем тебя преследовать. Можешь пойти с нами, если хочешь. У нас есть укрытие и еда.

Она бросила на меня жесткий взгляд.

— И чего это будет мне стоить?

— Ничего. Даю слово.

Я отпустил ее, она отбежала в сторону, остановилась и посмотрела на нас. Мы пошли своей дорогой, не обращая на нее внимания, хотя знали, что она идет за нами.

— Ну, так как? — Наконец, спросил я, поворачиваясь.

— Меня зовут Джени, — ответила она, слегка улыбнувшись.

13

Мы задержались еще на несколько недель. Не знаю, почему. Мне нужно было идти на запад. Как того хотела Тень. Но тогда я еще никуда не торопился, спешка пришла позже. Жизнь в Кливленде была не сахар, но мне нравилось быть с Шоном. Я никогда не встречал парня, который был бы более сообразительным. Он всегда знал, где что есть. По всему городу у него были "нычки" с едой, снаряжением и оружием. Позже я узнал, что все это было припрятано его друзьями — членами кливлендского подразделения "Ангелов Ада". Они готовились к войне.

Город буквально кишел Скабами. Было еще несколько уличных банд, которых приходилось опасаться. Ну и Тесаки, конечно же. Ночью было особенно опасно, из-за крыс, мутантов и Деток. Время от времени шли "Красные дожди". В конторе по продаже научного оборудования, я нашел один хороший прибор. Счетчик Гейгера, работавший на солнечной энергии. Он оказался очень полезен. Всякий раз, когда появлялись Детки, указатель радиации взлетал вверх. Так что это было довольно неплохое устройство раннего оповещения. Я пришел к выводу, что "Красные дожди" содержали в себе не только кровь, измельченное мясо и кислоту, но еще и радиоактивные осадки. Я сделал замеры в луже этой дряни, и радиация там зашкаливала.

За те недели мне удалось хорошо изучить Джени.

Похоже, она не доверяла ни Шону, ни Спексу. Она держалась меня. Всегда была рядом, милая и удивительная девушка. Она была почти на двадцать лет меня моложе. Но по какой-то причине привязалась ко мне и даже полюбила. Я догадывался, что в прежнем мире она не посмотрела бы на меня дважды, будь я даже ее сверстником. Но это был новый мир с совершенно новыми условиями и приоритетами, и Джени изменилась вместе с ним. Когда наступил конец света, она училась на первом курсе медицинского колледжа штата Огайо. В школе она была отличницей и президентом класса, патриоткой и активным гражданином... Ходила в церковь, работала волонтером в местной детской больнице, зимой собирала теплую одежду для нуждающихся, а летом — консервы для стариков.

После бомбардировки она вместе с другими учениками отправилась домой в

Пейнсвилль, шт. Огайо. И ей пришлось наблюдать, как умирают ее друзья и родные. Месяц назад она перебралась в Кливленд. Ее друзья погибли от рук Тесаков, а сама она застряла в городе.

Ей досталось, как и всем. Несмотря ни на что, она была настоящей красавицей и сердечным человеком.

Мы все полюбили ее. Мы все чувствовали ответственность за нее... даже Шон, вопреки себе. И думаю, мы все завидовали тому, что она, пережив конец света, сохранила свои моральные и этические качества. Но все же мы не могли быть такими, как она. Мир превратился в джунгли, где выживали лишь сила и злоба. У Джейн не было ни того ни другого. Поэтому нам приходилось присматривать за ней. Она обладала слишком большим и добрым сердцем, а вокруг было слишком много желающих откусить от него кусок.

К концу нашего пребывания в Кливленде в голове у меня снова зазвучал шепот Тени. На этот раз она не говорила, чтобы мы шли на запад. Она хотела чего-то другого. Но, как обычно, ее желания были неясными и расплывчатыми. Я знал лишь, что она хочет *жертвоприношения*. В глубине души я понимал, что это значит. Но эта мысль внушала мне ужас.

Поэтому я рассказал другим про Тень.

Джени, казалось, совсем не удивилась. Она поверила мне. Но Шон решил, что я спятил. Раз слышу голоса и все такое. Спексу идея жертвоприношения, конечно же, понравилась.

— Она хочет жертву, Нэш, — сказал он. — И нам лучше дать ей ее.

— Жертву? — спросил Шон. — Какую? Ты имеешь в виду, *человеческую*?

— Именно.

— Малыш, да ты чокнутый на всю голову. Хотя, какого черта? Давайте найдем какого-нибудь старого бродягу и принесем его в жертву.

Джени ничего не сказала. Совсем ничего. Ей и не нужно было. Мы видели в ее глазах разочарование. Вся затея казалась варварской и злой. Она понимала это, как и я, но это нас не остановило.

Спекса предложение привело в восторг. Как я уже говорил, он увлекался всем этим эзотерическим дерьмом — кристаллами, астрологией и прочей хренью. Он прочитал много книг по колдовству, сатанизму и прочей лабуде, поэтому для него все это казалось чем-то естественным. Мы схватили какого-то старого оборвашку, связали и заткнули ему рот кляпом. Затем притащили на пустую парковку и привязали к дереву. Навалили вокруг него большую кучу дров и подожгли. Спекс сказал, что это искупление, что нам нужно сжечь жертву на костре, и тем самым умиловать Тень и добиться ее расположения.

Это было ужасно.

Умирая, старик страшно закричал, затем вспыхнул, как свечка. Я видел, как его глаза буквально закипели и вытекли из головы, а кожа расплавилась, словно воск, и сползла со скелета в костер. Когда он тлел, я попросил Тень прийти и забрать его. Тогда она впервые явилась нам, обретя физическую форму. Она приняла нашу жертву... поглотила ее... но почему-то я знал, что это не то, чего она хотела.

Она хотела чего-то живого, а не сожженного.

То, что мы ей дали, разозлило ее.

Она хотела другого.

Два дня спустя Спекс заболел.

Мы только что вернулись из экспедиции по поиску автомобилей, на которых могли бы выбраться из города. Спекс весь день вел себя странно. Почти не разговаривал. Дома у Шона он подошел ко мне.

— Я что-то подцепил, Нэш, — сказал он. — Что-то очень плохое.

— Ты просто устал, — попытался я его успокоить.

— Кашель уже три дня не проходит.

И он не обманывал. Думаю, мы все знали, что что-то происходит. Но, возможно, списывали это на простуду или что-то в этом роде... Хотя прекрасно понимали, что в эти дни даже простудный вирус мог быть смертельно опасен.

— У меня нос заложило, Нэш, — пожаловался он мне. — Мышцы и суставы ноют постоянно. Иногда бывает трудно дышать.

— Не говори пока другим ничего.

Он покачал головой.

— Боюсь, придется, Нэш. Я же могу заразить их, поэтому нельзя рисковать.

Старый добрый Спекс. Он жил, постоянно чего-то опасаясь. Один из тех, кому Бог или Природа не дали достаточно сил и мужества ежедневно справляться с жизнью. Хотя в решающий момент, силы у него появлялись. А еще невероятная самоотверженность.

Мы рассказали о его недуге Джени и Шону. Они имели полное право избавиться от Спекса, но не сделали этого. Он был одним из нас, и мы собирались идти вместе до конца.

— Не беспокойся, малыш, — сказал ему Шон. — Мы поставим тебя на ноги. Не успеешь оглянуться, как мы с тобой снова пойдем охотиться на Трогов.

Спекс попытался улыбнуться, и из глаза у него скатилась слеза.

На следующий день ему стало хуже. Кожа у него начала приобретать синюшный оттенок, который встревожил нас всех. Он не мог дышать. Постоянно ловил ртом воздух. Его тело было горячим на ощупь, по лицу градом лил кисло пахнувший пот. Приступы удушья продолжались по десять минут. Шон предпринял последнюю отчаянную попытку помочь ему. Раздобыл армейские антибиотики, которые мы тут же вкололи Спексу. Но это не помогло. Просто было уже слишком поздно.

В основном, Спекс бредил, бился во сне и даже конвульсировал. Мы мало чего могли сделать. Джени ухаживала за ним, как только могла. Он то и дело приходил в себя, смотрел на меня и начинал говорить о том, как бросал трупы в кузов самосвала или как спал в машинах, либо про другие глупости, которыми мы занимались.

Именно тогда я понял, что он не жилец. Эта мысль ранила меня, причиняла боль. Мы столько всего пережили вместе. Спекс был как глупый младший брат, который раздражает тебя, постоянно путается под ногами, но ты втайне даже рад этому. Я не хотел остаться без него.

Затем однажды он сказал мне:

— Нэш... не дай мне умереть вот так... мне больно... очень больно... я не могу дышать. Избавь меня от этого страдания.

Я лишь покачал головой. Это было недопустимо.

Но Спекс был настойчив.

— Пожалуйста, Нэш, не заставляй меня страдать. Отдай меня... отдай меня Тени.

Я сказал ему, что это чистое безумие. Но он продолжал упрашивать меня, и в итоге Шон и Джени тоже его слышали. Спекс считал, что Тень разозлилась на него, поскольку это он предложил сжечь старика на костре. Спекс сказал, что Тень хотела вовсе не этого. Поэтому в

качестве наказания она заразила его каким-то вирусом. Может, и так. Кто знает?

— Вот почему это идеальное решение, — сказал он нам. — Я послужу жертвой. Отдам себя этому чудовищу, и это спасет меня от медленной смерти и умилюстит Тень. Она позаботится о вас, ребята, будет вас защищать.

Я был абсолютно против этого. Если честно, Тень хотела чего-то большего. Я знал это. Чувствовал. Слышал это у себя в голове. Я совершил большую ошибку, сказав об этом Спексу. Но было слишком поздно.

— Пожалуйста, Нэш. Пожалуйста, — не унимался он.

Мы все были против... но этот жалостливый, умоляющий взгляд сломил нас. Шон сдался первым, и сказал, что это единственное, что мы можем сделать для него. А затем Джени...

— Он — наш друг, — сказала мне она. — Я против того, чтобы отнимать любую жизнь... но мы не можем заставлять его страдать. Он сам хочет этого... Думаю, ты должен предоставить ему такую возможность.

Мы принялись спорить, но он настоял на своем.

Поэтому мы решили принести Спекса в жертву.

Решили отдать его Тени.

15

Шон раздобыл носилки, и на закате мы отнесли Спекса на какой-то склад. Мы не собирались сжигать его, не собирались устраивать это гребаное языческое безумие. Мы собирались сделать все правильно и просто отдать его Тени. Мы положили носилки на какие-то ящики. Зажгли свечи, поскольку на этом настояла Джени. Спекс любил весь этот оккультный цирк.

И вот, настал его час.

Я никогда не забуду ту ночь. Мерцающие свечи. Гробовая тишина. Холод, приползший с реки. Склад напоминал какую-то гробницу.

Я взял Спекса за руку, и мы стали разговаривать.

— Помнишь тот день, когда мы сидели на скамейке, Нэш? Ели тушенку и пили газировку. В тот день я понял, что ты мой лучший на свете друг.

Я не мог этого вынести. И разрыдался. Стал кричать, что не могу пойти на это. Кидался на Шона и Джени, а они просто смотрели на меня с беспомощной грустью в глазах. Затем я посмотрел на Спекса, сражающегося за каждый вдох, и понял, что должен сделать это.

Поэтому я стал вызвать Тень.

Закрыв глаза и представил себе темную сферу, с которой у меня всегда ассоциировалась Тень. Я сразу же почувствовал ее приближение. На меня накатила ледяной, первобытный ужас. Атмосфера на складе мгновенно изменилась с нейтральной до *активированной*. Только так я могу описать это. Вокруг нас был уже не просто мертвый воздух, а эфир, заряженный, смертоносный и гудящий от наплыва энергии. Волосы на руках и затылке встали дыбом, будто я соприкоснулся с зарядом статического электричества.

Я упал на колени.

Шон с Джени оттащили меня на безопасное расстояние.

Я почувствовал резкий запах озона и чего-то, похожего на горелое мясо и кровь, выкипевшую до состояния пара. Затем появилось ужасное, едкое зловоние, как от расплавленной проводки и перегоревших предохранителей. Казалось, весь склад ходит

ходуном. Бетонный пол вибрировал. Последовала обжигающая вспышка чего-то, похожего на цепную молнию, которая тут же ослепила меня, а потом появилась Тень. Кипящая черная масса, словно грозовые тучи, готовые выстрелить электрическими разрядами в землю. Это была бурлящая, ревущая, стихийная сила, источавшая жару коксовых печей и токсичное свечение ядерных реакторов. Смотреть на нее было все равно что смотреть на первобытные огни космического творения.

Джени закричала.

Шон упал на задницу и пытался уползти.

Тень пульсировала, вращаясь вокруг оси чистой ядерной силы. Это было ужасающее зрелище. Ураган из радиоактивных осадков, пыли и гранулированного вещества с сердцевиной из сверхгорячей плазмы. Она издавала жужжание, словно миллион рассерженных шершней.

Я почувствовал, как от ее жары сгорают волоски на тыльной стороне моих ладоней. Это была материя, сила и пульсирующая энергия, но не бездумная. Эта энергия была разумной и направленной. Абсолютный ядерный хаос был живым, злым и голодным. В самом центре вихря была зона черноты, темней которой я не видел ничего в жизни. Черноты, которая могла существовать лишь вне времени и пространства. И в этой визжащей пустоте антиматерии светились два красных глаза. Таких горячих, что, казалось, могли плавить сталь.

Наконец, Тень забрала Спекса.

Боже милостивый, она забрала его.

Масса Тени постоянно менялась и обновлялась. Хотя думаю, что, если бы вы спросили ее размеры, я сказал бы, что она была примерно двенадцать футов в высоту и где-то шесть в ширину. На мгновение она зависла над Спексом. Именно тогда он осознал, чему именно отдает себя.

И закричал.

Закричал, наверное, собрав последние остатки воздуха. Никогда раньше я не слышал такого дикого, пронзительного, истеричного крика. Этот звук эхом разнесся по складу. Шон хотел, было, помочь, но я удержал его. Спексу наша помощь уже была не нужна. Если бы Шон приблизился к этой радиоактивной печи, то превратился бы в пар.

Поскольку именно это и случилось со Спексом.

Его засосало в Тень. Я видел, как он кружится в той безбожной пустоте. Видел, как он раздувается, а потом буквально разлетается на частицы, которые затягиваются в центральное ядро, становятся его частью. Каждый атом впитывал его энергию в кружащемся субатомном урагане. А затем он снова вернулся. Рухнул на пол почерневшей, дымящейся грудой мусора, которая искрилась и потрескивала.

Жужжание стихало. Казалось, его источник находился где-то очень далеко. Затем раздался глухой, отдающийся эхом взрыв, больше напоминающий сверхзвуковой хлопок, когда воздух схлопывается в пустоту, оставленную сверхзвуковым самолетом.

Вот и все.

Тень ушла, и Спекс тоже. Осталась лишь дымящаяся грудка мусора, заряженная энергией, разобранная на молекулярном уровне, а затем собранная вновь и исторгнутая в наше время и пространство.

Шону и Джени пришлось практически выносить меня оттуда. Какое-то время они не разговаривали, и я не виню их за это. Ибо я показал им то, что ни один здравомыслящий

разум не должен был видеть никогда.

Лик Дьявола.

16

Еще несколько недель после этого мне снились кошмары о той ночи. Снова и снова я видел, как Тень забирает Спекса, и что с ним происходит. Снова и снова я видел почерневшую, горящую грудку мусора, в которую он превратился. Он был моим другом. Очень верный и добрый парень. А я отдал его этому гребаному кошмару. И как, во имя всего святого, мне забыть это? Как научиться жить с этим?

Однажды ночью, когда Шон ушел все обдумать и напиться, мы с Джени впервые занялись любовью. Она была настолько моложе меня, что это мне показалось чуть ли не отклонением, но я все-равно сделал это. Я буквально растворился в ней, и тепло ее прижавшегося ко мне тела было самым приятным, что я когда-либо ощущал. По крайней мере, так я сказал себе.

Какой все-таки удивительный мир это был. Пустынные города и плодящиеся мутанты, биологические эпидемии и "красные дожди", радиоактивные осадки и... *Тень*. Я не знал, что это, и не хотел строить догадки. Хотя, когда я посмотрел на нее, я был уверен, это то самое вещество, из которого создана вселенная. Так сказать, плоть изначального космического творения.

Той ночью Шон не вернулся домой.

Мы были встревожены. Около полудня он появился, с внедорожником и полным баком горючего. Еще с ним было двое мужчин. Один — длинный и тощий, другой, наоборот, — мускулистый коротышка. Несмотря на красоту Джени, они едва взглянули в ее сторону. Зато уставились на меня, и я был уверен, что увидел у них в глазах что-то похожее на страх и благоговение. Мне было интересно, что Шон рассказал им, но я решил, что, на самом деле, это не так уж и важно.

— Это Карл и Техасец Слим, — сказал мне Шон. — Они тоже хотят отправиться на запад.

— Добро пожаловать, — сказал я им, гадая, не придется ли однажды сжечь одного из них, ради безопасности остальных. — Добро пожаловать.

Теперь нас было пятеро.

ЭЛКХАРТ, ШТ. ИНДИАНА 1

Я вступил в сговор с Тенью.

Если раньше я питал насчет этого сомнения, то после Кливленда они рассеялись.

Я приносил ей жертвы, производил отбор. И делал это не только ради спасения своей жалкой задницы, но и ради своего маленького отряда. Мы заботились о Тени, а она заботилась о нас. Мы оставались здоровыми. Не были поражены язвами и лучевыми ожогами, как другие. В нашем организме не было заразы, и наши гены не сходили с ума от радиации. Тень вела меня, указывала верное направление. Я же всегда находил для нее лакомство, а мы, в свою очередь, были живы и сильны. У нас всегда было, что поесть, и где переночевать. Нет, я не знаю, как это работало. Точнее, не совсем. Только то, что альянс с этой сущностью дал нам некую защитную магию.

2

Мы около получаса стояли у реки и наблюдали за горящей женщиной. В лицо несло жарким смрадом горелой плоти. Когда уже все было кончено, и от женщины остался лишь

тлеющий скелет, мы продолжали смотреть на языки пламени, лижущее ее грудную клетку и полости черепа. Зрелище было ужасное, но мы могли отвести взгляд, словно дети, замороженные костром. Что-то гипнотизирующее было в этом мистическом зове огня. Наверное, то же самое чувствовали наши предки, жавшиеся друг к другу возле костра в пещере ледникового периода.

Запах выворачивал наизнанку.

Вы, наверное, думаете, что после всех сгоревших тел, на которых мы натыкались, мы перестанем замечать этот запах, как охранники в концлагере "Белжец", скармливающие трупы печам. Но мы его замечали. Все мы. Это сгоревшее пугало, привязанное к дереву, несколько дней не шло у нас из головы. И запах. Потому что смрад паленых волос, горелой плоти и обугленных костей оставался с нами, преследовал, проникал в наши сны. И мы просыпались в поту и ужасе, уверенные что почерневший, ухмыляющийся череп лежит на соседней подушке.

— Думаю, с ней закончено, — наконец, сказал Карл, поджигая от горящего трупа прутик и прикуривая от него сигарету.

Техасец Слим усмехнулся.

— Немного медового соуса, картофеля и бобов, и у нас получится отличное барбекю.

Я рассмеялся. Как и Шон. Шутка была забавная. Еще забавнее работал человеческий мозг. В худших ситуациях в голове срабатывает какой-то психологический рычаг или предохранительный клапан, который высвобождает напряжение, заставляя нас шутить на самые страшные темы. Думаю, по той же причине солдаты, сидевшие в окопах Первой мировой, делали себе из человеческих черепов домашних питомцев и давали им глупые имена, вроде "Мистер Бряк" или "Болтушка". И то же самое заставляло людей внезапно хохотать на похоронах.

— Довольно, — сказала Джени, которая все это время держалась с подветренной стороны, подальше от горящей женщины. — Не хочу это слушать.

— Брось, Джени, — сказал я. — Мы же просто шутим.

Джени не нравилось подобное дерьмо. Она не видела в мертвецах ничего смешного, хотя сейчас они валялись повсюду. Города превратились в кладбища, и улицы были усеяны останками. Для нее тело по-прежнему оставалось чьим-то телом. Для остальных из нас тело было все-равно, что мешок с листьями или картонная коробка. Но это была Джени. Последняя, кто сохранил сердечность. Исчезающий вид.

Прошло почти два месяца, с тех пор, как мы, с Карлом и Техасцем Слимом на буксире, покинули Кливленд. То было тяжелое время. Мы сражались с Тесаками, прятались от радиоактивных бурь, искали транспортные средства, добывали еду. Дни тянулись как в тумане.

И вот теперь я стоял и смотрел на останки очередной жертвы, принесенной на алтарь Тени.

Джени сердито потопала прочь.

Техасец Слим и Шон осторожно покосились на меня, как обычно делают друзья, когда твоя подружка не в настроении. Я взял у Карла сигарету, закурил и стал смотреть на проносящиеся мимо воды реки Сэйнт-Джозеф.

— Эй, Нэш, — обратился ко мне Шон. — Я рассказывал тебе, как я продавал свою жену за доллар?

Техасец Слим захихикал.

— Хорошая байка.

Шон улыбнулся в лунном свете своим щербатым ртом.

— Это случилось в Стерджисе, на слете байкеров, знаешь, наверное? Мы с моей старухой, ясен пень, всю дорогу грызлись. Целый день напролет. Как и всегда, впрочем. У меня как-раз после этого шрам на лбу, видишь? Мы сидели в этой забегаловке "Хоп-н-граинд", и моя старуха отрубилась. И так получилось, что я стал сосаться с ее сестрицей, которая сидела рядом. Она трахается со всеми, у кого хоть что-то есть между ног. Трикси очушивается и видит, что я занимаюсь оральным сексом с ее сеструхой. Она начинает что-то орать и бьет меня по башке пивной бутылкой. Вот ведь гадкая сука, эта Трикси. — Он рассмеялся. — И все-таки мы были в Стерджисе. Бухали и курили дурь весь день напролет. Сидим мы, значит, в этом баре, накидываемся вискарем, и грыземся друг с другом, как водится. И тут к нам подходит здоровенный чувак, думаю он был из "Изгоев" или "Язычников", и говорит: "Эй, сколько стоит твоя баба?" Я ему: "Хочешь купить это дерьмо?" Он мне: "Ну, да, конечно. Сколько стоит?" "Доллар", — отвечаю я. Он сует мне доллар и хватает Трикси. Та успевает проорать мне что-то напоследок.

— Ну, и что дальше? — поинтересовался Техасец Слим. — Он грохнул ее?

Шон затаился сигаретой.

— Не, ничего подобного. Часа в три ночи она заявляется в отель, вся грязная, в рваной одежде. И я ее спрашиваю: "Эй, детка, как оно было?" Она тогда чуть все дерьмо из меня не выбила. На следующий день, тот здоровенный байкер подходит ко мне и говорит: "Я хочу получить свой доллар назад." Я ему: "Что, все так плохо, да?" Но парню не до смеха, и он говорит: "Чтобы торговать ядовитыми змеями, у тебя должна быть лицензия, засранец." — Шон вздохнул. — Да, Трикси такая. Та еще штучка. Последнее, что я о ней слышал, это то, что она отбывала "пятеру" в тюрьме штата Юта за хранение.

Мы все снова рассмеялись. Все, кроме Джени. Ей не нравились подобные истории. Теперь многое изменилось. Чтобы выжить, приходилось держаться вместе. Не как в прежние времена, когда вы с друзьями сидели в какой-нибудь холостяцкой дыре, обменивались остротами и болтали о сиськах. В эти дни, если у тебя была женщина, тебе нужно было держать ее при себе, а ей, в свою очередь, — держаться при тебе.

— Нам лучше уходить, Нэш, — сказал Карл. Не хотел бы находиться здесь в темноте.

— Ладно, — согласился я. — Двигаем.

Мы пересекли Айленд Парк, с оружием наготове и с рюкзаками за спиной, поглядывая на тени, не прячется ли в них кто. Но ничего пока не замечали. Вышли на Джэксон Бульвар, перебрались через мост и Уотерфол Драйв, и спустились к Сауз Мэйн. Нужно было найти место для ночлега. Все валились с ног от усталости. Обычно, мы находили себе такое место задолго до заката. Но сегодня было не до этого.

— Начинайте, проверять, где не заперто, — сказал я Техасцу Слиму по дороге. — Нужно залечь где-нибудь.

Он стал проверять дом за домом, но все двери были закрыты. Мы могли бы взломать любую, но я не хотел устраивать шум и привлекать к себе внимание. К тому же, какой прок от двери, снесенной с петель? Необходимо было место, защищенное от того, что могло прятаться в темноте.

— Плохо, что никто из нас не умеет летать на самолете, — сказал Шон. — В аэропорту полно самолетов. Я мог бы попробовать, Нэш.

— О, заткись, — сказала ему Джени.

В небе ярко светила полная луна. Главная дорога, простиравшаяся в обе стороны от нас, походила на светящуюся ленту. Вокруг стояла мертвая тишина, и все казалось каким-то сюрреалистичным. Все эти пустые дома и магазинчики, теснящиеся по обе стороны дороги, брошенные машины у обочин. Если б не валявшиеся в канавах скелеты и не эта жуткая тишина, можно было бы подумать, что здесь по-прежнему существует жизнь. Люди по-прежнему спят в своих кроватях, дети смотрят свои детские сны, накапливая силы для нового дня.

Но все это осталось в прошлом.

Те здания были памятниками исчезнувшему образу жизни. Главная улица Элххарта была похожа на заключенный под стекло музейный экспонат. Бережно хранимый, но давно уже мертвый. Все дорогу Карл шел впереди, держа ружье наготове, поэтому я чувствовал себя спокойно. То, что мы сделали этим вечером, не было поводом для гордости. Но мы были живы, по-прежнему дышали. И мы будем драться за каждый день своей жизни.

Я терзался вопросами, где нам залечь на ночь, и где завтра раздобыть машину. Большинство из них были разбиты, у других сдох аккумулятор, либо сняты части двигателя. Но нам нужна была тачка. Очень нужна. Мы должны были ехать на запад,

— Открыто, — наконец крикнул Техасец, стоя возле тату-салона, называющегося "ПОРТАЧНЫЕ И ОПАСНЫЕ"

Не хуже других.

— Идем, Карл, — сказал я, дожидаясь, пока тот просканирует дулом своего "калаша" улицы на предмет угрозы. Он всегда искал источник угрозы.

Мы гуськом вошли внутрь, я запер дверь и опустил на витрину жалюзи. Помещение было тесным, но оно имело заднюю дверь, ведущую в переулок, на тот случай, если нам придется по-быстрому делать ноги. Мы разобрали свои спальные мешки, парни закурили, а я попытался провести с Джени воспитательную беседу.

Однако после произошедшего в парке она не хотела со мной разговаривать. Ушла в себя, совершенно потрясенная тем, что мы сделали с женщиной и тем, что заставили ее испытать. Но меня это не особенно волновало. Я знал лишь, что все позади. Что все кончено. Мы принесли жертву, и теперь мы в безопасности. По крайней мере, до следующего полнолуния.

До тех пор, пока Тень вновь не постучится к нам с пустым брюхом.

3

Казалось, едва моя голова коснулась подушки, как меня разбудил Карл.

— Нэш, — сказал он. — Ну же, Нэш, просыпайся, твою мать. У нас проблемы.

— Что? — спросил я.

— Похоже, там кто-то есть. Точнее, я уверен в этом.

Я выбрался из спального мешка, выглянул в окно и ничего не увидел. Лишь пустые улицы и ржавые остовы машин. Одни стояли у обочин, другие прямо на тротуарах. Некоторые пробили собой витрины магазинов через улицу.

— Все выглядит довольно тихо, — сказал я.

— Мне кажется, что за нами следят.

Я посмотрел еще раз, но так ничего и не увидел.

— Кто-то или что-то шло за нами по пятам. Я уверен в этом, — сказал он. — И они сейчас где-то там.

Интуиция у Карла не всегда была на высоте, но в опасных ситуациях обычно его не подводила. Я смотрел на улицы, и, хотя ничего не видел, у меня было странное ощущение,

что за мной наблюдают. От этого у меня даже мурашки пошли по затылку.

Шон выполз из своего мешка, потянулся и сказал:

— И как, черт возьми, я должен спать под вашу болтовню?

— За нами следят, — сказал Карл.

— Тебе всегда кажется, что за нами следят, — проворчал Шон. — Ложись уже спать, на хрен. Вставь себе тампон и прими что-нибудь от головы, девочка.

Карл едва не ударил его прикладом "калаша". И это было уже не в первый раз. Я, как всегда, встал между ними. Карл постоянно цапался с Шоном или с Техасцем. Он легко заводился, и они знали это. Он просто не понимал шуток. Такие как он постоянно становились объектами насмешек.

Я снова выглянул в окно. На мгновение мне показалось, что кто-то метнулся за машину. Хотя, возможно, мне просто померещилось. Я еще не отошел ото сна. Луна над зданиями уже пересекла все небо. Похоже, я проспал несколько часов.

Едва я убрал голову от окна, как прозвучал первый выстрел.

Пуля пробила стекло, и я почувствовал, как она пролетела у меня возле щеки. Большой калибр, поскольку она не проделала в стекле аккуратную дырку, а разбила его вдребезги. Вторая пуля попала в стеклянную панель двери. Карл вскинул свой "калаш" и выпустил несколько коротких очередей в сторону улицы. В ответ раздались выстрелы как минимум из трех стволов. Стекло вылетело из двери, и в стенах у нас за спиной образовались черные дыры. Карл выпустил еще одну очередь. К тому моменту я, стоя на четвереньках, уже собрал всех вокруг себя. Мы свернули спальные мешки, собрали рюкзаки и поспешили к черному выходу.

Карл дал еще очередь, чтобы не подпустить неприятеля к зданию.

— Двигаем, — сказал Шон. — Я задержу этих "индейцев", а потом догоню вас.

Никогда не забуду, как он встал там со своим карабином "Ругер Мини-14", уклоняясь от пуль, решетящих тату-салон, затем передернул затвор и открыл огонь на подавление. А еще я не забуду его щербатую улыбку, которой сверкнул мне, прямо перед тем, как пуля попала ему в голову и вышибла мозги.

Кто-то закричал. На самом деле, кричали двое: Джени от ужаса, а Карл от бешеной ярости. Словно парализованный я смотрел, как Шон рухнул на пол, засучил ногами и затих. Верхняя часть головы у него попросту... исчезла. Я подполз к нему, выдернул из рук карабин, что-то прошептал, что-то скорбное и сентиментальное, и последовал за остальными через заднюю дверь. Шон. Они убили Шона. *Господи Иисусе, Шон, твою ж мать.*

Переулок. Карл уже убежал, а Джейн хотела подождать меня, но Техасец Слим не собирался этого делать. Он схватил Джени за руку и потащил за собой против ее воли. Переулок после нескольких поворотов вывел нас на улицу. Я догнал остальных, и бросил Карлу "Ругер" Шона, у которого кучность стрельбы была гораздо выше, чем у его АК. Вдру из-за машины выскочил один из нападавших и выстрелил, как мне показалось, из винтовки калибра.30–30. Он успел сделать только один выстрел. Карл выстрелил из карабина Шона, и нападавший с криком рухнул на улицу, словив пулю в живот.

Мы бросились бежать.

За нами гнались. Я приказал моим людям разведать, что впереди. А сам решил отвлечь преследователей и выиграть нам немного времени. Остальные бросились вперед и скрылись из виду. Я стал ждать. Тишина была невыносимая. Я слышал, как ветерок шевелит ветви

осины через улицу. Вдали завывла собака. И снова тишина. Затем, минут пять спустя, топот бегущих ног. Они были всего в квартале от меня. Я насчитал троих.

Преследователи спрятались за машиной.

Заметив блеск ружейного ствола, я вскинул свою винтовку и выстрелил. Попасть ни в кого не попал, но моя пуля разбила лобовое стекло "Кадиллака" и дала преследователям повод задуматься. В ответ прозвучала пара выстрелов. Я выстрелил еще раз и, пригнувшись, бросился бежать по тротуару. Несколько пуль попало в витрины, и я нырнул за какой-то пикап.

Я понятия не имел, где к этому моменту были мои друзья.

Я стал ждать, когда плохие парни приблизятся, но те не торопились. Время от времени они постреливали в мою сторону, но я не стал отвечать огнем. Я хотел выманить их из укрытия, и чем дольше я буду сидеть тихо, тем сильнее им захочется знать, что со мной случилось. Будь я умнее, я закричал бы, чтоб они подумали, что попали в меня. Но я был не настолько умным. Я не хотел, чтобы Джени и остальные бросились ко мне на помощь и попали в ловушку.

Раздались приближающиеся шаги.

Легкие и быстрые. Но они приближались ко мне сзади. А значит, либо плохие парни окружили меня, либо...

— Нэш, — позвал Карл. — В двух кварталах отсюда здание железнодорожного вокзала. Территория вокруг него открытая, с идеальной зоной поражения. Пристрелим любого, кто приблизится. Техасец и Джени ждут нас там неподалеку. Пошли.

И тут я услышал, как взревели моторы. У наших преследователей было как минимум два транспортных средства. Мы были пешком, а плохие парни — на колесах. Дело начало принимать скверный оборот. Я побежал за Карлом. Когда мне показалось, что легкие у меня вот-вот взорвутся, мы увидели Джени и Техасца Слима. Они ждали нас за перевернутым "Датсуном". Я последовал за ними по Тайлер-стрит, через ворота на парковку вокзала, который до конца света являлся крупным железнодорожным узлом. В глаза мне бросились вывески компаний "Мичиган Саузерн" и "Конрэйл".

Карл был прав. Территория со всех сторон была открыта. Легко обороняемая, с идеальной зоной поражения. Никто не сможет подойти незамеченным. Напротив находился Центральный музей Нью-Йорка, а сразу за ним — сортировочная станция "Конрэйл" и главная ветка. Станция была огромной и простиралась в бесконечность. Там не было ничего, кроме ржавеющих на рельсах мертвых составов. И в лунном свете казалось, что они тянутся на многие мили. Единственная проблема заключалась в том, что здание было слишком большим, и вчетвером прикрыть его со всех сторон было нереально.

Я увидел приближающийся свет фар и понял, что другого выбора у нас нет. Горизонт светлел, и я знал, что меньше, чем через час взойдет солнце. Для нас это было преимуществом. Вокзал оказался открыт, и, зайдя внутрь, мы сразу же заперли и забаррикадировали дверь. Карл проверил другие двери и запер все. Затем мы поднялись наверх в офисные помещения. Из окон это будет все равно, что стрелять по уткам.

На парковку въехали пикап и "Форд Бронко". Из пикапа вышло двое мужчин, из "Бронко" — еще трое. Они выглядели вполне нормальными. Не знаю, чего они от нас хотели, и, наверное, уже не узнаю. Возможно, просто разношерстные останки ополчения, вышедшие на охоту. Может, они хотели наше оружие. Может, хотели Джени.

К тому времени, как они выбрались из машин, на востоке солнце уже заявляло о себе.

Они болтали между собой, причем довольно непринужденно. Они не знали, что мы здесь. Возможно, подозревали, но не знали наверняка. Я надеялся, очень надеялся, что они просто уедут. Мне хотелось очень крепко наказать их за то, что они убили Шона. Но я готов был отпустить их, чтобы не подвергать моих друзей опасности. Тем более, что Карл уже убил одного из них.

Мужчины начали прочесывать парковку.

— Вот, дерьмо, — ругнулся я себе под нос.

Мы открыли окна. Я вскинул свою винтовку, прицелился в парня в ковбойской шляпе, нажал на спусковой крючок и уложил его. Карл выстрелил на долю секунды позже и завалил второго в голову. Еще одного я ранил в ногу. Двое трупов лежали на парковке в лужах собственной крови. Тот, которого я подстрелил, кричал от боли. Остальные отступили за пикап, выпустив несколько пуль в нашу сторону.

— Мы их прижали, Нэш, — сказал Карл. — Как только взойдет солнце, разделаемся с ними.

Я кивнул.

— Не стрелять, пока не рассветет. Пока они не зашевелиются. А шевелиться им придется довольно скоро.

Солнце вставало. Мир из черного стал темно-синим, а потом светло-голубым. Через пятнадцать минут будет совсем светло. Что мне не хотелось, так это играть весь день в кошки-мышки с этими засранцами. Я подошел к Карлу, и кое-что шепнул ему на ухо. Моя идея ему понравилась. Джени ждала у меня за спиной. Техасец Слим был в коридоре и приглядывал за лестницей.

Дважды за следующие пару минут плохие парни пытались добраться до своих машин, и дважды пули Карла ложились в нескольких дюймах от них. Мы хорошо их прижали. Они прятались за пикапом. "Бронко" стоял чуть дальше, и они не решались бежать к нему. И это хорошо, потому что я уже положил глаз на эту тачку. Я хотел ее. И готов был положить их всех ради нее.

Карл закурил и выпусти облако дыма.

— Нэш? — позвал он.

— Давай.

Джени посмотрела на меня, но я молчал. Карл зажал в зубах сигарету, прицелился в пикап, и принялся палить, в быстрой последовательности передергивая затвор "Ругера" и нажимая на спусковой крючок. Одна пуля попала в лобовое стекло. Другая — в переднее колесо со стороны водителя. Он прижал их. Еще две пули вошли в кабину. А затем контрольный выстрел. Карл высунулся из окна, прицелился в бензобак, спустил курок, и попал точно в цель. Из-под грузовика сразу же полился бензин.

Плохие парни закричали.

Карл снова выстрелил в бак, и тот взорвался с громких хлопком, лужа бензина вспыхнула. Из-за пикапа выскочили трое уцелевших — один пытался сбить с себя пламя. Они открыли огонь по зданию, пытаясь добраться до "Бронко", стоявшего в двадцати футах от них. Я прицелился и выстрелил в парня, которого уже ранил в ногу. Пуля попала ему в бок, и он рухнул на тротуар. Он закричал, будто его поджаривали живьем.

От горящего пикапа валил густой дым, скрывая как их от нас, так и нас от них. Двое уцелевших собирались добраться до "Бронко". Я сделал два-три выстрела по тому месту, где, как думал, они находились. Но я знал, что кто-то из них доберется до машины. Так бы и

случилось.

Но тут произошло кое-что еще.

4

Карл прекратил стрельбу и отошел от окна.

— Слышишь? — спросил он. — Ты слышишь это? Они приближаются...

— Ну и запах, — сказала Джени.

Я не понимал, о чем они оба говорят. Я чувствовал смрад горящего бензина, обожженного металла, расплавленной резины и кордида. В ушах звенело от выстрелов. Поэтому какое-то время других звуков и запахов я не разбирал. Но потом я услышал и почувствовал. Нарастающее ровное гудение, приближающееся, казалось, со всех сторон. И запах. Сладкий и тошнотворный, как от сахара, расплавленного в кастрюле. Гудение становилось все громче, пока не перешло на пронзительное жужжание. А этот запах... Он выворачивал наизнанку, будто тебя макнули головой в сочащийся медом улей. Совершенно невыносимый.

— Закрывайте окна! — закричал я.

Но Карл и Джени уже этим занимались, и я к ним присоединился. Казалось, никого из нас не волновало, что мы превратились в живые мишени для тех, кто внизу. Мы знали, что приближается. И очень хорошо знали, что произойдет, если мы быстро не закроем окна.

— Они уже в фойе! — закричал Техасец Слим, влетев в комнату и захлопнув за собой дверь.

Мы закрыли окна очень вовремя — ибо что-то село на стекло с внешней стороны. Насекомое. Оно было дюймов шесть в длину, сегментированное, бледное, как личинка термита, с крошечными шипами, растущими из туловища. Походящее на странного гибрида осы, мухи и москита, оно трепетало большими полупрозрачными крыльями фиолетового цвета, покрытыми замысловатым рисунком темных вен. У него были выпуклые красновато-оранжевые глаза, и клянусь, оно жадно смотрело на нас. Карл постучал по стеклу, и на него село еще три насекомых. А потом еще столько же. Они знали, что мы здесь, и хотели до нас добраться. Жужжа крыльями, ползали по стеклу и исследовали его своими мясистыми хоботками. Этот хоботок были самой мерзкой их частью. Эластичный, пульсирующий, с ярким кончиком, напоминающим влажные розовые губы. И этот кончик раздувался и сокращался, словно целовал стекло.

Страх перед насекомыми, особенно крупными, — инстинктивен. И этот инстинкт превращается в манию, если насекомые налетают роем, как в данном случае. Не знаю, что это были за существа. Никто не знал. Просто ужасы, родившиеся из ядерного пепла. Радиация изменила их гены, идеально адаптировала их для охоты в условиях нового мира. Мы называли их "кровососами", и это название было не хуже других, потому что они и были кровососами. Летали плотными, жужжащими облаками, набрасывались на все, в чем текла кровь и высасывали досуха.

Я видел, как это происходит, и это было ужасно.

Карл снова постучал по стеклу, и что-то сжалось у меня внутри от страха, что оно сломается. Но оно не сломалось. Насекомые улетели. На парковке сотни их собрались в огромный жужжащий рой, то взмывающий вверх, то опускающийся вниз. Некоторые особи то отрывались от общей массы, то возвращались в нее, кружа вокруг друг друга.

Но даже сквозь это пронзительное жужжание я слышал крики плохих парней.

Наверное, я никогда не забуду этот звук. Наши противники были покрыты кровососами, буквально облеплены ими. Корчились на земле, давя насекомых своими телами. Но на них постоянно пикировали новые. Присасывались к ним своими хоботками с пухлыми губками — не знаю, как еще их назвать — на конце и пили кровь. И этот звук я тоже слышал. Будто ребенок высасывал через соломинку десерт.

Джени отошла от окна, сильно дрожа и обхватив себя руками. Потом зажала себе уши. Она плакала. Рот у нее был раскрыт, словно в крике, но из него вырывался лишь глухой стон.

Техасца тоже трясло. Они оба испытывали абсолютный ужас перед насекомыми, число которых выросло уже в десятикратном размере. Обнявшись, они крепко прижались друг к другу. Возможно, я попытался бы успокоить их словами, если б меня самого не била дрожь.

Даже Карл выглядел неважно, хотя, казалось, ничто не могло его напугать. По лицу у него катились бусины пота. И я готов был поспорить, что они такие же ледяные, как испарина, выступившая у меня на лбу.

На парковке продолжался пир. Рой обнаружил тела двух застреленных нами мужчин и теперь кормился ими. Бензин давно выгорел, и пикап дымился, хотя и не настолько сильно, чтобы отпугнуть насекомых.

Как я уже говорил, кровососы были тусклого, бледно-кремового цвета. Но когда насыщались, наполняя свои вены и капилляры чужой кровью, то раздувались, а их тельца становились ярко-красными, как задний кончик москита, насосавшегося из вашей руки. Некоторые из них настолько отяжелели от крови, что не могли оторваться от земли. Они выглядели почти абсурдно со своими круглыми ярко-красными тельцами. Напоминали блестящие багровые мячи для софтбола. Некоторые из неспособных взлететь лениво ползали по земле, волоча за собой крылышки. Их сородичи прыгали на них, пытаясь помочь, и высасывали избытки крови.

На оконное стекло село еще несколько насекомых, и Карл стал стуком отгонять их, но я остановил его. Если стекло разобьется, нам конец. Это было защитное стекло, и такое не так легко разбить, как показывают в фильмах. Если только в этих окнах нет дефектов. Если одно из них не выдержит, нас высосут насухо до того, как мы успеем добраться до двери.

Убегать сейчас из комнаты был не вариант. Я слышал, как эти твари ползают по двери, постукивая, царапаясь и присасываясь хоботками к дереву.

Я выглянул в окно. Кровососы оставили плохих парней, высосав из них всю кровь до последней капли. Их белые тела лежали на тротуаре, свернувшись клубком, словно дохлые, высохшие пауки. Своими сморщенными лицами они напоминали мумий, пролежавших две тысячи лет в гробнице под пустыней.

— Почему они не улетают? — спросила Джени. — Какого черта им нужно?

— Им нужны мы, — тихо сказал Карл.

Конечно, говорить такое было неправильно. Все равно что говорить кому-то, боящемуся змей, что змея на заднем дворе не уползет, пока не заберется вам под штанину и не укусит. Но Карл никогда не отличался деликатностью.

Шум за дверью нарастал. Жужжание становилось невыносимым. Постукивание, царапание и посасывание — эти звуки будто проникали под кожу.

Я выглянул на улицу.

Насекомые по-прежнему были там, летали вокруг, облепили пикап и "Бронко". А на земле их было столько, что не было видно тротуара. Все больше их садилось на окна. Опьяневшие и раздутые от крови, они летали безумными кругами, сталкивались друг с

другом и ударялись об землю. А затем одно из них на полной скорости врезалось в оконное стекло. Удар был такой силы, что стекло завибрировало в раме. Я даже подпрыгнул от неожиданности. Насекомое было так раздуто от крови, что буквально взорвалось, как воздушный шар, наполненный водой. Кровь и кусочки ткани растеклись по стеклу ярким багровым пятном.

Джени закричала.

Похоже, я тоже закричал.

Разлитая кровь привела рой в неистовство. Десятки насекомых бросились слизывать ее со стекла. Жужжание за окнами стало даже громче, чем за дверью. Их подлетало все больше и больше. Они покрывали стекло и садились друг на друга, пока свет не померк, и в комнате не стало темно.

Карл порылся в рюкзаке и зажег пару свечей. Техасец Слим вытащил лампу Коулмана. Нам совсем не хотелось ждать в темноте, слушая, как эти твари жужжат и чмокают, и гадая, не сядет ли одна из них на шею кому-нибудь из нас. Это было бы слишком. Все равно, что жить на грани паники. Хотя мы и так были где-то рядом.

— Просто переждем, — сказал Карл, на удивление тихим голосом. — Когда эти твари поймут, что ловить больше нечего, они полетят дальше. Так всегда бывает.

Звучало логично. Будучи лидером этой маленькой группы, это должен был, наверное, сказать я. Но во рту у меня так пересохло, что не вышло бы ничего, кроме надломленного писка.

Карл подошел к двери и осмотрел ее, посветив фонариком. Потом закурил сигарету.

— Жалко, что мы не можем пустить туда дым, чтобы отогнать их.

— Просто... отойди от двери, — сказала ему Джени.

— Нужно убедиться, что она надежная, — сказал Карл.

Техасец Слим усмехнулся.

— Ну и как, надежная?

— Похоже на то.

— Это хорошая новость, Карл, — сказал Техасец. — Благодаря тебе мне тепло и уютно, как на коленках у мамочки.

— Поцелуй меня в зад, дятел.

— Довольно, — сказал я. — Давайте, завязывайте уже собачиться, ладно?

Техасец по-прежнему обнимал Джени на диване у стены. И я уверен, ему это нравилось.

— Ты же знаешь, что это не я, Нэш. Это все Карл. Ему просто нравится цепляться. А чем больше цепляешься, тем больше вероятность что прольется кровь.

— Хватит про кровь, — сказала Джени.

— Да, дорогая, — сказал он. — Все, что ты захочешь, моя голубка. Я здесь, чтобы утешить тебя.

— Следи за своими руками. Мои сиськи не нуждаются в утешении, как и моя задница.

Мы все рассмеялись.

Но наше веселье длилось не долго. На этот раз я услышал какое-то царапанье. В комнате полной тенью сложно было понять, откуда оно исходит. Ясно было лишь, что оно доносилось откуда-то поблизости и становилось все настойчивее. Я огляделся. Диван. Стол. Несколько кожаных кресел. Радиатор. Какое-то давно увядшее горшочное растение. Шкафы для документов. Гардеробная с закрытой дверью. Несколько стульев, придвинутых к столу.

— Мне это не нравится, — сказал Техасец Слим.

Мы с Карлом принялись осматривать все с помощью фонариков. Сперва мы подумали, что звук исходит откуда-то из стен. Но, оказалось, что это не так. Я обошел стол, светя повсюду фонариком. Луч упал на вентиляционное отверстие в полу. И оттуда блеснули два выпученных красных глаза.

Я вскрикнул и отшатнулся назад.

Кровосос вылетел из вентиляции и стал медленно кружить по комнате, словно мотылек вокруг уличного фонаря. Он явно никуда не спешил. Техасец и Джени с криком пригнулись. Карл приготовился стрелять. Я схватил мусорную корзину и попытался ударить тварь. В мерцающем свете лампы и свечей тварь отбрасывала на стену гигантскую, многоногую тень. Она летала, как оса при замедленной съемке в документальных фильмах на "Дискавери Чэнел". Просто парила вокруг.

Карл подскочил, взмахнул карабином, словно бейсбольной битой, и ударил ее. Та отлетела от стены, проскользила по столу и упала на пол примерно в трех дюймах от моего ботинка. Я инстинктивно наступил на нее и едва не пожалел. Хруст ее экзоскелета вызвал у меня дрожь. Перед тем, как превратиться в кашу, тварь издала какую-то трель, похожую на предсмертный стон.

— О, боже, — сказала Джени.

Приторный запах раскаленного меда усиливался, и не это от того, что я вытирал ботинок об коврик под столом. Потому что царапанье повторилось, только на этот раз громче, чем раньше. Оно доносилось из вентиляционного отверстия.

Я увидел двух тварей, летающих вокруг, и то и дело натыкающихся на потолок. Еще одна села на абажур. Карл чертыхнулся, вскинул карабин и выстрелил. Пуля разорвала насекомое на две половинки, которые носились по полу еще пару секунд, пока не затихли.

— Не стрелять! — крикнул я, глядя на черную, дышащую массу, покрывающую окна. — Если разобьешь стекло, нам конец.

Техасец и Джени прижались друг к другу еще крепче. В одной руке Техасец держал диванную подушку и отчаянно отбивался ею. Вероятно, это была самая нелепая оборона, которую я когда-либо наблюдал.

Карл гонялся за другими насекомыми. Они летали бесцельными кругами, натыкаясь на стены. Одно из них опрокинуло вазу со стола, и та разбилась об пол. Карл сбил одну тварь и раздавил ботинком, а я оглушил другую мусорным ведром, и та спикировала вниз. У нее было повреждено крыло, но она была слишком глупа, чтобы понять это, и продолжала, жужжа, носиться кругами по полу. Я прикончил ее корзиной.

Но к тому времени появились и другие.

Одна набросилась на Джени. Та ударила ее, отбросив в сторону, и раздавила ногой. Техасец сбил еще одну подушкой и тоже раздавил. Услышав хруст, он поморщился и простонал:

— О, господи.

Одна из тварей спикировала мне на голову, и я отогнал ее корзиной. Две другие набросились на Карла, одна вцепилась ему в кулак, когда он хотел ударить ее, другая — в тыльную сторону руки. Одну он раздавил, ударив кулаком по стене, но другая держалась слишком крепко, присосавшись хоботком к коже. Карл издал дикий крик. Я подскочил к нему и схватил насекомое. Оно было горячим и скользким, тельце быстро пульсировало, как сердце у новорожденного. Я сжал его изо всех сил. Крылышки зашелестели, как сухой целлофан, а скелет захрустел, будто яичная скорлупа. Между пальцев у меня брызнула бурая

слизь. В приступе тошноты, я резко дернул насекомое, но хоботок не поддавался. Изуродованное тельце мне удалось оторвать, но хоботок растянулся, словно резиновая лента. Затем с влажным хлопком губы отцепились, и в щеку мне брызнула кровь Карла.

Я швырнул тварь на пол.

Техасец и Джени стояли и отбивались от насекомых.

— Закройте вентиляционное отверстие! — закричал Техасец.

Именно это я и собирался сделать, но Карл опередил меня. Без возможности пользоваться оружием он придумал кое-что получше. Схватил с настенной полки баллончик с силиконовым спреем — с помощью такого обычно смазывают детали машин или полируют кожаную обивку. Опустился на колени перед вентиляционным отверстием, нажал колпачок на баллончике и поднес к струе зажигалку. Вырвался грибовидный язык пламени в фут длиной. Карл направил его в отверстие. Один из вылетающих кровососов вспыхнул, сморщился и издав пронзительный писк, издох. Затем Карл поджарил тех, что были на походе, отогнав их вглубь вентиляции. Когда вентиляционная решетка раскалилась до красна, он вытащил один из картотечных ящиков и заблокировал отверстие.

Пока он делал это, остальные уничтожали тварей в помещении.

Насекомых было около десятка. Мы сбивали, топтали и давили их. Одно запуталось у Джени в волосах, и Техасец выбил его кулаком, при этом едва не отправив ее саму в нокаут. Еще одно вцепилось мне в затылок, и я закричал. Попытался оторвать его от себя, но никак не мог ухватиться. Чувствовал, как эти эластичные пульсирующие губы присосались к моей коже. Они были теплыми. Затем последовал резкий укол, как от ледяной иглы.

Потом Карл сбил меня на пол и оторвал от меня тварь.

Я увидел на полу ее раздавленное тельце, из хоботка торчал длинный, похожий на иглу отросток. Он был тонким как проволока, и вероятно, использовался для прокалывания вен и артерий.

Это был действительно ужасный бой, и в конце мы все были заляпаны кровью и кишками насекомых. Однако мы вышли из этого боя победителями. Тяжело дыша, мы смотрели на десятки изуродованных насекомых и их фрагментов, лежащих у наших ног.

Карл закурил сигарету.

— Хреновая вышла войнушка, — проворчал он.

Джени рассмеялась, только ее смех звучал пронзительно и как-то истерично. И я ее понимал. Сам испытывал безумное желание сделать то же самое. Я прижал ее к себе. От нее так пахло этим крепким медовых запахом насекомых, что у меня закрутило живот. Техасец сгреб ногой трупы тварей в угол, а мы позволили себе ненадолго расслабиться.

Едва Карл докурил сигарету, как раздался какой-то скрип.

Затем хлопок.

И окно взорвалось внутрь комнаты.

5

Стекло еще не успело обвалиться, как мы уже пришли в движение. Думаю, что все были настолько накачаны адреналином, что оказались способны на мгновенную реакцию. Оглядываясь назад, могу сказать, что меня поразило то, что мы действовали как единое целое. Быстро, слаженно, без лишних вопросов.

Будто мы только и ждали, когда окно разлетится.

Техасец распахнул дверь в гардеробную, и мы друг за другом забежали внутрь... Вместе с нами залетело четыре или пять насекомых, что было не так уж и плохо, учитывая, что в

комнату ворвались сотни этих тварей. Я вошел последним, толкая перед собой Джени. Захлопывая двери, я увидел, что комната буквально заполнилась насекомыми.

Именно, *заполнилась*.

Они влетали в разбитое окно жужжащим потоком, словно осенние листья, гонимые ветром. Настоящий ураган из кровососов ворвался единой бурлящей массой из крыльев, туловищ и красных, выпуклых глаз, разлетался по комнате, заполняя ее. Вот что я увидел за те пару секунд, прежде чем захлопнул дверь, раздавив при этом трех или четырех тварей, пытавшихся проскочить вслед за нами.

Какое-то время было довольно жутко, помещение наполнилось зловещим жужжанием. Во-первых, я не совсем правильно назвал этот встроенный шкаф гардеробной. Это был обычный шкаф, в который можно было вешать куртки или пальто. Фута три в глубину и где-то четыре в ширину. А у всех нас еще было в руках оружие. Мы набились, как сардины в бочку. И если принять во внимание то, что мы находились в ограниченном пространстве вместе с четырьмя или пятью кровососами, дела были плохи.

И конечно же, в шкафу царила кромешная тьма.

Единственным освещением служил слабый свет от лампы и свечей, просачивающийся сквозь узкую щель под дверью. С громкими криками и воплями мы принялись давить кровососов. Один из них вцепился Джени в горло, она совершенно обезумела. Наконец, Карлу удалось оторвать от нее насекомое. К тому моменту, как мы разделались с кровососами, мы сами были все покрыты ушибами и ссадинами. Лицо у меня было расцарапано ногтями Джени. А я похоже, двинул Техасцу... а может, Карлу. Джени приложила меня локтем в живот и отдавила пальцы на ногах. А еще Карл врезал по мне наотмашь. Техасец жаловался, что кто-то заехал ему коленом по яйцам, а Карл сказал, что у него ободрана левая голень.

Думаю, если б кто-то снимал нас скрытой камерой, то от души бы повеселился. Четверо запершихся в ящике людей дубасят друг друга, пытаюсь уничтожить насекомых. Это напомнило мне эпизод из "Трех балбесов", где те парни застряли все вместе в телефонной будке.

В общем, это был классический встроенный шкаф. Из-за штанги для одежды прямо стоять там не представлялось возможным. Находиться в такой тесноте, ссутулившись, был настоящий ад. Особенно, понимая, что это может продлиться несколько часов, прежде чем кровососам не наскучит ждать и они не улетят. Твари громко жужжали за дверью, и находиться в шкафу было все равно, что прятаться в ячейке пчелиных сот.

— Чья рука у меня на заднице? — спросила Джени. — Пожалуйста, уберите.

— Куда мне ее убрать? — поинтересовался Техасец Слим. — Дорогая, я просто пытаюсь использовать все доступное пространство ради комфорта нашей группы.

— Оставь это пространство в покое.

— Ерунда все это, — проворчал Карл. — Мы будем стоять здесь, пока не превратимся в сухие кренделя.

Техасец рассмеялся.

— Готов поспорить, из тебя получится очень невкусный крендель, Карл.

— Да? Пошел ты.

Карл толкнул меня, отбросив нас с Джени к стене. Техасец пихнул его, и вскоре они сцепились. Нам в этой ситуации было хуже всего. Только представьте. Я толкнул кого-то в ответ, Джени двинула меня локтем. Мне пришлось пихнуть Техасца, потом я треснул Джени

по голове, она ударила меня ногой. Карл назвал нас кучкой гребаных кретинов, закинул голову назад и едва не сломал мне нос.

— Хватит! — наконец закричал я. — Завязывайте с этим дерьмом!

Все немного успокоились, и на три или четыре секунды наступил хрупкий мир. Затем Карл издал какое-то утробное рычание.

— Техасец? Ты пихаешь меня в задницу своим ружьем.

— Это не ружье, — отозвался тот.

— Сукин ты сын.

Последовала новая потасовка. Наконец, я уговорил их прекратить. А Техасцу Слиму запретил пихать Карла тем, чем он там его пихал — не хочу даже знать, чем именно. Кое-как устроившись, мы стали ждать. Кровососы жужжали, натываясь на стены. Ползали по внешней стороне двери, царапая ее, и издавая те омерзительные чмокающие звуки, которые было невозможно слушать. Карл щелкнул фонариком. Ну, конечно. Примерно дюжина этих хоботков торчала из-под двери, а светящиеся губы на кончиках искали, к чему бы присосаться. Мы принялись давить их ногами, в ответ послышались пронзительные трели кровососов. Но вскоре насекомые поняли, что совать носы в щель не стоит. Тот сладкий запах, который они источали, в шкафу был настолько густым, что я испугался, что мы задохнемся.

Так мы провели почти три часа.

Три часа это очень долгий срок, когда ты находишься в тесном помещении в полусогнутом положении. Я пресек множество стычек между Карлом и Техасцем Слимом, и молился, чтобы насекомые уже улетели. Но в основном я думал. И думал я не о нашем положении и не о смерти, от которой нас отделяет двухдюймовый слой дерева, а о Шоне. Шон был мертв. Я видел, как пуля вышибла ему мозги, и все равно не мог поверить в то, что он умер. Шон, который не раз спасал мою задницу в Кливленде, Толедо и Боулинг-Грин. Это был хороший парень. Жесткий, верный, смысленный, по-своему очень мудрый. Парень, который торговал оружием, толкал "мет" и героин, был головорезом из мотоциклетной банды "Колдуны", мотал срок за вооруженное ограбление и нападение при отягчающих обстоятельствах... Но, когда мы с ним были наедине, он показывал мне свою сторону, в существование которой никто бы не поверил. Очень мудрую и сострадательную сторону.

— Нэш, — однажды сказал он, когда мы сидели на берегу озера Эри в одном городишке под названием Вермиллион. — Нэш... в этом большом спятившем мире нам нужно забыть о том, чем мы были и сосредоточиться на том, чем мы являемся. Ни кавалерия, ни морпехи не примчатся нам на выручку. Мы должны рассчитывать только на себя. Сечешь?

— Ага.

— На это способны лишь такие парни, как мы с тобой. Особенно, ты.

— Я?

Шон кивнул.

— Да. Ты — особенный. Мы все это знаем. И чувствуем это, когда мы с тобой. Ты ведешь нас куда-то, к чему-то. К чему-то очень важному. — Прежде чем я смог возразить, он сказал: — И это не потому, что Тень позволяет тебе находить жертв для нее. Для этого она могла бы выбрать любого. Она выбрала тебя, потому что ты на пути к чему-то большому. Возможно, там нет ничего хорошего, но ты все-равно идешь к этому. Вот почему Тень двигает тебя вперед. Потому что впереди твоя судьба. И у меня есть странное чувство, что что бы там ни было, это очень важно для человечества, для всех нас.

Раньше он постоянно говорил мне вещи, в которых я не видел особого смысла. Но позже, задумавшись над его словами, я понял, что он хотел сказать. В своем роде он был пророком. Он знал, что я не смогу понять и почувствовать то, что он не сумеет правильно выразить. Но он был прав. Учитывая то, что произошло потом, он был абсолютно прав. Я находился на пути к чему-то большому. Как и все мы. И это было гораздо страшнее всего, что мы могли себе представить.

Я не мог поверить, что Шона больше нет. Я не знал, что буду делать без него. Без его проницательности, мудрости и непоколебимой уверенности во мне. Он всегда первым шел в бой ради нашего спасения, и выходил из него последним. Всегда заставлял других отступать в безопасное место, а сам оставался сдерживать натиск "индейцев", как он называл врагов. И в конце концов, пытаясь защитить нас, заплатил за это своей жизнью. Другого варианта он для себя не видел.

Думая о нем, я чувствовал, как по щекам у меня текут слезы.

Это было все равно, что потерять брата.

Но как он неоднократно говорил, важно то, что здесь и сейчас, а не то, что было раньше. Сейчас Шон был частью прошлого, и как бы ни больно это было, я должен был отпустить его.

Когда через полчаса жужжание, наконец, смолкло, мы приоткрыли дверь. На полу лежали десятки мертвых кровососов. Причина их смерти была неизвестна. На стенах сидела пара-тройка живых тварей. Но, похоже, они были старыми или больными, потому что, когда мы попытались их согнать, они просто попадали на пол. Свечи были опрокинуты и потухли. Шесть насекомых погибли, попытавшись присосаться к лампе. Мы отряхнули свои рюкзаки, убедившись, что никто не забрался внутрь, и собрали вещи.

— Похоже, все чисто, — сказал Техасец Слим, осматривая парковку из разбитого окна. — Рой улетел.

— Давайте возьмем "Бронко", — сказал я.

Мы поспешно спустились вниз, обнаружили еще несколько мертвых насекомых и парочку полуживых, которых Карл с большой радостью раздавил. В остальном все было тихо. Когда мы вышли на улицу, парковку покрывал настоящий ковер из мертвых и умирающих насекомых. Я не знал, что именно на них так повлияло, но был очень рад этому. Слой из сотен экзоскелетов издавал под ногами отвратительный хруст. Словно парковка была устлана арахисовой скорлупой. Весь "Бронко" был облеплен мертвыми кровососами, но, к счастью, окна и двери были закрыты. Мы стряхнули с машины насекомых, сколько смогли, загрузили вещи, и запрыгнули внутрь.

Судя по положению солнца в туманном небе, с парковки мы выехали примерно в полдень. К лобовому стеклу прилипло столько мертвых кровососов, что Карлу пришлось включить "дворники". Лишь спустя некоторое время, с помощью промывочной жидкости, ему удалось смыть со стекла образовавшуюся бурую кашу.

— Валим отсюда на хрен, — сказал я.

6

Мой план состоял в том, чтобы выбраться из города и катить до самого Сауз-Бенда, поскольку именно туда нам и было нужно. Была ли это моя интуиция, или это Тень насаждала мне свои идеи, я не знал, да и не хотел знать. Знал лишь, что у нас есть миссия. Что мы должны двигаться на запад. И еще я чувствовал, что нам нужно спешить, потому что

времени оставалось мало.

Мать Природа разберется со всем остальным.

Мы проехали где-то с квартал по Сауз Мэйн, когда началась песчаная буря. Через пять минут видимость снизилась футов до двадцати. Карл не стал тратить время зря. Хорошая песчаная буря может моментально вывести двигатель из строя. А передвигаться в такую бурю пешком — немыслимое дело. Он свернул в первый попавшийся проход, который по счастливой случайности оказался въездом на парковку Конкорд Молл. Мы не стали останавливаться и проехали внутрь. Карл направил "Бронко" прямо сквозь стеклянный фасад "Джи Си Пенни", разнося вдребезги витрины и разбрасывая во все стороны серебристых манекенов.

Но теперь мы были в помещении.

Песок проникал в магазин вместе с ветром, однако мы оттащили витрины с дороги и проехали прямо в сам атриум, где автомобиль был защищен со всех сторон. Песчаные бури — штука паршивая. Они могли дуть три дня или три часа, погребая все под горячим и сухим песком. Потом просто стихали, а налетевший следом ветер уносил весь песок. Просто нужно было переждать.

Были штуки и похуже песчаных бурь.

Например, пылевые. Если б вы жили в ядерной пустыне достаточно долго, то научились бы видеть разницу. Пылевые бури несли с собой мощную радиацию. Если попасть в такую, считай, ты — труп. Но с тех пор, как упали бомбы, распылив по всей стране радиацию в виде рышущих токсичных туч, погода менялась непрерывно. Пыль, мусор и другие мелкие частицы увлекло в атмосферу, и на какое-то время наступил холод, потому что солнечные лучи не могли пробиться через все это. Но, к счастью, длилось это недолго. Вся эта пыль, песок и тому подобное, снова осели на землю. Но то и дело хороший порыв ветра поднимал все это вверх и разносил вокруг. Иногда это был просто песок, а иногда пыль, настолько насыщенная радиацией, что сжигала все на своем пути.

А еще были странные электрические бури, от которых небо чернело и принималось бурлить, лопалось местами, являя красные и фиолетовые трещины. Ветры снова начинали дуть, бьющие с туч молнии раскалывали деревья, разбивали крыши и устраивали огненные смерчи, которые не утихали по нескольку дней.

Возможно, однажды наша планета исцелится, но наступит это еще нескоро.

И теперь мы застряли в этом торговом центре, и пришлось просто сидеть и ждать.

Так как заняться было нечем, мы устроили себе шоппинг. Большая часть торгового центра оставалась относительно нетронутой. Возможно, когда люди умирали в большом количестве от чумы и лучевой болезни, такие брэнды как "Элдер Бирман", "Футлокер" и "Грейт Американ Куки Компани" внезапно утратили свою значимость. Конечно, некоторые разрушения присутствовали, но не такие серьезные, как можно было ожидать. В "Гудиер" мы запаслись инструментами и автомобильными принадлежностями, в "Чампс Спортс" разжились новыми ботинками и носками, куртки взяли в "Лезер Энд Мор". А пока Техасец с Карлом валяли дурака в "Спенсерс Гифтс", Джени устроила налет на "Бас Энд Боди Уоркс". К тому времени я уже завершил свои "покупки" и стоял в фуд-корте, с вождением глядя на вещи, по которым скучал сильнее всего: "Папа Джонс Пицца" и "Тако Белл".

Торговый центр производил угнетающее впечатление. В прежние времена лично меня они тоже не особо радовали. Но пустой, заброшенный, покрытый пылью "Конкорд" был гораздо хуже. В нем было жутко и тревожно. Мир умер и утащил с собой в могилу такие

вещи, как цивилизация, искусство, интеллект и поэзия. Библиотеки и школы сгорели или были разрушены бомбами, а подобны синтетические места уцелели. Пластиковые музеи алчности, денег и потребительства. Темная сторона американской мечты, рак, разьевший нас изнутри, голодный червь, который так и не смог насытиться. Но делать покупки и тратить деньги было для нас сродни наркотику, не так ли? Все те вещи, которые вы не могли себе позволить. Все те вещи, которые вы все-равно покупали. Корпорации богатели, кредитные компании жирнели, а маленький человечек продавал душу и достоинство за фальшивый образ жизни, навязанный ему извне.

Стоя здесь и глядя на эти лавки и витрины, я инстинктивно чувствовал отвращение. Может, если б мы больше заботились не о своих кошельках, а о своих собратях, мир по-прежнему был бы зеленым, солнечным и полным детского смеха, а не радиоактивной пустыней, в которой жили мутанты, безумцы и пандемические микробы. И неизбежно я задался вопросом, а не заслужили ли мы все это? Может, не выбери мы эту сужающуюся изодня в день дорогу, Судного дня можно было избежать?

Но конечная ответственность лежит не только на нас. Эволюция сделала нас такими, какие мы есть. Наши предки были жадными из необходимости. Иначе они бы не выжили. Чем крупнее твое племя, тем больше шансов пережить зиму. И конечно же, материалистическое мышление развилось из жадности. Животные под названием "люди" всегда хотели большего. И были те, кто беспощадно использовал эту широко распространенную, врожденную потребность. На каком-то этапе мы сами вырыли себе могилу.

Думаю, если б к нам прилетели пришельцы с другой планеты, они бы оглянулись, покачали головами и улетели восвояси.

Наконец, я освободился из раздумий и отправился искать Джени. Я нашел ее в "Андеграунд Аттитюд".

— Ты задумывался когда-нибудь, — просила она, — сколько еще мы сможем рисковать и выживать?

— Столько, сколько придется.

— Ты и правда веришь в это, Нэш? — спросила она, с удивленным лицом. — Ты и правда веришь, что мы сможем бороться с неизбежным?

— А что для тебя является неизбежным, Джени? Смерть? Мы должны просто лечь и расслабиться? Так ты считаешь?

— Не знаю, Нэш. Разве я так считаю?

— Не говори загадками. Я слишком устал для такого дерьма.

Джени уставилась на меня своими кристально-чистыми голубыми глазами.

— Я просто хочу сказать, что мы продолжаем бежать на запад. От чего мы бежим? И что еще более важно: к чему мы бежим? Что по-твоему нас там ждет, Нэш? Думаешь, что мы найдем рай, некий оазис или что-то другое?

— Я не знаю, Джени.

— Ты знаешь больше, чем говоришь.

Я терпеть не мог такое ее поведение. Наше положение было и так достаточно сложным, без этого копания в проблемах.

— Джени, все, что я знаю, это то, что мы движемся на запад...

— Как рогатый скот.

— Так хочет Тень. И знаешь, что? Я тоже хочу этого, потому что мне просто хочется

верить, что где-то лучше, чем здесь. Должно быть лучше.

— Но эти болезни...

— Я полностью осознаю их опасность. Мне даже кошмары про них снятся.

Джени вздохнула.

— Просто я хочу сказать, что мы не можем больше рисковать. Рано или поздно мы подхватим какую-нибудь инфекцию. Один из нас заразится. А вслед за ним и все остальные.

— Может, у нас иммунитет.

— У Спекса его не было.

— Да, но остальные не подхватили то же, что и он, не так ли? Возможно, тому есть причина.

— Тень? Ты действительно веришь в это, Нэш?

Честно говоря, я уже не знал, чему верить.

— Послушай меня, Джени. Я знаю лишь, что после того, как Тень выбрала меня, все опасности обходят меня стороной. Это все, что я знаю. Такова моя непростая логика. Мы делаем то, что ей нужно, а она сохраняет нас в живых. Возможно, даже делает нас иммунными... Не знаю. У нас есть преимущество перед другими людьми, и было бы глупо им не воспользоваться.

— Даже если ради этого необходимо каждый месяц отнимать чью-то жизнь?

— Да.

— Ты действительно веришь в это?

— Верю. И в глубине души ты тоже веришь. — Я подошел и положил руки ей на плечи. — Я должен производить отбор. Ты знаешь это. И я знаю это. В противном случае... в противном случае, Тень сделает это за меня. И тогда на месте жертвы могу оказаться я, ты, Карл, Техасец или мы все.

Нагруженная выбранной одеждой, Джени повернулась и двинулась прочь. Вот так вот. Это была добрая девушка с золотым сердцем. Но ее мораль была несовместима с нашим образом жизни. Господи, как бы мне хотелось, чтобы был другой путь. Но его не было. Просто не было. Летающие вокруг патогены были невероятно заразными и смертоносными. Я не хотел свалиться с черной чумой или холерой, с тифом или гриппом. А особенно с лихорадкой Эбола. Если для того, чтобы защитить меня и друзей, каждое полнолуние потребуется приносить в жертву девственницу, я буду делать это.

По крайней мере, так я сказал себе, глядя на удаляющуюся Джени.

В тот момент я чувствовал себя очень важным и могущественным, возможно, даже благородным, будто я какой-то гребаный герой, странствующий рыцарь, пожертвовавший всем ради Бога, страны и королевы. Но позже мои иллюзии рассеялись, как уже часто бывало. Я нашел место, где смог бы побыть один. Самый дальний проход в "Уолденбукс", где сел на пол, в окружении стеллажей с детской литературой — с книгами Джуни Б. Джонс, доктора Сьюза, книгами про Ужасного Гарри, про "Детей из товарного вагона", про Генри Хиггинса, книгами Роальда Даля и Беатрикс Поттер — и заплакал. Закрыв лицо руками, я рыдал, вспоминая то время, когда у меня была жена, жизнь, и хоть какое-то достоинство.

Не то, что сейчас.

Снова открыв глаза, я уставился на аккуратные книжные ряды. На картонные фигуры Гарри Поттера и Макса из сказки "Там, где живут чудовища". В окружении книг, которые ассоциировались с тайными мирами моего детства, я почувствовал себя таким сломленным,

таким вымотанным и раздавленным, каким не чувствовал себя никогда. Этаким постапокалиптическим "шалтай-болтаем".

Песчаная буря продолжалась пять дней.

Мы были уже готовы перегрызть друг другу горло. Мечтали о любом отвлечении, пусть даже это была бы даже шайка безумцев или перестрелка. Когда буря кончилась, мы загрузились в "Бронко", почти не разговаривая. Карл вывез нас из торгового центра во внешний мир. Все улицы перекрывали песчаные дюны. Занесенный песком и белой пылью город был едва узнаваем.

— Куда сейчас, Нэш? — наконец спросил Карл, когда мы снова выбрались на Сауз Мэйн, как пять дней назад.

— На запад, — ответил я. — Вези нас на двадцатое шоссе. Думаю, в Сауз-Бенде нам назначена встреча.

САУЗ-БЕНД, ШТ. ИНДИАНА 1

Добраться туда мы не смогли даже за неделю.

Одна проблема сыпалась за другой. Достаточно сказать, что, когда мы подъезжали, у "Бронко", как на зло, спустило шину, и мы застряли последи грязных задворков Индианы. А еще ночью. Нет ничего хуже, чем идти ночью пешком. Слишком много вокруг разных тварей. Слишком много хищников обитает в разрушенных остовах городов. Стаи диких собак, крысы-мутанты, полчища кровососущих насекомых, и еще более худшие твари, которым сложно дать название.

Радиация творила странные вещи.

В опустошенном пригороде мы нашли маленький фермерский домик и затаились там. Вокруг не было ничего кроме диких собак, роющихся в канавах, крыс, разбитых машин, и занесенных песком улиц.

Я думал, что ночью мы будем в безопасности. Но я ошибался.

Дом был пустым, крепким, и казался удобным для обороны. В последнем, удостовериться было не просто, поскольку было темно. А фонариками я пользоваться не хотел. Батарейки были в дефиците, и у меня не было ни малейшего желания выдавать наше местоположение тому, что поджидало снаружи... Поскольку что-то там было. Я ощущал это нутром и знал, что не стоило отгонять это чувство.

Через десять минут после прибытия, мы все услышали это. Высокий, почти электронный звук, похожий на стрекот саранчи, имитируемый машиной. Существовала лишь единственная тварь, которая могла производить подобный звук.

Мы приготовились.

Медленно дыша и сжимая в руках свою винтовку, я ждал. Потому что оно приближалось. Вынюхивало нас весь последний час и теперь приближалось.

Остальные находились на кухне. Карл, Джени и Техасец Слим сбились в кучу и пытались сохранять спокойствие, что им плохо удавалось. Что бы ни вошло в эту дверь, я хотел первым выстрелить в него. Поверьте, я не был героем, но, если нечто хлынет в комнату в большом количестве, и мы окажемся загнаны в угол... это будет равноценно катастрофе.

Ощущение было такое, будто по телу у меня бегали электрические разряды.

— Приготовьтесь! — Крикнул я.

Другие были готовы бежать, драться, стрелять или отступить, в зависимости от ситуации. Ожидание давалось тяжело. Очень тяжело.

— Ну что там? — прошептал Карл с кухни.

— Пока тихо. Не шумите. Будем ждать.

— Как долго?

— Наш друг Карл всегда куда-то торопится, — сказал Техасец. — Не заметил, Нэш?

— Ага... твое-то какое дело, придурок?

— Прекратите, — шикнула на них Джени.

Я лишь покачал головой. Иногда эти двое вели себя как маленькие дети.

В подобных ситуациях, когда вокруг было темно и тихо, я вспоминал, как было до войны. Я был женат. И вел совсем другую жизнь. Сейчас она казалась чем-то далеким, как начальный курс истории древнего мира. Теперь я был просто мародером, пытающимся выжить. Убивал, хватал и убегал. Всегда убегал, при этом балансируя над зияющей черной ямой, наполненной человеческими телами. Тридцатисемилетний мужик, с хромированной "Береттой" за поясом и с девятидюймовым ножом за голенищем ботинка. Вот кем я был сейчас.

Я закурил сигарету, по спине у меня сочился пот.

Выдохнув дым, я подошел к окну и встал в тени возле стены, стараясь держаться подальше от льющегося в помещение холодного лунного света. Оконное стекло было покрыто пылью и копотью. Я протер его в одном месте и стал изучать улицы. В полутьме лунной ночи казалось, будто я вернулся на десять лет назад. Машины у обочин. Обсаженные деревьями аллеи. Аккуратные ряды домов. Лишь когда на это все падал лунный свет, было видно, что все машины ржавые и разбитые, деревья засохли, вокруг валяются листья и мертвые ветки, дома посерели от принесенного с ветром песка, дворы заросли сорняками, окна разбиты.

— Карл? — прошептал я. — Что показывает счетчик Гейгера?

— Норма. Двадцать-двадцать пять микрорентген.

Я подумал, что возможно это ветер издавал одинокий вой, а мое воображение превратило его во что-то другое. Но если это так, значит, померещилось всем нам. А я не верил в массовые галлюцинации.

Снаружи все было тихо.

Никакого движения.

Я прислонился к стене и докурил сигарету. Если за следующие двадцать минут ничего не произойдет, мы сможем расслабиться. Переждем ночь, а утром отправимся на раздобытки. Должна же где-то в этом городе быть нормальная тачка.

И стоило мне об этом подумать, как в соседней комнате защелкал счетчик Гейгера.

— Карл? — позвал я, едва дыша.

— Да... Уровень пошел вверх. Сорок, пятьдесят, шестьдесят микрорентген... И он продолжает расти.

Теперь счетчик щелкал как сумасшедший, будто бомба, готовая взорваться. Сердце у меня колотилось почти с такой же частотой.

— Уже до сотни дошло... Становится жарко.

Потрескивание сейчас слилось в сплошной непрерывный треск.

— Черт, за сто пятьдесят уже перевалило...

По лицу у меня лился пот. Я выглянул в окно и увидел их. Ребятишек. Гребаные *Детки*. Они просто стояли на тротуаре, будто ждали, когда Сьюзи или Джими выйдут к ним поиграть.

— Они здесь. Готовьтесь к бою.

Детки просто стояли и ждали. Их было шестеро. Если сильно прищуриться, то можно было принять их за обычных детей. Но это было не так. То были призрачные твари, будто поднявшиеся из могилы. Одежда висела лохмотьями, лица серые и сморщенные, глаза горели желтым ядовитым огнем, словно кипящие ядра реактора.

Мы должны были действовать немедленно. Без колебаний. Эти Детки были ходячими ядерными отходами, распространяющими смертоносную радиацию.

Прикладом винтовки я выбил стекло из рамы.

Прицелился.

И едва я это сделал, как все шестеро подняли кулачки, вытянули указательные пальцы и направили на меня. Овальные сморщенные рты раскрылись и издали то самое пронзительное жужжание. Оно стало усиливаться, пока не стало почти гиперзвуковым. В ушах у меня звенело, на мозг накатывали волны боли.

Я направил ружье на девочку, стоящую в середине, и нажал на спусковой крючок.

Пуля попала ей в грудь, и эффект был незамедлительным. Ее отбросило назад, из входного отверстия брызнула черная дымящаяся жидкость, а сама она принялась биться в конвульсиях, словно схватилась за высоковольтный провод. От нее повалил черный дым, нечто, похожее на синий огонь, вырвалось и охватило все тело. Она вспыхнула как один из тех воздушных змеев, которые зажигают на Четвертое июля. Дымилась, потрескивала, превращаясь в черную золу.

Так она и умерла.

Прежде чем я смог прицелиться в следующего ребенка, все они издали нестройное жужжание, в котором было что-то тоскливое. Как у насекомых. Рассерженных насекомых на некошеной летней лужайке. Они стали приближаться к дому. Не бежать и даже не идти, а скользить вперед, с помощью каких-то странных, непонятных мне способностей.

К тому времени мой отряд уже собрался в комнате, у всех в руках было оружие. Даже у Джени, которая терпеть его не могла. Счетчик Гейгера трещал, отмечая мощный уровень радиации.

Детки были уже у двери.

Сквозь щели вокруг нее проникал холодный мерцающий свет. Дверь затрещала и выгнулась, ее поверхность покрылась большими ломанными трещинами. Она почернела, от нее пошел дым. Затем она разлетелась, и дверной проем заполнили Детки. Глаза у них горели жутким желтоватым огнем, отражавшимся от их покрытых струпьями лиц. Морщинистые рты раскрылись, явив множественные ряды крошечных крючковатых зубов и выдыхая шипящие облака радиоактивного пара, потрескивавшие, как статическое электричество.

Первой в комнату вошла девочка. Ее босые ноги с шипением касались грязного ковра, прожигая в его волокнах черные следы. Настолько она была напичкана радионуклидами. И прежде чем она успела кого-то зажарить, все выстрелили. У Карла был дробовик "Моссберг 500" 12-ого калибра, у Техасца Слива — "Дезерт Игл" 50-ого калибра, а у Джени — "Смит Энд Вессон" 30-ого калибра. Вместе мы обладали значительной огневой мощностью. Поэтому принялись буквально косить Деток, пытавшихся просочиться в дом в светящемся облаке радиоактивного тумана.

Мы продолжали палить, даже когда стрелять уже было не по чему.

Детки лежали у входа хнычущей и повизгивающей грудой, сочащейся токсичной черной

кровью и насыщенной радиацией. Они корчили и сгорали, заполняя комнату облаками черного жирного дыма. Их плоть превращалась в горячий жир, а затем в пепел. Раскаленные скелеты, светясь и искрясь, поднялись в последний раз, словно пытаясь вырваться из тлеющих останков плоти... затем снова рухнули, распавшись на фрагменты.

Я увидел, как в сторону откатился почерневший череп. От него шел дым, челюсти были раскрыты, словно в крике. И тут я понял, насколько близко подобрался к нам эти маленькие, светящиеся от радиации ублюдки. *Однажды мы подхватим слишком большую дозу излучения, и все покроемся опухолями. Это точно.*

Тут Карл схватил меня за руку.

— Лучше нам валить отсюда. — Он держал передо мной счетчик Гейгера, и тот яростно трещал. — Здесь становится чертовский жарко.

Я последовал за ним через заднюю дверь на улицу, во всепоглощающую темноту ночи.

И в поджидающую нас там неизвестность.

2

Детки.

Кто они такие, и что еще важнее, *что* они такое.

Ни у кого, с кем я разговаривал, не было убедительных ответов. Но та же самая радиация, которая убивала взрослых сотнями тысяч и даже *миллионами*, с детьми делала что-то другое. И не с какими-то конкретно, а со *всеми* детьми. По какой-то причине, со всеми, кто был младше десяти лет... но не старше. Возможно, с наступлением половой зрелости они теряли возможность изменяться на биохимическом уровне. Но до десяти лет они подвергались какой-то мутации.

Ваши собственные дети или соседские, очаровательные маленькие девочки, игравшие на заднем дворе в наряды, или неугомонные мальчишки, гонявшие мяч на пустыре... Они больше не были людьми.

Они превратились в монстров.

Радиация овладела ими, превратила в безумных ночных охотников с желтыми светящимися глазами и пальцами, способными при прикосновении превращать вас в пепел. Они охотились по ночам стаями, как волки или *вампиры*, убивая все, что могли поймать. Каким-то образом, возможно, потому что они были еще слишком молоды и росли, клетки их организма поглощали радиацию, и делали ее частью своего естественного ритма. Так ли это на самом деле, никто не знал, да и боялся выяснять.

Некоторые выжившие считали Деток призраками или упырями, сверхъестественными существами, выползавшими по ночам кормиться. Конечно, это были выдумки, но вряд ли можно было винить кого-то за это. Потому что сложно было представить что-то страшнее Деток. В новом жутком мире радиация стала частью повседневной жизни. Приходилось жить с ней, учиться определять ее, вычислять наиболее опасные места и избегать их.

Но Детки все усложняли.

Потому что они, по сути, и были радиацией. И радиацией коварной и злобной. Радиацией, которая охотилась на своих жертв.

Я решил, что они делали это не просто так. Возможно, они высасывали что-то из людей. Сложно сказать, что именно. Но наверняка, *что-то*, в чем они отчаянно нуждались. Я знал, что в них нет ничего сверхъестественного. Хотя иногда они вели себя именно так, и появлялись только по ночам. Они не были плотью и кровью в том виде, в какой мы их

понимаем. Они являлись чем-то *другим*. Чем-то совершенно чуждым — на уровне их раскаленных до бела субатомов.

Но их можно было убить.

Если всадить в них пулю, они буквально вспыхивали перед вами, словно ядерный реактор. Полагаю, если вонзить в них копье, произошло бы то же самое, только в такой близости вы бы поджарились.

Поэтому пули были предпочтительнее.

Самое разумное было избегать их. Не высовываться по ночам и держаться подальше от улиц. Это был лучший вариант. Я понятия не имел, где их дневное логово. И если честно, не хотел знать. В глубине души я всегда представлял их спящими, словно вампиры, в активной зоне реакторов. Никто не знал этого наверняка.

В те дни все боялись детей, потому что все они превращались в мутантов. Ходили слухи, что они появлялись из утробы уже такими. И банды убивали беременных женщин на месте, чтобы предотвратить появление новых Деток.

Для будущего человечества это не сулило ничего хорошего, учитывая то, что следующее поколение будет состоять из одних лишь отвратительных мутантов.

Вымирание было лишь вопросом времени.

3

Лишь оказавшись в квартале от дома и засев в тени старого дуба, мы нашли время, чтобы перезарядиться, отдышаться, и смочить горло водой из бутылок. Счетчик Гейгера показывал сорок микрорентген, что было нормальным фоновым излучением. До войны в среднестатистическом городе радиационный фон составлял десять-пятнадцать микрорентген. Теперь он держался в диапазоне от двадцати до шестидесяти... Конечно, это не относилось к таким городам, как Лос-Анжелес, куда пришлось прямые попадания, и где по-прежнему было жарко.

— Нам нужно найти место, где можно переждать ночь, — сказал Карл.

Техасец Слим усмехнулся.

— Не перестаю удивляться, Карл, как всякий раз ты умудряешь зреть в корень проблемы.

— У меня для тебя есть один корень, придурок.

— Если это твой корень, сынок, то посевной сезон явно не удался.

— Пошел на хрен.

Я вздохнул.

— Заткнитесь уже, вы оба.

— Найдем другой дом? — спросила Джени. Но мне эта идея не нравилась. Детки были где-то рядом, и они снова нас найдут. Я надеялся, что в этом городе их не будет, но они были здесь, как и везде. Нет, другой дом — это не вариант. Нужно было что-то иное.

— Слышали? — спросил Техасец Слим. — Это не койоты.

Я хорошо это слышал. Отчетливый лай собак, эхом разносящийся по темному городу. Детки. Собачьи стаи. Господи. Сауз-Бенд не отличался от любого другого города. Похоже, все они теперь были такими же. Может быть, даже хуже.

Нужно было добраться до центра. Но это означало, что придется удалиться еще дальше от "Бронко" с его спущенной шиной.

— Уходим, — сказал я.

— Куда теперь? — поинтересовался Техасец Слим. — Кажется, сейчас везде одинаково.

— К центру города. На рассвете вернемся за "Бронко". А сейчас надо убираться с улиц.

Держа винтовку наготове, я повел свой отряд прочь. Ночь была теплой, только в этом тепле не было ничего приятного. В прежние времена в такую ночь можно было сидеть на крыльце с прохладным пивом в руке. Я вел их по лабиринту улиц, аллей и переулков, затем через какой-то пустырь.

Центр.

Мэйн-стрит. Как и любая другая главная улица в мире, эта представляла собой кладбище. Разбитые окна, полусгоревшие здания, повсюду остовы машин и грузовиков. Дверные проемы, занесенные песком. Одно сплошное запустение.

Тротуары были засыпаны листьями еще с прошлой осени. Теперь их некому было подметать. Под слоем листьев угадывались какие-то формы. Возможно, это были скелеты, но проверять никто не хотел. Все окна были грязными от песка.

Мы двигались мимо окутанных тенями витрин.

Какая-то видео-лавка. Страховая контора. Кафе. Несколько магазинов с замазанными мылом окнами и выцветшими объявлениями о прекращении деятельности. Мы прошли мимо универмага с пыльными, затянутыми паутиной костюмами для Хэллоуина за грязными витринами, поглазели на пожелтевшие и сморщенные декорации. Театр с высокопарным названием "Большой зал торжеств" по-прежнему рекламировал "ночное шоу ужасов." Многие буквы в объявлении отсутствовали, но, похоже, здесь действительно собирались проводить какое-то представление в честь Дня всех святых, состоящее из четырех киносеансов и двух сценических выступлений.

— Видел это, Техасец? — спросил Карл. — Шоу ужасов. Похоже на воссоединение семьи для уродцев вроде тебя.

— Замолчи, — сказала Джени.

Увидев вход в театр и украшения, воспоминания нахлынули на меня. Боже мой, Хэллоуин. Я совсем про него забыл. Сейчас каждый день был Хэллоуином. Бомбы упали примерно за неделю до Хэллоуина, и это было уже почти год назад.

Черт.

Мы двинулись дальше, ожидая, что кто-то покажет свою уродливую морду, но пока не встретили никого. Джени шла позади меня, за ней следовал Техасец Слим, а Карл с дробовиком прикрывал тыл.

Столько теней... проливались, расползались, растекались по улицам черными, похожими на смолу озерами. Дул легкий ветерок, разнося вокруг листья и поднимая вверх песок. Я подвел свой отряд к припаркованному на тротуаре "Чеви". Похоже, он вылетел за обочину, и его бросили здесь. Две двери были распахнуты настежь. В залитом лунным светом салоне виднелись листья и песок. На заднем сиденье лежал свернувшийся калачиком и наполовину засыпанный песком бурый скелет ребенка. На черепе еще сохранились светлые пряди. Девочка. Похоже, она уснула, пока ждала свою мать, и умерла во сне.

Радиация. Чума. Кто знает?

Мы обошли еще несколько автомобильных остовов, избегая заглядывать внутрь, но всегда опасаясь какого-нибудь движения. Однако везде было тихо. Обходя мертвый минивэн, мы вдруг увидели... людей.

— Стойте, — сказал я им, наведя на них ружье. — Стойте, где стоите, если не хотите проблем.

Но эти люди и не пытались что-либо предпринимать.

Было сразу видно, кто они такие. Их было четверо или пятеро... мужчина, женщина и несколько детей. Возможно, семья. Они присели, прижавшись друг к другу. От них исходил тошнотворный смрад, как от больничных одежд, пропитанных гноем и нечистотами. И тому была причина. Лица у них были бугристыми из-за воспаленных нарывов, лопнувших и кровоточивших. У одного ребенка из глаза выступал какой-то нарост. При дыхании из горла у них вырывался хрип и клекот. Мужчина протянул руку, зашелся в приступе кашля и сплюнул на тротуар темной кровью.

Смрад от них шел невероятный.

— Лихорадка, — сказала Джени. — У них Лихорадка. Все попятились назад. Семья поползла к нам с хлюпающими звуками, но никто не стал стрелять. Последнее, что мы хотели, это чтобы в воздух вместе с кровью брызнула зараза. Многие мутировавшие из-за радиации микробы переносились как раз по воздуху. В те дни все эти патогены имели одно общее определение — "Лихорадка". Зоопарк для смертоносных микроорганизмов, которых военные специалисты по биоугрозе называли "возбудителями". К несчастью, клетки в этом зоопарке были настезь открыты, и все гады носились по воздуху, в воде, повсюду.

Я побежал прочь, и все последовали моему примеру. Помимо Деток, страшнее были только носители чумы.

Я бегом пересек улицу, поднимая в воздух песок, обогнул ржавый мебельный фургон, и там удача покинула меня. В луже лунного света меня поджидала огромная псина. Похоже, когда-то это была овчарка, хотя сложно было понять. Ее потрепанная шкура была покрыта проплешинами, сквозь которые выступали причудливые, розовые, похожие на дрожжевое тесто наросты и лопнувшие нарывы, из которых сочилась темная жидкость.

Чтобы избежать столкновения с тварью, я упал на задницу и пополз прочь. Остальные сделали то же самое. Тварь издавала низкое утробное рычание. Мех у нее слипся от выделений из открытых ран. У псины был только один глаз, другой был поглощен пульсирующим, розовым, торчащим из черепа наростом. Кожа была обвислой и дряблой.

Тварь раскрыла сочащуюся слизью пасть и зарычала.

— Ну, давай же, — сказал я псине. И она словно ждала этого. Напряглась, словно перед прыжком. И как только она кинулась на меня, я двойным выстрелом отбросил ее на тротуар. Одна пуля попала ей в грудь, а другая — в голову, развалив ее на две почти идеальные половинки. Тварь лежала, скуля и подергиваясь, и мотала из стороны в сторону остатками головы, как будто шея у нее была бескостной. Тротуар заливала кровь.

Мы двинулись прочь.

Вдали раздался вой еще нескольких собак. Я понятия не имел, что ищу, но знал, что сразу пойму, когда увижу. И наконец, я нашел. Армейский магазин. Дверь была открыта, проход занесен листьями и песком.

Мы зашли внутрь и включили фонарики.

Витрины были перевернуты, ящик с военными наградами разбит... Но в остальном, магазин был относительно невредим, что в эти дни считалось большой редкостью. Отчего я пришел к выводу, что Сауз-Бенд довольно сильно пострадал от эпидемий.

— Карл? Закрой дверь. И чем-нибудь подопри, — сказал я. — Помоги ему, Техасец.

— Похоже, придется, — проворчал тот.

Я отвернулся.

— Джени, давай найдем место для ночлега. До рассвета еще шесть часов.

Все занялись тем, что им было велено, и потянулась долгая ночь.

К счастью, кроме лая собак и случайной возни крыс на улицах, нас никто не побеспокоил. В задней части магазина мы нашли складское помещение, где и расположились на ночь. Спали мы посменно.

Так прошла ночь.

Когда, наконец, наступил рассвет, разогнав ночные ужасы по норам, оказалось, что обнаруженный нами магазин — настоящая сокровищница. В подвале мы нашли еще одно запертое складское помещение, битком набитое полезными вещами. Мы вскрыли дверь монтировкой. Коробки с сухпайками, замороженная и сухая пища для походов, ящики с бутилированной водой и пачки таблеток для очистки воды. Спальные мешки и фонарики, водонепроницаемые дождевики и парки, одеяла и "аптечки". Наверху нашлась камуфлированная одежда всех размеров. Какая-то относилась к американской, какая-то — к британской армии.

Пока мы с Джени проводили инвентаризацию, Техасец Слим и Карл отправились на поиски нового автомобиля. Было слышно, как они переругиваются по дороге, выясняя, чья мать развлекла больше байкеров за одну ночь. Я был рад избавиться от них. Это дерьмо продолжалось почти постоянно — придирки, споры и оскорбления. Именно этим они занимались и им это нравилось, но со временем это стало надоедать.

— Здесь полно всего, Нэш, — сказала Джени, стоя среди груд одеял, одежды и зеленых металлических ящиков.

— Возьмем только то, что нам нужно.

В эти дни существовало неписанное правило. Не было никакого смысла жадничать. Бери только то, что тебе необходимо, а остальное оставь другому несчастному. Я целиком поддерживал это. И знал, что другие того же мнения. Конечно, были многие, кто вел себя иначе. Но я искренне верил, что судьба в конечном итоге их накажет.

— Как по-твоему, каковы шансы, что они найдут нормальную тачку?

Джени рассмеялась.

— Хорошо если они сперва не поубивают друг друга.

— Думаю, они довольно сильно привязаны друг к другу. Просто выражают свои чувства таким вот странным способом.

— Идем на склад, Нэш. Я хочу показать тебе кое-что.

Я спустился вслед за ней в подвал. И когда мы оказались на складе, она закрыла дверь.

— Что ты хотела показать мне?

— А ты как думаешь? — сказала она, и в глазах у нее сверкнул озорной огонек. — Ты думаешь о том же, что и я, поэтому прекрати изображать из себя девственника.

Страсть, вспыхнувшая в ней вырвалась наружу и охватила меня. Джени была такой красивой... Но передо мной возник образ моей жены, затмив собой все, как бывало уже не раз. Шелли. Боже мой, Шелли. Я помнил родинку у нее на бедре, ее смех, маленькие записки, которые она оставляла в моей корзинке с ланчем. Помнил, какой была на ощупь ее рука, как Шелли выглядела в тот день, когда мы поженились, как счастлив я был, осознавая, что она стала моей. А потом я увидел ее, какой видел всегда, умирающей у меня на руках от холеры — скелет, обернутый в желтую кожу. Грудь у нее подрагивала при каждом слабом вздохе, а мой собственный голос говорил все снова и снова: *Это — Шелли, это — моя жена. Это — моя боль.*

Но все это осталось в прошлом.

Поблекло со временем.

Джени посмотрела на меня, и в глазах у нее мелькнула какая-то тень. А потом все прошло, и я снова оказался с ней, полностью забывшись.

Она подошла, схватила меня за руки и положила их себе на груди. Они были горячими на ощупь. Я чувствовал, как ее сердце бьется с ровным ритмом. Я поцеловал ее, проник ей в рот языком, и с этого все началось. Позднее, когда я вспоминал об этом с приятным удовлетворением, мне казалось, что я действительно *растворился* в ней. Это похоже на фразу из дешевого любовного романа, но именно так и было. Не было никакого нежного соблазнения, не было во всем этом ничего тонкого и мягкого... Просто союз, рожденный из взаимного желания. Дрожащие пальцы расстегивали пуговицы и молнии, потом я оказался на ней и в ней. А она горячо и тяжело дышала мне в ухо. Стоны. Мольбы не останавливаться. Кажется, я даже сказал, что я люблю ее. Кончая, мы оба закричали. Это длилось недолго, но мы словно слились воедино.

Позднее, когда мы все еще были связаны узами горячей плоти и прохладного пота, она приподнялась на одном локте и спросила:

— Ты много думаешь о своей жене, верно?

— Пожалуй, да.

— Но ты никогда не говоришь о ней.

— Есть такое.

— Почему, Нэш? Разве ты не думаешь, что от этого будет только лучше?

Я отстранился, боль рвалась из меня наружу.

— Я не могу. Просто не могу.

Джени не стала давить, это было не в ее стиле. Она легла рядом со мной, вытянув длинные, золотистого цвета ноги.

— Ты доверяешь мне, Нэш?

— Думаю, ты — единственная, кому я доверяю.

И я не врал.

— Я хочу, чтобы ты рассказал мне о своей жене. Не сейчас. Когда-нибудь. И тогда, когда ты поделишься со мной и доверишься мне, я буду знать, что тоже тебе доверяю.

При мысли, что она не доверяет мне — точнее, доверяет, но не полностью — мне стало больно. Я знал, что остальные держатся меня, потому что думают, что я могу обеспечить им безопасность. Это была не преданность, а скорее, необходимость. И возможно, даже *страх*. Страх перед тем, что я могу сделать и что могу вызвать в ночь следующего полнолуния. Это делало меня каким-то всемогущим в их глазах. Они уважали силу, и боялись того, как я ею пользуюсь.

Они боялись не меня.

Они боялись того, что я вызывал — *Тени*.

А Джени?

Нет, Джени не боялась меня. Связь между нами была иной, более глубокой, это сложно понять. Но эта связь присутствовала. И была всегда. Иногда я боялся, что Джени уйдет, и я останусь один. Совершенно один. И когда я буду просыпаться ночью, дрожа и потея от кошмаров, ее не будет рядом, чтобы обнять. Тогда это буду только я, а воспоминания о Шелли будут являться ко мне посреди ночи и высасывать кровь из моей души.

Я протянул руку и стал трогать Джени, наслаждаясь гладкостью ее кожи. И пока я так

делал, тот старый голос произнес: *Господи Иисусе, она всего лишь ребенок... ей девятнадцать, а тебе через три года будет сорок. Ты же ей в отцы годишься. Неужели не понимаешь? И все же тебя тянет к ней, ты спишь с ней. Каково тебе это? Тебе не кажется это грязным? Порочным?* Нет, мне так не казалось. Может быть, в самом начале, но теперь все зашло слишком далеко. Я упал в самый глубокий колодец, который только можно себе представить, и уже не понимал, что правильно, а что нет. Знал лишь, что наши отношения казались правильными, и этого было достаточно.

Джени была для меня всем.

Думаю, я любил ее.

И любя ее, желал ей смерти.

Она была слишком хороша, чтобы жить в этой грязи вместе с остальными. У нее были мораль и этика. А таким вещам в этом мире было не место.

— Я хочу, чтобы ты доверяла мне, — сказал я. — Мне это необходимо.

— А ты мне доверяешь?

— Да.

— Надеюсь, что это так.

— Я люблю тебя, — сказал я.

Она положила голову мне на грудь.

— Тогда, наверно, я тоже тебя люблю.

— Довольно уклончивый ответ.

— Мир сейчас такой, Нэш.

Я лежал и чувствовал ее, чувствовал себя частью чего-то и при этом еще более одиноким, чем когда-либо прежде в моей жизни. Я испытывал боль за то, что сделал, за то, что потерял и за то, что никогда уже не найду. Чувствовал ее в каждом ударе сердца и в ровном течении крови в моих венах. Я открыл рот, чтобы сказать Джени об этом, но снова закрыл, потому что увидел лицо моей жены, глядящее на меня из окна моей души.

Да, я чувствовал боль. Одну лишь боль, и по-другому это не назовешь.

5

Думаю, это была наша первая ночь в Сауз-Бенде, когда мне начали сниться кошмары. У меня, как и у всех, бывали страшные сны, но именно таких никогда еще не было. Назвать их *сновидениями*, это все равно, что назвать 500-мегатонную термоядерную бомбу просто *бомбой*. А самое страшное, понимаете, то, что я не был уверен, что это были сны. Они были слишком... материальными, слишком органическими, если можно так выразиться.

Скажу лишь, что мы находились на складе. Джени спала рядом, а Техасец Слим и Карл — в другом конце помещения. В своем сне я открыл глаза и увидел темный склад. Я сидел, моргая и озираясь вокруг, охваченный каким-то невыразимым страхом. Я хотел выйти, сделать что-то... но не мог пошевелинуться. Может, просто *боялся*. В помещении не было окон, но вся дальняя стена внезапно озарилась, словно ее залило бледным лунным светом. И не только им. Чем-то ярким, мерцающим, возбужденным. Только это был не просто свет, а какой-то вихревой поток фосфоресцирующей материи. Живой, расширяющийся, поглощающий всю стену, пока та не исчезла. Он издавал шипящий и бурлящий шум, который сильно бил по нервам.

Я был охвачен отвращением и ужасом. Хотел закричать и, возможно, даже кричал.

Поток продолжал расширяться, кружась при этом. Огромная извивающаяся масса, словно многие тысячи мертвенно-бледных змей извивались и переплетались, рождались из

собственных тел, расползаясь в стороны от центральной массы, напоминавшей лицо... И это лицо имело искривленную, зловеще ухмыляющуюся щель вместо рта и нечто, похожее на глаза, злобные, повернутые кверху глаза, пульсирующие бесформенной черной пустотой. Остальная масса непрерывно меняла форму, сокращалась, вытягивалась, мутировала. То было лицо Медузы. Вот о чем я подумал во сне. Я смотрел на лицо Медузы. Вот только эта Медуза была предельно инородной, предельно отвратительной, корпускулярной сущностью, с гротескным размазанным пятном вместо лица, созданным из тысяч тянущихся во все стороны белых щупалец. Как и само лицо, они не были единой массой, а состояли из миллионов нитей, которые в свою очередь были сотканы из миллионов волокон, бесконечно переплетающихся между собой. Пока я наблюдал, вся сущность принялась разматываться, пока дальняя часть помещения не превратилась в гнездо бесчисленных извивающихся белых кобр, состоящих из переплетенных между собой червей.

Но само лицо никуда не исчезло... точнее, осталась большая его часть.

Оно разъедалось, распутывалось, распадалось на липкие живые нити, но те злобные глаза продолжали смотреть на меня. Они следили за мной. Я съежился, сжав кулаки, сердце у меня бешено колотилось, а из всех пор лился кислый пот. Сущность словно испытывала от моего ужаса какое-то изощренное удовольствие. *Ты можешь бежать, но тебе не спрятаться, Нэш. Я появилась именно так, как ты и подозревал. Родилась из микроскопических частиц эфира. Мой путь проходит с востока на запад. Я не оставляю после себя ничего, кроме кладбищ и блестящих белых костей. Ты идешь на запад, и я иду туда. И тебе лучше поспешить, поскольку я следую за тобой по пятам. Янгстаун уже превратился в кладбище. Те улицы, на которых ты играл еще ребенком... заполнены раздутыми трупами и усыпаны начисто обглоданными костями. Там нет ничего кроме мух, крыс и стервятников. Ничего. Только нарастающий горячий смрад распада и безмолвная чернота гробниц. Сейчас я уже вхожу в Кливленд. Скоро я приду за всем, что ты оставил. Ты будешь кричать, когда я заберу у тебя Джени, твою сладкую маленькую вишенку? Или предложишь взамен свою жалкую жизнь, когда ее тело будет чернеть от чумы, когда она будет тонуть в желтом море собственных токсичных нечистот, из ее пор будет брызгать зараженная кровь, а сама она будет исторгать черную слизь своих разжиженных внутренностей? Что ты будешь делать, Нэш? Что ты предложишь мне?*

Плохо то, что эта тварь забиралась мне в голову и мучила меня, но еще хуже было то, что она касалась меня. Все те извивающиеся нити приближались, опутывали меня, проникали в меня, словно осколки льда, пронзали, наполняли мое тело заразой. Боль при этом была невероятная. Мое тело содрогалось и крутилось под волнами агонии. Я растворялся, поглощался и вновь рождался уже в форме чудовищного паразита. Моя кровь превращалась в густой холодный яд, внутренности — в вязкую жижу, а мозг — в серое хлюпающее желе. Клетки моего тела заражались одна за другой, раздувались и, в конце концов, лопались под напором отравленной цитоплазмы. Я был настоящим живым трупом, утопающим в собственных нечистотах, ядовитой желчи и зараженной крови.

Мой разум куда-то унесло, засосало в черную дыру безумия...но я по-прежнему слышал голос, свой голос, дикий и пронзительный: *Нэш, Нэш, Нэш! Разве ты не видишь, что это, и что оно сделает? Оглянись назад, посмотри на восток! Теперь там нет ничего кроме огромной груды обглоданных костей! Нет больше солнца, нет больше света, нет больше ничего! Эта тварь уничтожает все на своем пути, оставляя лишь расползающуюся, черную как чернила полосу тьмы! И она наступает, приближается все ближе с каждым днем.*

Ради Бога, ради Джени или ради себя, беги, беги как можно быстрее...

В этот момент я очнулся ото сна, если это вообще был сон. Мокрый от пота, я проковылял к двери и вышел из склада. Внутри у меня все переворачивалось. В ногах была такая слабость, что я не мог стоять. Я натыкался на стены и запинаясь об собственные ноги. Мышцы болели и пульсировали. Позвоночник сгибался. Руки дрожали. Белые вспышки боли пытались расколоть мой череп пополам. По лицу катились слезы, зубы стучали. Я испытывал такое отвращение, будто меня обнял червивый труп.

Но то были объятья чего-то гораздо худшего.

Не трупа, а *Создательницы Трупов*.

Выйдя из магазина, я упал на колени под прохладный ночной воздух. Мне было плевать на стаи собак, на Деток, на крыс, на все. Это дерьмо было чем-то прозаичным по сравнению с тем, что я только что пережил. Я не знал, были ли это кошмар, реальность или бредовая, адская смесь их обоих. Все, что я знал, так это то, что я чувствовал горячий смрад гниющих трупов в городах на востоке и привкус горькой желчи на языке. Меня вырвало, и я продолжал исторгать из себя рвоту снова и снова, пока не очистился полностью. И даже тогда этот сильный, едкий запах рвоты на тротуаре — совершенно не похожий на тот, к которому я привык — заставлял мой желудок сокращаться от спазмов.

В какой-то момент ко мне вышла Джени.

— Ты в порядке, Нэш?

Я поднял на нее свое горячее, похожее на восковую маску лицо, с налитыми кровью, слезящимися глазами. И сглотнул. Сглотнул еще раз. Но не смог произнести ни слова. Мы зашли внутрь, и я выпил немного воды, выкурил сигарету. И все это время Джени смотрела на меня, ожидая ответов.

— Нэш? Нэш? Боже, Нэш, поговори со мной...

Но я не мог. Потому что, если б открыл рот, из него вместе с безудержным криком хлынул бы поток чистого ужаса. Я боялся, что начну кричать и не смогу остановиться. Никогда.

Поэтому я ничего не сказал. Абсолютно ничего.

Я видел в глазах Джени беспокойство, но еще страх, не подхватил ли я Лихорадку. Но что я не мог сказать, что я не осмелился облечь в слова, это то, что я не заболел Лихорадкой, а был заключен в объятья *Матерью Всех Лихорадок*.

И она приближалась.

Подбиралась все ближе с каждым днем.

Неименуемый ужас, пришедший истребить остатки человечества.

6

Техасец Слим и Карл нашли для нас автомобиль, и это было нечто. Они вернулись примерно за час до начала песчаной бури, с некоторым дискомфортом заметив то неловкое молчание между Джени и мной. Они не стали не о чем спрашивать. Отвели нас показать свою находку.

Увидев ее, я начал смеяться.

Джени тоже.

Из всех динозавров автомобильных джунглей они почему-то выбрали микроавтобус "Фольксваген", который сошел с конвейера еще во времена Вьетнамской войны. Автобус был весь царапанный и помятый, разрисованный цветами, "знаками мира" и другими

психоделическими иероглифами, потускневшими от старости. Это был уродливый автомобиль для уродливого мира.

— Где вы нашли это, черт возьми?

— В гараже одного парня, — ответил Карл, почесывая свою густую черную бороду. — Мы прочесывали этот район, проверяли гаражи на предмет чего-нибудь пригодного. И нашли это. Похоже на кусок дерьма, это точно. Но он ездит и сможет вывезти нас отсюда. Возможно, в Мичиган-Сити или Гэри, куда угодно.

— Он даже проходил какое-то техобслуживание, Нэш, — добавил Техасец Слим. — Мы нашли его хозяина. Он лежал на полу и все еще сжимал в руке промасленную тряпку.

— Лихорадка? — спросил я, затаив дыхание и вспомнив свой сон.

Техасец Слим покачал головой.

— Нет... похоже, радиация. Волосы выпали и все такое.

— Ага, но мы чуть было не ушли ни с чем из-за псины у него во дворе, — сказал Карл.

— О, все собираешься рассказать, да? — спросил Техасец Слим.

— Псина?

— Ну, да, — сказал Карл. — Огромная черная тварь. Наверное, просидела несколько дней на цепи, обезумела до пены из пасти. Техасец пытался подружиться с ней. Пытался погладить.

— Я не пытался гладить.

— Конечно, пытался.

— Нет, не пытался.

— Нет, пытался, кретин ты этакий. Нашептывал ей всякие нежности, будто хотел трахнуть эту суку. Не то, чтобы я был удивлен.

Техасец лишь рассмеялся.

— Понимаешь, Нэш, это чистая выдумка со стороны моего друга, у которого маленький член. Иногда Карл сбивается с толку. У него не все в порядке с головой. Но, понимаешь, из-за того, что его мамаша развлекалась на скотном дворе со всеми желающими, не удивительно, что он стал таким.

Карл сделал шаг в его сторону.

— Что я говорил тебе про мою мать?

— Только то, что я уже успел прочитать на стене сортира.

— Давай, продолжай, сученыш. Однажды сунешь свою крохотную пипирку во что-нибудь, и тебе ее откусят.

— Поэтому я буду держать ее подальше от твоего рта.

В этот момент мне пришлось встать между ними, потому что последнее, что мне было нужно, это, чтобы эти засранцы разодрались и повышибали друг другу зубы. Как будто других проблем у нас не было. И примерно в это же время началась песчаная буря. Я сказал Карлу найти где-нибудь гараж, чтобы спрятать автобус. И когда он вернулся, буря бушевала уже в полную силу.

Поэтому мы вернулись в магазин и стали просто ждать.

Больше делать было нечего.

Мы провели в Сауз-Бенде еще четыре дня, потому что не могли уехать.

Видимость снизилась до нескольких футов. Мы слушали шелест песка. Несущие его сильные ветры выли над городом, устраивали на улицах наносы и воронки, бушующие песчаные вихри хлестали стены зданий. Так продолжалось несколько дней. Стон ветра и

шуршание песка об окна и стены. Песок находил тончайшие трещины и швы и проникал в магазин, засыпал пол, толстым слоем покрывал витрины и полки.

Мы ждали внизу, на складе, слушая, как он бушует.

Даже там мы ощущали на себе песок. Как он засоряет наши поры, забивается в волосы и покрывает лица. И этому не было видно конца.

Струдившись вместе, мы листали старые журналы и почти не общались. Все мы хотели выдвинуться в путь. Хотели покинуть этот пустынный город.

Но у Матери Природы были другие планы.

Пока мы ждали, Карл и Техасец Слим почти не переставая буравили друг друга взглядом. Джени же их почти не замечала, а меня демонстративно игнорировала. Это было чертовски долгое ожидание. Я проводил время за рассматриванием потрепанной карты из кармана, гадая, с чем мы можем столкнуться на автостраде. И все время я сидел словно на иголках, из-за того, что пришлось застрять здесь. *Ожидание*. Я не мог забыть этот сон. Возможно, я стал параноиком, но я чувствовал, что с востока надвигается нечто ужасное. И возможно, я чувствовал это уже давно. Я не сомневался в реальности этой угрозы. Главное, нам было нужно двигаться на запад. Это было необходимо, и никто не спрашивал, почему.

Они понимали.

Да, понимали.

Как понимали, что до следующего полнолуния осталось меньше недели. И мне скоро придется сделать очередной выбор.

Приближалось время Тени...

ГЭРИ, ШТ. ИНДИАНА 1

День, когда мы прибыли в город, выдался тихим, туманным и зловещим. Наш "хиппарский" микроавтобус был на последнем издыхании. Как и буйные дни свободной любви в Хейт-Эшбери, лучшее время для него прошло. На 80-ом шоссе, ведущем в Гэри, у нас дважды глох двигатель. Карл сказал, что полетели подшипники и засорился карбюратор. Поэтому мы докатили до города скорее по инерции, и наш "автомобиль любви" хрипел, как старик-астматик. Нам нужна была новая тачка, поскольку толкать эту колымагу через всю страну был не вариант.

Мы обогнули Толстон и проехали через Амбридж прямо к центру города. Кашляя облаками голубого дыма, наш микроавтобус докатился до ряда многоквартирных домов и, издав громкий хлопок, умер.

Сидящий в машине Карл ругнулся. Потом ругнулся еще раз.

Я вышел, обмахивая потное лицо бейсболкой с логотипом "Кливлендских Индейцев". Закурил и окинул взглядом царящее вокруг запустение... Перевернутые машины, щебень, мусор в канавах. Песчаные наносы вокруг зданий. Каркающая ворона, сидящая на светофоре. День был жарким, туманным, и сухим, как кости в пустыне.

Больше здесь не было ничего.

Лишь мертвая тишина, присущая большинству городов с тех пор, как упали бомбы. У обочины стоял какой-то пикап, за рулем которого сидел заскорузлый от птичьего помета желтый скелет. Птицы устроили себе гнездо в его грудной клетке.

Я пытался почувствовать хоть что-нибудь. Понять, куда нам идти и что делать.

Техасец Слим крикнул из автобуса:

— Здесь голяк, Нэш. Давай валить отсюда.

Проигнорировав его, я отошел от автобуса и стал изучать разрушенные здания вокруг. Я не видел ни признаков жизни, ни движения, но я знал, что там что-то есть. Скрытые глаза изучающе наблюдали за мной. Те дни, когда чужаков встречали с распростертыми объятиями, давно прошли.

Теперь было совсем не так.

Здесь были люди, я знал это. И не все они страдали лучевой болезнью и Лихорадкой. Мне нужно было найти одного из них. Каким-то образом. Потому что полнолуние стремительно приближалось.

Если я не найду никого, значит, придется выбирать из моих людей, а эта идея мне не нравилась.

Сейчас нас было пятеро — Джени, я, Карл, Техасец Слим и новый парень, Гремлин. Мы назвали его *Гремлин*, потому что подобрали его в Мичиган-Сити. Нашли его запертым в багажнике старого хэтчбека "АйЭмСи Гремлин". Он сказал, что накануне вечером появились Скабы, искавшие рекрутов, и он спрятался в багажнике, а потом не смог выбраться. Он так крепко застрял, что пришлось нам всем вместе вытаскивать его жалкую задницу.

Я еще не принял решение насчет него. Кое-что в нем мне не нравилось — его постоянное нытье. А кое-что наоборот: он делал то, что ему говорили, без вопросов. Джени относилась к нему нейтрально. Карл и Техасец Слим очень любили над ним подтрунивать. Так они его прощупывали и выясняли, из какого теста он сделан.

Я сканировал улицы, в поисках подходящего автомобиля, но повсюду были одни обломки. Я повернулся спиной к "Фольксвагену", и тут услышал что-то. Сперва я не понял, что это за звук, только то, что он исходил из переулка напротив. Я крикнул остальным, чтобы они оставались в автобусе на тот случай, если это ловушка, а сам направился на звук. Зажав сигарету в уголке рта, я вытащил из-за пояса "Беретту". Передернул затвор, чтобы быть наготове.

Больше книг на сайте - Knigoed.net

В переулке, окутанном тенями от примыкающих зданий, лежал человек.

Правда, от него осталось мало чего человеческого. Просто какая-то, тощая как жердь фигура, вытянувшаяся, словно червь. На ней сидело три наездника — крысы. Они были огромными, размером с кошек. Их раздутые тела были покрыты опухольями, выпиравшими из-под грязного серого меха. Крысы подняли на меня блестящие от бешенства глаза и затем продолжили поедать человека. Вот, что я слышал... это звуки крысиной трапезы. Чавканье и хлюпанье, будто собаки грызли сочные кости.

Мяса на человеке было немного, но крысы довольствовались тем, что имели. Одна из них зарылась мордой ему в горло и пыталась что-то вытащить наружу. Двое других копались в животе, выдергивая внутренности и жуя их.

Смелые ублюдки... прямо посреди дня.

Крыса, которая рылась в горле человека, вытащила свою вымазанную в крови морду и издала низкое шипение. Она была готова защищать добычу от любых посягательств. Поднявшись на задние лапы, она встала в боевую стойку. На усах блестели капельки крови. Из брюха свисали червеобразные отростки, похожие на соски... только они шевелились и пульсировали. Я прицелился и выстрелил. Крыса слетела с человека, а голова у нее разлетелась на мелкие ошметки. Кувыркнувшись пару раз, тварь подергала лапами и затихла.

Двое других оставили в покое живот человека и уставились на меня своими плоскими

красными глазками. Они разинули рты и оскалили красные от крови зубы. С челюстей свисали кусочки плоти. Я застрелил сперва одну, затем другую. Первой пуля попала в голову, и она умерла довольно быстро. Другой пуля пробила живот, и та попыталась уползти прочь, визжа и истекая кровью, волоча за собой по грязному тротуару свои внутренности. Я выстрелил в нее еще раз, и она затихла.

Умиравший поднял голову, его лицо было искажено страшной мукой. Он полз из-за мусорного контейнера, и все это время крысы ели его, в том не было сомнения. На это указывал тянувшийся за ним кровавый след. Я смотрел на него, и не знал, чем ему помочь. Да, времена были тяжелыми и дикими, но в подобных ситуациях я все еще был способен на сострадание. Мне очень хотелось помочь ему.

Но было слишком поздно, да и хирургом я не был.

Крысы нанесли ему непоправимый урон, травма была слишком серьезной. Живот у парня был вскрыт, горло разорвано, кишки вытащены и искусаны. Это было ужасно, но он, очевидно начал умирать еще до атаки. Отравление радиацией. Я видел это уже много раз, поэтому понял с первого взгляда. Почти все волосы у парня выпали, кожа во многих местах треснула. По всему телу были язвы. Большинство зубов отсутствовало, а те, что остались, сгнили до самых десен. Из ушей, носа, рта и даже глаз сочилась кровь.

Он протянул ко мне руку, больше похожую на пятнистую клешню, будто хотел в последний раз вступить в контакт с человеком, потом уронил ее. Он просто лежал, истекая кровью, исторгая желчь, и задыхаясь от боли.

— Прости, старик, — сказал я. — Мне очень жаль, но я ничего не могу сделать.

Я выстрелил ему в голову, чтобы избавить от страданий. Это было единственное, что я смог сделать, но от содеянного испытал лишь холод и внутреннюю пустоту. Знай я какие-нибудь молитвы, я прочитал бы одну из них.

— Это не имеет значения, — пробормотал я себе под нос, как всегда пораженный, что после всего дерьма, через которое я прошел, во еще осталось нечто такое неосязаемое, как совесть.

Из глубины темного переулка послышалось какое-то шуршание и беготня.

Еще крысы.

Вероятно, по близости находилась колония.

Я быстро пошел в сторону автобуса. Была середина дня, а крысы обычно активизировались лишь с наступлением ночи, хотя кто их знает. Они могли быть невероятно агрессивными, если видели угрозу своим гнездам. Если они набросятся на меня в большом количестве, мне не поможет даже пистолет. Они похоронят меня заживо в своих зубах, когтях и вшивых телах. Мои кости будут обглоданы начисто в считанные минуты.

Вернувшись к автобусу, я сказал Карлу, что нужно убираться.

Автомобиль начал движение, дергаясь и кашляя, но постепенно набирая скорость.

2

Что я ненавижу в Джени больше всего, это ее кристальную честность, в душе у нее не было ни капли неискренности. В нынешней ситуации самообман и обман окружающих стали образом жизни. Это помогало не сойти с ума и давало опору. Но не Джени.

Всякий раз, когда мы оказывались наедине, Джени смотрела на меня своими чистыми голубыми глазами и задавала снова и снова один и тот же вопрос:

— Куда мы идем, Нэш? Куда ты нас ведешь?

— На запад, — говорил я. — Мы идем на запад.

— Почему на запад? Что там есть такого, чего нет здесь?

— Потому что мы должны туда идти. Вот и все.

На какое-то время Джени замолкала. Затем говорила:

— Это все она? Это Тень говорит тебе, что делать?

И я внезапно цепенел от страха, гложущее душу беспокойство угрожало проглотить меня заживо. Я терял дар речи. Я лежал, обнимая Джени, чувствуя холодный пот на ее коже, ощущая ее сладкий, мускусный аромат. Тень, Тень, Тень. Боже милостивый! Чего она хотела, чего она требовала.

Что я должен был давать ей раз в месяц во время полнолуния.

Господи.

Понимаете, Джени была такая. Не вру. Остальные никогда не посмели бы спросить меня об этом. Они знали про Тень. Знали, чего она хочет... но тема была не из приятных, поэтому не поднималась.

Но Джени была другой. Она атаковала меня вопросами, и мне приходилось отвечать на них. Когда я обретал голос, он звучал как нечто старое и поцарапанное, далекое и дребезжащее, как старая граммофонная пластинка, и говорил ей:

— Да, она хочет именно этого. Хочет, чтобы мы шли на запад. Там что-то есть.

— Что же?

— Не знаю. Что-то есть там, и возможно, что-то есть здесь, отчего мы должны уйти. Не знаю.

Больше я ничего не мог сказать. Ей не нужно было знать о том, что у нас за спиной, проедает себе путь через всю страну, город за городом, оставляя за собой одни лишь кости.

Джени ровно дышала, и я гладил рукой ее обнаженную спину, эту восхитительно гладкую смуглую кожу, думая о том, как сильно она походит на Шелли. Только Шелли была мертва, а Джени жива.

— Как долго это будет продолжаться, Нэш? Когда уже Тень будет удовлетворена? Когда уже она насытится?

Но я никогда не отвечал на этот вопрос, потому что от одной этой мысли мне становилось плохо. От мысли о том, что мне придется сделать и о том, с кем мне придется это сделать. Ибо я испытывал жуткую уверенность, что этому не будет конца. Я не знал, чем именно была Тень, но чувствовал, что она была частью этого нового мира, природной силой, такой же как ветер, вода и солнечный свет.

Она просила.

Я делал.

А если она когда-нибудь попросит у меня Джени? Если это случится... я не знал, что я буду делать. Потому что я ни за что не трону Джени.

Я не допущу этого.

И неважно, насколько голодной будет Тень...

3

В тот день мы нашли не автомобиль, а женщину для Тени. Карл поймал ее, когда ходил на разведку. Она пряталась в одном здании. И бросила в Карла камень, когда он проходил мимо. Поэтому он сходил за ней, избил, связал, заткнул рот кляпом и привел к нам.

Джени это совсем не понравилось.

Могу лишь сказать, что в этой женщине осталось мало чего человеческого. Она пока

еще не была заражена, как Скабы, но судя по взгляду, была недалеко от этого. Казалось, хотела вырвать кому-нибудь горло.

Джени снова включила сострадание и сказала, что эта женщина — человек с правами, как и все остальные.

— Я хочу поговорить с ней, Нэш.

— Она же чокнутая, — сказал я.

— Пожалуйста.

— Джени, когда я нашел ее, она не вела себя, как человек или воспитанная леди. Но ты можешь попробовать, если хочешь.

Карл убрал скотч со рта у женщины.

Она смотрела на нас своими похожими на металлические бусины глазами.

Джени положила руку ей на плечо.

— Милая... — сказала она.

Женщина вздрогнула, закричала Джени в лицо, затем бросилась вперед в попытке укусить ее. Карл сбил ее на пол, сел ей на спину и снова заклеил рот.

— Хватит, — сказал я.

— Она ненормальная, — сказала Джени. — Совершенно ненормальная.

Мы с Карлом расхохотались.

4

Ночь.

Мы спрятались в маленькой мастерской после того, как потратили целый день на поиски замены микроавтобусу. Я выбрал мастерскую, потому что она была легко обороняемой и находилась в стороне от улицы. Даже решетки были на окнах. Если что-нибудь или кто-нибудь попытается добраться до нас, нам это будет отлично видно при лунном свете, да и территория снаружи предлагала идеальную зону поражения.

Я придвинул к окну стул и сел, положив на колени свою винтовку. На мой взгляд, Гэри вряд ли смог бы застать меня врасплох.

Я заступил на дежурство. Карл с Техасцем храпели в дальней комнате. Джени тоже спала.

Мне не оставалось ничего другого, кроме как следить за пустой, ожидающей дорогой. Время от времени я наклонялся вперед и смотрел на висящую над городом луну. Она была еще неполной, но уже близко к тому. Круглая, жирная, похожая на желтый глаз, она окрашивала здания своим фосфоресцирующим светом.

Это напомнило мне мое детство.

По соседству жила одна девочка, постарше меня, которую звали Мэри Лапир. У нее были вьющиеся темные волосы и ярко-голубые глаза. Я был по уши в нее влюблен. У Мэри был телескоп и теплыми летними вечерами она выносила его на задний двор, смотрела на луну и звезды, иногда до двух часов ночи. Я наблюдал из окна, ожидая, когда она выйдет, а сердце у меня билось медленно, в предвкушении. Завидев Мэри, я выскальзывал из окна и присоединялся к ней. Однажды Мэри показала мне луну и Крабовидную туманность, но ни одно небесное тело, которое она мне показывала, не светило ярче, чем мои глаза, когда я смотрел на ее и слушал ее рассказы о кольцах Сатурна или желтом туманном диске Венеры.

Мэри была на пять лет старше меня. Я был увлечен ей до того самого дня, когда она, окончив школу, уехала поступать в колледж. В тот день я плакал, не переставая, потому что

понимал, что больше не увижу ее. Так и получилось. Даже теперь те воспоминания причиняли мне боль, словно бередили старую рану. Но я не забыл ни те летние вечера и стрекот кузнечиков, ни мягкий шепчущий голос Мэри, ни млечный путь, раскинувшийся по небу и то, как Мэри сказала мне, что однажды мы с ней полетим туда. Вдвоем.

Сидя у окна, и глядя на кладбище мира, на висящую в небе луну, я вспоминал Мэри и скучал по ней так, что хотелось плакать. Возможно, я слишком погряз в воспоминаниях, потому что мне показалось, что я задремал.

И когда я проснулся, счетчик Гейгера у меня в ногах бешено щелкал.

На улице кто-то был.

Я подскочил и едва не упал с кресла. Несколько раз моргнул, чтобы убедиться, что мне не мерещится.

На улице стояла девочка и смотрела прямо на меня.

Она походила на призрака, восставшего из могилы, тощая, одетая в грязные лохмотья. И в следующий момент я понял, что это вовсе не девочка. Внутри у меня что-то екнуло, и я почувствовал едкий запах страха, выступившего из моих пор.

Это была одна из *Деток*.

Я хотел было позвать остальных, но рот у меня стал словно резиновый, будто в десны мне вкололи дозу новокаина. Я издал какой-то слабый звук, который не услышал никто, кроме меня самого. Я просто сидел неподвижно, словно выструганная из дерева кукла. Возможно, если я притворюсь мертвым, та ужасная девочка просто пойдет своей дорогой. Но не тут-то было.

Она увидела меня.

Она знала, что я здесь. Возможно, заметила мое шевеление или учуяла мой запах — исходящий от меня запах страха — и ей захотелось большего. В пятнистом лунном свете я видел очень хорошо — бесцветные волосы, спадающие на плечи, серая кожа и жуткое морщинистое лицо, больше напоминающее африканскую маску, вырезанную из куска дерева с помощью ножа и долота. Ее светящиеся желтым светом глаза, сидели глубоко в огромных костлявых глазницах, словно свечи, горящие в глубинах шахт.

Тяжело дыша, с пересохшим ртом я стал поднимать винтовку. И, как мне казалось, делал это осторожно и уверенно. Но на самом деле, руки у меня дрожали так сильно, что я едва мог держать эту чертову штуковину

Девочка не приближалась.

Она оставалась на своем месте, а я — на своем.

Мне нужно было выстрелить в нее. Нужно было прикончить. Нужно было разбрызгать радиоактивную грязь из ее черепа по тротуару. И нужно было сделать это немедленно. Потому что, из-за телепатии или какой-то биохимии, если один из них узнавал о твоём местонахождении, об этом узнавали и все остальные.

Но я колебался.

Я знал, что Карл не стал бы мешкать, как и Техасец. Но даже после всего, что я видел и сделал, даже после нескольких встреч с этими маленькими упырями, во мне еще сохранились остатки человеческого, и мысль убить ребенка... или нечто, некогда бывшее ребенком... вызывала настолько горькое и тошнотворное ощущение, что меня буквально выворачивало наизнанку.

Голос у меня в голове не принадлежал Тени. Возможно, это был просто древний инстинкт, который подсказывал мне: — *Погляди на эту гребаную тварь, Рик, это — не*

человек, это — не ребенок. Она серая, сморщенная, похожая на мумию, пыльная и грязная, будто нечто, выползшее из могилы. Она — ходячее мясо, и ничего больше.

Отличный совет. Я поднял винтовку и собирался уже прикончить эту тварь, поскольку знал, что должен это сделать. Но несмотря на то, насколько пугающим было это дитя, в нем было что-то несчастное. Больше от жертвы, чем от хищника, даже если оно было столь же смертельным, как топливные стержни, извлеченные из ядра реактора. В этот момент, возможно, почувствовав мою нерешительность, девочка протянула перед собой руки ладонями вверх, словно несчастный бродяга, просящий милостыню для своих голодающих собратьев.

Стреляй же, кретин.

Я навел на нее ружье и увидел, кто она есть на самом деле. Монстр. Кипящий, ползучий ужас из ямы с радиоактивными отходами. Даже с такого расстояния я видел эти глаза. Возможно, даже слишком хорошо, потому что они будто впились в меня. Возможно, они были не совсем светящимися, а блестящими, полупрозрачными, серебристо-желтыми, глядящими из тех углублений, словно мерцающие опалы, вставленные в глазницы черепа. В тех глазах не было ничего. Они были пустыми и мертвыми, пустоты, наполненные вакуумом, чернотой, которая могла существовать лишь за пределами этой вселенной.

Я колебался слишком долго.

Девочка уронила руки, а затем вскинула одну и указала на меня. Ее овальный рот раскрылся, словно пасть миноги, лунный свет блеснул на крошечных крючковатых зубах. И она закричала. Издала пронзительный жужжащий звук, похожий на стрекот саранчи на летнем поле, но такой громкий, что из ушей у меня едва не пошла кровь.

А затем начали появляться другие.

Из дальней комнаты донесся какой-то шум, и я понял, что это Карл с Техасцем готовятся к бою.

Я снова прицелился и выстрелил в девочку. Пробив оконное стекло, пуля попала ей прямо в грудь. Девочка отлетела назад почти на двадцать футов, разбрызгивая кровь и кусочки мяса. И тут же с ней случилось то же самое, что всегда бывало с Детками. Она загорелась. Будто то, что хранилось в ней, пришло в действие, потенциальная энергия превратилась в кинетическую. К тому моменту, как ее мертвое тело приземлилось на тротуар, оно уже дымилось, как мешок с горящим мусором. Какой-то бешенный голубой огонь вырвался у нее изнутри, плоть разжижилась, как горячее сало, задымилась и зашипела. Лицо сползло с черепа, а лежащий на земле почерневший скелет содрогнулся и распался на части.

Все произошло очень быстро.

Но к тому времени на улице собрались другие Детки.

Я не видел, откуда они появились. Может, из-под ржавеющих остовов машин, из канализации и окон подвалов. Может, вылезли из дымовых труб и спустились по кирпичным фасадам зданий, словно пауки. Как бы то ни было, они стояли на улице. Я насчитал с дюжину, но на подходе были еще.

Они встали полукругом перед входом в мастерскую, и стали о чем-то возбужденно тараторить, повизгивая. Глаза у них светились, рты открывались и закрывались, словно у угрей, втягивающих в себя воздух. Они указывали на меня своими костлявыми пальцами. И все издавали тот пронзительный вопль, словно говоря: — *Вон, вон он. Он не такой как мы. Это — чужак. Убить его, убить его, убить его...*

Они начали приближаться. Истощенные, одетые в лохмотья, волосы спутанные, лица искажены в злобной гримасе.

— Мать-перемать! — услышал я голос Карла. — Опять эти гребаные сопляки.

Он выбил ногой остатки оконного стекла. Техасец уже стоял рядом, с "Браунингом" в одной руке и "Дезерт Иглом" — в другой, будто какой-то бесстрашный партизан, готовый погибнуть с дымящимися пистолетами в руках.

Детки — их было уже два или три десятка — ринулись на нас, подпрыгивая, повизгивая и жужжа, словно стая насекомых. Я уложил троих, а Техасец — еще четверых. Двоих Карл разрезал буквально пополам. И это был сущий ад. От умирающих поднимались огромные облака пепла и маслянистого дыма, а живые наступали прямо по их головам.

Но никто из них не пробился сквозь град огня.

Некоторые оказались в трех или четырех футах от нас, и мы отбросили их назад, вскрыв черепа и продырявив торсы. Я всадил последние две пули в живот маленькому мальчику. Тот споткнулся и, напорвшись на зазубренный осколок стекла, торчащий в окне, и загорелся прямо передо мной. Карл оттолкнул ногой его труп обратно на улицу, чтобы мы не задохнулись от дыма.

Примерно в то время, как остальные начали отступать, а улица ярко пылала, словно зев крематория, по нам ударили с тыла. Я услышал крик Джени, а затем кто-то отбросил меня и Карла в сторону. Следующее, что я помню, это то, как та плененная нами безумная дама выпрыгнула в разбитое окно, перекатилась через тротуар и вскочила на ноги. Руки у нее были по-прежнему связаны за спиной. Карл перезарядился и хотел было уложить ее, но не успел.

С полдюжины Деток накинулись на нее, без лишних усилий сбив с ног, обхватили руками и присосались к ней своими рыбьими ртами. Женщина принялась биться и кричать, но не смогла сбросить с себя нападавших. Они прилипли к ней, испепеляя ее, обращая ее в тлеющую, безумную тварь, исторгающую мотки сожженных внутренностей.

Мы стали стрелять сквозь нее, чтобы попасть в Деток.

А затем все они начали гореть, дымиться и корчиться, съеживаться и шипеть, как бекон на раскаленной сковородке. Одна из тварей вырвалась в предсмертной агонии и проковыляла футов пять-шесть в нашем направлении, затем рухнула на тротуар, содрогаясь и распадаясь на части. Наконец, исторгла какую-то черную, пузырящуюся массу и затихла.

Вот и все.

Мы пережили еще одно нападение Деток. Задыхаясь и дрожа, мы стояли и смотрели на улицу. Двадцать или больше тварей лежали там, слившись в какую-то почерневшую, дымящуюся массу из костей и плоти.

— Вот же гадкие маленькие засранцы, — проворчал Карл.

— Лучше нам убираться отсюда, — сказала Джени, стараясь не смотреть на бойню. — Эти тела очень радиоактивны.

Поэтому мы спустились в подвал и дождались рассвета.

Больше нам ничего не оставалось.

5

Это было в те жаркие, пасмурные дни, когда мир был погружен в шафрановый туман, в котором ты не замечал опасность, пока не оказывался в непосредственной близости от нее. Иногда пылевые бури настигали нас, когда мы находились на открытом пространстве. Это начиналось всегда одинаково, с тишины, тяжелой и угрюмой, от которой тело покрывалось

мурашками. Затем налетал ветер, воющий, как банши, свистел по улицам, засасывая мир в бушующую бурю радиоактивной пыли. Если быстро не найти укрытие, этот ветер буквально сдирал с тебя кожу, а радиация поджаривала изнутри.

Однажды я увидел, как в такую бурю попала кучка бродяг, роющихся по канавам.

Они не прошли и десяти футов, как ветер прикончил их. Когда он утих, пыль развеялась, а рентгены пришли в норму, на улице лежали шесть тел. Они были все обгоревшие, покрыты волдырями, коричневые, как старая кожаная обувь, а поднимающийся от них дым доносил тошнотворный запах горелого мяса.

В любом случае, Гэри был безлюдным местом.

Хотя другого вряд ли можно было ожидать спустя год после Судного дня. Счетчик Гейгера показывал пятьдесят микрорентген в час — вполне допустимая фоновая радиация. Жить можно. В остальном, все было, как и везде. Пустынные улицы, устланные мусором, разбитые автомобили, сожженные дома. Много мусора осталось с последних дней, когда было объявлено военное положение, и армия пыталась ликвидировать все незаконные формирования.

Конечно же, Гэри был не хуже, чем любой другой город, но я не хотел здесь задерживаться. Как, впрочем, и в других. Единственно, нам нужен был надежный автомобиль, чтобы иметь возможность свободного перемещения. И нам нужно было еще кое-что, но мы об этом не говорили.

Карл, обладавший военным мышлением, хотел "Хаммер", оснащенный пулеметом 50-ого калибра. Техасец Слим хотел катафалк. Джени было все равно, а я просто хотел что-нибудь надежное. У Гремлина, конечно же, своего мнения не было. Он был бы недоволен любой нашей находкой.

При том, что за тридцать шесть часов была уничтожена треть населения планеты, а за несколько недель и месяцев от радиации умерло еще несколько миллионов, могло показаться, что раздобыть автомобиль не представит никакого труда.

Но это было не так.

— Давай же, ты, кусок дерьма, — проворчал Карл, сворачивая на улицу, заваленную ржавеющими остовами машин и грузовиков. Шины у всех были сняты для костров. Большинство лобовых стекол разбиты. Карлу приходилось маневрировать между ними, и это было нелегко, при том, что старый хрипящий автобус то и дело вздрагивал и останавливался из-за глохнущего двигателя.

— Членосос... гребаный членосос.

Техасец Слим захихикал.

— Мне это нравится. Нравится, как он это делает. Ругается, как матрос.

— Поцелуй меня в задницу, — огрызнулся Карл.

— Видите? Никак не остановится. Это весело.

Техасец Слим был немного странным. Он был вовсе не из Техаса. Откуда-то из Луизианы, как он утверждал. Но Карл всегда называл его *Техасцем*, и мы тоже стали. Он был хорошим стрелком и добытчиком, без лишних вопросов делал, что ему говорили. Просто иногда он был немного странным. И часто сложно было понять, шутит он, или говорит на полном серьезе.

— Эй, как по-вашему, здесь где-нибудь есть доступные дамы? — поинтересовался он. — Или пусть даже не очень доступные?

— Продолжай сношать свою руку и заткнись, — сказал ему Карл.

Джени вздохнула, а я откинулся на заднее сиденье, думая о том, что мы должны сделать, как только найдем новую тачку и с кем нам придется это сделать.

— Эй, — сказал Гремлин. — Гляньте. Там какое-то движение.

Пара старых бродяг в рваных пальто от "Армии спасения" собирали дохлых крыс и складывали их в мешки для картофеля. Когда-то, до того, как мир сошел с ума, они были бомжами, бездомными людьми, но в этом новом страшном мире больше не было автобусных остановок, где можно спать, и не было щедрых туристов. Теперь они были добытчиками и ели то, что могли найти.

Карл посмотрел на них с опаской.

— Какое-то очень странное у меня здесь ощущение.

— Так вынь руку у себя из штанов, — сказал ему Техасец Слим.

Я ждал, не придавая особого значения ощущениям Карла, но потом почувствовал, как напряглась рядом Джени, и понял, что что-то происходит.

— Черт, — ругнулся Карл.

Бродяги не обладали интуицией. Просто продолжали собирать добычу и мечтать о крысиной тушенке и крысином пироге. Они пребывали в счастливом неведении, окутанные туманом собственного смрада. Карл ударил по тормозам, и все едва не попадали с сидений. Но никто не стал ворчать, потому что все увидели то, что увидел Карл.

Скабы.

Трое Скабов стояло на старом ржавом фургоне. В руках у них были обрезки металлических труб. Все их внимание было занято бродягами. Они спрыгнули с фургона, подбежали к бродягам и принялись их избивать. Бродяги просто попадали на землю, свернувшись клубками. А Скабы продолжали их колотить, пока их трубы не покраснели, а бродяги не перестали шевелиться.

Затем Скабы переключили свое внимание на нас.

Их было всего трое. Голые, с бугристыми, мертвенно-бледными лицами, порытыми лопнувшими волдырями.

— Валим отсюда! — сказал Гремлин. — Какого черта мы здесь торчим?

Карл привел микроавтобус в движение. Кожа у меня на спине покрылась мурашками, каждая мышца в теле напряглась и завибрировала. И тут появились другие Скабы.

Ни двое, ни трое, а десятки. Большинство были голыми.

Они приближались со всех сторон. Спрыгивали с машин и выбегали из разрушенных зданий, выползали из переулков и вываливались из разбитых окон. В руках у них были ножи и топоры, ручки от метел, молотки и мясницкие тесаки. Это была их территория, и они собирались ее защищать. До сего момента я не видел, чтобы Скабы были так организованы. И в этом не было ничего хорошего.

Мы не могли повернуть назад, и все понимали это.

Пришло время поохотиться.

Их высыпало на улицы все больше и больше, стекалось из разных укрытий. У всех в руках были топоры, пики и молотки. Но ни у кого не было огнестрельного оружия. Я присмотрелся, но не увидел у них ни ружей, ни пистолетов. В данный момент это было нашим единственным преимуществом. Мне не пришлось никому говорить, что должно произойти. Все уже держали оружие наготове. Мы собирались пробивать себе путь назад с боем, как на диком западе.

Джени смотрела на меня с нескрываемой паникой в глазах, но времени на

утешительные слова не было. Карл держал на коленях свой "Моссберг 500". Вся прелесть "Моссберга" заключалась в том, что он был не длиннее твоей руки, и имел мощную убийную силу. Техасец держал свой огромный "Дезерт Игл" 50-ого калибра, а Гремлин — хромированный "Смит энд Вессон" калибра.357. Я же вставил новую обойму в свою "Беретту".

Джени не брала в руки оружие.

— Пригнись и не высовывайся, — сказал я ей. — Ладно, Карл. Двинули.

Карл привел микроавтобус в движение, медленно разогнал его до десяти, а затем до двадцати миль в час. Стекла были подняты, двери заперты.

Скабы все прибывали.

— Давайте же, уродливые ублюдки, — прорычал Техасец Слим. — Подходите и получите немного вкусного свинца.

Они преследовали наш хиппарский автобус, будто это было какое-то живое существо, доисторический зверь, которого необходимо завалить. Они кидались на него, словно охотники каменного века, атакующие мамонта. Тесаки и топоры рубили, обрезки труб колотили, молотки стучали, ножи кололи. Зеркала заднего вида были оторваны, лобовое стекло покрылось трещинами от бросаемых камней и кирпичей. Переднее окно с пассажирской стороны обрушилось внутрь, когда Техасец Слим выпустил три пули из своего "Дезерт Игла" в вопящих Скабов. Несколько из них упало на тротуар. Ничто не разговаривает столь же убедительно, как 50-ый калибр. Карл не стал ждать, когда Скабы доберутся до его окна. Когда они собрались возле него, толкаясь, колотя и царапая своими длинными белыми пальцами, он вскинул "Моссберг" и выстрелил. Окно исчезло, и пара Скабов получила заряд картечи в лицо.

Их было слишком много.

Гремлин посмотрел на меня, и я кивнул.

Мы вскинули свои пистолеты и выстрелили одновременно прямо сквозь окна. "Смит Энд Вессон" разбил стекло, и оно вылетело наружу, но моей "Беретте" потребовалось два или три выстрела, чтобы сделать то же самое. Затем все начали стрелять, валить Скабов, глядя, как налетают новые. Тела падали, головы разлетались, автобус трясло, когда он врезался то в одного, то в другого, и когда под колеса попадали их корчащиеся тела.

Какой-то Скаб с самыми безумными и остекленевшими глазами, которые я только видел, отбросил двух или трех своих братьев, размахивая топором с длинной ручкой. Я вплепил пулю ему в левый глаз, и он упал назад, завертевшись волчком. Заверещал, зажав руками лицо, между пальцев хлестала кровь.

— КОНЧАЙТЕ ИХ! — закричал Карл с каким-то маниакальным весельем в голосе крутя руль и паля из своего "Моссберга". — МОЧИТЕ ЭТИХ УБЛЮДКОВ! ВАЛИТЕ ИХ!

Наш автобус сильно пострадал, а боеприпасов оставалось немного. Внутренний интерьер был уже заполнен дымом, усыпан стеклом и забрызган кровью Скабов. От стрельбы в ограниченном пространстве у всех звенело в ушах.

Мы пробились сквозь первый строй Скабов, и когда автобус обогнул следующий квартал, большинство осталось позади. Но остальные продолжали преследовать нас, и старенькому "Фольксвагену" просто не хватало места, чтобы разогнаться. Я застрелил еще троих, прежде чем моя обойма опустела. А затем принялся дубасить пистолетом по лицам. Но Скабы, опьяневшие от ненависти и ярости, не собирались сдаваться. Они продолжали наступать, прыгая прямо по телам братьев. Я получил кулаком в челюсть, затем в висок.

По лицу царапнули чьи-то ногти. Затем в меня вцепились чьи-то руки, буквально выдернув с сиденья. Джени тянула меня назад, крича во все горло. Но в этом "перетягивании каната" она явно проигрывала.

Я отбивался изо всех сил, но это мало помогало. Мысленно я уже признал поражение: *Мне конец, мне гребаный конец! Эти сукины сыны все-таки достали меня!*

Но тут Карл развернулся на сидении, зажав руль между колен, вскинул свой "Эйрвейт" 38-го калибра и всадил пулю в лицо парня, который пытался вытащить меня из салона. Пуля прошла так близко от моего левого уха, что я почувствовал ее жар. Но она попала точно в цель. Вошла парню прямо в нос, и тот отлетел, словно от удара ногой. Карл выстрелил еще два раза и тем же способом прикончил еще двух Скабов.

Техасец Слим отбросил выстрелом прочь еще одного, и у него тоже кончились патроны. У Гремлина тоже.

В задней части автобуса были еще боеприпасы и оружие, но времени на перевооружение не было. Карл дал по газам, и автобус дернулся, кашлянул, будто готовый заглохнуть, затем набрал скорость, снеся по пути парочку Скабов. Еще один повис на водительской двери. Карл выстрелил в него из "Эйрвейта", но тот не отпускаясь. Поэтому Карл выстрелил в него еще раз и еще. Другой Скаб попытался пролезть в окно со стороны Техасца Слива, и тот вонзил ему в горло складной нож. Скаб продолжал держаться за раму, из раны пузырясь вытекала кровь.

— Придется тебе помереть, дружище! Сейчас я тебе покажу! — воскликнул Техасец Сли, и принялся бить ножом Скаба в лицо, шею, голову, и тот, наконец, вывалился из окна.

Джени держалась за меня так крепко, что мне показалось, что она сломает мне руку. Но все уже было позади.

— Ну и поездочка, мать ее! — воскликнул Карл.

Мы все засмеялись. Хохотали, как сумасшедшие. Грязные, израненные и окровавленные.

Из-за тумана и кратковременного замешательства Карл не заметил маленького перевернутого "Форд-Фокуса". Когда он его увидел, было слишком поздно. Ударив по тормозам, он крутанул руль. Автобус задел вскользь препятствие, перескочил через бордюр, врезался в стеклянную витрину старой видео-лавки, и там заглох.

6

— Все на выход, — скомандовал я.

Никто из нас не был серьезно ранен, все отделались лишь порезами и ушибами. Мы забрали из задней части автобуса оружие, счетчик Гейгера, "аптечку" и пару нейлоновых мешков со всякой всячиной. Карл взял свой "АК-47", а я — свою винтовку. Техасец Слим перезарядил свой "Дезерт Игл", а Гремлин — свой "Смит Энд Вессон". Я заставил Джени взять "Браунинг" 45-ого калибра, чему она была не особенно рада. Она держала его так, будто я вручил ей комоч влажных экскрементов.

Скабов поблизости не было видно.

Нам повезло, очень повезло.

Этих тварей создала радиация. Кем они были раньше, не имело значения. Радиация поджарила их хромосомы, вызвала облысение, выбелила им лица и покрыла их коростой. У большинства из них были черные блестящие глаза, но у некоторых они были розовыми, как у альбиносов. Вне зависимости от степени облучения, все они были злобными и жестокими,

как черти. А еще безумными. Совершенно одичавшими. Они нападали на своих жертв не только с оружием, но и с голыми руками и зубами. Все знали, что они опасны, как бешенные собаки, и так же подлежали истреблению.

Так или иначе, теперь на улицах было очень тихо.

В небе висел грязный, светящийся туман, отражаясь в окнах зданий и в разбитых стеклах машин. Приходилось щуриться, чтобы разглядеть что-либо. Вероятно, поэтому мы и не заметили трех поджидавших нас Скабов.

Один из них пускал слюни и конвульсировал, будто находился под "метом". Другой вел себя так же, глаза у него были закачены, а все тело подергивалось, будто кто-то дергал его за невидимые нити, как марионетку. Из левой ноздри у него вытекала пузырящаяся серая слизь. Оба они издавали хрюканье, как похотливые боровы. В руках у них были ножи, и они хотели ими воспользоваться.

Ножи против огнестрельного оружия... не очень разумно, хотя что можно было ждать от этих парней?

Третий оказался еще способен хоть как-то выражать свои мысли.

— "Дырка", — сказал он. — Мы хотим вашу "дырку". Отдайте нам вашу "дырку". Мы хотим ее.

— Единственная здесь "дырка" — это ты, — сказал Карл.

Техасец Слим захихикал.

— Не думаю, что даме нравится такое определение.

— Заткнись, — сказал я ему.

— Мы хотим эту "дырку", — повторил Скаб.

Я закрыл собой Джени.

— Идите и возьмите ее. Она ваша.

Мозги у Скабов были настолько расплавленными, что они восприняли мои слова буквально.

Они шагнули вперед, и я уложил двоих выстрелами в живот, а Карл вlepил две пули в другого парня. Тот упал замертво. Двое других ползали по земле, истекая кровью и издавая странное повизгивание. Придется им какое-то время помучиться, поскольку смерть наступит еще нескоро.

— Уходим, — скомандовал я.

— Нэщ, — сказала Джени. — Ты не можешь оставить их страдать.

— Очень даже могу.

— Рик.

— Брось, Джени. Хватит уже. Прибереги свои розовые очки для других случаев.

— Рик, ты не можешь.

— Конечно, может, Джени, — сказал Техасец Слим, вынимая нож. На самом деле, если подойти к делу творчески, можно даже продлить их агонию.

Он наклонился и принялся беззаботно увечить умирающих Скабов. Я приказал ему прекратить. Чертов Техасец Слим. Ошибка природы. В детстве, наверное, мучил щенков, а потом перешел на жертв покрупнее. За ним нужен глаз да глаз. Он утверждал, что в Батон-Руж изучал похоронное дело, и имел нездоровый интерес к трупам и к умирающим. Я видел, как он занимался с мертвецами кое-какими делами, которые можно назвать не только отталкивающими, но и непристойными.

— Ты хочешь оставить их умирать? — спросила Джени.

— Они даже не люди, — сказал я ей.

Я потащил ее прочь, и она стала вырываться. Я понял, что так дело дойдет до драки, что поставит остальных в неловкое положение. Но вдруг все мы остановились как вкопанные. Единственные звуки издавали лишь умирающие Скабы, катающиеся в лужах собственной крови. Вокруг стояла тишина. Тишина такая тяжелая, что казалось, будто она имеет физический вес.

Все словно замерло.

Не было ни ветерка.

Воздух внезапно стал очень сухим и заряженным статическим электричеством. А еще горячим. У Джени на лице выступил пот. Капли катились у меня по лбу и капали с носа.

— Вот, дерьмо, — ругнулся Техасец Слим. — Надвигается шторм.

Пылевая буря.

Земля задрожала, и раздался далекий рокот. Я огляделся в поисках убежища. В горле у меня пересохло. Буря с грохотом приближалась.

— Нэш! Давай-же, Нэш, мать твою? Будем стоять здесь и ждать, или что? — с выражением отчаяния на лице воскликнул Гремлин.

Мне захотелось вlepить этому ублюдку оплеуху, уложить на землю и оставить его так, пока буря не налетит и не поджарит его. И это желание было очень сильным.

— Смотрите, — сказал Карл.

Вот оно. Оно надвигалось с востока бушующей стихией, поднимая вверх пыль, грязь, мусор и все, что не было привязано. Оно было огромным, голодным и ревушим, как первобытное чудовище. Сейчас содрогалось все: улицы, здания. Когда буря пришла — а пришла она очень быстро — она отбрасывала перед собой угрюмую тень. Эта тень поглощала квартал за кварталом, и...

— Бежим! — закричал я. — Вон туда!

Напротив стояло здание, которое выглядело довольно крепким и надежным. Мы добрались до него, но дверь оказалась заперта. Карл выбил ее, и все запрыгнули внутрь, спотыкаясь в темноте. Техасец Слим нашел старый стол и забаррикадировал им дверь.

— Ладно, — сказал я им. — Давайте найдем лестницу.

Сквозь грязное окно я стал смотреть как с надвигающейся бурей темнеет улица. И тут все здание затряслось.

7

С самого Судного дня патогены пугали меня.

Нет, я говорю не о чем-то тривиальном, вроде невроза. Я говорю об ужасе, который испытываю, когда думаю обо всех этих по-настоящему опасных микробах, которые летают вокруг, и о том, что они могут сделать. Радиация, как я уже сказал, что-то сотворила с этими микробами, сделав их крупнее, вреднее, заразнее, создав смертоносные штаммы и мутировавшие формы жизни, такие, о которых я даже не хочу думать. Полагаю, что некоторые из этих организмов — такие же, что и прежде, но мне доподлинно известно, что многие из них стали гораздо опаснее, чем они были. Например, ходил слух, что какая-то экзотическая форма геморрагической лихорадки, похожей на Эболу, прожгла себе путь через Акрон, и уже опустошила то, что осталось от Филадельфии и Питтсбурга.

Только, как выяснилось, это был не слух.

Форма геморрагической лихорадки, о которой мы говорим здесь, как я уже отметил, была очень похожа на Эболу. Вы же помните старую добрую Эболу? Она опустошила

несколько деревень в Заире, Судане, и на Берегу Слоновой кости в те дни, когда колеса мира еще крутились. Это были важные новости. Пугающие новости. Смертельный, передающийся контактным путем вирус заполнял целые кладбища, и этому не было видно конца. Но конец все же настал. Вирус пришел и ушел, якобы сам по себе.

Теперь этот смертоносный штамм геморрагической лихорадки — назовем его Эбола Экс, что звучит достаточно угрожающе — это как Эбола в квадрате, Эбола, в десять раз более сильная, Эбола с по-настоящему стервозным нравом, Эбола, обдолбавшаяся "мета" и почувствовавшая в себе великую и убийственную мощь. Я знал это, потому что в самом конце, после Судного дня и как раз перед тем, как рухнуло правительство, эта новая страшная Эбола Экс уже осаждала такие города как Вашингтон, Балтимор и Бостон.

И она все еще была где-то там, мутировала, генерировалась, обретала такую богомерзкую форму, о которой я могу лишь догадываться.

Предположим, у вас произошел контакт с Эболой Экс. Насколько я понимаю, риск заражения составляет примерно 98 %, а вероятность смертельного исхода — 100 %. Это все равно, что смертная казнь, без отсрочки исполнения, объявленной в последнюю минуту. Все начинается с мышечных болей, потливости и резкой лихорадки. Далее следуют мучительные боли в животе и точечные кровоизлияния в мозг. Глаза становятся блестящими и кроваво-красными. Кожа желтеет и покрывается открытыми язвами. К этому моменту ваш мозг больше напоминает желе, из всех отверстий льется кровь. А вы исторгаете черную слизь, зараженную кровь и измельченные кусочки желудка и кишечника. Смерть наступает через шестнадцать часов после первого контакта, и эти часы становятся самыми долгими, которые только можете себе представить. Лично я не считаю себя религиозным человеком. Я не верю в существование маленького невидимого божества, наблюдающего за нами с небес. Это приятная, успокаивающая мысль, но я не верю в духовные сказки. И я уверен, что в них не верили миллионы, умершие в концентрационных лагерях, жертвы массовых убийств, охоты на ведьм, расовых преступлений и эпидемий. Так что, при том, что я не верю в Бога — хотя хотел бы — я верю в Дьявола. И этот Дьявол и есть Эбола Экс.

Теперь вы получили общее представление. Эбола Экс для людей — это все равно, что солнечный свет для вампиров... разве что рассыпаться в пыль, наверное, менее болезненный (и грязный) процесс.

Теперь позвольте рассказать вам о Техасце Слиме. Я не много говорил о нем. Позволил вам сформировать собственное мнение из моих, как я надеюсь, объективных впечатлений и воспоминаний. У Техасца было необычное прошлое. Он немного странный и эксцентричный, возможно, даже отчасти социопат. Смеется над вещами, которые у других вызывают содрогание, рассказывает очень неприятные истории — например, про мочу в чаше с пуншем — которые нравятся далеко не всем. Этим все сказано. Но думаю, в остальном он нормальный. Жесткий, дисциплинированный, преданный, и невероятно сострадательный. Может, так их воспитывают там, в Луизиане. И тем не менее, он мне нравится. Он поддерживает меня, а я — его.

Было бы достаточно просто избавиться от него, как от психа, но это было бы ошибкой. Позвольте рассказать вам, что случилось с ним прежде чем он присоединился к моему отряду, который можно было назвать "Верный орден Тени" или "Братский орден эзотерической Тени". Ни одно из этих названий я не считаю забавным.

Когда упали бомбы, Техасец жил в Моргантауне, шт. Западная Виргиния. Так как в Питтсбурге у него была троюродная сестра, он переехал туда. Это была крупная, похожая на

грушу женщина, по имени Джемми Килпатрик. Татуировок у нее было больше, чем зубов, а обитала она в многоквартирном доме с группой из двадцати человек. Техасец присоединился к этой группе. Принят он был очень тепло... хотя не был рад романтическому уходу Джемми. Дела в "коммуне", как он назвал группу, шли хорошо. Все вносили свою лепту. Все добывали еду, оружие и свежую воду. И отлично с этим справлялись.

Затем Джемми слегла с лихорадкой.

Симптомы были очень похожи на те, что я здесь упоминал. Через шесть часов глаза у нее стали ярко-красными — "вампирские глаза", как называл их Техасец Слим — а из носа, вагины, ануса буквально хлынула кровь. Пузырясь, сочилась из пор и капала из ушей. Несколько часов Джемми напоминала бомбу замедленного действия, а затем она взорвалась. Горящая от лихорадки и источающая запах сырой гнили и канализации, она больше не могла сидеть прямо, и просто палилась в пространство. Кровь продолжала вытекать из нее, а кожа приняла восковой цвет и стала полупрозрачной. Все тело покрывали кровавые трещины. Она превратилась в бурлящую кровоточащую массу, а затем... у нее началась "ломка", как говорят спецы по биоугрозе. Она стала конвульсировать. Начала извергать огромные сгустки темно-красной артериальной крови, забрызгивая буквально все вокруг себя, и тех, кто за ней ухаживал. А еще она исторгала огромное количество какой-то склизкой черной субстанции. Со слов Техасца комната пахла как "мешок с горячей блевотиной". Не сомневаюсь в этом. Но хуже всего, как он сказал мне, был хруст ануса, рвущегося под напором крови, кусков ткани и, вероятно, остатков кишечника. После этого она умерла очень быстро, утонув в луже собственной крови и нечистот.

Большинство людей убежало задолго до этого, как и большая часть коммуны.

Но не Техасец Слим. Он оставался до конца, промокший от крови и выделений Джемми. Он сказал, что даже не думал о том, что может заразиться смертоносным организмом. По-моему, он врал. Он знал, но он был не из тех, кто бросает нуждающихся, даже рискуя жизнью.

Из двенадцати оставшихся все — кроме Техасца — были инфицированы в течение двадцати четырех часов.

Следующие два дня Техасец был занят тем, что ухаживал за ними, в то время как они страдали от "ломки" и истекали кровью. Как он сказал мне, это был такой ад, что он хотел даже уйти. Все эти зараженные люди ютились в тесной комнате, смердящей кровью и рвотой. Конвульсировали и испражнялись собственными внутренностями, глядя на него своими ярко-красными глазами. Впадали в предсмертный шок и исторгали все, что у них было внутри.

Он похоронил их всех на пустой соседней парковке.

Когда он рассказывал эту историю, были лишь он, я и бутылка "Джека Дэниелса". Он не поделился бы этим ни с кем другим. И пока я слушал, он будто выдавливал из своей души гной. Это пугало меня. Пугало, потому что я не знал, является ли он переносчиком вируса, а еще потому что я получил отчет от первого лица о том дерьме, которое творилось вокруг. По сравнению с тем, через что он прошел, мои мытарства с женой, умиравшей от холеры, были все равно, что вечеринка с тортом и шариками.

Но он выжил. Победив вирус и получив личный опыт.

Но теперь вы понимаете, почему я боюсь этих микробов. То, чем они были и чем становятся теперь. Потому что они постоянно меняются и мутируют. Такова их природа. Но самое страшное то, что микробы заставляют меня думать о том сне, который мне приснился

на складе армейского магазина в Сауз-Бенде. Во что они мутировали? Какая извращенная, отвратительная эволюция породила ту сущность, которую я видел наяву или во сне? Какой кошмарный патогенный вирус произвели эти тлеющие чумные кладбища?

Я не знал.

Но я чувствовал, что оно приближается, ползет на запад, темным саваном окутывая разрушенные города.

8

Перекусив крекерами с консервированным колбасным фаршем, я сел у окна и стал слушать завывание пылевой бури на улицах. Мы забаррикадировались в комнате на четвертом этаже. Главное было подняться как можно выше, потому что пыль с самым опасным уровнем радиации находилась ближе к уровню земли. Она была насыщена такими элементами, как стронций-90, цезий-137 и плутоний. А над ней летали обычные пыль и мусор, захваченные вихрем. Поэтому чем выше было ваше убежище, тем лучше.

Но внизу, на улицах было смертельно опасно.

Я сидел, тело у меня ныло, в глазах покалывало от недостатка сна. Буря немного стихла, здание больше не трясло, и штукатурка уже не сыпалась со стен. Но снаружи было еще ветрено. То и дело сильный порыв налетал на здание и сотрясал его, как удар гигантского кулака. И мы прижимались друг к другу, прикрывая головы и благодаря людей, построивших такую крепкую конструкцию.

Джени прислонилась ко мне, положив голову мне на плечо. Глаза у нее были закрыты, но она не спала. Просто закрылась от внешнего мира, от стога ветра и стоящего в комнате смрада кошачьей мочи и гнилого дерева. Парни — Техасец Слим, Карл и Гремлин — рассказывали друг другу истории, пытаясь при этом переплюнуть друг друга, словно старики, спорящие, чье детство было тяжелее, или как подростки, хвастающиеся сексуальными достижениями.

— Нам придется провести здесь ночь, верно, Нэш? — прошептала Джени.

— Ага. Сейчас на улице слишком опасно.

Ветер немного утих, но недостаточно. Как только он уйдет, и пыль рассеется, рентгены придут в норму. Но до того времени выходить было нельзя.

Поэтому мы остались.

— Что там счетчик Гейгера?

— Показывает шестьдесят, — отозвался Карл. — Идет на спад.

Два часа назад он держался на значении сто микрорентген. Уже горячо, но не так плохо, как внизу, где он показал бы все четыре сотни. Или в таких местах, как Чикаго, принявший удар 500-мегатонной бомбы, и где уровень устойчивой радиации был настолько высок, что, наверное, измерялся в бэрах. В одном бэре был миллион микрорентген. И, до того, как цивилизация рухнула полностью, ходили слухи, что в Чикаго уровень достигал 5000 бэр. И если там что-то было еще живое, я не хочу знать, что.

Гремлин продолжал бубнить про какую-то знакомую черную телку из Форт-Уэйн, которую он называл Землячка. Однажды ее поймали Тесаки. Как он утверждал, это случилось где-то за городом. Ее изнасиловали прямо на улице и скальпировали мясницким ножом. Затем, пока она еще дышала, а последний член банды продолжал надругаться над ней, остальные начали отрубать ей пальцы, выдергивать зубы и отрезать уши на сувениры, как обычно делали Тесаки.

— Что ты сделал? — спросил Карл. — Просто смотрел, мать твою?

— А что я должен был делать? Их было десять, а я — один.

Техасцу Слиму это показалось забавным.

— По-моему, ты сказал, что любил ее?

— Ага. При каждой возможности.

— Это нечто. Разве нет? — сказал Техасец Слим, давясь хохотом. — Однажды я любил одну такую девушку. Тоже "цветная"... хотя нет, наверное, она была индианка. Я драл ее в задницу при каждой возможности. Вот только сиська у нее была одна. Но это было не так уж и плохо.

— Одна сиська, — произнес Гремлин. — А ты не очень-то разборчивый, верно?

Карл рассмеялся.

— Еще какой разборчивый. Трахает только свою левую руку. Испытывает к ней слабость.

— Я трахаю их обе. И ты знаешь это, — признался Техасец Слим. — При этом думаю о твоей матери.

— Опять ты за свое.

— Мерзость какая, — пробурчал Гремлин. — Настоящая мерзость говорить так о чьей-то матери. Когда я дрочу, я думаю только о жаркой молоденькой телке.

При этом он бросил взгляд на Джени, и все это заметили. Я тоже. Думаю, он хотел, чтобы я увидел это.

— Эй, Гремлин? — сказал Техасец Слим. — Ты в курсе, что для парочек есть романтический день, День Святого Валентина?

— Ага. Слышал.

— Для одиночек, вроде тебя тоже есть романтический день. Вербное воскресенье называется. (*Вербное по англ. — Palm, как и ладонь — Прим. пер.*)

— Не врешь?

Джени попыталась подавить смех, но не смогла. Я тоже едва не прыснул. Это была моя компания, мой отряд. Ведут себя, как дети в раздевалке. Боже.

Гремлин тоже немного посмеялся, затем принялся за то, что у него получалось лучше всего: начал ныть.

— Я уже до блевоты устал ждать, — сказал он. — Нам целый день придется торчать в этом гадюшнике, Нэш?

— Ага, а, возможно, еще ночь.

— Черт. Мне нечего пить, и потрахать не с кем. Я это не перенесу.

Он встал и принялся ходить туда-сюда, в то время как Техасец Слим и Карл обсуждали знакомых женщин, облученных радиацией.

— Черт, Нэш, нам нужна тачка. Чтобы свалить из этого города.

— Конечно. Если хочешь пойти, поискать в такую пылищу, валяй. Что до меня, то я остаюсь. Не хочу поджарить себе задницу. У меня уже член в темноте светится.

Джени пихнула меня локтем в бок, а Техасец Слим рассмеялся.

— Ага, завязывай уже ныть, мужик, — сказал Карл.

— Ладно, — согласился Гремлин. — Только здесь воняет.

— От тебя тоже воняет, но я же не жалуюсь.

Гремлин шутку не оценил.

— Меня тошнит от этого дерьма. Еду мы оставили в фургоне, жрать нечего. Полная

жопа.

— Ты же ел консервированный фарш, как и все мы, — сказала Джени.

— Я не хочу фарш, женщина. Я хочу стейк и жаренную картошку со сметаной. Я хочу хлеб с маслом. Хочу кусок пирога, мороженное и...

— Это все? — спросил Карл.

— Не, не все. Я хочу какой-нибудь десерт. Хочу бухла. Хочу непросроченных сигарет. А еще хочу отсос.

Карл покачал головой.

— Техасец, отсосешь ему?

Техасец Слим улыбнулся и покачал головой.

— Нет, сэр, врач сказал мне не увлекаться колбасками с подливкой. Я следую его указаниям.

— Это полная хрень, — сказал Гремлин. — Вы, парни, только и делаете, что шутите и ржете, и что нам с того?

Он уже начинал действовать всем на нервы. Мы устали его слушать. Сперва было забавно, как он жалуется на все — на спальные мешки, на консервированные бобы, на грязь у себя в пупке. Он постоянно ныл и жаловался. Но теперь это было уже не смешно, это было натуральное дерьмо. В нашей нынешней ситуации нужно было просто довольствоваться тем, что имеешь. Никто не виноват в том, что на нас напали Скабы и что нас настигла буря. Дерьмо случается. Мы пережили это, вот и все. Армагеддон, по крайней мере, научил терпению.

— Эй, Нэш, хочешь кайфануть? — спросил Карл. — Кайфануть по-настоящему?

Я отказался от предложенного "косяка".

Мы постоянно находили "дурь". В ней не было недостатка. Недостаток был только в людях, которые могли ее курить, вот и все.

Я не мог перестать думать о мире. О том, чем он был и том, чем он стал. О том, каким он будет через десять лет или через сто. Разве можно пережить Судный день и не стать таким же разрушенным, как города вокруг? И как найти пластырь, чтобы залатать трещины и дыры, образовавшиеся в твоём разуме, твоей душе и сделавшие тебя чуть менее человечным. Как взять себя в руки и снова зажечь в себе искру оптимизма? Видит Бог, я хотел быть таким, как Джени. Хотел быть добрым, заботливым и терпимым, как раньше. Часть меня хотела этого очень сильно. Но то была просто фантазия. И другая моя часть отлично это знала. И эта часть была тем суровым, мрачным реализмом, который накрепко склеил меня с этим новым уродливым миром.

Это был дерьмовый мир.

Чтобы выжить в нем, нужно было быть зверем.

Конец света породил тварей, не имевших право на существование, а других существ превратил в абсолютный кошмар. Таким был мир в эти дни. Что-то подобное еще в пятидесятые описывал Роджер Корман... Мутанты и кочующие банды, религиозные безумцы и одичавшая природа. Как в одном из тех старых фильмов, которые я смотрел раньше на поздних показах, когда работал с трех до одиннадцати на обувной фабрике в Янгстауне. "День конца света", "Паника в нулевом году" или "Бесконечный мир". Просто лежал на диване, жевал пиццу на вынос и пил пиво. И мне ни разу не приходило в голову, что я буду жить в подобном фильме ужасов.

Но это случилось. Как со мной, так и со всеми.

Все изменилось. Радиация убила сотни миллионов. Выжившие же мутировали, деградировали и одичали. Много я видел собственными глазами, но я знал, что есть вещи и похуже. Вещи, которые я не мог или не хотел себе представлять, и одна из них явилась ко мне во сне. На самом деле я очень мало знал о радиации, ядерной физике, генетике, и тому подобном. Да, у меня был счетчик Гейгера, работавший на солнечной энергии. Но я не знал, как он работает, и как радиация влияет на такие вещи, как атомы или биология.

В Янгстауне, после того, как все произошло, и люди просто бродили вокруг в состоянии шока, патогены стали распространяться по городам. В моем доме жил парень по имени Майк Пэлленберг. Он преподавал естествознание в школе Ист Палестин. Очень смысленный парень. Он был помощником тренера футбольной команды "Бульдоги". А я, когда учился в средней школе, играл за "Лиссабонских синих дьяволов". Так что между нами было небольшое соперничество. Дружеское соперничество. Умирая от лучевой болезни, он сказал: *"Просто подожди, дружище, просто подожди. Скоро будет всякое происходить, и я рад, что не увижу это. Все, что высвободила ядерная энергия... повлияет на погоду, и на все живое. Подожди. Понимаешь, это происходит на молекулярном уровне. Как только клетки мутируют, все изменится. Законы физики, известные нам, искажутся. Этот мир меняется, на органическом и физическом уровне, на микроскопическом уровне. Материя, энергия и субатомы сходят с ума. Ничто уже не будет прежним. На ближайшую сотню-тысячу лет.*

Или навсегда."

Майк был абсолютно прав.

Я видел мутации собственными глазами. Они были реальными. Радиация привела к эволюционным изменениям, которые никогда не случились бы в нормальном, солнечном мире на глазах у любящего бога. И эти изменения не всегда были видимыми. Многие из них, как намекал Майк, происходили на микроскопическом уровне. Болезни, которые люди победили многие годы назад, мутировали и распространялись как пожар после бомбардировок. И вот, что меня сейчас беспокоило. Патогены. То, чем они становились. Потому что я видел города, которые лихорадки и эпидемии превратили в лепрозории.

И те патогены по-прежнему были там.

Мутировали и ждали чтобы испепелить остатки человеческой расы.

Как сказал Дэвид Боуи, это не рок-н-ролл, это — геноцид.

9

Если вы читаете эти строки, то несомненно знаете про конец света. Можете спокойно пропустить эту часть. Я записываю это только для того, чтобы прояснить ситуацию и, возможно, оставить какой-то документ для потомков.

Ну, да ладно.

Все началось с обмена ядерными ударами на Ближнем Востоке. Иран выпустил бомбу по Израилю, те ответили тем же. Все могло на том и закончиться, но фитиль горел уже давно, и было уже слишком поздно. Ядерное оружие было применено в Африке, Азии и Европе. По всему миру было использовано около тридцати бомб. Как говорится, взаимное гарантированное уничтожение. Четыре из них детонировали в континентальных Соединенных штатах — в Нью-Йорке, в Чикаго, в Атланте и в Лос-Анжелесе. Как сообщили в новостях, первоначальные удары уничтожили пятьдесят миллионов человек... то есть, когда станции еще вещали. Результирующее заражение погубило еще три миллиона, а радиоактивные осадки увеличили за полгода число жертв втрое. Все бомбы, использованные

против Соединенных Штатов, были выпущены из Северной Кореи. Штаты ответили тем, что превратили Северную Корею — и большую часть Южной — в радиоактивную пустыню. Мы нанесли восемь ядерных ударов. Русские — три, Китайцы — два.

Это лишь доказывает, что нужно было устранить того чокнутого маленького диктатора, когда у нас был шанс.

После этого массированного ядерного уничтожения ядерное оружие было применено почти всеми странами. Африка и Ближний Восток особенно сильно пострадали от множественных тактических ударов, убивших миллионы. Армии пытались уничтожить друг друга, а в итоге сокращали и без того редующее гражданское население. К тому времени, когда все закончилось, цивилизация, как таковая, уже не существовала. Остались лишь миллиарды людей, умирающих от радиации и свирепствующих инфекций. Бушевали пожары, а затем на города, поджаренные радиацией, опустилась ядерная зима.

Таким был конец света.

По сценарию Судного дня.

Не просто какой-то "бум", а гигантский гребаный "БАБАХ"!

10

Я продремал примерно час, и когда проснулся, Гремлин и Техасец Слим хихикали. Мне снилась жена. Как же досадно было открыть глаза и увидеть этот гребаный кошмар. Я попил воды, выкурил сигарету. Посмотрел на длинные скрещенные ноги Джени и пожалел, что мы с ней не одни, иначе я бы оттрахал ее до изнеможения. Типичные мужские мысли. Даже Судный день не мог изменить человеческую природу.

Карл чистил оружие. Техасец Слим напевал какую-то старую песню Джона Кугара и посмеивался при этом. Гремлин пристально смотрел на меня. Взгляд у него был странный.

— В чем дело? — спросил я его, предчувствуя беду.

Гремлин улыбнулся.

— Просто гадаю, когда это случится, и кто это будет. Вот и все.

— О чем ты, черт возьми?

— Ты знаешь.

— Нет. Уточни.

Он продолжал улыбаться. И мне захотелось влечь ему пощечину, чтобы стереть с лица эту ухмылку.

— Когда ты сделаешь это, Нэш? Когда призовешь Тень? Когда вызовешь ее?

И тут меня осенило.

Да, настало время сделать выбор, кого принести в жертву. Но я не хотел, чтобы этот сукин сын напоминал мне об этом, и тыкал меня носом. Время от времени мне хотелось забыться. Представить, что душа у меня чиста. Ветер еще не утих, пыль и песок продолжали царапать стены здания. Слушая их шелест, я чувствовал, что в душе у меня дует другой ветер. Горячий, мерзкий и обжигающий.

Джени заметила это и что-то сказала, но я не слышал ее.

Потом Гремлин понял, что перешел границы.

— Послушай, я просто хотел...

Не знаю, что на меня нашло. Я сжал руку в кулак и ударил Гремлина в лицо. Голова у него дернулась назад, из раздавленных об зубы губ хлынула кровь. Я сделал это, не думая. Это произошло рефлекторно.

— Ты тупой сукин сын! — закричал я Гремлину в сморщенное, окровавленное лицо. — Мы не обсуждаем эту тему! Никогда, черт тебя подери!

Гремлин пробормотал красными от крови губами какое-то глупое извинение. Он был таким жалким и нелепым, что ярость закипела во мне, словно лава в жерле вулкана. Она была испепеляющей. Совершенно утратив рассудок, я принялся дубасить его. Гремлин, вскинув руки, отбил несколько ударов, но большинство из них попало в цель. И я с удовлетворением услышал, как он, истекая кровью, молит о пощаде. Левый глаз у него почернел, нос был разбит, губа лопнула. На голове вскочило несколько приличных шишек. Слепленный яростью, я продолжил бы экзекуцию, но Карл стал оттаскивать меня в сторону. А Джени закричала на меня с таким бездонным разочарованием и отчаянием, что внутри у меня все съезжилось.

Наконец, Карл отпустило меня, и к тому моменту мой боевой дух иссяк.

— Все нормально, Нэш, — сказал он, хотя по его голосу чувствовалось, он совсем так не думает. — Ты хорошо его отделал. Преподал ему урок и все такое. Выпустил пар. А теперь остынь. Оставь его.

— Да уж, устроил ты ему взбучку, Нэш, — сказал Техасец Слим. — Его как будто три мили волокли по разбитой дороге.

Все смотрели на меня, и мне совсем это не понравилось.

Но думаю, я бы тоже испугался. Иррациональные вспышки насилия не только привлекали внимание, они также подрывали доверие к человеку. Я чувствовал себя идиотом, мне было стыдно, и я был зол на себя. Я всегда гордился своим хладнокровием. Терпением и пониманием. Но теперь это был не я. Я не нападал на людей. Если только они не представляли угрозу. А какую угрозу мог представлять Гремлин? Это был просто маленький назойливый болтун, который не знал, когда нужно заткнуться.

— Молодец, — сказала Джени. — Боже, *Рик*.

Остальные просто отвернулись. Все, кроме Гремлина. Он продолжал осуждающе пялиться на меня. Все лицо у него было в крови и багровых пятнах. Нижняя губа распухла, и стала похожа на сосиску, правый глаз почти полностью заплыл. На него было больно смотреть.

— Теперь тебе лучше, Нэш? — спросил Гремлин, сплевывая кровь на пол. Он усмехнулся. — Меня еще не так избивали. А гораздо хуже. Так что все нормально. Я отбил от рук, и ты показал мне мое место. Теперь я понимаю лучше. Знаю, какой ранг занимаю.

Я потянулся к Гремлину, чтобы положить руку на плечо, но он отбросил ее с такой силой, что я едва не упал. — Не трогай меня, мать твою, гребаный засранец.

Никто из окружающих не одернул его.

Я отошел в сторону, сел, закурил, и, надувшись, стал задумчиво слушать завывание ветра. Я был зол и в то же время места не находил себе от стыда. Из головы у меня не шла мысль: *Ты можешь прямо сейчас бросить их у обочины. Избавься от них, и через неделю у тебя будет новая команда. Кто они такие, чтобы судить тебя? Кем они себя возомнили?*

Знаю, это были безумные мысли. Я не брошу Джени на обочине, иначе вместе с ней там осталась бы и большая часть меня.

Черт.

Главное, я только что подорвал их веру в себя, и я понимал это. Я правда не знал, как это случилось, только то, что это копилось во мне уже давно. Это просто произошло, как обычно бывает. Отчасти, это была проклятая депрессия, которая разъедала меня почти

постоянно. Казалось, будто внизу живота у меня была черная дыра, которая хотела засосать меня в темноту, живого и лежащего. А с другой стороны — общее разочарование, печаль, и тот факт, что Гремлин очень сильно действовал мне на нервы. К тому же это ожидание буквально убивало меня. Нам нужно было двигаться дальше. Нужно было попасть на запад, пока... пока нас кое-что не настигло.

Все молчали, и я тоже держал рот на замке.

Гремлин даже не удосужился смыть кровь с лица. И она походила на боевую раскраску. Он сидел на полу, подтянув к себе колени и обхватив их руками. Глаза у него были безумными и полными боли, а взгляд был прикован ко мне. Ко мне одному.

Пристальный.

Ненавидящий.

У меня было крайне неприятное чувство, что как только я сомкну глаза, Гремлин перережет мне горло. Поэтому я наблюдал за ним. Внимательно наблюдал. И параллельно я чувствовал, что наш маленький отряд распадается. Я ощущал себя более одиноким и уязвимым, чем когда-либо. Я начал думать о Шелли. Начал думать о Янгстауне.

Я вспомнил, как стоял на крыше нашего дома в ту ночь, когда упали бомбы. Рядом со мной было много людей. Нью-Йорк получил прямое попадание. Хотя он был далеко от Янгстауна, его можно было увидеть, если смотреть на восток... потому что горизонт там был охвачен голубым сиянием.

11

Под бледным глазом луны на поверхность стали вылезать крысы.

Они появлялись из канав и подвалов, разрушенных зданий и рвов. Из всех темных и сырых мест, где гнили трупы. Черной визжащей рекой они наводняли улицы, заполняли их своими сальными, суетливыми телами. Ничто, в чьих венах текла кровь, не имело против них ни единого шанса. Крысы пробивались вперед, словно муравьи-кочевники в неких курящихся испарениях джунглей, обезумевшие от неослабевающего голода, живущие только, чтобы кормиться, размножаться и подавлять своим количеством.

Уличные безумцы не имели ни единого шанса.

Пять минут назад пылевая буря, наконец, утихла, а они все еще выкрикивали свои псалмы и вскидывали вверх руки, моля Бога о спасении и избавлении... а теперь они были буквально облеплены крысами.

Погребены под ними заживо.

Крысы нападали со всех сторон, и было слышно, как рвется плоть и хрустят кости, а далекие крики заглушаются пухлыми, голодными телами. Начинался настоящий бешенный жор. Крысы пожирали безумцев, пожирали друг друга, а затем сами себя. Все происходило очень быстро. Прошло всего три минуты от наката первой волны до того момента, когда черная река растворилась среди теней, оставляя после себя только объеденные крысиные трупы и пять начисто обглоданных скелетов, поблескивающих в лунном свете, словно слоновая кость.

Не было даже ни единой капли крови.

Джени, конечно же, избегала этого зрелища. Брезгливой она не была, но всегда придерживалась определенных правил приличия. Все остальные наблюдали за действием из окон. Карл и Техасец Слим заключили пари, и от этого происходящее для них стало чуть более захватывающим. Карл сказал, что чтобы обгрызть безумцев, крысам потребуется как минимум пять минут. Техасец Слим утверждал, что максимум три.

И он оказался прав.

— Ты — наглец Карл, — сказал он. — Ты должен мне шесть "косяков". Прошу выложить прямо сейчас, дружище.

— Черт, — сказал Карл, затягиваясь сигаретой. — Такое чувство, будто меня накололи.

— Так и есть, — сказала ему Джени.

Техасец Слим покачал головой.

— Нет, Джени, это не так. Я знаю крыс и понимаю их. Я изучал их. Проводил почти научное исследование. Крысы сейчас другие. Они изменились. Стали свирепее, чем раньше. Встречаются очень крупные мутанты, размером с кошек и собак. Стае из тридцати этих новых крыс потребуется примерно полчаса, чтобы обгрызть пять тел, верно? Поэтому вполне очевидно, что *три сотни* смогут обгрызть пять тел за три минуты. Просто берем количество людей, делим его на количество крыс, и получаем результат. В данном случае он равен плюс-минус трем минутам.

Невероятно, как работал его мозг.

— У тебя самый извращенный ум, который мне встречался, — сказал я ему.

Техасец Слим ухмыльнулся. — Спасибо. Приятно слышать.

— Не поощряй его, Нэш, — сказал Карл. — У него достаточно проблем.

Я догадывался, что так оно и есть.

Карл затушил сигарету и огляделся.

— А где Гремлин? Его давно уже нет.

— Он ушел дуться после того, как Нэш начистил ему рожу, — сказал Техасец. — Сказал, что пойдет на раздобытки по зданию, но я-то лучше знаю.

Он отлично это подметил. Именно этим Гремлин занимался... зализывал раны, жалел себя и дулся. Я ни капли в этом не сомневался. С тех пор, как я, утратив над ним контроль, начистил ему рожу, он не переставая пялился на меня с тем зловещим блеском в глазах. От извинений было мало толку. Он просто не принимал их. Даже Джени пыталась образумить его. Суть в том, что я утратил самообладание и избил его без какой-либо причины, разве что дал выход накопившемуся внутри раздражению. Именно так Джени объяснила это. Возможно, это чушь, но звучало убедительно.

— Его давно уже нет, — сказала Джени. — Думаешь пойти, поискать его?

Я покачал головой.

— Вернется, когда будет готов.

— Тогда я пойду.

Она начала подниматься с дивана, но я рывком вернул ее назад.

— Джени, нет. А то он опять будет нудить. Дай ему немного времени, он вернется. К тому же я не хочу, чтобы кто-то свернул в темноте себе шею.

Больше убеждать ее не потребовалось. Хотя, если честно... я не хотел искать его, потому что боялся. Боялся бродить в темноте, зная, что он где-то рядом... поджидает меня. Он точил на меня зуб, и я не хотел стать жертвой его мести. И я не хотел, чтобы Джени ходила его искать. Я видел, как Гремлин смотрел на нее... смотрел голодными глазами, как на кусок мяса. В том взгляде не было ничего хорошего.

— А если он ушел на улицу?

— Надеюсь, что это не так. Только не в темноте. С крысами шутки плохи. Кто знает, что там есть еще?

— Детки, — сказал Карл.

Вполне возможно. И если у Гремлина хватит ума связываться с ними, смерть его ждала далеко не легкая и приятная.

Поэтому, когда наступила ночь, мы просто сидели и скучали. Карл достал из своего рюкзака несколько свечей и зажег. Мы словно очутились в средневековье, и торчали в этих зловонных апартаментах при свете свечей, в то время как внизу, на улицах рыскали крысы и существа похуже. Как будто мы жили в 14-ом веке.

Техасец Слим принялся рассказывать, как в старые добрые деньки изучал в колледже похоронное дело. Как вводил трупам через сонную артерию формалин, предварительно вытянув из них жидкость, чтобы сохранить плотность мышц и органов.

— Мне нравилось обмывать их. Нужно намылить их и размять, как тесто для хлеба, чтобы формалин разошелся по всему телу. Кожа принимает приятный, естественный оттенок. Это происходит прямо у тебя на глазах. Впрыскиваешь формалин в полость рта, чтобы губы были упругими и имели нормальный цвет. Иначе дядюшка Джо или тетушка Тилли посереют, губы обвиснут и растянутся в стороны. Люди это не любят. Им не нравится эта посмертная усмешка. Они хотят, чтобы их покойники выглядели свеженькими. Чтобы они сказали: "Кажется, будто он просто спит, разве не мило?"

— Хватит, — сказал Карл. — Ты больной чертов псих. Я не собираюсь сидеть здесь и слушать твоё дерьмо. Ты на меня жуть наводишь.

Техасец Слим усмехнулся.

— Просто рассказываю тебе, как что работает. Может, когда-нибудь пригодится, сам знаешь.

— Как, черт возьми, такое может пригодиться?

— Ну, сынок... мир сейчас такой мерзкий... разве я не прав? Прав. Сейчас полно всяких гадостей. Лихорадка, чума, вредные микробы. Может, однажды мы все умрем, я ты останешься один. Допустим. И тебе так одиноко, что ты готов оттрахать забор. И вдруг тебе попадается какая-нибудь привлекательная дама, только мертвая...

— Заткнись, упырь ты хренов.

— ... поэтому ты применяешь полученные от меня знания. Тащишь ее в ближайший морг и приводишь в порядок. Накрашиваешь, полируешь, укрепляешь ее формы, как следует обрабатываешь женские места дезинфектантом...

— Я тебя предупредил.

— ... прихорашиваешь ее, открываешь себе бутылочку вина. Вот увидишь, что будет. Дай природе взять свое. Но не забывай про колпачки для глаз, дружище. Вставь их под веки... иначе глаза будут выглядеть запавшими. А это отбивает все желание, поверь мне.

— Я убью его, Нэш. Богом клянусь, — сказал Карл.

И похоже, что Джени была готова присоединиться к нему в этом конкретном деле.

Я лишь вздохнул. Это вынужденное бездействие пугало меня, потому что так было всегда. Техасец Слим из кожи вон лез, чтобы досадить Карла, и редко терпел при этом неудачу.

— Смените тему, хорошо? — сказал я.

Техасец Слим пожал плечами, давая понять, что не возражает. Минут пять мы хранили молчание. Но длилось оно не долго. Что не удивительно.

— В Моргантауне прежде чем патогены вышли из-под контроля, — начал Техасец Слим очередную байку, — у нас было несколько крупных крыс. Сам видел. Я зависал с одним китайским парнем, которого звали Рэй Донг. Мы с ним отлично ладили. Одно время он

работал в почетном бизнесе бальзамирования, как и ваш покорный слуга, поэтому у нас было много общего...

— Эта история не про гребанные трупы, правда? — спросил Карл.

Техасец Слим рассмеялся, но рассмеялся как-то скрытно, по-заговорщицки, будто у него было несколько забавных анекдотов на тему секса с трупами, но он не хотел ими делиться в присутствии женщины.

— Нет, эта история про крыс. Больших крыс и знакомого парня, по имени Рэй Донг. Он был китайцем. Случилось это в Моргантауне, что в Западной Вирджинии.

— Мы уже поняли, — сказала Джени.

Техасец Слим продолжил:

— Рэй был из тех парней, которые едят все. Собак, кошек, зеленых ползучих тварей. У него был редкий желудок. И ему постоянно хотелось есть. Однажды он говорит мне: "Эй, пошли охотиться на крыс." Я спрашиваю: "На крыс? Зачем? "Чтобы есть", — отвечает он. Некоторые из них довольно крупные. Поймаем одну, поджарим на костре, как свиной шашлык. Только я возьму сердце. Мне больше всего нравится сердце." Я ему: "Я не хочу есть крыс". Он меня все-таки уговорил. Охота на крыс — дело опасное, но Рэй... я просто не мог ему отказать. Есть что-то, получившее дозу радиации, — плохая идея, как все вы знаете. А те огромные черные крысы, о, боже, они все были наверняка облучены. Вы знаете, что бывает, когда начинаешь есть мутантов.

Радиация изменила многие вещи. Ходил слух, что если ты ешь мутировавших тварей, ты выпитываешь то, что в них, и приобретаешь их свойства. Это как-то связано с ДНК. В общем ты — то, что ты ешь. Ты начинаешь есть много крыс, у которых хромосомы одурели от радиации... это влияет на твои гены, и довольно скоро ты начинаешь становится чем-то другим, чем-то, похожим на крысу.

Но это был слух. Только и всего.

— И вот мы отправляемся охотиться на крыс, — сказал Техасец Слим. — Идем ночью, и это мне не нравится. Мы должны прятаться от ночных тварей. Понимаете, в Моргантауне много ночных тварей. К счастью мы находим крыс. Сложно было не найти. Но они перемещаются стаями, поэтому мы не высовываемся. Наконец, видим одну большущую уродливую тварь, размером с свинью. Она жрет чей-то труп, жует руку, будто куриное крылышко. Никогда раньше не видел ничего подобного. Большущая, как я уже сказал. Серая, морщинистая, безволосая, лишь густая черная щетина, как у кабана. Она сразу нас заметила, издала пронзительный визг, словно дикая свинья. Рэй направил луч фонарика прямо ей в морду и... О, Господи и мать пресвятая богородица, ну и уродина же она была. Дряблая, безволосая, огромная слюнявая пасть и черные глаза. Черные блестящие глаза. Сбоку из шеи росла какая-то шишка, будто вторая голова, только недоразвитая.

— Рэй... о, черт, он был реально чокнутым. Он побежал прямо на нее, крича и улюлюкая, а я остался гадить в штаны. У него был "Кольт" 45-ого калибра, и он вцепил три пули в эту уродливую тварину. Крыса заверещала и кинулась на Рэя, завалила его прямо у меня на глазах. Бедный Рэй. Она вцепилась ему прямо в лицо и принялась с хлюпаньем жевать. И тут я увидел, что к ее спине прицепилось с дюжину крысят, лысых и похожих на червей, верещащих своими маленькими, розовыми ртами. Я бросился бежать. Последнее, что я слышал от старого Рэя Донга, лучшего китайца, которого я когда-либо знал, это хруст, когда мать-крыса прокусила ему череп.

После этого рассказа на какое-то время наступила тишина. Затем я спросил:

— И к чему вся эта история?

— Просто, чтобы скоротать время.

Чертов Техасец. Он был неисправим. У нас было достаточно проблем и без его баек, которые гарантировали такие кошмары, которые нам еще и не снились. Я знал про таких крыс. Как и остальные... просто мы старались о них не думать. Я мог бы рассказать ему про крысу, которую мы с Шоном и Спексом видели в Кливлендской канализации, но не хотел вспоминать об этом.

Джени не очень интересовалась страшными историями, особенно с тех пор, как большая их часть стала явью. Она просто сидела и смотрела на Техасца Слива. И я чувствовал, как в ней закипает ярость, и что она вот-вот выскажет ему все.

Но этого не произошло.

Ибо там, внизу, в мире ползучих теней, раздался звук, который лишил ее дара речи.

12

Это был оглушительный полурев-полувои.

Он становился все выше и выше, пока не перешел на пронзительный лай, напоминающий сигнал воздушной тревоги. И я почувствовал, как он отдается у меня в костях и царапает по позвоночнику. В окнах зазвенели стекла. Было в этом звуке что-то первобытное. По ночам мы слышали много разных звуков, но никогда ничего подобного. Он вызвал у нас какой-то инстинктивный ужас. По крайней мере, у меня.

Джени вцепилась мне в руку так сильно, что буквально проколола ногтями кожу.

Когда он, наконец, эхом растворился в ночи, Карл сглотнул и спросил:

— Что, черт возьми, это было?

Но ответов ни у кого не было. Я представил себе какой-то колоссальный ужас, поднявшийся из тины мезозойского болота и воющий на высоко висящую туманную луну.

За две минуты никто не проронил ни слова.

Все ждали, что кто-то нарушит молчание, но никто так и не решился. И причина этому была очень простая: Мы *ждали*. Просто ждали. Ждали, что произойдет что-то еще, что этот вой снова разорвет ночь. Только на этот раз он будет чуть ближе.

Я открыл рот, чтобы произнести что-то нелепое и успокаивающее, но так и не смог. Ибо раздался глухой удар. Внезапный, мощный удар, который потряс все здание. Он повторился. Затем еще раз. Со стен и потолка посыпалась штукатурка. Где-то внизу что-то разбилось, затем раздался пронзительный треск. Последовал оглушительный грохот. А потом наступила тишина.

Все молча ждали.

Но что бы это ни было, больше оно не возвращалось.

Так же, как и Гремлин.

— Может, нам пойти, поискать его? — спросила Джени спустя какое-то время. — Имею в виду, *всем* нам?

Я покачал головой.

— Нет, там слишком опасно. Утром посмотрим.

— Он, наверное, будет уже мертв.

— Он, наверное, уже мертв, дорогуша, — сказал Техасец Слим.

Тема была закрыта. Я установил ночное наблюдение, и на этом все закончилось. Остальные попытались заснуть, стараясь не думать о том, что рыскало внизу.

Мои сны были далеки от приятных. Они начались с кошмаров о том, что меня преследовал по разрушенному городу какой-то страшный невидимый зверь, а закончились Янгстауном. Мне приснилось, будто город лопнул, словно гнилая тыква, и из щели хлынули миллионы голодных кладбищенских крыс.

13

Наступило утро.

Я поднял всех с первым светом. Мы поспешно перекусили тем, что было в рюкзаках и спустились вниз. Оказавшись в фойе, мы остановились, как вкопанные.

— Посмотрите на это, — сказал Карл.

Фойе было перевернуто вверх дном.

Источник вчерашнего шума и грохота находился здесь. Штукатурка была содрана с потолка до самых стропил, в стенах пробиты дыры, двери сорваны с петель. Все было поломано и разрушено. Стойки перил первых шести или семи футов лестницы были разбиты, словно кто-то поработал над ними топором. Причем чертовски большим.

— Что здесь произошло? — спросила Джени.

Но я понятия не имел. Нечто забралось ночью в здание, та же тварь, что была, и устроила здесь этот кавардак. Но что это могло быть, я даже не мог догадываться.

— Смотрите, — сказал Карл.

Входная дверь исчезла. Техасец Слим нашел ее на улице. На ее поверхности были три глубокие борозды, будто кто-то прошелся по ней косой. Крепкая дверь из векового дуба... такое могло с ней проделать нечто очень злобное с огромными когтями.

— Гребаный монстр, — сказал Карл.

— Наверное, соглашусь, — сказал Техасец Слим, хотя было очевидно, что эта идея ему не нравится.

Мы стояли в тишине, и я понимал, что должен заставить их двигаться, делать что-то конструктивное, прежде чем смысл сказанного заставит их спрятаться под кроватями. И я как раз собирался сделать это, когда кто-то подошел к нам.

— Наконец-то вы встали.

Это был Гремлин.

Его зеленовато-желтая рабочая куртка была покрыта пылью, с одного рукава свисала лента паутины, но в остальном он был целым и невредимым... то есть, если не считать синяков на лице, рассеченной губы и подбитого глаза.

Какое-то время все молчали.

Затем я подошел к нему. — Где, черт возьми, ты был?

Гремлин одарил меня откровенно жуткой ухмылкой.

— Какая теплая встреча, — сказал он. — Я прятался. Ночью здесь была какая-то тварь. Я спрятался в подвале, в старом угольном хранилище.

По какой-то безумной причине я ему не поверил. Глаза у него были остекленевшими, как во время шока. И этот странный, глупый оскал... он словно говорил: *"Я знаю кое-что, чего ты не знаешь. О, да."*

— А мы думали, ты уже мертв, — сказал Карл. — Очень жаль.

— Ты видел, кто или что это сделало? — спросил я.

— Нет, я слышал, но не стал приближаться. Гребаная тварь шныряла здесь... думаю, искала меня.

Джени, которая обычно отличалась отзывчивостью, не произнесла ни слова.

Во мне зарождалось какое-то неприятное чувство, но я не понимал, что это значит.

Другие с недоверием отнеслись к истории Гремлина, но пытались никак не проявлять это, в отличие от Техасца Слима.

Он стоял и глядел на разрушенное фойе, сжимая в руке свой "Дезерт Игл". Я наблюдал за ним. Наблюдал за ним внимательно. Я знал про Техасца одну вещь: При всех его "странностях", голова на плечах у него была. Я наблюдал, как он переваривает это все у себя в голове, и ждал от него результата. Техасец стоял и морщил лоб, как обычно делал, когда был чем-то обеспокоен. Затем он медленно перевел взгляд на Гремлина. И задержал на нем.

Гремлин буквально съежился под его тяжелым взглядом.

— Какого черта? Какого черта ты так смотришь на меня?

Техасец Слим пожал плечами.

— По-моему, в твоём рассказе кое-что не сходится.

— Да... и что же, например?

— Например, как ты находился здесь внизу ночью и не видел, кто это сделал. Мне это кажется странным, вот и все.

Гремлин посмотрел на меня, ища поддержки, но встретил лишь холодный, пустой взгляд.

— Я слышал шум, как и вы. Но я прятался. Думаете, я должен был выйти и встретиться лицом к лицу с этой гребаной тварью, которая выла и разнесла все это место.

— Ты же был вооружен, не так ли? У тебя был "Смит энд Вессон". Почему ты не попытался пристрелить нашего посетителя?

Я стоял и ждал, как и остальные.

Техасец Слим вел допрос, но кому-то нужно было это делать. Что-то с рассказом Гремлина было не так. Причем, очень сильно не так.

— А в чем дело? На что ты намекаешь?

— Ага, — наконец, вставил Карл. — На что ты намекаешь, засранец?

Но Техасец просто пожал плечами и еле заметно улыбнулся. Он достиг желаемого, и знал это. Он поставил рассказ Гремлина под сомнение и сделал это настолько ощутимо, что это почувствовал даже такой тугодум, как Карл.

После этого я организовал всех и собрал в дорогу. Пока было светло, я не хотел терять ни секунды.

14

К концу дня мы по-прежнему были без колес.

Мы бродили несколько часов, расширили район поисков далеко на запад, до торгового центра "Три-Сити Плаза", что на 5-ой улице. Но счетчик Гейгера начал пищать, потому что мы подобрались слишком близко к Чикаго. Поэтому мы вернулись в Мидтаун, затем спустились до самого Глен-парка. Обыскали Глисон-парк и университетские парковки, но все было тщетно. Затем вернулись в Центр, к железнодорожной станции, чтобы проверить крытые стоянки. Почти все машины были либо без колес, либо разбиты, либо со сдохшим аккумулятором. Ситуация казалась совершенно безнадежной.

В Гэри мы были, как на необитаемом острове.

Застряли на этом кладбище.

Нужно было как-то выбираться. Это было наиважнейшей задачей. Радиационный фон был слегка повышенным, что не слишком страшно, но мы были практически на пороге

Чикаго, и, если с города ветров на восток подует хороший ветер, у нас возникнут проблемы.

Пока мы шли, я думал о всем том, чего мне не хватало. На ум сразу пришли свежая пища, телевидение и мотоциклы. Байки встречались, но большинство из них было разбито, либо в очень плохом состоянии. После того, как мир рухнул, все дилерские центры были разграблены. Люди растаскивали все, что раньше не могли себе позволить. Хороший автомобиль тоже было сложно найти. Большинство машин и грузовиков стояли на дорогах разбитыми, брошенными и ржавеющими, либо с них были сняты все полезные детали. Это можно было видеть повсюду. Отличные пикапы, внедорожники, спорткары стояли на спущенных шинах, без лобовых стекол, двигатели были либо сняты, либо разбиты. Конечно, встречалось множество машин на ходу, только у их хозяев тоже были "пушки". Не раз мы находили автомобили с сидящими в них скелетами.

Настроение у всех нас было не очень. Мы были напряжены и из-за каждого угла ожидали угрозу. Потому что что-то очень страшное и опасное было здесь. Мы все чувствовали это. Оно наблюдало за нами, поджидало нас, мы лишь не знали, какую форму оно примет. После тех звуков, что мы слышали прошлой ночью, мы надеялись на худшее.

Но то было ночью.

А сейчас стоял день. Туманный, сырой день, несущий в себе неприятный холод. И эта наша уязвимость мне не нравилась. В автомобиле мы были защищены, могли отстреливаться, могли уехать в случае серьезной опасности... но пешком мы были лишены такой роскоши. Любая шайка психов могла погнаться за нами, загнать нас в угол, а с боеприпасами у нас было не густо.

Пока мы спускались по очередной улице, осматривая ржавые остовы автомобилей, горы щебня и мусора, и торчащие из канав кости, я думал про Гремлина.

В целом Гремлин раздражал меня по причинам, не совсем мне понятным... но после того странного воя прошлой ночью, он появился этим утром, и что-то в нем было не то. Я не был уверен, что именно. Но что-то было, и внутреннее чутье подсказывало, что ничего хорошего, хотя ничего конкретного я представить себе не мог. Вой. Потом появляется Гремлин. Эта безумная, жуткая ухмылка на лице. Возможно, я был просто уставшим и возбужденным, но я был уверен, что не заблуждаюсь в своей оценке насчет него.

Мы продолжали идти. Тащились по очередной улице. Больше разбитых машин, больше глядящих пустыми глазницами окон зданий. На улице песчаные наносы. Легкий ветерок, пахнущий грязью и нечистотами. Я видел, как Техасец Слим приглядывает за Гремлином и гадал, что происходит у него в голове.

— Несколько лет назад, — говорил Техасец, — я работал в одном причудливом маленьком заведении, под названием "Похоронный дом братьев Хорас". В Лафайетт. Это в Луизиане, Карл, если тебе интересно.

— Да, знаю я, где это, черт возьми.

— У меня возникли... ну, некоторые трудности с одной юной дамой в Нью Иберия. Так что мне пришлось искать приличную работу, чтобы платить алименты. Ну, вы понимаете, — сказал он, усмехнувшись. — Однажды мы получили тело одного преступника по имени Томми Карбон. В уголовных кругах он был известен как Томми Тренога, и причина этому была довольно очевидна. Как бы то ни было, этот бедолага умер в тюрьме. Как я узнал... и извини меня, Джени... этот бедолага мастурбировал по три, по четыре, по пять раз на день. А потом все стало только хуже, и он принялся заниматься этим каждый час. В камере, в тюремной мастерской, в столовой. Наконец, руководство тюрьмы приказало перевести его в

изолятор и привязать к кровати. Бедный Томми. Он лежал там часами, со своим гигантским, постоянно стоящим членом.

— В конце концов, он впал в конвульсии и умер. После чего попал к нам. Понимаете, проблема была в том, что его огромный и чрезвычайно громоздкий член по-прежнему пребывал в состоянии эрекции. Смерть проделывает и не такое. Даже после того, как мы выкачали из него кровь, член у него не улегся, как хорошая собака. Мы накрыли его простыней, и он стал походить на палатку. Как бы то ни было, это мужское достоинство было таким длинным, что мы просто не могли закрыть крышку гроба. Так что, поскольку необходимость является матерью изобретательности...

— Долго мы должны слушать это? — спросила Джени, отмахиваясь от мухи.

— ... мы отпилили его ему циркульной пилой. До жизни не забуду тот день, когда пилил это бревно. Я ощущал себя дровосеком. Натуральное бревно! Я вскрикнул, когда оно упало на пол. Конечно же, наш директор, Арчи Хорас, обладавший самым нездоровым воображением, набил этот колоссальный член, как чучело, покрыл шеллаком, и превратил в прекрасную трость.

— О, заткнись, — сказал ему Карл. — Трость. Господи Иисусе. — Я чувствую запах дыма, — сказала Джени. Я тоже почувствовал. Это могло быть что-то хорошее, но и могло быть что-то плохое.

— Давайте пойдём на него, — сказал Гремлин. — Может, кто-то готовит жарчку.

— А может, кого-то готовят, — заметил Карл.

— Ладно, — сказал я, головная боль начинала сверлить мне череп. — Давайте ненадолго прекратим болтовню. Все глядим в оба. Нам нужно здесь кое-что найти.

И мы нашли, когда добрались до западного края города, обогнув то, что когда-то было Толстоном и двинулись на север к Вестбруку через 6-ую западную авеню и Тафт. Запах дыма становился сильнее.

— Уже рядом, — сказал Карл. Над крышами зданий поднимались клубы дыма. И в теплом, пыльном ветерке было кое-что еще. Смерть.

15

Я пошел первым, готовый к чему угодно.

В сумрачном небе кружили птицы. Вороны и стервятники.

Я повел свой отряд вдоль переулка и вокруг руин здания, обрушившегося в собственный зияющий подвал. В подвале стояла вода, черная поверхность которой была усыпана листьями.

Держа винтовку наготове, я произнес:

— Двигаемся медленно. И тихо.

Улицы были завалены щебнем, фасады зданий обожжены огнем. Повсюду виднелись автобусы, машины и грузовики. Некоторые разбитые, некоторые перевернутые. От многих остались лишь ржавые остовы, в которых устроили гнезда птицы и крысы. Но дело было не только в них или в изрешеченных пулями витринах, разбитых стеклах и разлившихся реках песка.

Там были трупы. Свежие трупы.

На улице лежала как минимум дюжина тел, имевших все мыслимые виды увечий. У некоторых отсутствовали руки или ноги, а у одной женщины была будто частично содрана кожа. Другая, видимо, пыталась заползти под перевернутый грузовик, и кто-то пригвоздил ее к земле самодельным копьём.

Я двинулся первым, держа винтовку наготове, Гремлин и Джени шли за мной, Карл и Техасец Слим прикрывали фланги, готовые открыть огонь.

— Ты же знаешь, что здесь случилось, верно? — спросил Техасец Слим.

Да, я знал. Но голова у меня была занята другими вещами, и я старался не думать об этом, а сосредоточиться на том, что могло поджидать нас среди обломков и в тенистых руинах зданий. В воздухе стоял запах свежей смерти. Вокруг с жужжанием роились мухи, над головой кружили жадные до падали вороны. Три из четырех машин горели, и я догадался, что они были на ходу, прежде чем это случилось.

Мы наткнулись на распростертую на земле молодую пару. Их обнаженные, бледные тела были покрыты кровью. Кто-то обезглавил их, но самих голов не было видно. На обрубках шей копошились мухи. В желудке у меня будто что-то перевернулось, когда я понял, какие увечья нанесли им, *прежде чем* обезглавить.

Теперь я испытывал не только тошноту, но и злость. И с каждой минутой она только нарастала. Мы двинулись вокруг пикапа, от которого все еще исходил резкий запах горелой резины, пластика и масла. Вокруг вился дым, с земли сырой пеленой поднимался туман.

— О, боже, — пробормотала Джени.

На тротуаре лежала груда тел. Все они были обнаженными. Изрезанные, изрубленные, расчлененные, они были свалены здесь в кровавую кучу из конечностей и голов. Глаза у них были вырезаны, носы отсечены, а кровоточащие овалы ртов свидетельствовали о вырванных зубах. Каждая голова была грубо скальпирована.

— Гребаные Тесаки, — произнес Карл.

Да, он был прав. Тесаки всегда скальпировали своих жертв. Ходили слухи, что они носят пояса и перевязи, сделанные из скальпов. Только они могли устроить такую резню. Скабы и другие банды безумцев были жестокими и кровожадными, но не настолько методичными и креативными. Тесаки — как в свое время заметил Шон — напоминали муравьев-легионеров, убивающих и разрушающих все на своем пути. Я знал о них мало. Только то, что они были невероятно жестокими и совершенно невменяемыми. А еще то, что они нападали в большом количестве, огромными толпами, как рой саранчи, пожирающие поле. Я не знал, что удерживало их вместе. Группировались они по социальному или религиозному признаку, или же их просто связывало безумие.

В одном я был уверен точно: Они жили как племя и хорошо ассимилировались в новых условиях. Я слышал, что они были заражены каким-то страшным грибком. Возможно, так оно и было. Кроме того, их отличали злоба и ум. Они любили устраивать засады, заманивать вас, жертвуя несколькими своими сородичами. Давали вам почувствовать превосходство, а затем нападали сотнями и побеждали.

Все были крайне напряжены. Помимо Деток и риска заражения Лихорадкой, ничто не вызвало такой ужас, как эти парни.

Мы обнаружили несколько голов, в основном женских, выложенных спиралью на капоте седана. На лбах у них кровью нарисованы символы. Перед многоквартирным зданием лежало двое мужчин. Их полностью расчленили... затем, кто-то обладающий извращенным чувством юмора, разложил торсы и конечности в правильном анатомическом порядке.

На уличном указателе висела подвешенная за ноги женщина, кончики пальцев касались тротуара. Она была выпотрошена, брюшная полость зияла пустотой. Груды были отрезаны, кожа с головы и с лица содрана. На спине были те же кровавые символы, которые мы видели

повсюду... на пыльных окнах, капотах машин, тротуарах, не занесенных песком. Они напоминали руны, и в этом было что-то особенно пугающее.

— Чертов Гэри, — сказал Карл. — Всегда был гадюшником. Я в самом начале еще говорил. Гребаная помойка. Что до бомбардировки, что сейчас.

— Здесь, — сказал Техасец Слим.

У обочины стоял автобус "Грейхаунд". На окнах были занавески. Я направился к складной двери. Она была открыта. Защитные поручни на ступеньках были темными от липкой крови. На одном из окон виднелся кровавый отпечаток.

Даже снаружи чувствовался запах смерти.

— Карл, — позвал я. — Ты и я.

Я вошел, Карл за мной следом. Автобус был переделан в подобие общежития. На местах снятых сидений аккуратными рядами стояли койки... точнее, раньше стояли. Теперь они были перевернуты и сдвинуты разные стороны. Все было окрашено в шокирующий красный цвет. Повсюду виднелись кровавые узоры. К залитому кровью полу прилипли кусочки плоти и пучки волос.

И конечно же, там были трупы.

Я насчитал как минимум дюжину, все изрезанные, исполосованные, изрубленные. И скальпированные. Повсюду были разбросаны конечности, внутренности свисали с настенных полок и были переплетены со старыми армейскими одеялами. В салоне было жарко. Жарко, тесно и отвратительно пахло кровью, мясом и кишками. В некоторых телах торчали копья. Они были разрисованы символами, почти неразборчивыми из-за грязных отпечатков рук и кровавых пятен.

Мне пришлось выскочить на улицу, чтобы меня не вырвало. Но, к моему удивлению, это все-равно произошло.

— Не ходите туда, — сказал я, увидев бледные, вытянутые лица моих друзей. — Не ходите туда.

Когда я почувствовал себя лучше, я попил воды из своей бутылки, и перекурил с Карлом по сигарете. Я ощущал себя отчаявшимся, беспомощным, подавленным, и просто не находил себе места. Бойня. Боже мой, настоящая бойня. Должно быть, еще вчера здесь была относительно процветающая община. Пока Тесаки не напали и не перебили всех. Я думал, что те люди тоже были нормальными. В автобусе я видел корзины с одеждой, книги, инструменты. Эти люди не были безумцами, не были животными.

Техасец Слим прочесывал территорию, но не находил ничего, кроме трупов. Однако он обнаружил кое-что еще.

— Есть один, — сказал он. — Вот здесь!

Мы последовали за ним. Он остановился возле витрины магазина, и за ней бесформенной кучей лежал один из них.

Мертвый Тесак.

Он был изрешечен пулями, и, должно быть, принял на себя изрядный объем огня, прежде чем упал. На нем была грязная армейская куртка и тяжелые изношенные ботинки. Руки были скрючены, как лапы у умирающего паука. Желтые, костлявые, испещренные открытыми язвами. Голова была обрита, но был оставлен засаленный чуб, как у древних воинов Пауни. На лицо был надет противогаз. Все они носили такие, как некие фетиши. Определенно излишки военного имущества, как говорил Шон. Противогаз был сделан из кожи с овальным дыхательный фильтром и двумя окулярами, напоминающими глаза

насекомых. А к голове крепился с помощью ремешков.

Труп Тесака был редкой находкой, потому что они всегда забирали своих мертвецов с собой.

— Давайте посмотрим, как выглядит этот урод, — предложил Карл. Он повесил на плечо свой "АК" и вытащил боевой нож. Стараясь не касаться трупа, он разрезал ремешки, стянул маску кончиком ножа, и отпрянул в ужасе.

— Черт, — воскликнул он.

Лицо выглядело действительно ужасно. Плоть была желтой и рыхлой, а сама голова обладала причудливой формой, будто череп был раздут. На лице был только один глаз, белый и неподвижный. Другой отсутствовал, из глазницы рос белый пористый грибок, поглощающий все левое полушарие головы и лица. Он будто разъедал ткань. Из него росли крошечные, похожие на проволоку корешки, проникающие под кожу и в ноздри. Нарост изуродовал мышцы, растянул одну сторону лица в жуткой зубастой ухмылке. Слепой глаз, некогда питаемый больным мозгом безучастно уставился в пустоту.

— Валим отсюда на хрен, — сказал я.

Мы отвернулись, стараясь не замечать окружающую нас бойню. Даже Джени, которая обычно была образцом сострадания, просто отвернулась, потому что была не способна принять все это. Она была истощена. Все мы были истощены. Впервые за несколько месяцев мы увидели нормальных людей, и они оказались убитыми.

Я двинулся вдоль по улице, уводя свой отряд подальше от бойни и от этого запаха. При этом гадая, не нужно ли нам поискать в зданиях выживших, хотя понимал, что это бессмысленно. Едва я завернул за угол, как прогремел первый выстрел.

16

Как и все остальные я бросился на землю и попытался укрыться за перевернутой машиной. Вокруг меня свистели пули, впиваясь в фасады магазинов и уличные указатели. Кто бы не стрелял, меткостью он не отличался. Раздался еще один выстрел и пуля пробила стеклянную витрину, перевернув пыльный, затянутый паутиной манекен.

— Прямо в лунку, — сказал Техасец Слим.

— Стреляют вон из того здания, Нэш, — сказал Карл, указывая на кирпичный дом через улицу. — Видишь блестит дуло? В окне второго этажа?

Я видел. Стекла в окне не было, розовые шторы развевались на ветру.

— Судя по звуку, средний калибр. Может, тридцать третий или тридцатый.

— А ты суровый мужик, — сказал Техасец. — Такие познания в области огнестрельного оружия! Как не стыдно.

Прижаты мы были как следует. Если не принимать во внимание несколько разбитых машин, улица была открыта. Идеальная зона поражения. Единственным нашим преимуществом, по нашему мнению, было то, что снайпер был не таким уж и хорошим стрелком. Пули летели с разными интервалами и ложились всегда довольно далеко, будто стрелок просто пытался отпугнуть нас или сдержать наше продвижение вперед.

— Ну, и что ты думаешь? — спросил Карл, прицеливаясь в здание из своего "АК".

— Даже не знаю, — ответил я.

— Может, они просто уйдут, — сказала Джени.

— А может, матушке Карла не стоило раздвигать ноги, детка, — сказал Техасец Слим.

— Лучше заткни свою пасть, — предупредил его Карл.

Я положил на него руку.

— Остынь.

— Я за то, чтобы подождать, когда у них кончатся патроны, — сказал Гремлин.

Карл рассмеялся.

— Я не удивлен. — Он повернулся ко мне. — Можно мне твою винтовку.

Я не знал, была ли это хорошая идея. Карл умел ворошить осиное гнездо, особенно, когда в руках у него было оружие. Тут раздался очередной выстрел, и пуля попала в капот машины. Я протянул Карлу ружье.

Карл вскочил, прицелился, как он обычно делал. Выстрелил, извлек гильзу и быстро повторил процедуру. С такой скоростью я не успел бы это повторить, а если б и успел, но без особой точности. Но у Карла получилось. Первые две пули попали в стену здания в нескольких футах от окна, а третья попала точно в проем.

А затем в окне возникла фигура — как мне показалось, женская — и дважды выстрелила. Пули ударили в землю перед машиной. Женщина попыталась выстрелить еще, но, судя по тому, как она рассерженно вскрикнула и отскочила от окна, у нее кончились патроны.

Карл вернул мне винтовку и взял свой "АК".

— Я достану эту суку.

— Оставь это, — сказал я ему.

— Оставить? Скоро полнолуние, мужик. И нам нужно успеть кое-что найти, если ты понимаешь, о чем я.

Я молча кивнул, и он убежал. Как всегда, в подобных ситуациях, я почувствовал вгрызающееся чувство вины. А еще то, что Джени не одобряет мое решение. Она просто не понимала, что у нас нет другого выбора.

— Я пойду с Карлом, — сказал Техасец Слим. — Мальчики без присмотра постоянно влипают в неприятности.

Я вздохнул и прислонился к машине. Иногда мне казалось, что я — ведущий, а иногда понимал, что ведомый. Джени смотрела на меня с непроницаемым выражением лица.

— По крайней мере, они смогут выяснить у нее, где взять исправную машину.

— О, неужели она вам нужна для этого?

Я закурил, чтобы успокоить нервы. А еще, наверное, чтобы не вклеить ей пощечину.

— Послушай меня, Джени. Сделай одолжение, оставь свою гребаную мораль с этикой при себе, ладно? Если ты еще не заметила, мы — на войне. Мы сражаемся за свою жизнь. Думаешь, мне есть дело до какой-то чокнутой суки, которая пытается нас убить? Нет. Мне есть дело до Техасца и Карла. До тебя и меня. До Гремлина. Если ей суждено умереть, чтобы мы могли жить, то пусть так и будет. Так должно быть. Думаешь, ей есть дело до нас?

Конечно же, Джени была готова ответить, но тут из здания напротив раздался характерный стаккато "Калаша" Карла. Он не строил из себя ковбоя... просто две короткие очереди и все.

— Что ж, либо он ее достал, либо она его, — сказал Гремлин.

Мы стали ждать. Наступила тяжелая, давящая тишина. Мы смотрели на здание, слушая как на улице поскрипывает и постанывает от ветра всякий хлам. Вокруг кружились пыльные вихри. В небе каркали вороны.

Я затушил сигарету.

— Где же они, черт возьми?

И тут они появились, ведя перед собой женщину. Карл вытолкнул ее из дверного проема, а Техасец взял за руку и повел по лестнице на улицу. На вид ей было двадцать с небольшим, высокая, длинноногая, очень привлекательная. Загорелая и подтянутая. Она ругалась и сопротивлялась всю дорогу. Техасец Слим и Карл, будучи достаточно изобретательными, разорвали какие-то простыни и связали ей руки за спиной.

И это ей не очень нравилось.

Они подвели к нам девушку, и Карл толкнул ее на землю. Та принялась корчиться и извиваться, пытаясь подняться на колени.

— Гребаный засранец! Я же сказала, что пойду с тобой. Хватит толкать меня, урод!

— Заткни ей рот, — сказал Техасец Слим.

— Мы поймали ее в коридоре. Улепетывала со всех ног. Я убедил ее остаться.

На девушке были обрезанные джинсовые шорты и желтая футболка с изображением Коржика из "Улицы Сезам", показывающего средний палец. Сверху была надпись: "ИДИ НА ХЕР". Она хорошо отражала ее чувства по отношению к похитителям.

Карл положил руку ей на плечо, но она дернулась в сторону и плюнула в него. Он рассмеялся.

— Остынь, — сказал я ей. — Мы не какие-то гребаные безумцы. Мы тебя не тронем.

— О, да, вижу.

— Ты же первая стала по нам стрелять, дорогуша. А не мы, — напомнил ей Техасец.

Женщина сидела, глядя на нас большими темными глазами и скаля белые зубы, будто хотела зарычать. Постепенно она "оттаяла". Дыхание у нее было по-прежнему тяжелым, но не как у хищника.

Сквозь порванную футболку был хорошо виден плоский живот с пирсинговым пупком. Прочистив горло, я достал из рюкзака бутылку с водой и дал ей попить.

— Они же не... э... трогали тебя, верно?

Она покачала головой.

— Меня зовут Нэш, — сказал я и коротко представил всех.

Она облизнула губы, с таким видом, что все еще хочет выцарапать кому-то глаза.

— Я — Микки. Микки Кокс.

Техасец Слим захихикал.

— Кокс, говоришь? Мне нравятся женщины с фамилией Кокс.

Карл рассмеялся. Гремлин просто смотрел на пленницу, разинув рот. Не то, чтобы он пускал по ней слюни, но был близок к тому.

Джени подошла к женщине, достала из кармана складной нож и освободила ей руки.

— Ты в порядке?

— Да.

Джени улыбнулась ей, и Микки почти сразу же расслабилась. Я знал, что никто не сможет устоять перед взглядом Джени. В нем была такая честность и искренность, что она могла бы расплавить камень.

— Эти кретины точно тебя не трогали?

— Они были грубыми. Но со мной обращались и похуже.

— Уверен, так оно и было, детка, — сказал Техасец. — Причем нередко.

Я пихнул его локтем, чтобы он заткнулся. Джени смерила ее взглядом.

— Они точно... не трогали тебя?

Микки покачала головой.

— Они же еще ходят, верно?

— Брось, — сказал Карл. — Нэш, ты знаешь, что я не сделал бы ничего подобного. Я мог бы пристрелить ее, но трахать бы не стал.

— Верно, совершенно верно, наш Карл такой, — сказал Техасец Слим. — Само благородство. И я, как вы все знаете, тоже. Никогда не посягну на добродетель женщины, если только она сама меня об этом не попросит.

— Шуты гороховые, — сказал я в порядке пояснения.

Микки пила воду, не сводя с нас глаз. Особенно с меня. Остальные не особо ее волновали, но с меня она не сводила глаз. Я очень хорошо осознавал это, хотя притворился, что не замечаю. Она была очень привлекательная. Или сексапильная, если говорить откровенно. В отличие от Джени, которая была миниатюрной блондинкой, хорошенькой, как фарфоровая кукла, Микки была высокой длинноногой брюнеткой. Она была тоже хорошенькой, только в откровенно сексуальном плане. У нее были округлые формы, длинные ноги, стоячая грудь, большие темные глаза и полные губы. Такая девушка, которая может говорить о салатной диете и будет делать это настолько чувственно и эротично, что тебе захочется выскочить прочь и "передернуть затвор". Девушка, которая всю жизнь живет за счет своего внешнего вида. Она знала, что любят мужчины, знала, что у нее это есть, и знала, как этим пользоваться.

Я догадывался, что она вполне может стать проблемой, если попытается манипулировать моими людьми. Я рассказал ей, чем мы занимаемся, и что нам нужен какой-нибудь автомобиль.

— Куда вы направляетесь? — спросила она.

— На запад. Просто на запад. Наверное, даже за Миссисипи.

— Забавно, — сказала она. — Понимаете... я тоже направлялась на запад. Когда по Нью-Йорку был нанесен удар, я была в Филадельфии. Там все полетело к чертям. — Она махнула рукой. — Несколько наших выбралось и направилось на запад. Осталась только я. Вы знаете, как это бывает. Нас было шестеро. Крысы. Тесаки. Радиация. Мой друг... Майк... мы потеряли его в Кантоне однажды ночью. На нашу машину напали какие-то твари. Они выдержали его и еще одного парня, а нас почему-то оставили.

— Твари? — спросил я.

— Да... Было так темно, что я ничего не видела. Но у них были когти. Большие когти. А еще от них пахло мочой... и тухлым мясом.

— Троги, — сказал я.

— Ты была с теми людьми... в автобусе? — спросила ее Джени.

Микки кивнула.

— Ага. Последние две или три недели. Они были хорошими людьми, понимаете? Очень хорошими. Нормальными людьми. Они организовали небольшую общину. Всем заправлял парень, по имени Фишер. Раньше он был каким-то там министром. Клевый мужик. У них были врачи и медсестры, плотники, учителя, люди разных профессий. Все работали вместе. У него жило много семей. Даже несколько детей, тех, что еще не изменились... Понимаете, о чем я?

Она рассказала, что Фишер планировал выбраться из города. В южной части города, в Хэммонде, у него было припрятано несколько автобусов. Прицепы с продуктами, боеприпасами, лекарствами, и т. п. У него были виды на укрепленный монастырь в округе Хеврон. Его люди могли жить там в полной безопасности.

— Что же случилось? — спросил ее Карл.

— На нас напали Тесаки. Наверное, они какое-то время следили за нами, потому что появились из ниоткуда... У нас не было ни единого шанса. — Она не хотела рассказывать подробности, и это было видно по ее глазам. — Так вы, ребята, направляетесь на запад? Да уж... Не могу это объяснить, но с тех пор, как все началось, меня тоже постоянно тянет на запад. Странно, да?

— Это — странный мир, дорогуша, — сказал Техасец.

Я вспомнил про сон, в котором Медуза истребляла человеческий род город за городом. Двигаясь при этом на запад. Я подумал, что, возможно, Микки — просто одна из многих, кто пытался сбежать на запад, как часть некоего исхода.

— Могу я пойти с вами? — спросила она.

— Конечно.

Карл посмотрел на меня, и я почувствовал этот взгляд. Я знал, что происходит у него в голове, буквально читал его мысли: *"конечно, сладкая, ты можешь пойти с нами. Какая вечеринка без тебя. В следующее полнолуние мы будем веселиться, будем "зажигать" так, что ты никогда не забудешь."* Наверное, я тоже думал об этом. Отчасти. Хотя, может, не так откровенно, как Карл.

Микки продолжала наблюдать за мной.

— Я знаю, что за рекой, к северу от сюда есть исправный "Джип Чероки". Он стоит в гараже. У Фишера повсюду были припрятаны машины. Так что, возможно, у нас все получится.

Я улыбнулся.

— Добро пожаловать на борт, — сказал я. Теперь нас было шестеро. По крайней мере, до следующего полнолуния.

17

Я решил, что Микки будет нам полезна благодаря своей сообразительности. Просто у меня было ощущение, что она хорошо впишется в группу. Мы постояли и поговорили еще немного, затем забрались в соседнее здание, чтобы перекусить сухпайками — замороженными спагетти с фрикадельками — и стали рассказывать друг другу военные истории. Все это время Гремлин пускал слюни по Микки. Техасец Слим наблюдал за Гремлином, Карл наблюдал за всеми, а Джени... Джени не сводила глаз с новой девушки.

Было между ними что-то невысказанное. По крайней мере, со стороны Джени. То, что было сочувствием и пониманием превратилось во что-то вроде ревности, и это хорошо было видно у нее по глазам. Я знал, что иногда женщины, сами того не подозревая, начинают защищать свою территорию. И я почувствовал это в Джени.

Теперь у нее появилась соперница. И непохоже, что эта идея ей нравилась.

Микки была интересной девушкой. В этом никто не сомневался. Не только привлекательной, но и умной. Возможно, ее никогда бы не пригласили в Менс и не вручили б Нобелевскую премию по физике, но недостаток книжной учености она компенсировала практическим опытом. И интуицией. Она шестым чувством чувствовала опасность, как мы вскоре узнали.

После импровизированного обеда необходимо было снова выходить на улицы. Через несколько часов должно было стемнеть, и до этого я хотел найти "Джип". Микки повела нас, поскольку точно знала, куда нужно идти. Едва она дошла до конца квартала, как резко остановилась и начала качать головой взад-вперед.

— Что такое? — спросил я ее.

— Не знаю... что-то не то. Я чувствую, — сказала она. — Что-то не то.

Техасец Слим и Карл просто переглянулись.

— У меня от нее мурашки, — сказал Карл.

— А у меня от нее совсем другое, — сказал Гремлин.

Микки пожала плечами.

— Иногда... иногда я просто предчувствую всякое.

Техасец нервно рассмеялся.

— У меня была бабка по материнской линии, Тэйни из округа Терребонн. Из страны болот. Она тоже обладала таким даром. О... она была старой, очень старой, старая Матушка Тэйни. У нее было всего лишь два или три зуба, узкое лицо и большой нос, похожий на крюк для одежды. Она была слепой на один глаз... потеряла его еще в детстве во время несчастного случая на рыбалке... но другой был большим, круглым, желтым и пристально глядящим. Она походила на ведьму из того старого комикса... понимаете, о каком я? Меня всегда бросало в дрожь, от этого желтого глаза. Однажды она говорит: "Щиво ти ищешь, маалчик?" Именно так она говорила. Я отвечаю: "Я потерял носки, Матушка Ти". Так я ее называл. *Матушка Ти*. Она говорит: "Тваааи нааски на улици пад ликвидамбаааром, слышь?" Так они и были. Прямо там, где я их и оставил. Под ликвидамбаром (*большое декоративное дерево — прим. пер.*). Только пара жуков устроила в них себе дом. Она была ясновидящей, и могла находить что угодно и когда угодно...

— Тише, — сказал я ему. Я понимал, что Техасец просто нервничает. А когда нервничал, он всегда начинал рассказывать всякие дикие истории, но сейчас для этого не было времени. — Что такое, Микки?

Все ждали. Джени выглядела встревоженной, новая девушка нравилась ей все меньше и меньше. Чувствовалось нарастающее между ними напряжение.

Микки повернулась и посмотрела на меня. Она заметно побледнела, глаза у нее были огромными и влажными.

— Тесаки. Тесаки идут.

Карл сперва не согласился... но затем услышал. Услышали все.

Услышали их приближение.

Шестеро или семеро поднялись из-за остовов разбитых машин, с визгом и завыванием. Это была засада. Я был в этом уверен. Тщательно спланированная засада, в чем Тесаки отлично преуспели. Но по какой-то причине... они не смогли ждать. Возможно, из-за того, что Микки учуяла их, и все остановились. Возможно, они поняли, что их раскрыли.

Но они не стали больше ждать. Они бросились из своих укрытий, крича и шипя. Бросились бежать зигзагами по улице, движимые безумием и жаждой крови.

— Черт... тебя... подери, — выругался Карл.

Я вскинул винтовку и уложил двоих. Когда третий приблизился, Карл открыл огонь из своего "АК", и прошел его... или ее... от паха до горла. Эти твари были безжалостными. Беспощадными, неумолимыми. Даже когда они, изрешеченные пулями, умирали в конвульсиях на улице, они продолжали биться и кричать. Оружие было только у двоих... дубинки и пики. Мы с Карлом завалили пятерых из них, но этого было недостаточно. Эта кучка была лишь острием копья. Остальные были на подходе.

Побитый пикап с грохотом несся по улице, отбрасывая в сторону мертвые автомобили и перескакивая через песчаные наносы. Двое Тесаков сидело в кабине, еще дюжина — в

кузове. Увидев их, я сглотнул. Теперь было понятно, что чувствовали римляне при нападении пиктов.

Берсерки.

Вот кем они были. Каждый из них был предельно злобен и безумен.

Тесаки стали на ходу выпрыгивать из грузовика и веером рассыпаться по улице. Они очень походили на найденного мною мертвеца. Все были лысыми, с боевыми чубами, под противогазами скрывались уродливые лица. На них были пальто и кожаные плащи, куртки, сшитые из кусков другой одежды, и даже что-то вроде брезентовых пончо. Они неслись вперед, размахивая самодельными копьями, шипастыми дубинками, топорами, пиками и, конечно же, тесаками.

Мы дали залп огня и бросились наутек.

Мы бежали со всех ног, словно напуганные кролики. Царила полная неразбериха, и не было никакой сплоченности. Может, нужно было организовать оборону в здании? На крыше? За какой-нибудь разбитой машиной? Наконец, мы снова оказались в районе "фишерской" общины, которая превратилась теперь в сборище трупов. Мы рассредоточились и приготовились к бою.

Грузовик с грохотом приближался. Я прицелился и всадил пару пуль в лобовое стекло. Оно влетело в кабину горой осколков. Пассажир завалился вперед, а водитель нажал на газ.

Я снова прицелился. Я знал, что единственным оружием, способным бить на такое расстояние, была моя винтовка. Это была моя крошка. Я мог бы передать ружье Карлу, но тот спрятался за "универсалом" на другой стороне улицы. Да и времени не было.

— Нэш, — кто-то позвал меня.

Я сделал вдох и выдох. Прицелился. Нажал на спусковой крючок, пробормотав какую-то невнятную молитву. Мне показалось, что пуля попала водителю в горло. Он резко откинулся на сиденье и, оторвав руки от руля, пытался остановить кровь, хлещущую из шеи. Грузовик потерял управление, отскочил от минивэна, вылетел на тротуар, врезался в останки полицейской патрульной машины. И там заглох.

Водитель попытался выбраться из кабины, Техасец бросился к нему и завалил из своего "Дезерт Игла". Но остальные Тесаки были уже на подходе.

Когда они подошли ближе, я увидел, что про этих животных говорили правду. Они носили скальпы своих жертв. Носили в виде перевязей и поясов. И не только это, но еще и ожерелья из почерневших ушей и зубов, нанизанных на проволоку — жуткую коллекцию мумифицированных частей тел.

Карл уложил двоих из своего "АК", и начался крошечный ад. Все кричали, палили из всего, что было, в нападавших, чье число росло благодаря прибывающему подкреплению. Уже восемь или десять Тесаков лежали, корчась на земле, но на их место пришло вдвое больше. Даже Джени открыла огонь из своего "Браунинга". У Микки в руках был "Эйрвейт" Карла.

Один из нападавших подобрался к нам почти вплотную, проползая под несколькими машинами, и я выстрелил ему прямо в лицо. Пуля вошла в один из плексигласовых окуляров, и Тесака отбросило на грузовик. Но он не упал.словно зомби, он сделал два или три неуклюжих шага вперед, обливаясь кровью из входного отверстия, а затем рухнул лицом вниз.

Другие продолжали наступать.

Один вскочил на грузовик и метнул копье. Оно едва не попало в Джейн. Карл очередью

снес нападавшего. У меня кончились патроны, и пришлось переключиться на "Беретту". Я застрелил одного, другого, а затем что-то ударило меня в спину, и я упал. Едва я успел откатиться в сторону, как в то место, где я лежал, вонзился топор. Я вскочил на ноги и выпустил всю обойму в нападавшего. А затем на меня прыгнул еще один, отбросив меня к машине. Он бросился на меня с ножом, и я едва избежал удара, лягнув его в живот. Затем стал молотить его рукояткой "Беретты" по покрытой струпами лысой голове, пока не раздался влажный хруст.

Карл опустошил рожок своего "АК", и принялся палить из "Моссберга". Техасец Слим получил удар копьем в бок и упал. Гремлину досталось дубинкой. Микки вела огонь из "Эйрвейта", прыгая вокруг с воистину атлетической грацией, валя Тесаков одного за другим. Затем у нее кончились патроны, и двое нападавших схватили ее. Она отбивалась и лягалась, и они бросили ее лицом на капот машины. Тесаки собирались изнасиловать ее прямо на месте. Потому что именно так они действовали... не с военной точностью и организацией, а с чистым безумием.

Карл завалил одного из них из "Моссберга", разбросав его кишки на двадцать футов, упал, кувыркнулся и застрелил второго. Затем трое нападавших сбили его с ног, и занесли из ним свои тесаки.

Но тут Джени выхватила топор из рук умирающего и всадила в спину одному из врагов. Тот развернулся, с торчащим у него в спине топором, и врезал ей кулаком. Джени упала, и он прыгнул на нее, разорвал на ней футболку, и, обнажив белые груди, схватил их грязными, пятнистыми руками.

— ДЖЕНИ! — закричал я и бросился в это месиво. Подскочив, нанес Тесаку удар ногой в голову, будто это был решающий удар мячом по воротам. Тот откатился в сторону и обмяк, словно куча тряпья. Затем я прыгнул и, ударив всем телом, снес еще двоих, как кегли в боулинге. Вскочил на ноги и принялся пинать одного из них, пока тот не перестал шевелиться. Потом я схватил выпавший из рук Карла "Моссберг" и ударил другого в лицо с такой силой, что у того с лица слетел противогаз. Он стоял, а лицо у него напоминало ухмыляющийся, обтянутый кожей череп, покрытый сгустками белой слизи. Микки ударила его сзади дубинкой, и череп треснул с громким хрустом. Я врезал Тесаку в лицо прикладом "Моссберга", и он рухнул на землю. Осталось четверо нападавших. Они бросились на нас с криками, размахивая цепями и топорами.

И тут появились птицы.

18

Внезапно раздалось дикое карканье, чириканье и щебетанье, и мы посмотрели вверх. Даже Тесаки. Вот только самого неба видно не было. Над окружающими зданиями все почернело, воздух пульсировал от биения сотен крыльев. Джени вскочила на ноги и застегнула молнию на куртке, чтобы прикрыть наготу. Я бросился к ней, и отбросил на землю, когда две или три сотни птиц ринулись вниз единой пронзительно кричащей массой. Мне ничего не оставалось, кроме как прикрыть лицо и, свернувшись в клубок, закрыть собой Джени.

Птицы пикировали.

Все вокруг было охвачено какофонией из карканья и хлопанья крыльев. Я чувствовал, как птицы бьются об меня. По воздуху летали перья. Клювы клевали, когти царапали кожу. Птиц было так много, что я не мог дышать. Буквально задыхался от перьев и птичьего

дерьма. Я лежал на земле вместе с Джени, и мне казалось, что я слышу ее крик. Уверен, так оно и было. Я ловил ртом воздух. Вскрикивал, когда клювы жалили меня снова и снова. Отмахивался от птиц одной рукой, и они клевали меня в ладонь, в пальцы, раздирая их в кровь. Воздух вокруг буквально кишел птицами, и был насыщен этим жутким гудением, хлопаньем и криками

И примерно в тот момент, когда голова у меня пошла кругом от этого птичьего скопления, от ощущения сальных перьев и щиплющих клювов, от выворачивающего наизнанку зловония... они вдруг взмыли вверх. Взлетели и исчезли.

Когда я наконец осмотрелся, понял, что они вовсе никуда не пропали.

Они атаковали Тесаков.

Невероятно, но так оно и было. Что-то в них привлекало этих птиц. Я видел ворон, канюков и даже нескольких огромных стервятников. А также мутантов с сальными зелеными крыльями, чешуйчатыми, узловатыми головами, зловещими красными глазами и изогнутыми клювами, формой напоминающими серпы. Они набросились на Тесаков, стали рвать их когтями, клевать их противогазы, их пятнистые головы и пожелтевшие руки. Они атаковали со всех сторон.

Один из Тесаков попытался убежать, облепленный двадцатью или тридцатью птицами. Некоторые кружили и кидались на него, но большинство крепко держались и безжалостно клевали. Он походил на какое-то уродливое, гротескное пугало, получившее по заслугам от птиц, которых так долго отпугивало. Наконец, Тесак упал, птицы накиннулись на него и принялись клевать, пока он не превратился в кусок корчащегося красного мяса. Я был изумлен зрелищем, и был уверен, что остальные тоже.

Другой Тесак, который довольно хорошо проявил себя, отбиваясь от птиц цепью и усыпав их изломанными тельцами землю у себя под ногами, внезапно издал пронзительный утробный крик и... *исчез*. Он пропал, когда стая птиц просто облепила его. Вороны, канюки и другие просто продолжали каркать и кричать. Их клювы мелькали, постепенно краснея от крови и отрывая полоски ткани. Зрелище было ужасающее. Когда Тесак упал, раздавив своим весом несколько птиц, остальные не бросили его. Они собрались вокруг, сражаясь за место, как поросята возле материнских сосков. Звук разрываемого на части Тесака был просто ужасным... Влажный хруст ткани и чавкающий стук клювов, впивающихся в горячую плоть.

Это продолжалось минут двадцать. Мы не двигались. Не смели шелохнуться.

Спустя некоторое время многие птицы улетели, но большинство осталось, обнаружив останки членов общины, и принялись пировать. И тут я понял. Ну, конечно. Что у стервятников, канюков и ворон есть общего? Они были падальщиками. Наверное, вот почему они появились в таком большом количестве... чтобы кормиться лежащими на улицах трупами. Но когда они слетелись — отдельные особи собрались вместе, по причинам о которых я и не надеялся догадаться — то обнаружили Тесаков. И решили, что те выглядят аппетитно.

Но почему?

Тесаки были ужасно заразными и обезображенными каким-то ползучим грибком, однако определенно живыми, а не мертвыми, размякшими и позеленевшими. Но что-то привлекло эту стаю.

Что-то.

Птицы по-прежнему были повсюду, радостно кормились, сражаясь с собратьями за

наиболее лакомые куски, но не обращали внимания на мой отряд.

— Ладно, — сказал я спокойным, прохладным, неагрессивным тоном. — Уходим. Все поднимаемся и идем за мной отсюда. Я встаю первым.

Напрягшись, я неторопливо поднялся на ноги. Медленно и глубоко дыша, стараясь не поперхнуться от смрада, исходящего от падальщиков и того, что они ели. Над головой пролетел ворон, не обратив на меня никакого внимания. Огромный стервятник вырвал красный волокнистый кусок мяса из шеи трупа, проглотил его и зашипел на меня. Широко разинул пасть и снова зашипел, затем вернулся к своей трапезе. Я выдохнул с облегчением.

К этому моменту от Тесаков остались одни скелеты. Тот, который пытался убежать, мало чем отличался от других. Один ворон копался клювом в отверстии в противогазе, вырывая розовые ошметки, в то время как пара других сидела на окровавленной грудной клетке, то и дело расправляя крылья, каркая и пытаясь вытащить какой-то сочный кусок, ранее не замеченный.

Остальные члены моего отряда тоже начали подниматься на ноги. Очень, очень медленно. Было видно, что мы находимся точно посередине "кормовых угодий". Птицы были повсюду. Выстроились рядами, как солдаты, на разбитых машинах и грузовиках. Летали по воздуху, некоторые кружили высоко в небе, некоторые — над самой землей. Канюки расхаживали вокруг с кусками красного, рваного мяса, свисающими из клювов. Стервятники погружали головы целиком в полости распластанных на земле трупов, тряслись всем телом, копаясь в кишках. Когда они извлекали головы наружу, жадно глотая куски, те у них были красными и мокрыми от крови.

Я вел своих людей вперед, думая все время, получится ли у нас выбраться, или мы все умрем самой страшной смертью, которую только можно представить. Но я не колебался. Несколько лет назад, в Янгстауне, я знал одного парня, по имени Роджер Свид, который работал в зоопарке с большими кошками. Он утверждал, что, когда приходится иметь с ними дело, нельзя показывать страх. Находясь на их территории, нужно вести себя, как будто ты — один из них. Поэтому именно это я делал сейчас: Просто прокладывал себе путь среди трупов и птиц, сделав вид, что мне совершенно не интересно происходящее вокруг. И это было совсем нелегко, когда один ворон вытащил из чьего-то черепа глаз и посмотрел на меня, а из клюва у него на зрительном нерве болталось глазное яблоко.

Я шел дальше, держа в одной руке пустую винтовку, а в другой — руку Джени.

Повсюду были перья и птичье дерьмо, разбросанные куски человеческих тел, кучки мертвых птиц. Некоторые при моем приближении пытались убежать, волоча за собой сломанные крылья.

Птицы кричали на меня, но я игнорировал их. Я шел сквозь бреши в их рядах, не обращая внимания на тех, которые летали у меня над головой. С трупов, разбросанных конечностей и внутренностей, в воздух поднимались огромными жужжащими роями мухи. Они гудели возле ушей, ползали по шее, но я не отгонял их. Все время мне казалось, что птицы в любой момент могут нас атаковать.

Но этого не произошло.

19

— Через час стемнеет, — сказал я, когда мы спрятались в какой-то разрушенной аптеке, чтобы перезарядиться.

Карл окинул взглядом опустошенный город.

— Поэтому нужно найти себе укрытие на ночь.

— Черт, черт, черт, — выругался Гремлин. — Я думал, что мы выберемся отсюда. Куда-нибудь. Черт!

С помощью армейской аптечки, полученной от Шона, я обработал Техасцу Слим нанесенную копьем рану. Через все ребра проходил неприятный на вид разрез, хотя вряд ли он представлял угрозу для жизни. Я продезинфицировал рану, наложил стерильные повязки, и, на всякий случай, сделал укол антибиотика. Похворает пару дней, но не более того.

Джени ушла посмотреть, нет ли в лавке чего-нибудь ценного. Она уже довольно долго отсутствовала. Когда она вернулась, взгляд у нее был странный.

— Где ты была? — спросил я.

— Просто осматривалась, — ответила она. Она лгала, и я знал это. Только намного позже я осознал, насколько серьезной была ее ложь.

— Почему бы нам не уйти... у нас же есть оружие, — сказала Микки. — Думаю, через час мы были бы у гаража с джипом. Зачем ждать до завтра?

Техасец Слим ухмыльнулся.

— Потому что, когда стемнеет, детка, на улицу выползают всякие страшилища.

— Давайте рискнем, — предложила она. — Если добудем джип, уже через двадцать минут будем за пределами Гэри.

— Почему бы тебе просто не сделать нам всем одолжение и не заткнуться? — сказала Джени.

— Остынь, — сказал я ей.

К тому моменту, глаза у нее были не просто голубыми, а ледяными.

— Господи Иисусе, Нэш. Она с нами всего несколько часов, а уже дает "ценные указания"? Кто, черт возьми, спрашивал у нее совета?

Микки пожала плечами.

— Я просто предложила.

— О, заткнись.

Они стояли, сверля друг друга глазами. Я начинал уже злиться, а Техасец Слим и Карл молча забавлялись. Гремлин же буквально истекал слюной от вожделения.

— Ого, — сказал он. — Прямо Роллер-дерби (*женский контактный спорт — прим. пер.*). У нас тут женский бой намечается. В ход идут ногти! Сейчас полетит шерсть!

— Почему бы тебе не пойти на хер? — сказала ему Микки.

— Нет, я не и думал идти к себе на хер. Я думал, что кто-то пойдет на мой.

И тут вмешался я. Видит бог, я был уже сыт этим кретином по горло. Я пихнул Гремлина так, что тот упал на задницу.

— Заткнись, черт тебя дери! Что я тебе говорил про это дерьмо? — У меня возникло внезапное желание закатить ему еще одну взбучку. Только этот засранец перестал ныть и жаловаться, как тут же начал пускать слюни по одной из девушек. — Держи свой хер в штанах. Ради бога.

Я повернулся и увидел, что Микки улыбается мне, будто я пришел ей на помощь. А еще заметил, что Джени вся пылает от негодования. Дикая кошка вырвалась из клетки.

— Давайте все просто успокоимся, ладно? — сказал я им. — Иначе у нас ничего не получится.

Гремлин поднялся на ноги, стряхивая с себя пыль. На лице у него все еще виднелись следы побоев после нашей недавней стычки. Он потрогал кончиками пальцев багровый синяк, который уже начал сходить.

— Конечно, Нэш. Я тебя понял. Мы должны держать нашу новую девочку в целости и сохранности, да? — Он подмигнул. — Наш друг не любит порченный товар, верно?

— Опять он за свое, — сказал Карл.

— О чем он, черт возьми, говорит? — поинтересовалась Микки.

Техасец Слим взял ее под руку и увел прочь. — Не о чем не беспокойся, дорогуша. Понимаешь, однажды, много лет назад, матушка Гремлина ходила по-большому и полюбила одну из какашек, которые увидела в унитазе. Она стала нянчить ее, кормить, растить, и результат этого теперь стоит вон там.

Карл взорвался хохотом.

Как и все... кроме Джени и Гремлина.

Вздыхнув, я вывел их на улицу.

И тут я заметил, что мы не одни. Я вскинул, было, винтовку... но потом опустил. Меньше чем в пятнадцати футах от нас, на тротуаре, стоял человек. На нем был только дикий "клюквенный" халат, который был распахнут, демонстрируя все хозяйство. Ногти на руках и ногах были покрашены пурпурным лаком.

— Привет, мальчик, — сказал ему Техасец Слим. — Присоединись к вечеринке?

Парень просто таращился на нас. У него была пушистая, будто светящаяся голова, с ниспадающими на плечи светлыми локонами. А также белая борода.

Техасец Слим не боялся сумасшедших. Он подошел к парню, и запахнул ему халат.

— У нас тут дамы, понимаешь? — сказал он, зажимая рукой свою рану.

Подмышкой парень держал телефонный справочник. Он указал на улицу и сказал:

— Они прибыли на серебряных автобусах. Я их видел. На них были оранжевые костюмы. Они забрали преподобного Боба и бросили его в автобус. У меня на глазах. Я многое уже повидал. И обо всем написал в своей книге. — Он показал нам телефонный справочник и пожал плечами. — Я съел свою собаку, потому что был голоден.

Карл хмыкнул и отвернулся.

— Кто этот гребаный Гомер?

— Не обращай на Карла внимания, — сказал Техасец Слим. — У него не было серьезных романтических отношений с тех пор, как усопла его дорогая мамаша.

— Поцелуй меня в задницу, — сказал Карл.

Парень в халате побрел по улице прочь. Техасец окликнул его, но тот продолжал идти.

— Хочешь, чтобы я поймал его? — прошептал Карл.

— Зачем?

— Ты знаешь, зачем. Время подходит.

— Пусть идет. Я уже устал от этого дерьма.

Я снова двинулся вперед, Микки шла рядом.

— Куда мы идем? — спросила Джени.

— За джипом.

— Сейчас?

— А почему нет?

Она просто покачала головой, и Микки ухмыльнулась. Молча мы продолжили путь, Техасец Слим и Карл шли впереди, держа оружие наготове. В голову лезли всякие мысли, и я отчаянно пытался их прогнать. Мы приближались к реке. Вдали виднелись заводы и фабрики, которыми славился Гэри. В небе кружило несколько птиц, ветер гонял по дорогам песок. Мы преодолели какой-то травянистый холм, пересекли железнодорожные пути,

пробрались сквозь засохшие заросли, и тут перед нами возникла, простираясь во всех направлениях, огромная чернеющая яма.

Она была заполнена телами.

20

Ну, *тела* — это не совсем верно сказано. Ибо яма была заполнена скелетами, которые когда-то были телами. Свежих трупов там не наблюдалось. Похоже, это были тысячи скелетов, сваленных в кучу. Поломанных, расчлененных и почерневших. Повсюду лежал пепел. Насколько я мог судить, в диаметре яма легко достигала размера трех городских кварталов.

— Видимо, их здесь сжигали, — сказала Микки. — Я видела подобную яму возле Аллентаун.

Техасец Слим кивнул

— Должно быть, патогены и радиация неплохо постарались здесь. Слишком близко от Чикаго. Видимо, тела сваливали сюда и сжигали. Судя по лежащему повсюду пеплу, это продолжалось довольно продолжительное время.

Я видел, что в яме лежат не только кости, но и остовы машин и грузовиков. Много чего сбрасывалось туда. Это была свалка.

— Ты не знала про эту яму? — спросила Джени Микки.

— Нет... Откуда?

— Ну, ты привела нас прямо к ней.

— И что с того?

— Ты же ведешь нас к тому джипу. Ты же знаешь, где он. И ты не знала про яму?

— Нет, не знала. Я была здесь однажды. Но не пешком. Мы подъезжали по дороге к северу отсюда, с другой стороны реки. По 90-ому шоссе.

Ответ, похоже не удовлетворил Джени. И я понял, что мне придется снова брать все в свои руки, иначе очередная стычка неминуема. Мои люди были разбитыми и усталыми. Им нужен был ориентир. Вот почему я пошел за джипом сейчас, а не стал ждать до утра. По крайней мере, это была одна из причин. Стремление двигаться на запад становилось все сильнее.

Солнце сейчас висело над самым горизонтом. Я увидел, что через яму на другую сторону ведет тропа. Если мы попытаемся обойти ее, к тому времени, как мы доберемся до реки, уже стемнеет.

— Идемте, — сказал я.

— *Туда* вниз? — спросил Гремлин. — Я не пойду на это кладбище.

— Тогда можешь оставаться здесь.

Я начал спускаться, двигаясь осторожно, чтобы поскользнуться на песке. В яму с останками покатались галька и сорвавшиеся камни. Остальные, не говоря ни слова, последовали за мной. Гремлин тоже. Видимо, однажды это был какой-то карьер, который законсервировали, затем вновь открыли и расширили, когда ежедневно стали умирать тысячи людей, и инфекционная болезнь принялась выжигать город.

Склоны были усыпаны скелетами, завернутым в ветхие лохмотья. Они выступали из песка, и кости были такими белыми, что, казалось, светились. Когда мы спустились почти на самое дно, я заметил там большие куски шлака вместе с фрагментами разбитого бетона, которые, похоже, когда-то были частью тротуаров. Из мусора торчали древние дренажные

трубы из цемента вместе с ржавой арматурой и старыми фарфоровыми канализационными трубами, которые, должно быть, лежали здесь многие десятилетия. Да, сперва это был карьер, затем свалка, и только потом уже трупная яма.

Тени удлинились, и я почувствовал, как рука Джени скользит в моей, и мне нравилось это ощущение. Я крепко сжал ее. Что-то шуршало в недрах растекающейся тьмы. Птицы перелетали с одного автомобильного остова на другой. На ржавеющем блоке двигателя стояла на задних лапках крыса и провожала нас взглядом. Тропа вилась зигзагами через обломки и кости. Кто-то протоптал ее, значит, ею явно пользовались.

Но я сомневался, что этот кто-то спускался сюда после наступления тьмы.

Наступала ночь, а я продолжал идти. Повсюду из теней выступали какие-либо объекты. Я запнулся об изогнутый кусок арматуры и едва не упал. Вытащил из рюкзака фонарик. Рабочие батарейки были сейчас в дефиците, но мне не нравилась идея проткнуть себе брюхо какой-нибудь железякой.

— Милое местечко, — сказал Техасец Слим.

— Ага, такое милое, что можно запросто убиться, — добавил Гремлин.

Я светил вокруг фонариком, выхватывая из темноты старые холодильники и кучи шин, ржавые, покореженные останки детских качелей, торчащие из песка. И конечно же, кости. Они были повсюду. Свет отражался от ребер, бедренных костей, позвончиков. И черепов. Десятки начисто обглоданных черепов. Кости были навалены огромными кучами, в которых копошились крысы.

Когда мы достигли центра ямы, нам уже не попадалось ничего, кроме скелетов. Некоторые были еще целыми и облаченными в лохмотья, но большинство почернело и было разрушено на валяющиеся вокруг фрагменты. Мне стало встречаться много маленьких костей и черепов, явно принадлежавших детям. Обогнув какие-то изъеденные термитами портовые сваи, мы наткнулись на обросшую сорняками детскую коляску. Когда я из какого-то нездорового любопытства навел на нее луч фонаря, то увидел, что обшивка почти полностью сгорела, а остов заржавел и почернел. Внутри сидел крошечный скелетик с широко разинутыми, будто в крике, челюстями.

— О, боже, — простонала Микки.

Впереди было еще больше останков машин, костей, труб и куч битого бетона. Я прибавил шаг, желая быстрее выбраться отсюда. Возможно, дело в нервах, возможно, в чем-то еще, но во мне нарастало недоброе предчувствие. Мне казалось, будто в животе у меня иголки. Я весь вспотел. В висках стучало. Крысы повизгивали, над головой носились летучие мыши.

— Через пару минут мы должны уже быть на той стороне, — сказал я, успокаивая других или себя.

— Надеюсь на это, — сказала Микки. — Не надо было сюда спускаться.

— О, заткись уже, — сказала Джени. — Не драматизируй... — Но она не договорила... потому что где-то в трепещущей тьме, заполнившей яму словно черное масло, раздался первобытный рев.

— Похоже, мы в полной заднице, — сказал Техасец Слим.

21

Рев повторился, и на этот раз он прозвучал ближе.

Ночной ветерок донес запах: резкий и тяжелый, как от сваленных в кучи гниющих шкур.

Возник вопрос — бежать со всех ног или остаться на месте и принять бой. Зверь был

где-то рядом, и я догадывался, что это тот же самый, которого мы слышали прошлой ночью. У меня появилось ужасное чувство, что он шел за нами через весь город, выслеживая нас по запаху. Возможно, у меня разыгралось воображения, но почему-то мне казалось, что я прав.

— Что думаешь, босс? — спросил Карл.

— Давай уходить, — сказала Джени. — Пожалуйста, Нэш.

Было еще несколько комментариев на эту тему, но единственным человеком, который никак не выразил свое точку зрения, был Гремлин. Первым жаловался, первым ныл, первым вставлял свое мнения по любому вопросу... а теперь ему нечего было сказать. Возможно, он был напуган, хотя я не знал наверняка.

— Давайте заманим эту тварь и завалим, — предложила Микки.

Именно к этому я склонялся. Мне не нравилась идея улепетывать, когда эта тварь сидит у нас на хвосте. Она преследовала нас. И только теперь она обнаружила свое присутствие, потому что знала, что мы в яме и что мы не собираемся спасаться бегством.

— Брось, Нэш, это безумие, — сказала Джени, дрожа от страха. — Давай просто...

— Тише, — сказал я ей.

Все молчали. И слушали.

Зверь приближался. Все мы слышали, как он прокладывает себе путь в темноте. Шорох листьев и треск сучьев, хруст костей, топот ног чего-то крупного, будто сказочный великан шел из темного леса есть детей.

Теперь слышались еще и другие звуки... хрюканье и сопение, как роющего землю борава.

Я не стал включать фонарик. Во всяком случае, пока. Тварь знала, где мы, и она приближалась. Подожду, пока она не подойдет поближе, когда можно будет стрелять. Я жестом указал остальным идти к каким-то бетонным сваям. Зайдя за них, они рассредоточились, сжимая оружие в потных, дрожащих руках. Мы стали ждать чудовище, которое подкрадывалось все ближе, словно дикая кошка, охотящаяся на свою жертву. В яме было столько хлама и мусора, что повсюду вокруг нас возвышались темные силуэты. Все внимательно следили, ожидая, что один из них шевельнется. Мне не раз казалось, что я видел сторбленную лохматую фигуру огромных размеров.

Возможно, это была игра воображения.

Мы прождали пять минут, десять, серьезно нервничая при этом. Все были напряжены. Слышно было лишь наше дыхание, лай диких собак вдалеке, да шорох крошечных тварей среди мусора.

Я держал свою винтовку наготове. Джени рядом со мной была дрожь, только я этого не чувствовал, поскольку сам дрожал.

— Кто хочет хорошую тихую историю про привидений? — спросил Техасец Слим.

— Заткнись. — Я вздохнул. — Думаю, кто-то должен пойти посмотреть. — Как насчет тебя, Гремлин?

— Вот уж на хрен. Я туда не пойду.

— Боишься? — спросил Техасе Слим. — Простой ночью ты, кажется, не боялся этой твари.

Было бы интересно услышать возражения Гремлина, но из темноты раздался какой-то дикий визгливый звук, напоминающий смех... пронзительный, истерический смех. Смех существа, отъевшегося на страхе и наточившего зубы об человеческие кости. Смрад был невыносимый... резкий и горячий. Мне показалось, что в темноте блеснули два огромных

глаза в форме полумесяцев.

— Тварь приближается, и мы прикончим ее, — сказал я.

Я попытался сглотнуть, но в горле пересохло настолько, что язык буквально прилип к небу. Нечто двигалось там, в темноте. Нечто издавало хриплый утробный звук, переходящий в хлюпанье, будто зверь пускал слюни.

— Приготовьтесь, — прошептал я.

Более напряженной и опасной ситуации я и представить себе не мог. Тот уродливый ублюдок — кем бы он ни был — знал, с кем имеет дело. Он шел за нами по пятам, и теперь готовится напасть именно там, где хотел. И все же... он колебался. Он мог наброситься на нас в любую секунду, но этого не происходило. Он был осторожным. Как и все хищники. Им хотелось превосходства. Даже тигр в джунглях или большая белая акула в океане не настолько отчаянные, как думает большинство людей. Да, они хотят получить добычу, но хотят сделать это без лишних усилий и без риска для себя. Как и они, это существо хотело действовать наверняка, с полным превосходством. Я почти физически ощущал его нерешительность.

— Ну, давай, урод, — прошипел Карл сквозь зубы.

Ожидание превратилось в сущий ад. Так не могло продолжаться бесконечно. Я считал, что у нас есть идеальная зона поражения. Бетонные сваи служили нам прикрытием, прямо перед нами был открытый участок, а за спиной — крепостная стена из обломков. Если та тварь захочет напасть, ей придется пересечь открытый участок. На это я и рассчитывал. Чего я не хотел, так это играть с этим гребаным монстром в кошки-мышки. Я не хотел, чтобы он прокрался с фланга или зашел вперед и стал ждать, когда мы попытаемся сбежать. Нет, мы должны были как-то выманить его.

— Нужно бросить ему приманку, — сказал я. — Гремлин, выйди на тот "пяточок".

— Да пошел ты, — огрызнулся он.

— Почему нет, Гремлин? — спросил Техасец Слим. — Он же не тронет тебя, верно? Он же твой друг.

Тогда до меня не дошло, на что намекал Техасец, но позднее я отлично все понял. Мы попали в ловушку. В ловушку, устроенную Гремлином.

— Дай мне "АК", — сказал я Карлу. И протянул ему свою винтовку. — Я пойду туда.

Джени схватила меня за руку, и я почувствовал будто электрический разряд. Мне пришлось силой освободиться от нее.

— Нет, Нэш, — взмолилась она. — Рик...

— Не думаю, что это хорошая идея, — сказала Микки.

Так считали все, кроме, конечно же, Гремлина. Но другого выбора не было.

— Карл? Я собираюсь выманить его. Целься ему в голову, в глаза. Чтобы наверняка.

Карл поднял винтовку и приготовился к стрельбе.

— А я считаю, что нужно отправить туда Гремлина.

— Нет, — возразил я. — Он понадобится нам завтра ночью, когда взойдет полная луна.

Тот издал какой-то хнычущий звук горлом, потому что решил, что я только что выбрал его. Возможно, он был прав. Но если это так, то я выбрал его еще много дней назад. Я сказал это, в основном, для того, чтобы встряхнуть его, и у меня получилось.

Я вышел на открытый участок с автоматом в руках. Колени у меня дрожали. По лицу катились капли пота. И все же, несмотря на то, что я готов был наделать в штаны, вел себя я очень непринужденно. Даже не стал поднимать автомат. Держал его так, будто мне было на

все начхать. Я вытащил из нагрудного кармана сигарету и закурил. Меня трясло, но я изо всех сил старался показать, что я совершенно спокоен. Я стал ждать. Мой план был далеко не идеален. Если эта тварь вынюхивала нас через весь город, то, как любой другой хищник, она сумеет учуять исходящий от меня запах страха. Если эта тварь разумная — а я подозревал, что так оно и есть — то догадается об устроенной ей ловушке. Единственным моим преимуществом — как я считал — было огромное желание твари заполучить нас. А подобные желания часто отключают у животных здравый смысл.

Не успел я докурить сигарету, как скорее почувствовал, чем услышал, впереди какое-то движение. По спине у меня пробежал холодок, и внезапно накотивший горячий смрад разложения едва не сбил меня с ног. И тут монстр рванулся вперед, выпрыгнул на меня из темноты. Перед глазами мелькнуло нечто массивное, мускулистое и деформированное. Я отпрыгнул, и за доли секунды до того, как мой зад соприкоснулся с землей, открыл из автомата шквальную огонь.

Я увидел тварь отчетливо, когда та выскочила на лунный свет.

Увидел, как пули прошили ей грудь, как она задержалась и отпрянула назад. Она была гораздо крупнее человека. И могу сказать без преувеличения, что ростом она была футов восемь. Кожа маслянистая, похожая на дубленую, потрепанная, с пучками серых волос или щетины. Шкура местами лопнула, и из трещин торчали какие-то шишки и кости. Это был настоящий мутант. Одна рука длиннее другой, правое плечо, задранное вверх, имело форму конуса, левое было почти плоским, грудная клетка представляла собой набор костей. В теле напрочь отсутствовала какая-либо симметрия.

И у твари были когти, огромные, изогнутые когти.

Двигалась она с невероятной скоростью. Карл выстрелил, промахнулся, и в ту же секунду существо бросилось вперед и застыло надо мной. Я чувствовал едкий, горячий смрад, волнами исходящий от нее. Чувствовал запах гниющей шкуры. На лицо и руки сыпались какие-то крошечные извивающиеся существа.

Я слышал крики Джени, Микки и Техасца.

Тварь смотрела на меня сверху вниз, и я не понимал, почему не стреляю. Я словно окаменел. Морда у нее была чем-то непотребным. Серая и морщинистая, некая демоническая версия дикого кабана с приплюснутым рылом и огромной пастью, полной кривых, желтых зубов и чем-то, напоминающим клыки. Один глаз был огромный и пристально глядящий, другой был узкий, как щель. Ничего одинакового.

По тому, как тварь смотрела на меня этими блестящими красными глазами, я понял, что она собирается прикончить меня, но смерть моя будет не быстрой и милосердной. Она будет чем-то вроде спорта. Развлечением. Вроде того, когда кошка мучает мышь. Ни больше, ни меньше.

Помню, я гадал, почему Карл больше не стреляет. Мне казалось, что все это длилось несколько минут. Но потом мне сказали, что от того времени, как я упал, до того, как тварь зависла надо мной, прошло не больше пяти секунд.

И тут Карл выстрелил.

Он попал зверю прямо в голову — прямо в цель, несмотря на темноту. Пуля вошла в тот узкий глаз и вышла с фонтаном крови и кусочков мяса. Это был идеальный выстрел. Наповал. Тварь должна была рухнуть замертво. Но этого не произошло. Удар пули отбросил ее назад на пару футов, но вместо того, чтобы сдохнуть, она вскинула вверх свои когтистые лапы, запрокинула голову и издала пронзительный крик, от которого я едва не оглох. Это

был не рев и не лай, ничего подобного. Вовсене такой звук, который ожидаешь от твари, вроде этой. Нет. Это был высокий, пронзительный вой. Такой звук могла издавать женщина, испытывающая сильнейшие муки. Не человек, но существо определено женского пола.

А затем она бросилась в темноту.

К тому времени я уже отчаянно полз к бетонным сваям. Чьи-то руки нащупали меня и рывком поставили на ноги. От ужаса я почти ничего не соображал. Мне потребовалось некоторое время, чтобы прийти в чувство.

— Валим отсюда на хрен, — наконец, сказал я.

Микки сразу же взяла на себя руководство. Позаимствовав у Карла фонарик, она нашла тропу и повела нас из ямы. Техасец Слим шел рядом с ней, держа свой "Дезерт Игл" наготове. Пройдя по лабиринту из костей и мусора, мы вновь оказались на тропе, ведущей наверх. Мы с Карлом прикрывали тыл, а Джени и Гремлин шли в середине.

В обволакивающей темноте ямы слышались вопли твари.

Она издавала этот свой пронзительный неземной звук, эхом разносящийся вокруг. Сперва он будто исходит откуда-то сзади, потом — слева, затем — справа. Во время подъема мы дважды замирали, потому что нам казалось, что его источник прямо перед нами. Должно быть, так работало эхо. Во время одной остановки, клянусь, я слышал, как тварь жалобно всхлипывает где-то в темноте. Потом, через несколько секунд, последовал маниакальный визг, который перешел в холодный, сухой, истеричный смех, похожий на лай гиены.

Мы продолжали подниматься по крутому склону холма. Луч фонарика Микки выхватывал из темноты черепа и грудные клетки, несколько торчащих из песка хорошо сохранившихся скелетов в лохмотьях. На середине пути мы вновь услышали этот жуткий, прерывистый хохот, и его источник находился прямо позади нас. В этом не было никакого сомнения. Мы снова замерли, вскинув оружие.

Тварь была где-то рядом, но мы не видели ее.

Лунный свет плохо освещал яму из-за груд мусора, во все стороны отбрасывающих неровные тени. Всякий раз, когда мы слышали шум, лучи наших фонариков ничего не находили.

Но тварь приближалась. Все ближе и ближе, затягивая вокруг нас петлю.

Мы остановились, встав в круг и оцетинившись оружием. Но с какой стороны ждать удара мы не знали. Во рту у меня пересохло так, что казалось, будто его обложило опилками. Я даже не мог вызвать слюну, чтобы сглотнуть. Каждая мышца и сухожилие в моем теле были напряжены, как провода.

Казалось, звуки, издаваемые тварью, звучат из совершенно разных сторон.

Она рыскала вокруг, играя с нами в кошки-мышки. Я слышал хруст, будто она наступала на черепа, давя их в крошку. Потом упало что-то крупное, и земля задрожала. Я услышал топот ног. Кусок цементной трубы вылетел из темноты, просвистел над нашими головами и впился в склон холма.

— Да это хрень какая-то, — сказал Карл, голос у него дрожал от какого-то маниакального отчаяния, чего я раньше от него не слышал.

Техасец шикнул на него.

Внезапно в яме стало тихо, как в склепе. Я слышал лишь дыхание моих людей, и больше ничего. По шее у меня катились капли пота. Я чувствовал исходящий от других жар. Зверь находился где-то рядом. Я был уверен в этом. Он играл с нами, пытался вогнать нас в состояние абсолютного страха, и это у него хорошо получалось. Решающий момент был не за

горами. Микки водила вокруг зажатым в дрожащей руке фонариком и выхватывала из темноты одни лишь кости, обломки тротуара, ржавеющий остов старой плиты. Внезапно воздух наполнился тошнотворным запахом тухлого мяса.

Зверь выскочил из темноты,

Мы открыли огонь, но это было все равно, что стрелять по призраку. Он то появлялся, то исчезал. Возникла паника, и мы просто бросились неистово карабкаться вверх по склону. Микки поднималась первой, Техасец — прямо за ней. Гремлин оттолкнул меня в сторону, а затем схватил Джени и отбросил ее назад. Она потеряла равновесия и прокатилась футов десять-пятнадцать вниз по холму.

— *Возьми ее!* — крикнул Гремлин. — *Возьми ее и оставь нас в покое! Она — та, кого ты хочешь!*

Я бросился за Джени, а Карл — за Гремлином. До меня донесся шум их борьбы, визги и крики. Я потянул Джени наверх и выстрелил во тьму, откуда раздавался рев зверя. Когда я повел Джени наверх, то увидел, что Карл прижал Гремлина к земле. Гремлин кричал и плакал, а Карл бил его по лицу. Когда я добрался до них, Карл рывком поставил Гремлина на ноги. Затем, схватив его за волосы и за куртку, поднял его и бросил. Гремлин пролетел по воздуху футов пять, упал на землю и покатился. Скатившись на самое дно, он закричал так, как мог кричать только сумасшедший.

Мы видели его в лунном свете.

А еще мы видели уродливую фигуру, стоящую над ним. Зверь почти без усилий поднял Гремлина, вскинул над головой и потряс, как жертву холодной луне. Тот извивался, плакал и кричал. Если б я не возненавидел тогда этого ублюдка, возможно, мне стало бы его жалко. Зверь бросил его на торчащую из земли металлическую плиту с зазубренными краями. Крик мгновенно оборвался с влажным хрустом.

Мы бросились вверх по холму и выскочили из ямы за рекордное время.

У нас за спиной раздавалось чавканье превращаемого в кашу Гремлина.

22

Через полчаса мы увидели мост. Он протянулся на полмили через реку Калумет и железнодорожные пути. Это было стальное сооружение с двумя высокими арками ближе к центру, провисшими и перекрученными, как после авиаудара. Возможно, так оно и было. Я подсчитал, что расстояние от моста до реки было добрых сто футов. Чем ближе мы подходили, тем больше видели повреждений. Покореженные перекладины, опаленные опорные столбы, разорванные и болтающиеся балки. Весь мост был завален обломками, разбитыми машинами и грузовиками, от полуприцепов до минивэнов. Казалось, будто они были пригнаны на мост, чтобы образовать что-то вроде баррикады. Многие из машин были обуглены.

Когда мы подошли к мосту, Джени спросила:

— Ты уверена, что эта штука надежная?

Микки кивнула.

— Да, надежная, хотя по внешнему виду не скажешь.

Не думаю, что ее слова кого-то убедили. Казалось, будто на мосту шел бой, причем, не очень давно. Мост представлялся мне чудовищным экзоскелетом какого-то гигантского насекомого, готового рухнуть в загрязненные глубины текущей под ним реки.

Я осветил фонариком на рану Техасца Слима, проверить, не разошлась ли она после

недавних событий, но все было в порядке. Поэтому мы двинулись дальше.

Микки шла первой. Казалось, она хорошо здесь ориентировалась, поскольку уверенно вела нас между сгоревших остовов машин, грузовиков и безмянных механизмов. По пути нам встречалось немало скелетов. Некоторые сгорели за рулем, другие валялись под ногами, обглоданные и расчлененные. Это было похоже на кладбище. Луч моего фонарика не раз выхватывал из темноты скелеты, изрешеченные пулями. И это лишь подкрепило мою уверенность, что здесь прошел бой, либо, как минимум, дюжина небольших стычек. Несколько грузовиков пробили ограждение и повисли на краю, направив носы в мглистую черноту. Над рекой медленно плыл серовато-зеленый туман, консистенцией напоминающий эктоплазму. Время от времени он расступался и под ним было видно обломки автомобилей, торчащих из мутной, зловонной воды.

Микки повела нас дальше, петляя между обломков. Через пять минут мы с Карлом закурили, чтобы успокоить нервы.

— Ты понимаешь, что она может завести нас в ловушку? — прошептал он мне, давая мне прикурить.

Конечно, мне в голову приходила эта мысль.

Такая стройная, привлекательная женщина. С какой легкостью у нее получилось бы приманивать мужчин и использовать их бушующие гормоны и желание защищать женщин — особенно сексуальных — против них же. Но я не сильно в ней сомневался. Насчет нее у меня были нормальные ощущения. Возможно, ее мотивы являлись не совсем альтруистичными, хотя с другой стороны, а у кого они были иными? Она не вызывала у меня недобрых чувств, как Гремлин, после того, как присоединился к нам. И дело, наверное, не в моем шестом чувстве, а в интуиции, которой одарила меня Тень.

Мы двинулись дальше.

Мост плавно поднимался, затем под арками выравнивался и примерно на расстоянии двух городских кварталов шел прямо, после чего так же плавно опускался вниз, к противоположному берегу. Чем ближе мы подходили к аркам, тем больше разбитых машин я видел. Весь мост казался одной сплошной свалкой. Это заставило меня занервничать. Со всем этим валяющимся вокруг металлоломом мы могли в любой момент попасть в засаду. При дневном свете это было бы сложно, но ночью... смерть поджидала повсюду.

Поэтому, когда Джени остановилась и сказала: "По-моему, там что-то есть", — я не очень удивился. Возможно, я тоже ощущал это какое-то время, убеждая себя, что это всего лишь шок, посттравматический стресс от встречи со зверем. Но когда я остановился, то тоже это почувствовал.

Карл и Техасец Слим огляделись, затем посмотрели друг на друга. Слова Джени их не убедили.

— Я ничего не вижу, — сказал я. — Может, это у тебя от страха.

— Конечно, — сказал Техасец Слим.

— Вовсе нет, — возразила Джени.

Микки обхватила себя руками, она выглядела обеспокоенной.

— Джени права, Нэш. Я тоже это чувствую. На меня будто смотрит сотня глаз.

К тому моменту я уже научился доверять интуиции Микки. У Джени она тоже была хорошо развита, но у Микки это было практически шестое чувство. Я решил немного подождать. Мы поднялись вдоль арок, обошли автозаправщик, поглядывая на полосу моста, оставшуюся у нас за спиной. Луна покинула нас. Скрылась за облаками. Внутри у меня все

горело от напряжения. Я ждал, когда снова выглянет луна. Без нее все эти машины, растянувшиеся там, внизу, были просто нагромождениями теней.

— Давайте двигать, — сказал Карл.

— Подожди, — сказал я. — Еще пару минут.

"Еще пара минут" превратились в пять, а потом в десять, прежде чем луна вышла из-за облаков и осветила мост. Я увидел разбитые автомобили, но еще и другие фигуры между них. Мне показалось, что одна из них шевельнулась.

Я протянул Карлу винтовку.

— Видишь тот минивэн с помятым боком? Рядом с "Лэнд Ровером"? Справа есть посторонняя тень. Попробуй попасть в нее.

Карл был более, чем счастлив. Он отошел от нас в сторону, положил винтовку на крышу "Мазды", прицелился и выстрелил. Выстрел прогремел, эхом разнесшись над безмолвной рекой. Но через какую-то долю секунды я услышал, как кто-то вскрикнул.

— Черт, — ругнулся Техасец.

Внизу зашевелилось множество теней, закопошилось, словно черви в аппетитном трупе сбитого на дороге животного. И не было никаких сомнений в том, кем или чем они являлись. Это были Тесаки. И они приближались.

Мы все рассредоточились и приготовились к бою. Тесаки продвигались вверх через завалы, и мне оставалось лишь гадать, как долго они охотились на нас. В лунном свете я видел их противогазы, блеск окуляров. Они уже не пытались действовать скрытно. Они кричали и визжали, и этот боевой клич мне был хорошо известен. Мне показалось, что у подножия моста собрались сотни Тесаков. Возможно, их было не так много, но более, чем достаточно, чтобы одолеть нас, пусть даже вооруженных.

Я приказал остальным не открывать огонь, пока Тесаки не подойдут вплотную.

Карл же палил в них без разбора, пытаясь убить хоть сколько-то, но в основном стараясь оттеснить их. Мой план состоял в том, чтобы Карл сдерживал их натиск, пока я уведу остальных прочь. Возможно, это сработает... но у нас не было никакой возможности это узнать.

— Они уже здесь! — закричала Микки. — Они здесь!

Так оно и было. Примерно дюжина Тесаков набросилась на нас, вероятно, проползя на животах среди разбитых машин. Они подобрались почти вплотную, и лишь потом выскочили, размахивая пиками, топорами и шипастыми дубинками. В ближнем бою это дерьмо из Каменного века было смертельно опасным.

Они ринулись на нас.

В ответ мы открыли бешенный огонь, паля в них, над головами, во все стороны. Мы отбивались с маниакальной яростью, а наш огонь был таким плотным, что они не могли подойти ближе, чем на десять футов. Один раненный попытался уползти прочь. А другой, несмотря на как минимум шесть дымящихся пулевых пробоин, подполз к нам, и Техасец прикончил его выстрелом в голову.

— Следующую волну мы не остановим, — сказал Карл.

И я знал, что он прав. Я видел, как Тесаки наступают на нас. Они скользили среди машин и грузовиков, низко пригнувшись, поэтому мы не могли как следует прицелиться. Их было, наверное, человек тридцать-сорок. А за ними, как минимум, в три раза больше.

— Нам нужно уходить, — сказал я остальным.

Но у Техасца Слива были другие идеи.

— Нам нужно то, что склонит ситуацию в нашу сторону. Что-то вроде домашнего барбекю, если ты понимаешь, о чем я. — Он смотрел на стоящий позади нас автозаправщик и улыбался. — Вот это... если ты понимаешь, о чем я.

— Карл? — позвал я. В свое время он зарабатывал на жизнь водителем грузовика.

Автозаправщик заглох, или был остановлен, как только достиг первой арки. А значит, задняя его часть стояла не ровно, а под углом, на наклонном отрезке моста. Наклон был небольшим, градусов двенадцать, максимум. И этот отрезок простирался до арок, после чего шла идеально ровная часть. Я меня возникла безумная идея отпустить автозаправщик с тормоза... но тогда он прокатится всего двадцать футов, после чего врежется в другие машины.

Нам нужно было лучшее решение, и у Карла оно было.

23

— В задней части бака есть выпускной клапан, — сказал он. — Там, куда подсоединяют шланг для откачки. Вручную. Строго самотеком.

Пока я с девушками, сжимая вспотевшими руками оружие, наблюдал, как Тесаки пробираются к нам, Карл и Техасец принялись за работу. Я не смотрел, что они делают. Слышал, как открылись двери кабины и хлопнули пару раз. Слышал, как Карл и Техасец спорят. Слышал звон упавшего разводного ключа. Казалось, я не мог оторвать взгляд от того, что было внизу: от Тесаков. Я гадал, сколько их еще в Гэри. Зрелище было не только ужасающим, но и удивительным. Они были буквально повсюду — крались среди автомобилей, карабкались по крышам машин, действуя массированно, как рой шершней. Их было так много, что выбирать цель было совершенно нелепо. Это напомнило мне случай из детства, когда я наступил на муравейник, и муравьи, черные и голодные, буквально хлынули наружу.

Так же много было и Тесаков.

Микки стояла рядом со мной, ее всю трясло.

— Давай же, Нэш... Господи Иисусе, нужно убираться отсюда!

Джени не проронила ни слова. О, она было тоже напугана, но ничего не говорила. Просто ждала, когда смерть надвигалась на нас, либо с абсолютной верой в то, что делают парни, либо уже смерившись с концом. С ней никогда нельзя было быть в чем-то уверенным.

Я почувствовал запах бензина.

— Ладно, — сказал Техасец, похлопав меня по плечу. — Нужно отступать. Только очень быстро...

Я отпустил его с девушками, а сам встал в стороне. Карл посмотрел на меня. Из выпускного клапана капал бензин. Запах был очень резким и едким. Я показал ему два больших пальца, и он открыл клапан. Бензин не просто полился, он брызнул. Хлынул под высоким давлением, выстрелив вперед на добрые пять футов. Сила потока была такой что он смыл трупы Тесаков, подхватил их и отбросил под машины. От запаха бензина у меня закружилась голова.

— Уходим, — сказал Карл.

Мы стали отступать. Я сказал остальным не останавливаться, пока они не окажутся у другого конца моста. Им это не понравилось, но это было необходимо. Я не знал, что случится, когда Карл выстрелит в образовавшуюся реку бензина. Его план был довольно прост. Он выстрелит в бензин. Мост был металлическим. Пуля из моей винтовки вызовет при попадании несколько искр, а это все, что требовалось. Бензин должен загореться, как и

автозаправщик. И когда это произойдет, на мосту будет сущий ад.

Мы с Карлом взобрались на крышу грузовика, груженого бревнами. Оттуда хорошо было видно автозаправщик и бензиновый поток, текущий среди машин. Тесаки остановились, когда бензин достиг их, некоторые были сразу сбиты с ног, другие падали, увлекаемые потоком. Кто-то стал отступать. Кто-то бросился вперед. Большинство пребывали в замешательстве, вертелись вокруг, гадая, что это все могло значить.

Между тем, топливо из цистерны лилось уже более пяти минут.

Оно затопляло нижнюю часть моста, и я видел бурлящее озеро возле подъема с дороги. Карл поднял винтовку. Лицо у него блестело от пота. Он прицелился и выстрелил. Ничего не произошло. Ругнувшись, он прицелился чуть ниже, прямо в поток бензина между двух машин. Нажал на спусковой крючок. Раздался выстрел, и на этот раз, когда пуля попала в стальную обшивку, посыпались искры. В следующее мгновение стена огня устремилась к автозаправщику, сметая на своем пути легионы Тесаков. Они кричали и метались вокруг, охваченные пламенем. Но спасения не было.

Мы спрыгнули с крыши кабины и бросились бежать. Мы преодолели, наверное, футов двадцать, когда вдруг стало светло, как днем, и взрывная волна сбила нас с ног. За спиной у нас царил абсолютный ад. От взрыва автозаправщик подлетел примерно на сорок футов вверх, а затем рухнул вниз и пылающей массой пронесся до самой дальней арки, затопляя все вокруг слепящим пламенем. Два огненных шара размером с двухэтажные дома вырвались в небо. Горячая волна ударила в нас с Карлом, опалив нам брови. Я решил, что с Тесаками покончено, потому что никто не мог выжить в этой огненной буре. От первой арки моста до дороги стояла сплошная стена огня, поднимающаяся вверх на двадцать футов. Я видел, как горящие Тесаки прыгают с моста. Слышал доносящиеся из огненного ада предсмертные крики.

Мы находились довольно далеко, но жар был такой, как возле открытой духовки. Мы вскочили на ноги и, задыхаясь, бросились бежать. Воздух был полон дыма и испарений, и дышать было тяжело, будто взрыв высосал из воздуха весь кислород.

Когда мы догнали остальных, то не могли стоять и повалились на колени. Нас подняли на ноги и повели прочь от моста.

Лежа на травянистом берегу, я смотрел на пылающий мост. Он горел так ярко, что его было видно на многие мили, как, наверное, Дрезден после бомбежки. Пока мы сидели, наблюдая за этой пиротехникой, начали один за другим взрываться все машины и грузовики. Это огонь добрался до их бензобаков. Я увидел, как в небо горячей ракетой выстрелила цистерна с пропаном, после чего рухнула в реку, и по поверхности воды разлилась гигантская огненная лужа. Она достигла дальнего берега, охватив пламенем траву и деревья.

Это было то еще шоу.

24

Я проснулся от звука автомобильного сигнала. Он вырвал меня из какого-то безумного, галлюциногенного сна про Медузу. Я подскочил, едва не двинув Техасца локтем в лицо. Я не понимал, где я нахожусь, и что происходит.

— Все хорошо, — попыталась успокоить меня Джени.

— Наверное, интересный был сон, — сказал Техасец Слим.

Я протер заспанные глаза. И постепенно все вспомнил. Немного расслабившись, я откинулся на сиденье джипа. Мы нашли джип в гараже, как и сказала Микки. Это был

хорошем автомобиль. В отличном состоянии. С рабочим аккумулятором. И полным баком бензина. Ночью мы покинули Гэри, пересекли границу штата Иллинойс и, двигаясь на юг от Чикаго, выехали на шоссе 80. И это был наш билет на запад. Автострада была забита машинами, грузовиками и перевернутыми автобусами. Мы ползли по нему целый день, и теперь снова была ночь.

За рулем сидела Микки. На пассажирском сидении храпел Карл.

— Где мы? — спросил я.

— Судя по указателям мы возле какой-то дыры под названием Ютика, — сказала мне Микки. — Последние миль двадцать дорога была свободной. Сколько еще нам ехать?

Хороший вопрос. Я знал лишь, что мы должны были попасть в Де-Мойн. Так сказала мне Тень. Опять же, возможно, мне померешилось. Хотя я так не думал, поскольку желанием попасть в Де-Мойн как можно быстрее было непреодолимым. Это было сложно объяснить. Но когда тот голос шептал у меня в голове — и я, если честно, не был уверен, что это был действительно голос — и указывал мне правильное направление, попасть туда становилось одержимостью. Почти физической потребностью. Как попасть в туалет, когда мочевого пузырь готов лопнуть, если вы понимаете, о чем я.

— Зачем ты сигналила? — спросил я.

— Твоей подружке показалось, что нас атакует гигантская птица, — сказала Джени.

— Я не говорила, что это птица, — ответила ей Микки, проявив, как мне показалось, недюжую выдержку. — Что-то налетело на нас. Что-то большое и темное. Оно накинuloсь сверху, поэтому я предположила, что у него есть крылья.

— По-моему, хорошее предположение, — сказал Техасец Слим. — Автомобильный сигнал — известное средство для отпугивания гигантских птиц.

Я посмотрел в окно на проносящийся мимо залитый лунным светом ландшафт. В небе висел туман или дым, будто рядом что-то горело. Я видел розовые, почти светящиеся полосы света. Я не знал, что это, и что могло их вызвать. А потом я увидел луну. Она была полной. При виде ее у меня внутри все пересохло. Полная луна и никакой жертвы для большого злого брата Тени. Выбор, который придется сделать в любом случае и любым способом. От одной мысли об этом все мое нутро наполнялось ядом. Я увидел, как лунный лик пересекла стая крылатых существ. Они походили на гигантских летучих мышей, хотя это, возможно, были ведьмы на метлах. Меня уже ничто не удивило бы. Микки определенно ничего этого не видела.

— Рано или поздно нам придется где-то остановиться, — сказала сидящая рядом со мной Джени. — Людям нужно отдохнуть, Нэш.

Конечно, отдых. Как и пища. Те вещи, в которых время от времени нуждается человеческий организм. Джени была далеко не глупой. Она понимала, что это — ночь луны, и знала, что это значит. У меня было чувство, что она питала тайную радость, что мне нечего приносить в жертву. Что чувства, которые я питаю к остальным, не позволят мне выбрать кого-то из них. Именно этого она хотела. Послать большого брата Тень на хрен. Больше никаких бесплатных обедов. Больше никаких жертвоприношений. Мы лучше этого. Мы больше не будем опускаться до такого бесчеловечного, варварского дела, как принесение себе подобных в жертву какому-то злобному ужасу из бездны.

Но Джени, как я уже говорил, была не только милой и доброй, но еще и наивной.

Тень придет.

И мне придется сделать выбор.

Мы ехали еще час. За это время видели лишь несколько разбитых машин, и больше никаких гигантских птиц и чего-то в этом роде. Если не считать стаю волков или койотов, перебежавших перед нами дорогу. Нам пришлось сбавить скорость, чтобы не сбить их. Проходя мимо, они не сводили с нас глаз. Те светились в темноте зеленым светом.

Наконец, Микки сказала:

— Там есть съезд на Ютику. Что-то вроде места для кемпинга, Нэш.

— И что? — спросила Джени.

— Думаешь, там можно будет переночевать?

Я кивнул.

— Да, наверное.

— Тогда вези нас туда.

Джени буквально кипела от ярости, но у меня не было времени успокаивать ее эго. Она чувствовала серьезную угрозу со стороны Микки. Я понимал ее. И сочувствовал. К сожалению, интуиция у Микки была настолько развита, что была почти пророческой. Я был бы дураком, если б не воспользовался таким инструментом для нашей защиты.

Место было вымершим. Ни горящих костров. Ни автомобилей. Большинство участков заросло травой. По близости находилось множество скалистых образований и большая река. Я решил, что в свое время это было довольно милое место, идеальное для желающих сбежать на уикенд из Чикаго. Микки подыскала нам "пяточок" на холме, откуда было видно большую часть парка, и мы расположились там. На соседней станции рейнджеров мы нашли немного дров и развели костер. Он был очень кстати. Не хватало только пастилы и хот-догов.

Как бы не так.

Мы перекусили равиоли "Шеф Боярди" и консервированными мандаринами. Но на улице у костра это была невероятная вкуснотища. Никто не разговаривал. Все устали. Последние пара дней прошли почти без сна. Карл просто смотрел на огонь. Техасец Слим не потчевал нас своими жестокими историями. Джени не сводила глаз с Микки, а та — с меня. Я тем временем смотрел на луну, а она смотрела на меня.

Я чувствовал, что Тень где-то там. Словно некая зловещая темная звезда, вращалась вокруг нас, с каждым кругом приближаясь все ближе. Я сидел и непрерывно курил. Я понятия не имел, что буду делать. Это была ночь полнолуния. Имелась вероятность того, что Тень подождет до завтра, прежде чем проявит себя, но никаких гарантии не было.

— Что будешь делать, Рик? — спросила Джени, словно читая мои мысли.

— С чем?

— Ты знаешь, с чем.

Все смотрели на меня. Микки особенно внимательно. Тогда я понял, что Техасец Слим и Карл рассказали ей все. Ну и пусть. Теперь она знала. Мы все знали. И все понимали. Мы были, словно заговорщики, связанные одной тайной.

— Нэш, — позвал Карл.

Я посмотрел на него.

Он вскинул свой автомат.

— Там кто-то есть. В тех деревьях.

— Он прав, — сказала Микки.

— Если это плохие парни, они бы уже напали, — сказал я. — Давайте предположим, что они дружелюбные. И что им нужна компания.

Мы стали ждать. Вокруг жужжали насекомые, вдали печально выл койот. Я слышал, как

где-то неподалеку бродит наш друг. Карл украдкой отошел от костра к джипу и занял позицию для стрельбы. Остальные остались на месте.

Я услышал, как треснула ветка, увидел, как за дерево скользнула черная тень.

— Эй, ты там, — позвал я. — Выходи. Мы — друзья. У нас есть еда и кофе. Так что, добро пожаловать!

Тишина.

Затем тень вышла из-за дерева, и как-то застенчиво двинулась на огонь. Это была женщина, лет сорока, оборванная и грязная, как бомж. Интересно, кем она была до того, как упали бомбы?

— Чем богаты, тем и рады, — сказал я.

Она подошла ближе.

Микки отлично понимала, что я делаю. И улыбалась мне в свете костра.

25

Женщина с удовольствием приняла угощение в виде кофе и нашей скудной пищи. Она ела руками, как животное, при этом с опаской поглядывая на нас, будто мы могли отнять у нее еду. Когда я уже решил, что она глухонемая, женщина вдруг сказала:

— Ронни подхватил чуму, а потом какую-то страшную лихорадку. Из глаз у него пошла кровь. Буквально брызнула. По-моему, он выблевал часть своих внутренностей. Было очень похоже. — Она покачала головой, очень спокойно, будто истинный ужас ситуации уже рассеялся. — Ронни не хотел, чтобы его сожгли. Он всегда говорил: "Мэрилин, не давай им сжигать меня" Но у меня не было выбора. Так сказали военные. Мы предали его огню. Они заставили нас предать его огню вместе с остальными. Они сожгли его. Тысячи тел горели в яме. Запах чувствовался даже в Белуэте. Это было ужасно.

— Откуда ты, Мэрилин? — спросила ее Джени.

— Из Джейнсвилла, шт. Висконсин. Прожила там всю жизнь. Военные стали зачищать нас квартал за кварталом. Поместили нас в лагерь. Вроде тех, которые были в Германии во время Второй мировой. В таких держали евреев. Мы жили в маленьких лачугах. За колючей проволокой. Не могли выходить за периметр. Нам не позволяли, — сказала она нам, в глазах у нее отражался свет от костра. — Многие из нас сопротивлялись. Не хотели уходить. Шейла Рид тоже сопротивлялась. Она прятала тело своего мужа. Шейла была менеджером в "Райт Эйд". Начинала кассиром, но, как говорят, отсасывала каждый день своему боссу в подсобке, и он повысил ее до менеджера. Она была чокнутой. Прятала труп. Когда пришли военные, она открыла по ним огонь. Они застрелили ее. Выбросили на улицу и оставили там. — Мэрилин посмотрела на нас так, будто видела впервые. — Куда вы едете на этом джипе?

— На запад, — ответил ей Карл.

Глаза у нее расширились и засветились. — На запад, говорите? Слышала, много людей едет на запад. Странно. А куда именно на запад?

— В Де-Мойн.

— Это ужасное место. Была там пару месяцев назад. Ни за что не вернусь.

— А что там такого, дорогуша? — спросил ее Техасец Слим.

— А вы не слышали? Одна половина города сожжена, другая лежит в руинах. Его бомбили с самолетов, чтобы зачистить от ополченцев. Сейчас там только крысы, трупы, огромные воронки от бомб и разрушенные дома. Я была там. И знаю. Да, знаю. Кости повсюду. Много машин со скелетами внутри. Больше ничего.

— Людей там нет? — спросила Микки.

Мэрилин принялась слизывать с пальцев томатный сок.

— О, конечно есть люди. Только одичавшие. Бегают в шкурах животных или голыми. Они все безумные. Все бешенные. Вы не захотите пойти туда среди бела дня, а ночью — тем более. Не суйтесь туда после захода солнца. Потому что тогда вылезает всякая нечисть.

Но именно туда мы и направлялись. Не знаю, почему, но эта тяга была очень сильной, и я не собирался игнорировать ее. Я продолжал наблюдать за нашей гостьей. Я не стал разговаривать с ней. Иначе почувствовал бы с ней связь, а я не хотел этого. Мне пришлось смотреть на нее, как фермер смотрит на свинью, которую собирается зарезать. А шло именно к этому.

Чувствовал я себя дерьмово. Эта женщина... Мэрилин... была грязной, дурно пахнущей, и возможно, безумной. Но она была безвредной. И очень жалкой. Да, мне было жаль ее, хотя я знал, что мне нельзя ее жалеть. И вина за то, что грядет, разъедала меня изнутри. Карл и Микки продолжали наблюдать за мной, явно забавляясь происходящим. Техасец Слим наоборот прятал глаза. Я старался не смотреть на Джени, потому что знал, что сейчас у нее в глазах, и не хотел это видеть.

— Куда ты направляешься? — спросила ее Джени.

Мэрилин задумалась, облизывая рану на большом пальце.

— У меня есть сестра в Стриторе. Слышала, что она жива. Пойду ее искать. Может, буду жить у нее. Может, вместе мы сможем как-то перебиться. Это все, чего я хочу.

Я отвел от нее взгляд.

— Что ж, надеюсь, ты доберешься до Стритора. И очень надеюсь, что ничто не встанет у тебя на пути.

Конечно, это было адресовано мне.

— Ага, — сказал Техасец Слим. — Будет хреново, если что-то помешает тебе добраться до сестры.

Карл хихикнул.

Джени сердито посмотрела на него. А я — на Джени. То, что должно произойти, делалось ради нашего всеобщего блага. Но кто сможет заставить ее слезть со своей трибуны и осознать это? Микки же была совершенно другой женщиной. Она реально смотрела на вещи, и знала, что такими, как прежде, они уже никогда не будут. Не говорю, что она была лучше — нет, конечно — но она была больше похожа на остальных. хладнокровная, отчаянная, готовая делать все что, нужно для того, чтобы дожить до следующего дня.

— Тогда тебе, наверное, пора идти, — сказала Джени, начиная нервничать. Она понимала, что не сможет вызвать у меня чувство вины.

— А я надеялась, что переночую у костра, — сказала женщина.

— Ну, конечно, дорогая, — сказал ей Техасец Слим. — Наш костер — твой костер.

Карл снова хихикнул.

— Нэщ, — сказала Джени, ее голос звучал умоляюще. — Рик...

— Почему бы тебе не прогуляться? — сказал я ей, начиная терять терпение из-за этого "поллианского" дерьма. — Техасец сходит с тобой.

— Отвалите от меня на хрен, — сказала Джени. — Все вы.

И потопала в темноту. Мне это не понравилось, потому что в одиночку гулять было небезопасно.

Вдали, на горизонте, там, где должен был быть Чикаго, виднелось слабое зеленоватое свечение. Над городом, словно электрические поля, пульсировали бледно-голубые огни. И

время от времени вспыхивали ярко-оранжевые молнии. Я даже представить себе не мог, какой ад творился в зоне эпицентра.

— Ладно, Карл, — наконец, сказал я. — Давай уже сделаем это.

Мэрилин посмотрела на меня своими простодушными глазами. Никогда не забуду ее взгляд, будто она понимала, будто чувствовала, какой ужас надвигается. Одно человеческое существо, пытающееся установить связь с другим, молящее о пощаде, сострадании и понимании. Вместо всего этого она получила от Карла ударом приклада по голове. Закрыв глаза, она повалилась вперед.

Десять минут спустя мы привязали ее к ограде с помощью проволоки, которую нашли в дровах.

Затем Карл и Техасец Слим отступили подальше. Они знали, что грядет.

Я просто стоял на месте, по лицу у меня катился пот. Самоотвращение и ненависть заполняли меня. Ненависть к тому, кем я был и к тому, чем позволил себе стать. А еще чувство вины. О, боже, вины за все это. А когда-то я был обычным парнем, который и мухи не обидел.

Микки стояла рядом со мной. Ее глаза были огромными, темными и влажными. Она тяжело дышала, ее тело было напряжено от возбуждения. Она явно ловила со всего этого кайф. Я чувствовал исходящий от нее жар, а мускусный запах вызвал у меня эрекцию. Как бы не безумно это звучало, но все, чего я хотел, это бросить ее на землю и оттрахать до полусмерти.

Как причудливо все-таки работает человеческий разум.

— Давай, Нэш, — прошептала она мне на ухо. — Вызови Тень.

Так я и сделал.

26

Она приближалась

Тень приближалась.

Проявлялась, выжигая эфир.

Разрывая ткань этого мира.

Я призвал ее, и она приближалась. Я разу же почувствовал, что воздух вокруг меня меняется... трескается... закручивается, будто атомы приходят в новый порядок, или, наоборот, теряют его, выворачиваясь наизнанку. Воздух стал тяжелым. Тяжелым и каким-то гудящим. Я не мог двигаться. Зияющее, пульсирующее электромагнитное поле охватило меня, раздавило, поставило на колени у алтаря моего бога.

Искушение.

Жертва.

Огненная жертва.

Я пытался забыть, что у женщины, привязанной к ограде, было имя. И отвернул от нее лицо. Воздух был заряжен статическим электричеством. Женщина стонала, билась и кричала. Но я не слышал ее. Отказывался ее слышать. Вокруг было лишь гудение и треск. Сильный, пронзительный запах озона. А затем жара. Испепеляющая жара живой термоядерной печи, принимающей физическую форму.

Голодная.

Жаждающая.

Жара... ослепительная энергия... гудение миллиона, миллиарда ос... дисковые пилы,

вгрызающиеся в сталь... визжание... жужжание... мир, вопящий так, будто его потрошили на субатомном уровне. А затем женщина — Мэрилин, господи, да, Мэрилин — закричала. Это был единственный короткий крик, длившийся считанные секунды.

Тень забрала ее, поглотила.

Я не стал смотреть.

В отличие от Микки. Вы бы даже силой не заставили ее отвести взгляд. Она смотрела на происходящее с восторженным, почти эротичным изумлением.

Мэрилин...

Я слышал, как она плавится, потрескивая, как горящий целлофан. А затем все кончилось, и мир снова стал прежним. Я открыл глаза. Заставил себя смотреть, как заставлял себя смотреть каждый месяц в ночь полнолуния.

Мэрилин превратилась в почерневшее, еще дымящееся пугало.

В воздухе висела пелена жирного черного дыма.

Огненная жертва.

Она была расплавлена, превращена в спеченный комок из кости, мяса и мозгового вещества. Пузырящаяся черная слизь, дымясь и потрескивая, стекала с ограды в лужу сверхгорячих радиоактивных отходов. Там, где лужа касалась сухой травы, разгорался огонь.

В воздухе по-прежнему висел запах горелого мяса.

Меня вырвало.

Позднее, все еще ощущая присутствие Тени и осознавая свою принадлежность ей, я посмотрел на ночное небо, на висящий там бледный череп луны.

Я раскрыл рот.

И закричал.

ДЕ-МОЙН, ШТ. АЙОВА 1

Вы спросите, нравится ли мне это?

Кайфую ли я, принося жертвы тому чудовищу?

Нет, это не так. Чувство вины пропитало меня, как инфекция, разъедало меня изнутри. Мои сны были потными, тревожными, чертовски уродливыми, если хотите знать правду... Люди, выстроившиеся в ряд. Знакомые и незнакомые. Люди, которыми я восхищался и которых даже любил. Все ждали моего решения, кому жить, а кому умирать. Я просыпался, видя их глаза, осуждающие и ненавидящие. Я чувствовал себя охранником из Биркенау или Треблинки, решающим, кому отправляться в газовую камеру, а кому нет. Думаете, легко жить с этим? Думаете, это не гложет меня? Невозможно делать то, что я делал, и не потерять частицу себя. И после всего того, что я делал в течение года, я уже не мог вспомнить, каким человеком я был раньше.

Но я делал это не один.

А с моим отрядом. Это была наша общая вина. Мы были как солдаты, выполняющие очень страшную работу... просто мы почти не говорили об этом. Так было проще. На моей совести было множество могил. Множество призраков пытались выбраться из них, и мне приходилось сдерживать их. Любым способом.

2

Город был настоящей выгребной ямой со стоячей водой, щебнем и непогребенными телами. Казалось, будто здесь шла мать всех битв. Возможно, так оно и есть. Здания были

разрушены и почернели, как уголь. Деревья стояли, словно одинокие мачты, полностью лишённые ветвей. Небоскребы превратились в груды шлака. Птицы не пели. Ничто не росло. Ничто не двигалось. Легкий ветерок доносил лишь смрад старой смерти, едкий, всепроникающий и коварный. Так, наверное, пахло в могиле.

— Это место мертво, — сказал Карл. — Абсолютно мертво. Чувствуете?

Я тоже чувствовал, но ничего не сказал. Как и все остальные. Да, они чувствовали, и им это не нравилось. Тишина в джипе была тяжелой, почти сокрушающей. Все ждали, когда я скажу, почему мы здесь, или, хотя бы, укажу им верное направление. Но я сам не имел ни малейшего понятия. Мы приехали в Де-Мойн, как и в любой другой город, безо всякой на то причины. Только потому, что я так сказал. Я сомневался, что для моих людей этого было достаточно. Для меня уж точно нет.

Когда мы въезжали в город по 94-ому шоссе, я думал о Мэрилин. О ней я хотел думать меньше всего. Но я не мог забыть то, что она сказала.

Там сейчас только крысы, трупы, огромные воронки от бомб и разрушенные дома.

Как же она была права. Но здесь было кое-что еще, нечто важное. И я чувствовал это нутром.

Город лежал вокруг нас словно разложившийся, эксгумированный труп. Целые районы были разбомблены подчистую, в то время как другие оставались относительно нетронутыми. Это было странно, но даже те, которые остались стоять, производили жуткое ощущение заброшенности. Безмолвные и одинокие, они возвышались, словно монолиты над могилой человечества. Стены у некоторых зданий были полностью снесены взрывом, и внутри было видно крошечные кабинки... офисы, апартаменты, как у кукольного домика в поперечном сечении. От многих остались лишь перекрученные и покореженные скелеты из балок, готовые рухнуть в любой момент. А некоторые были отмечены лишь одиноко стоящей трубой или фасадом. Дороги были часто пересечены неровными трещинами, как после землетрясения. Из тротуара, словно кости при сложном переломе, торчали канализационные трубы.

Маневрировать в таких условиях было нелегко.

Целые магистрали были заблокированы горами щебня или крупными обломками, либо провалились в канализацию. Я видел огромные воронки от бомб, о которых говорила Мэрилин. Они были рассыпаны по ландшафту, словно кратеры на темной стороне луны. В них стояли смрадные лужи, в которых плавали листья и мусор. Иногда встречался наполовину торчащий из воды ржавый остов внедорожника. Другие улицы были перегорожены автобусами, грузовиками, перевернутыми машинами и сгоревшими военными джипами.

Повсюду виднелись кости. Россыпями валялись на улицах, гнили в склизких канавах. Некоторые были все еще облачены в лохмотья, лежали кучами под навесами зданий либо сидели в машинах, изрешеченных пулевыми отверстиями.

Карл играл со счетчиком Гейгера.

— Радиация немного повышенная... где-то пятьдесят. Не очень опасно. Пока.

Мы миновали какой-то собор, который теперь был лишь нагромождением камней, растянувшимся почти на квартал. Остался стоять лишь сильно накренившийся шпиль. В жилых районах дома были либо превращены в щепки, либо почернели от давным-давно бушевавших пожаров.

— Да, — сказал Техасец, затягиваясь сигаретой, — милый городок. Напоминает Берлин

в 45-ом. Но несмотря на его живописный вид, я за то, чтобы ехать дальше. Меня что-то щекочет под яйцами, и я уверен, что это не средний палец Карла.

— Поцелуй меня в задницу, — сказал Карл.

Я хихикнул... и мой смех прозвучал как-то пронзительно, нервно, и даже истерично. Я не смог сдержаться. Было здесь что-то очень неправильное. Де-Мойн походил на кладбище, и это сравнение было уместно... и все же я знал, что в тех взорванных руинах есть жизнь. Я чувствовал, как кто-то наблюдает за нами.

— Он прав, — сказала Микки. — Там что-то есть. — Я чувствую.

— Зачем мы здесь, Нэш? Что мы здесь ищем? — поинтересовался Карл.

Но я лишь покачал головой.

— Пойму, когда увижу. Едем дальше.

Джени сидела рядом со мной, но она не проронила ни слова с тех пор, как я отдал Мэрилин Тени. Я любил Джени. Я никогда не стал бы притворяться. Но я уже начинал уставать от ее капризов. Думаю, как и все остальные. Дело в том, что она уже становилась заложницей своих высоких моральных принципов. А было время, когда мы делали то, что должны, и она осуждала нас, но не пыталась остановить. Теперь же продолжала пребывать в депрессии и отказывалась даже говорить с нами. Было в этом что-то инфантильное. Она вела себя, как капризный пятилетний ребенок. Я не намерен был это терпеть, и уверен, другие тоже.

— Нужно найти где-нибудь бензин, Нэш, — сказала Микки. — У нас осталась примерно четверть бака... надолго не хватит.

В "дивном новом мире" топливо никогда не было проблемой. Если есть машина на ходу, вокруг было бесчисленного количества мертвых автомобилей, из которых можно было легко слить бензин. Карл всегда носил с собой маленький сифонный насос.

— Хорошо, давайте сделаем это. Найдем парковку или автосалон.

Микки повела джип дальше, петляя по разрушенным войной улицам. Она была хорошим водителем, ловко объезжала груды щебня и протискивалась между разбитых машин. Я наблюдал за царящим вокруг запустением, высматривая хоть какое-то движение, и ничего не видел. Даже бродячей собаки, пьющей из лужи. Уличные указатели отсутствовали, светофоры лежали на земле. Телефонные столбы были повалены, а оставшиеся стоять были сильно наклонены, провода висели, словно размокшие спагетти.

— Вот оно, — сказала Микки.

Она заехала на парковку перед большим белым зданием, простирившимся почти на квартал. Огромная надпись из синего пластика гласила: "ШЕВРОЛЕ, ХАММЕР" Здесь был полно машин, многие из которых были поврежденными, либо ржавыми, со снятыми колесами и разбитыми окнам. Но некоторые казались нетронутыми.

Мы высыпали из джипа.

3

Внутри дилерского центра было пыльно и грязно. Офисы разграблены, компьютеры разбиты, шкафы перевернуты, их содержимое разбросано вокруг. Пол под ногами был устлан бумагами и дилерскими брошюрами. Стекла в окнах были либо разбиты и полностью отсутствовали, либо были такими пыльными, что сквозь них ничего не было видно. В помещениях царил полумрак, повсюду лежали тени. Идеальное место для засады, и, по моему, все это понимали.

Мы спустились в гаражи и собрали с дюжину пятигалонных пластиковых канистр

бензина. У Карла был сифон, поэтому можно было отпирать дальше. Микки шла рядом. Карл с Техасцем тоже. Но Джени я не видел. Черт, — подумал я. Нас же всего пятеро, а не сто человек. И все-таки она умудрилась ускользнуть у меня из-под носа.

Наверняка неслучайно.

Мастерские были огромными. Там можно было разместить два десятка машин, и хватило бы места для пары грузовиков. Добавьте к этому металлические клетки с автодеталями, пыльные ящики для инструментов, машины, стоящие на мертвых гидроподъемниках. Джени могла быть где угодно.

Натуральный ребенок, как я и думал. Она так хохотала и лелеяла тараканов у себя в голове, так, что они разрослись до размеров чудовищных насекомых из дешевых фильмов ужасов. Здорово, правда? Гребаная принцесса школьного бала, королева всех болельщиц, голубоглазая блондинка нордических кровей разозлилась на отсутствие у тебя сочувствия ко всяким засранцам и бродягам. И просто куда-то свалила, подвергнув всю группу опасности.

Возможно, осталась дуться в выставочном павильоне.

А возможно, решила погулять.

В этом случае кому-то придется пойти ее искать среди руин, и этот кто-то будет рисковать жизнью.

Я был зол. Я чувствовал себя виноватым. Я был лишен дара речи. Мысли у меня бешено металась. Я ненавидел себя за то, что причинял ей боль, ненавидел ее за то, что до сих пор не избавилась от своего прежнего мира, от своих давно устаревших ценностей.

Господи Иисусе, это же выживание.

— Где Джени? — спросил я.

— Кого это волнует? — ответила Микки, как бы говоря взглядом, что Джени мне больше не нужна, что она — лишняя, что мой член теперь в надежных руках, а она скоро умрет и отправится в свой розовый рай. Боже.

— Меня волнует, — сказал я.

Техасец Слим подошел с каким-то календарем и сунул мне под нос. На картинке была обнаженная рыжеволосая девица с красивыми, торчащими сиськами. Почти как у Микки.

— Глянь на эту красоту, — сказал он мне, цокая языком. — Здесь бездонные глубины человеческого греха и величайшие чувственные удовольствия плотской похоти!

— Что ты мелешь, тупица? — спросил его Карл.

— Я говорю, мой недалекий друг, что здесь у меня кусочек сладкой дьявольской трапезы, для которой мужчине не требуются ни ложка, ни вилка. Это угощение лучше потреблять голым влажным ртом.

— Джени пропала, — сказал я и двинулся через мастерскую. — Найдите ее. Немедленно, черт возьми. Найдите ее.

Я почувствовал, как Микки закатила глаза у меня за спиной.

Мне было плевать. Я должен был найти Джени. Сжимая в руке "Беретту", я отправился на поиски, Микки последовала за мной. Карл принялся обыскивать мастерские, а Техасец пошел по офисам. Все начали звать ее, и мне совсем это не нравилось. Шум мог привлечь врагов, и меня эта идея не особенно прельщала. Потому что, поверьте, они были где-то рядом, кружили, словно стервятники, выискивающие лакомый кусок мяса.

Дилерский центр был огромным. Невероятно огромным. Мы с Микки шли по павильонам, среди "Корветтов" и "Авео", "Сильверадо" и "Хаммеров".

— Джени! — звал я. — Джени!

Мой голос эхом разносился по окружающим нас мертвым и пустым пространствам. Я слышал, как Техасец вдалеке тоже зовет Джени. Мы снова разделились. Хоть и были вооружены, но разделились. И это было опасно. Меня бросило в пот. Желудок будто наполнился жгучей крапивой. С одной стороны, я злился на Джени за то, что она поставила нас в такое положение, а с другой — я был просто напуган. Что если она исчезла не по своей воле?

Что если ее похитили?

Черт, пока мы ходили кругами, как цыплята в поисках корма, кто-то, возможно уже сдирал с нее кожу каком-нибудь темном, затянутом паутиной месте. Ускорив шаг, я продолжил поиски. Микки делала то же самое, но без особого энтузиазма. Я уже представлял себе, как спустя несколько часов, не найдя Джени, мне придется смириться с тем, что ее больше нет. Я чувствовал себя опустошенным. И всякий раз, когда оклики Техасца и Карла замолкали на какое-то время, я был уверен, что то, что забрало Джени, схватило и их. Нечто злобное и скрытное, нечто настолько страшное, что смогло забрать их без крика и выстрела.

Я будто попал в один из тех старых фильмов про дома с привидениями, где люди исчезали один за другим. Пару раз я оглядывался на Микки, просто чтобы убедиться, что она идет за мной. И в тот момент я, наконец, понял, в чем я был по-настоящему уязвим. Я панически боялся одиночества. Это был мой главный кошмар и мой личный ад.

Остаться одному посреди мертвого мира. Это напомнило мне рассказ, который я читал в школе. Все эти годы вступительные строки хранились в глубинах моего сознания, бурлили, как ванна с ядом.

Последний человек на Земле сидел в комнате. И тут в дверь постучали... (Фредерик Браун "Стук" — прим. пер.)

Я обошел "Чеви Аваланч", продолжая наблюдать за пыльными окнами. И не раз мне казалось, что за ними проносилась какая-то тень... и она не принадлежала человеку, а была низкой, уродливой, как троль из темного заколдованного леса.

— Нэш, — наконец, сказала Микки, взяв меня за локоть. — Нэш. Я знаю, что у тебя есть чувства к Джени. Это здорово. И я знаю, что она — одна из нас, и мы не хотим терять ее. Но у меня плохое предчувствие. Очень плохое, и я не думаю, что сейчас нам стоит разделяться.

Я хотел послать Микки к черту... но я понимал, что она права. В животе у меня появилось неприятно ощущение. Я тоже что-то почувствовал. У меня не раз закрадывалось подозрение, что какие-то плохие парни или безымянные твари спланировали все это. Похитили Джени, чтобы мы разделились. Так они смогут разделаться с нами быстрее.

Я положил руку Микки на плечо.

— Послушай меня. Иди в офисы. Найди Техасца и будь с ним. Свяжитесь с Карлом. Я пойду искать Джени.

— Нэш!

— Замолчи и выполняй.

Микки подчинилась, подарив мне на прощание взгляд, полный желаний или жалости, и удалилась, покачивая длинными черными волосами. Как вы уже знаете, я не хотел оставаться один. Но, с другой стороны, я всегда предпочитал драться в одиночку, чтобы не приходилось беспокоиться о ком-то еще. Я стал ждать, и все тело у меня было будто наэлектризовано. Я неуклюже сунул сигарету в рот и закурил. Дым был едким и

неприятным. От его запаха я едва не поперхнулся. Разогретый фильтр обжигал губы. Сперва я не понял — подумал, что меня вот-вот охватит приступ паники или вроде того — но потом до меня дошло.

Я вошел в боевой режим.

Каждая мышца была напряжена, нервы звенели, мозг заставил работать сенсорную сеть на предельном уровне, активизировав все пять чувств. Никто не прошел бы мимо меня. Никто не напал бы, застигнув меня врасплох. Когда я услышал, как Микки с Техасцем зовут Джени, я бросил сигарету и бросился через выставочные павильоны. Сердце у меня билось так громко, будто кто-то стучал по литаврам. Я нашел двойные двери, ведущие в мастерскую. Были еще другие двери, ведущие в другие отделы, но я выбрал именно эти.

Я влетел в просторное, гулкое помещение.

Несколько покрытых пылью автомобилей ждали новые отражатели, двери или боковые панели. Я почувствовал старый запах грунтовок и шпаклевки. Окинув взглядом ящики с инструментами, бросился к будке электроокраски, заглянул в клетку с автодетальями. Затем прошел в офис, протер грязное окно.

И увидел на другой стороне улицы какую-то фигуру.

4

Это была Джени.

В безумной ярости я носился вокруг, пока не нашел дверь. Открыл ее и выскочил на улицу. Джени повернулась, увидела меня и продолжила идти. Я держал пистолет наготове, следя за каждой кучей мусора, за каждым темным переулком, за каждым перевернутым мусорным баком и за каждым разбитым окном. Глаза. Боже, я чувствовал наблюдающие за мной глаза, буравящие меня взглядом.

Я догнал Джени, схватил за плечо и резко развернул.

— Какого черта ты творишь, маленькая идиотка? — закричал я ей в лицо.

А лицо у нее... о, боже. Было все красное, опухшее от слез. Но даже такой она выглядела совершенно потрясающе. Мне захотелось обнять ее и не отпускать, потому что она походила на маленькую девочку, настолько красивую, что сердце просто разрывалось на куски, а дыхание перехватывало. Насколько уязвимую, что хотелось защитить ее и отогнать от нее все зло.

— Джени... пожалуйста, — взмолился я.

Упрямая стервозность куда-то ушла из нее. Теперь она была лишь треснувшей изнутри оболочкой. И я чувствовал исходящие от нее волны боли.

— Рик... отпусти меня. Я не могу больше делать это, — сказала она, и в голосе у нее не было драмы, одна лишь пустота. — Я не могу больше убивать людей. Я не такая, это — не мое. Я закрывала на это глаза, сколько могла... но больше не получается. Извини.

— Джени... брось, не надо.

Она протянула руку и потрогала кончиками пальцев мое лицо, еле заметно улыбнувшись.

— Я не хочу причинять тебе боль. Не хочу быть для других обузой. Но я больше так не могу. Возвращайся к своим людям. Ты им нужен. А я пойду своей дорогой, и не хочу, чтобы ты шел за мной.

Я буквально остолбенел.

— Извини, Рик. Я знаю, что ты считаешь меня слабой, и ты прав. Так и есть. Но я не

могу оправдать то, что мы делаем. Я пойду своей дорогой и полностью доверюсь судьбе. У меня не хватит сил убить себя, так что это — единственная альтернатива. Прощай, Рик.

Она повернулась и пошла прочь. Однако я догнал ее.

— Ты не можешь так поступать. Я не отпущу тебя. Не позволю, чтобы ты умерла, как собака на улице.

— Ты не можешь остановить меня, я — не твоя собственность.

— Скоро станет лучше, — сказал я, зная, что несу полную чушь.

— Будущего не существует, Рик. Признай это. — С этими словами она оставила меня, и я был полностью лишен боевого духа. Я не знал, ни что говорить, ни что делать. Я чувствовал себя беспомощным. Она была права, и я понимал это. Джени потеряла цель в жизни, и не видела смысла продлевать неизбежное. Остальные занимались самообманом. Не знаю, почему меня это беспокоило. Я понимал, что в конце радуги нет никакого горшка с золотом. Есть лишь страдание. Я не мчался к свету в конце туннеля, я бежал от тьмы, которая с каждым днем приближалась все ближе. И она, как и мы, тоже двигалась на запад.

Я не знаю, что делал бы, не случись нечто, вырвавшее меня из оцепенения. Из двери вышел голый мужчина. Он был бледный, как мертвец, и безволосый. В коже были зияли огромные отверстия, будто нечто покусало его. Лицо, как таковое просто... отсутствовало. Оно было съедено до самых розовых мышц. Он ухмылялся нам, словно наполовину препарированный анатомический экземпляр. Глаза у него напоминали бездонные черные катакомбы.

Скаб.

Обглоданный каким-то плотоядный вирусом или грибом. Он увидел меня, увидел Джени. И направился напрямик к ней. Она даже не завизжала, не отпрянула. Просто стояла там с глазами полными боли и ждала. Я вскинул "Беретту" и выстрелил в Скаба в упор. Тот дернулся от удара, сложился пополам, зажав руками рану, из которой, пузырясь, вытекало красное желе, и зарычал от боли.

И ему ответили.

Я обернулся и увидел еще одного Скаба. Голого и лысого. Это был подросток. Он стоял на коленях, как собака и рычал на нас, изо рта у него лилась желтая пена. Я выстрелил ему в голову. Он кувыркнулся назад и задрожал. Из раны хлынул поток темной крови.

Я схватил Джени за руку, потянул ее за собой. Повернувшись, я понял, что отступление к дилерскому центру было невозможно. Мы попали в самое их гнездо. Скабы лезли из всех дыр и щелей, словно слизи. Голые, израненные, со страшными уродствами. Изъеденные этими зияющими язвами.

Все были опьянены каким-то кровожадным восторгом, охвачены безумной манией убийства. Это было невероятно. Они ползали на четвереньках, бегали кругами, прыгали на крышах машин на одной из парковок. Некоторые неистово скакали по кругу, как обезьяны. Другие совокуплялись. Некоторые просто терлись гениталиями об ноги сородичей. Но их объединяло одно: все они не спускали с нас глаз.

И постепенно приближались.

Мы с Джени бросились бежать, и я услышал за спиной топот десятков босых ног. Я перебежал от одной закрытой двери к другой, завернул за угол, и там на меня прыгнул Скаб. Он сбил Джени с ног, а я ударил его по макушке рукояткой "Беретты". Он упал на колени, я двинул его ногой в голову, подхватил Джени, и мы побежали дальше.

Нам повезло, поскольку мы нашли старый универмаг. Он был открыт, витрина разбита.

Мы нырнули туда. Он был поделен на многочисленные магазинчики, торговавшие всем, от собачьего корма, и клюшек для гольфа до дизайнерской одежды. Мы прыгнули за прилавок с кожаными изделиями и прижались друг к другу, стараясь не дышать.

Один из Скабов сразу же стал нас разыскивать.

Я не слышал и не видел их. Хватало одного едкого смрада.

Когда мы сидели под прилавком, я увидел в зеркале отражение крупного упитанного человека. Он тяжело дышал с хриплым клекотом, будто легкие у него были заполнены какой-то вязкой жидкостью. Он что-то бормотал себе под нос, в основном, что-то неразборчивое. Но кое-что я расслышал.

— Ох, ох, ох, ох. Здесь? Нет, не здесь. Там? Нет, не там. Где-то, где-то. Ох, ох, ох.

Он прошел мимо, спотыкаясь об манекены и наступая на них. Одна пластиковая рука перелетела через прилавок.

Теперь Скабов стало больше.

Судя по топоту, как минимум дюжина. Самое время появиться Карлу, палящему из своего "Калаша", но я знал, что это не произойдет. Мы были сами по себе. Мы либо придумаем, как выбраться, либо пробьемся с боем, либо умрем. Вот и все. В обойме моей "Беретты" осталось тринадцать патронов. Я всегда мысленно считал их. И в глубине души я знал, что оставлю одну пулю для Джени. Я не признался бы в этом даже себе, но я знал. Знал. Я не позволю им хватать ее своими заразными лапами.

Судя по кряхтению, пыхтению и клекоту их стало в здании еще больше. Я слышал шлепки кожи об кожу, слышал непристойные женские стоны, и понял, что некоторые из них совокупляются. Потому что только это они любили делать: убивать и трахаться.

Нам оставалось лишь прятаться.

Затем я снова увидел в зеркале отражение мужчины. Он остановился прямо перед прилавком и наклонил голову на бок, словно прислушиваясь. Рот у него был вымазан в какой-то слизи. Он хлопнул руками по прилавку и вытянул шею, чтобы заглянуть за него.

Увидев нас, он ухмыльнулся.

Я разнес ему лицо двумя выстрелами. Мы с Джени выскочили из укрытия, и я застрелил еще двоих. Осталось десять патронов. Мы помчались через магазин, огибая витрины и перепрыгивая через столы. Скабы стекались со всех сторон. Я отбросил одного ногой с дороги, застрелил еще двух. Восемь патронов. Лестница вела на первый этаж, но по ней спускались Скабы. Они никуда не торопились. Вялые, словно дневные покупатели, они спускались по ступеням по двое и по трое, держась за руки. Их изъеденные язвами лица ухмылялись. Это было какое-то безумие.

Еще одна дверь. Пожарная. Армированная сталь с крошечным квадратиком стекла, в который не протиснуть и смазанного жиром щенка. Она была открыта, и мы нырнули за нее. Она открылась наружу, и я увидел лестницу, ведущую вниз. Идея спускаться в подвал была не слишком привлекательной, но у нас не было выбора. Я захлопнул дверь, но с другой стороны замка не было. Однако в верхней части двери был гидравлический доводчик, такой, который преобразует момент силы, механически приложенной для открытия двери, в момент закрытия. Все пожарные двери оборудованы такими. Протянув Джени пистолет, я подпрыгнув вверх, схватился за доводчик обеими руками и со всей силы дернул вниз. Мне удалось согнуть его так, что его загнутый конец почти касался двери. Я его отлично покорежил.

В следующий момент в дверь с другой стороны ударили Скабы.

Им удалось приоткрыть ее лишь на дюйм — мешал загнутый доводчик. На какое-то время это их задержит. Я забрал у Джени пистолет и взял ее за руку. Ладонь у нее была липкой. Возможно, ее не волновало, выживем мы или умрем. Но у меня не было времени на это. Я повел ее вниз, в крошечную тьму. Мы подошли еще к одной двери, и с другой стороны... было светло. В потолке находилось модульное окно. Оно было почти полностью завалено грязью, обломками и опавшими листьями, но пропускало достаточно дневного света. Должно быть, мы находились возле задней части здания. В своего рода атриуме, спроектированном для улучшения естественного освещения.

— У нас получится, — сказал я Джени.

Она лишь слегка приподняла бровь.

Мы прошли сквозь еще одну дверь и оказались в длинном и узком складском помещении, вдоль одной стены которого стояли нагроможденные друг на друга коробки, а вдоль другой — ящики с разбухшими папками. Там было светло, потому в потолке было несколько стеклянных панелей. Я вздохнул с облегчением, поскольку дверь закрывалась на замок. Но расслабляться было рано, поскольку я осознал, что мы не одни.

5

Перед нами стоял мальчишка.

Лет десяти-одиннадцати, не больше, хотя последний год стал для него сущим адом. Кожа у него была выбелена добела, покрыта нарывами и пятнами грибкового нароста, полупрозрачные глаза горели желтоватым огнем. Из огромных, проеденных язвами дыр сочился зеленый гной, который, казалось, светился на фоне бледной, жирной кожи. Я увидел его. Увидел смерть, которую он нес с собой. Но мальчишка оказался проворным. Он бросился вперед, целясь мне в глаза крючковатыми пальцами. Я отшатнулся назад, боясь вступить в контакт с любым из заразных, злобных патогенов, которыми он кишел.

Споткнувшись об коробку, я упал на задницу. Пистолет выскользнул из моих пальцев, и я оказался целиком во власти мальчишки. Но ему нужен был не я. Ему нужна была Джени. Поэтому, когда я упал на задницу, он быстро утратил ко мне интерес. Он нацелился на Джени и бросился за ней. Она побежала к двери, но он догнал ее и повалил, как лев сочную газель.

Когда я, наконец, сумел подняться на ноги и схватить пистолет, он уже уложил Джени лицом вниз. Она отбивалась и извивалась, но он лежал на ней верхом и терся эрегированный пенисом об ее зад.

Я подбежал и двумя ударами ноги сбил его с Джени.

Затем Джени вскочила и спряталась у меня за спиной, а мальчишка-Скаб поднялся на ноги. Голова у него была повреждена — сбоку виднелась большая вмятина, которую, словно на алюминиевой банке, оставил мой ботинок со стальным носком. Из раны сочился зеленый гной и розоватая кровь.

Мальчишка зарычал и бросился на меня.

Я всадил в него две пули. Пытался попасть ему в голову, но рука у меня тряслась так сильно, что обе вошли ему в горло, разорвав сонную артерию, из которой фонтаном брызнула кровь. Будто пробил шланг высокого давления. Он принялся, словно пьяный, шататься вокруг, скрипя зубами и издавая сдавленные булькающие звуки. Из шеи у него лилась кровь. Это продолжалось, наверное, пару секунд, но эта жуткая пляска смерти навсегда впечаталась мне в память.

Затем он упал, и в следующий момент случилось самое страшное.

— Рик! — воскликнула Джени.

Я услышал крик... серию криков... Но принадлежали они не Джени, и в них уж точно звучал не ужас, а наслаждение. Это были крики экстаза. Из-за ящиков выскочили прятавшиеся там три женщины. От них исходил резкий запах гниющих фруктов. Скабы. Лысые, серые, с лицами как у трупов, кожа болталась бесцветными складками. Только набросились они не на нас, а на умирающего мальчишку.

Движимые бешеным голодом, они стали драться за кровь, хлещущую у него из шеи. Они пили ее, слизывали с рук, купались в ней. Мы с Джени в изумлении и ужасе смотрели, как они сгрудились над мальчишкой. С чавканьем и хлюпаньем прижались к нему, словно поросята к материнским соскам. Это было отвратительно. Само зрелище. И звуки. Мне нужно было расстрелять их, потому что это было бы легко

Но я не стал этого делать.

Я стоял, охваченный отвращением, парализованный от шока, словно толстый сочный жук, запутавшийся в паутине. Они должны были умереть, и я знал это. Однако я испытывал какое-то извращенное желание увидеть, чем все закончится.

Наконец, одна из женщин издала отрыжку и оторвала губы от шеи мальчишки. Она посмотрела прямо на меня. Ее лицо напоминало желтое сало, сползшее петлями и складкам, рот был вымазан в крови. От нее исходил омерзительный запах тухлого мяса. Голое тело было покрыто коростой и изъедено язвами. Одна из грудей была плоской, другая — отвисшей, мертвенно-бледной, на которой с шокирующим контрастом выступали синюшные вены.

— Каааакой ты краааасавчик, — ее голос напоминал сухой скрип лопаты об могильную плиту. — Такой хорошенький. — Она облизнула шелушащиеся, почерневшие губы раздутым, серым языком. — Как насчет поцелуя, горячего маленького поцелуя рот в рот?

Это было похоже на дежавю. Она напомнила мне другую безумную сучку-Скаба, с которой я встретился в продуктовой лавке Янгстауна. Эта была не менее отвратительной, не менее ужасной, и не менее похотливой. То, что она сделала потом, трудно выразить словами. Она двинулась на меня, ухмыляясь ртом, полным серо-черных зубов, и поигрывая языком. Сунула покрытую струпьями руку себе между ног и ввела в себя пару пальцев. Раздалось отвратительное чваканье, будто кто-то воткнул большой палец в разбухший гнилой персик. Она принялась обрабатывать себя, дыхание у нее участилось, между ног потекла какая-то похожая на мочу жидкость. Смерд стоял неопишуемый.

Она подошла еще ближе, и мне показалось, что я закричал. Помню, я вздрогнул от звука собственного голоса. Потом помню, что в руке у меня появился пистолет. Вскинув его, я вlepил пулю ей прямо в лицо. Из затылка брызнули кровь и мозги, и женщина с громким шлепком рухнула на пол. Ее тело содрогалось от конвульсий, а затем раздалось какое-то шипение и бульканье, и из промежности у нее вытекла слизь, распространив смерд гниющей рыбы.

Этого было достаточно, чтобы нас стошнило.

Я не хотел смотреть, и все же посмотрел. И тогда я заметил, что в тех выделениях что-то *шевелится*. И этого "что-то" было там много. Я увидел десятки красных жуков, каждый размером с большой палец. Они копошились в луже слизи. Их появлялось все больше и больше, они ползали по мертвой хозяйке с отвратительным пощелкиванием. Сотни насекомых буквально облепили ее. Плоть у нее была склизкой и рыхлой, и они зарывались прямо в нее.

А затем подошли две другие женщины. Тоже, видимо, в поисках пищи и секса. Их серые, морщинистые и обвисшие лица были покрыты нарывами. Глаза светились желтым, словно пламя свечи, огнем. Они ухмылялись, демонстрируя длинные и острые зубы. Я выстрелил одной из них в голову. Выстрелил в другую и промахнулся. А промахнулся я потому, что в тот момент, когда я нажал на спусковой крючок, она взмыла в воздух. Ударилась в меня всем телом, сбив с ног. Казалось, она собиралась не сколько трахнуть меня, сколько сожрать.

Я услышал крик Джени.

Женщина-Скаб оседлала меня, навалившись своим жирным, рыхлым телом. Это было все равно, что бороться с медузой. В лицо мне ударило ее горячее могильное дыхание. Женщина плюнула в меня, желтая пена брызнула мне на щеку. Она попыталась добраться зубами до моего горла, и я ударил ее пару раз в лицо. Плоть у нее была мягкой и пористой. Я обхватил руками ее шею. Решил, что буду сжимать, пока у нее не отлетит голова. Плоть ее шеи была похожа на живую мякоть. Казалось, она шевелится, сочится и растекается под моими пальцами. Женщина сопротивлялась. Тяжело дыша, царапала мне лицо и издавала при этом отвратительное шипение.

Она была сильной, чертовски сильной.

Но я одолел ее. Как мне показалось. Несмотря на отвращение, я не отпускал ее и чувствовал, как мои пальцы погружаются все глубже в ее серую мягкую плоть. А затем раздался громкий хлопок, вспышка, и женщина кулем свалилась с меня.

Передо мной стояла Джени с "Береттой" в руках.

— Ты в порядке, Рик? — спросила она с искренним беспокойством в голосе.

Я отряхнулся от натекших с женщины выделений.

— Жить буду, — выдохнул я. Затем я перевел взгляд на труп, уловил запах вытекающей у него из промежности слизи, увидел копошащихся в луже жуков, и меня буквально вывернуло наизнанку. Рвоты вышло мало, и через пару секунд тошнота утихла.

Я услышал стук барабнящих по двери кулаков.

Господи, выдержит ли замок?

А затем чей-то голос очень спокойно произнес:

— Вам лучше пойти со мной.

6

Голос принадлежал седоватому, довольно прилично выглядящему мужчине в коричневой кожаной куртке. Он стоял в другом конце комнаты.

— Рекомендую поторопиться.

Я не знал ни кто он, ни какую игру он ведет. Хотя он показался мне нормальным, во всяком случае, на лице у него не было нарывов. Мы проследовали за ним в конец комнаты, в то время, как дверь продолжала сотрясаться под напором кулаков. Миновав ряды сложенных друг на друга коробок, мы обнаружили маленькую нишу, с встроенной в нее еще одной пожарной дверью. Мужчина открыл ее, и мы вошли. Он закрыл ее и запер на два засова.

— Сюда они не попадут, — сказал он. — Поверьте мне. Меня зовут Прайс. А вас?

Мы представились.

— Очень хорошо, — сказал он. — А вы быстро с ними разделались. Хорошо стреляете.

— Спасибо, — сказал я, не зная, что еще ответить.

Мы находились на складе, повсюду были коробки и ящики. Мерцали свечи и горела

газовая лампа Коулмана. И тут я увидел, что кроме Прайса в помещении еще кто-то есть. У стены в спальном мешке лежал парень. Похоже, он был не в лучшей форме. Дыхание у него было хриплым и прерывистым. Он издавал звуки, будто легкие у него были заполнены жидкостью. Но я не стал к нему пока приглядываться, потому что в углу находился еще один парень. Какой-то чувак с густой шевелюрой в стиле "афро", напоминающей плохо подстриженный куст. В руках у него была фотокамера "Никон". Он снимал ею меня.

— Чего это он? — спросил я Прайса.

— Это Морс, — ответил он. — Раньше был фотографом. Он был безобидный.

Морс сделал пару снимков Джени.

— Пленки у него нет, но, его, похоже, это не волнует, — сказал мне Прайс.

Джени бросила на него сердитый взгляд.

— Скажите, чтобы он прекратил. Мне неприятно.

Морс подчинился.

— Приятно познакомиться, — сказал я ему.

Он снова меня сфотографировал.

— Он не говорит, — пояснил Прайс. — Поэтому мы никогда не узнаем, что с ним стряслось. Хотя иногда он свистит. А иногда пишет что-нибудь, чтобы я прочел. Так я узнал его имя и профессию. А насчет всего остального... кто его знает?

Я посмотрел на мужчину в спальном мешке. И буквально почувствовал исходящий от него жар.

— У него Лихорадка, — сказал я.

— Да, так оно и есть, — согласился Прайс.

Он рассказал, что зовут парня Бедекер, и раньше он работал бухгалтером первой категории. А заболел он только вчера, и свалился, когда они ходили на раздобытки на верхний этаж. Потом появились Скабы, и Прайс с Морсом принесли его сюда. Он не мог самостоятельно передвигаться. Поэтому они стали ждать. Ждать, когда он умрет.

Глядя на беднягу, я не мог решить, что хуже. Оказаться среди Скабов или находиться здесь с этим человеком и его микробами. Рот у него был вымазан в крови, глаза были ярко-красными, стеклянными и неподвижными. Такие Техасец Слим называл "глазами Дракулы". Лицо у парня было обвисшим, пятнистым и покрытым красными нарывами. Казалось, он весь был в синяках и багровых шишках. То и дело вздрагивал и издавал низкое шипение, или срыгивал черную, как смола кровь. Вся его рубашка, спальный мешок и пол были в его крови. Запах стоял ужасный.

— Эбола Экс, — сказал я, находясь на грани паники.

— Да, именно, — согласился Прайс. Он глядел на парня изучающе, не проявляя никаких эмоций. — Находиться здесь с ним опасно. Он — переносчик вируса. Фактически это живой токсичный яд. Лучше нам держатся подальше от него и его выделений, особенно от рвоты. Она содержит миллиарды крайне заразных вирусных частиц, все из них являются смертоносными возбудителями.

— Похоже, вы хорошо в этом разбираетесь, — сказал я.

— Хммм. Да. Когда-то я был микробиологом, военным специалистом по биоугрозе, — сказал он, пожимая плечами. — Теперь я просто выживший. Как и вы. Как и мы все.

Прайс просто стоял и смотрел на Бедекера с такой холодной отрешенностью, присущей, казалось, всем ученым. Он что-то бормотал себе под нос. Я подошел к Джени. Морс стоял рядом с ней. Он снова меня сфотографировал.

Я жестом подозвал Джени к себе, подальше от этого бесстрашного фотожурналиста.

— У того парня гребаная Эбола Экс. Находясь в этой комнате, мы все подвергаемся опасности.

Джени, казалось, это не беспокоило.

— Жалко, что сейчас не полнолуние.

— Джейн, дело в том, здесь все мы в опасности.

— Мы не можем ничего с этим поделать. Если только ты не захочешь погеройствовать и бросить его Скабам.

— Может, уже хватит?

Джени задержала на мне жесткий взгляд. В глазах у нее не было прежнего тепла.

— Я знаю, о чем ты думаешь, — сказала она мне. — Ты думаешь, что у тебя есть две новых жертвы для твоего друга. Кто будет первым? Прайс или Морс?

— Я думал не о них, Джени. Я думал о тебе.

— Придурок.

Она отошла от меня. Вот на такой стадии были наши взаимоотношения. Я начал уже осознавать, что Дженни больше не на моей стороне, и что ей уже нельзя доверять. Сейчас Тень интересовала меня в последнюю очередь. Ближайшие две недели я не позволил бы себе даже думать о выборе жертвы. Лишь на третьей эта мысль начнет лезть мне в голову. К четвертой она уже станет наваждением, рожденным не только из-за страха перед тем, что может сделать Тень, если мы откажем ей в жертве, но и перед тем, что мы будем делать, если Тень нас покинет.

Но сейчас у меня были более серьезные опасения.

Я снова подошел к Прайсу и сильно дрожащими руками закурил сигарету.

— Что здесь происходит? — спросил я.

— Хммм. Мы наблюдаем, как человек умирает от возбудителя инфекции. И пока делаем это, мы находимся в эпицентре заражения смертоносным вирусом. — Прайс казался совершенно беспристрастным. — Понимаете, Нэщ, когда возбудитель заражает носителя, что он пытается сделать, так это фактически превратить носителя в вирус. Процесс, конечно, не увенчался успехом, и мы видим, что происходит. Человек буквально превращается в месиво из разжиженной плоти.

Прайс рассказал мне, что он работал в военном научно-исследовательском медицинском институте в Форте Детрик, шт. Мэриленд. После того, как упали бомбы, он и его коллеги работали еще несколько месяцев, вместе с Центром по контролю заболеваний, отслеживая вспышки инфекционных болезней. После ядерной зимы страну захлестывала одна чума за другой. И только в конце января появились первые сообщения о крайне заразной геморрагической лихорадке. Она началась в Балтиморе, затем огненной бурей прокатилась через северо-восток, опустошила Пенсильванию, Мэриленд, Вирджинию и Нью-Йорк, после чего вонзила зубы в Огайо. По симптомам она была похожа на Эболу и Марбургский вирус — оба из семейства *филовирюсов* — только гораздо более заразная. Просто им не хватило времени полностью изучить этот более серьезный тип вируса. И они не смогли точно определить передается ли он по воздуху, через межличностный контакт, через биологические жидкости или через все вместе. Прайс сказал, что насмотрелся достаточно, чтобы убедиться, что передается они всеми перечисленными способами.

— Что произошло? — спросил я его. — Какого черта вы делаете в Де-Мойне?

— Я родился здесь. Когда Эбола Экс едва не уничтожила нас в Мэриленде, многие

сбежали. Я вернулся сюда. К семье. — Он издал саркастический смешок. — Я наблюдал, как все они умирают, один за другим. Не от этого вируса, Нэш, а от лучевой болезни, тифа и холеры. Мой брат умер от первично-септической чумы. Семья моей сестры сумела избежать болезней. Но ее настигли Тесаки.

— Как, черт возьми, он попал сюда? — спросил я. — Этот вирус? В смысле, я слышал о вспышках в Африке и еще об одной в Штатах, в округе Колумбия. Но он был только у обезьян.

Прайс вздохнул и покачал головой.

— Нам было нужно больше времени, но у нас его не было. Вероятно, его привез сюда кто-то из Африки. Ходили слухи, что медицинское командование армии США создало из штамма Эбола биологическое оружие. Полагаю, что в хаосе последних дней из лаборатории произошла утечка. Русские вирусологи из института инфекционных заболеваний в Кольцово работали над созданием биологического оружия из штамма Марбургского вируса. Возможно, этот штамм смог попасть в руки биотеррористов. Кто знает.

Я решил задать глупый вопрос.

— А мог бы... то есть, возможно ли, чтобы вирус действительно сумел перестроить *все* тело?

— В смысле, превратить человека в ходячий вирус? — Прайс покачал головой, но я заметил, что у него в глазах мелькнула неуверенность. — Боюсь, мы были об этом вирусе слишком высокого мнения. Ему бы пришлось идеально ассимилировать клетки носителя, многие из которых, такие как нейроны, имеют очень сложное строение.

Я продолжал вспоминать свой сон про Медузу, Создательницу Трупов, гигантскую болезненную сущность, идущую за нами по пятам, город за городом превращающую опустошенную страну в кладбище. У меня не было никаких сомнений в том, что Эбола и подобные болезнетворные микробы мутировали под воздействием радиации и продолжали мутировать. Я представлял себе, как они эволюционируют каждую неделю через бесчисленные поколения, каждый раз становясь чем-то гораздо более сложным, и, наконец, трансформируются в нечто дьявольски разумное и невероятно смертельное.

Но я не стал делиться этими мыслями с Прайсом.

Он сказал, что вирусы — это мост между живыми и неживыми микроорганизмами. Они оживают лишь при взаимодействии с живыми клетками. Это паразиты, всецело зависящие от своих хозяев, с точки зрения биологических процессов. В некотором смысле это — протеиновые капсулы, наполненные генетическим материалом, закодированным на воссоздание самого вируса. Вот так. Вирус ведет себя как мертвый, пока не вступает в контакт с совместимой клеткой. Затем он прилипает к ней и использует ее механизм для создания собственных копий. Это продолжается до тех пор, пока клетка-носитель буквально не взрывается, и из нее появляются бесчисленные крошечные вирусы. Каждый делает то же самое до бесконечности, пока носитель не погибает, либо пока их не атакует нечто вроде антител.

— У этого вируса нет высоких, амбициозных планов, сынок, — сказал мне Прайс. — Они живут лишь, чтобы воспроизводить себя, что в конечном счете — в случае с Эболой Экс — уничтожает носителя. Это — клеточные хищники, но не организованные, не думающие. Я не могу себе представить линию органической эволюции, которая позволила бы им делать нечто большее. Вероятно, они являются одной из старейших форм жизни на Земле, и как таковые, достигли совершенства еще миллиарды лет назад.

Слушая, я узнавал для себя много нового, хотя кое-то из сказанного считал спорным. Конечно же, я не собирался спорить с экспертом, особенно, когда единственным моим доказательством была серия гребаных кошмаров.

— А теперь мы видим неприятные результаты вирусной экспансии, — сказал Прайс, наблюдая за муками Бедекера. — Понимаешь, тело у него сейчас твердое, как у трупа. Оно заполняется сгустками крови. Они формируются повсюду. В мозгу, в жизненно важных органах, в коже, костях. Хммм.

Я смотрел на Прайса, как на сумасшедшего. Я не был знаком с Бедекером, но когда-то он был человеком. Возможно, другом Прайса. И вот этот старик продолжает вести этот безумный репортаж, словно это какое-то спортивное событие.

Морс, конечно же, находился рядом, делая снимки умирающего человека со всех мыслимых ракурсов. Даже достал из своей сумки телескопический объектив и снял несколько крупных планов. Это было какое-то безумие.

— Видишь, Нэш? — сказал Прайс. — Сейчас Бедекер не очень сильно страдает. Его мозг разжижается. Его жизненная активность угасает, а человеческие качества стираются. Это называется деперсонализация. То, что ты сейчас наблюдаешь, — это больше не умирающий человек, а биологический механизм, захлебывающийся собственными отравленными субпродуктами. Рвота будет продолжаться, как и кровотечение...

Прайс был прав. Теперь Бедекера рвало почти постоянно, все той же черно-красной зловонной кашей. Кровь шла из глаз. Из ушей. Из ноздрей. Он с шумом пускал газы, и из зада у него вытекало все больше выделений. Прайс сказал, что теперь у него выходят разжиженные фрагменты желудка и внутренностей, орально и анально. Кровь текла, лилась, хлестала, а вместе с ней его покидал возбудитель, жаждущий обрести нового носителя.

Меня затошнило. Я попытался отвернуться, но Прайс остановил меня.

— Скоро у него наступит ломка и смерть от кровопотери.

Морс старательно все документировал.

Я закурил очередную сигарету, чтобы отогнать от себя запах. Потом рассказал Прайсу, что в соседнем дилерском центре у меня друзья, и что я должен связаться с ними как можно быстрее.

— Мудрая мысль, — сказал он. — Скоро стемнеет. После заката Скабы теряют активность. Тогда мы и сможем незаметно ускользнуть. Только, боюсь, ночью на улице водятся куда более опасные твари. Но мы не можем оставаться здесь.

Бедекер бился в конвульсиях, буквально разваливаясь на части, а из всех отверстий у него текла отравленная кровь и пузырящиеся выделения.

— Уже скоро, — сказал Прайс.

7

Я шел первым. Сразу за мной — Джени с Морсом. Прайс замыкал шествие. В "Беретте" у меня оставалось три патрона, и это была единственная защита, на которую мы могли рассчитывать. Было ли мне страшно? Не то слово.

Я всю дорогу думал о Карле и остальных. Гадал, что они делают, и молился, чтобы они были еще живы. Но я знал Карла. Скабам пришлось бы очень постараться, чтобы победить его. Он умел выживать, как и все мы. Мне казалось странным, что он не попытался найти нас с Джени. Хотя, может, и пытался. Просто я хотел воссоединиться со своими людьми.

Ночью Де-Мойн выглядел мрачно и угрожающе.

Луна светила довольно ярко, но тени были повсюду, кружились, перемещались,

опутывали улицы. Повернув за угол универмага, я увидел вдали смутные очертания дилерского центра. Солнечным днем, в прежние времена, это была бы короткая, приятная прогулка. Теперь же, в темноте, это было медленное переползание по вражеской территории. Воздух был влажным и едко пахнущим. На западе я видел мерцающее красное зарево. Видимо, какие-то части города все еще горели, либо были подожжены снова. Я чувствовал слабый запах дыма и других вещей, о которых не хотел даже думать. Мы двигались очень осторожно. По дороге я осматривал парковки на предмет любого движения. Вдалеке раздался короткий, пронзительный визг. Похожий на звук какого-то насекомого... только громкий и страшный.

Просто расслабься, — говорил я себе снова и снова. *Уже недалеко.*

В фосфоресцирующем свете луны все выглядело жутким и угрожающим. Здания возвышались, словно оскверненные гробницы и заколдованные монолиты. Припаркованные грузовики походили на корабли-призраки, выступающие из мглы. По спине у меня бегали мурашки. Что-то было там, в темноте, кружило вокруг нас, и я знал это.

— Что это было? — спросила Джени, внезапно остановившись.

Звук ее голоса в тишине заставил меня замереть на месте.

— Что? Я ничего не слышал.

Я хотел, чтобы это было так, но знал, что говорю сейчас неправду. Я тоже слышал звук. Что-то там было.

— Народ, я бы посоветовал нам немного поторопиться, — сказал Прайс. — Шансы выжить ночью на улицах Де-Мойна в лучшем случае минимальны.

Он снова демонстрировал свою бесстрастность, изъясняясь этим вычурным языком. Он хотел сказать следующее: *"Если не будете шевелить задницей, засранцы, то к утру от вас мокрого места не останется"*. Я проигнорировал его слова. Напрягшись, я стоял рядом с Джени. Рука, сжимающая "Беретту", взмокла. Я хотел уже пойти дальше, когда снова услышал это. На этот раз очень отчетливо. Попискивание. Вслед за ним появился сильный запах тлена и подземной сырости. Так пахнет в канализации, — подумал я.

Я знал этот запах. И я знал, с кем мы имеем дело.

— Это уже вызывает беспокойство, — сказал Прайс.

— Все в порядке. Нэш не допустит, чтобы с нами что-то случилось, — сказала ему Джени так, словно утешала напуганного ребенка.

Морс кружил вокруг нас, делая снимки.

— Прекрати это дерьмо, — сказал я ему.

Если я прав, то нам предстоит столкнуться с тем, с чем не сможет совладать даже старый добрый Нэш. Я медленно двинулся вперед. Но не успел я пройти и шести футов, как увидел нашу первую гостью.

Крыса.

Она была размером с кота, с туловищем, раздутым и бесформенным из-за розовых раковых образований, выпирающих из редкого серо-черного меха, словно мясистые пузыри. В лунном свете я увидел, как они шевелятся.

Я встречал подобного монстра в кливлендском коллекторе.

— Не двигайтесь и не паникуйте, — сказал я остальным. — Вероятно, это — разведчик, идущий впереди основной стаи.

Морс щелкнул пару раз фотокамерой.

Змеевидный, чешуйчатый хвост крысы дернулся, словно она поняла, что я говорю. Глаза

у нее были неподвижными, кроваво-красными, блестящими, как мокрые стеклянные шарики. Из раскрытой пасти свисали нити слюны. Я по собственному опыту знал, насколько быстрые эти ублюдки. Я очень медленно и очень спокойно поднял "Беретту" и прицелился в крысу.

Та внезапно издала пронзительный писк.

Я выстрелил ей в голову, и она упала головой вперед, под ней растеклась багровая лужа крови. Было видно, как в ее шкуре прыгают жирные, похожие на личинок паразиты.

Я потянул Джени прочь, и наша группа снова пришла в движение. Я понимал, что мы в серьезной опасности. Но не знал, что с этим делать. Единственный вариант — продолжать идти. Возможно, нам как-нибудь удастся справиться. Мы стали пересекать улицу в направлении дилерского центра, который в лунном свете походил на гигантскую гробницу, кишащую тенями. Но не успели мы далеко уйти, как из своих укрытий появились крысы. Они — основная стая — поджидали нас среди машин, и теперь вышли из-за них. Я услышал, как Джени поперхнулась от отвращения. Крысы были повсюду, и их число постоянно росло. Они были огромными. Некоторые были размером со взрослую немецкую овчарку. Все они были грязными и зловонными, глаза горели в темноте, из пасти бежала слюна, носы подергивались.

Я понял, что писк, который издала первая крыса, был либо криком о помощи, либо предупреждением для остальных.

Что ж, теперь у них было преимущество.

Они выползали из теней, мутировавшие, покрытые наростами ужасы, с белыми гадами, копошащимися в шкурах. Я не разглядывал их слишком внимательно. Они окружали нас, отрезая путь к дилерскому центру. О том, чтобы возвращаться назад, не могло быть и речи, поскольку улицы у нас за спиной уже заполняли другие крысы. Единственный путь к нашему спасению лежал через здания, стоящие позади нас. Но мы с Джени тщательно проверили все двери, когда убегали от Скабов.

Была только одна надежда, очень слабая.

Узкий тупиковый проход между двумя зданиями. Я увидел пожарную лестницу. Она была поднята. Но если она заржавела не слишком сильно, у меня получится опустить ее.

— Ладно, — сказал я. — Прайс, медленно ведите всех в тот проход. Нам туда.

Он не стал спорить. Думаю, к тому моменту, его высокомерие несколько поубавилось. Он повел нас к пожарной лестнице, и крысы неторопливо двинулись следом, словно солдаты в боевом порядке, отрезая нам пути к отступлению. Они знали, что мы в ловушке.

Пожарная лестница. Я подпрыгнул вверх, ухватился за нее и изо всех сил потянул вниз. Она опустилась на пару дюймов и застряла. Я тянул ее всем весом, дергаясь, извиваясь и мечтая, чтобы ко мне вернулся мой пивной живот. Джени подпрыгнула, обхватив меня за талию, и мы принялись раскачиваться, словно пара акробатов. Я почувствовал, что с меня сползают штаны, и подумал, как забавно я буду выглядеть со спущенными до лодыжек штанами, когда меня начнут поедать крысы. Особенно еще с нашим безумным фотографом, делающим снимки моих страданий.

Внезапно лестница поддалась, и произошло это очень быстро. Следующее, что я помню, это то, что мы сидим на задницах в проходе. Я поднял Джени на лестницу.

— Давай, быстрее! — поторопил я ее, поскольку крысы теперь стремительно приближались, осознав, что с их полуночной трапезой что-то не так.

Морс вскарабкался наверх как обезьяна, Прайс тоже оказался довольно проворным.

Следом поднялся я. Одна крыса подпрыгнула и вцепилась в носок моего ботинка. Я стряхнул ее, другую отбросил прочь ногой и взобрался на платформу. По лестнице лезли еще две крысы. Я ударил одну ногой в морду, и та упала. Другая была слишком большой, поэтому я завалил ее выстрелом в голову. К тому моменту проход буквально кишел крысами. Мы подняли лестницу, и теперь они уже ничего не могли поделать.

Они пищали и визжали, поедая застреленную мной тварь, но в основном бесновались от ярости. Некоторые пытались вскарабкаться по стене прохода, но, поднявшись на пару футов, срывались и падали вниз. Я ждал, пока они не утратят к нам интерес и не покинут проход.

Мы были спасены.

8

Разбив окно, мы залезли в квартиру. Там было грязно, пыльно и темно, но, хотя бы, никто нас не поджидал. Мы быстро осмотрели место, и нашли лишь мумию женщины, лежащую в кровати и прижимающую к себе мумию младенца. Обе были затянуты паутиной. Мяса на них не осталось, а кожа высохла до тонкого, шелушащегося пергамента и прилипла к костям. У обеих были черные волосы.

Мы решили, что нам будет там неудобно, и перебрались в другую квартиру. На этот раз нам не попалось никаких костей. Мы сели в темноте и стали ждать. Шли минуты. У меня осталось две пули, и я болезненно осознавал этот факт.

— Думаю, нужно действовать осторожно и подождать до восхода солнца, — сказал Прайс.

И как только он сказал это, я услышал какой-то звук из квартиры над нами. Там перемещалось что-то крупное и тяжелое, волоча по полу свою тушу.

— Нет, — сказал я. — Нет, не думаю, что это хорошая мысль. Давайте выждем час.

К тому времени я хорошо изучил крыс. Они были усердные, хитрые, безжалостные, но не самые терпеливые существа в мире. Если их добыча ускользала, как в нашем случае, они просто шли дальше. Поэтому мы стали ждать в пыльной тьме, в то время как Морс решил сделать пару снимков для журнала "Дом и сад". Все молчали. Я чувствовал исходящий от других запах пота, чувствовал их тепло, слышал их медленное дыхание. Они рассчитывали, что я вытащу их из этого бардака. Я обдумывал наши варианты. Единственным разумным решением было еще раз попытаться добраться до дилерского центра и связаться с остальными.

Примерно через полчаса я сказал:

— Давайте проверим, что внизу.

Мы двинулись по темному коридору, ориентируясь с помощью лунного света, проникавшего через узкое окно в другом конце. Я нашел лестницу, и мы спустились вниз. Нижний этаж занимал магазин органических продуктов, который в целом выглядел нетронутым. Думаю, что после конца света лапша ширатаки и тофу мало интересовали. Там было чертовски темно. Посмотрев сквозь витрину, я увидел, что улицы пусты.

Осмотревшись, я понял, что магазин не такой нетронутый, как мне сперва показалось. Что-то случилось здесь. На полу валялись кости, разорванные на части скелеты людей и животных. Некоторые были свалены в кучи, некоторые разбросаны в беспорядке. Из-за темноты видно было плохо, но я полагал, что останки исчислялись десятками.

— Откуда это здесь? — спросила Джени. — Почему именно здесь? Кто это сделал?

Прайс пожал плечами.

— Кто его знает? Возможно, мы наткнулись на чье-то личное костехранилище.

Но я так не думал. Я откинул ногой с дороги череп и схватил какую-то длинную кость. Мне показалось, что это человеческая бедренная кость. Я отнес ее в следующий проход с истлевшей органической пастой и рассмотрел в случайном луче лунного света. Кость была исцарапана, обглодана, и испещрена мелкими углублениями. Что-то жевало ее, и думаю, то же самое происходило со всеми костями.

— Что это? — спросила Джени, когда я вернулся и бросил кость в общую кучу.

Я хотел сказать ей, что эта кость была объедена крысами, хотя, если честно, я не верил, что это сделали такие прозаичные существа. Я открыл уже рот, но в этот момент услышал откуда-то сверху звук скольжения чего-то тяжелого и кожистого. Затем раздался крик Прайса и Джени.

— Осторожно! — закричал я.

Нечто схватило Прайса. Нечто извивающееся обвилось вокруг его горла. Я бросился к нему и попытался оторвать от него это. Оно было чешуйчатое, пульсирующее, и на ощупь напоминало плетеную веревку. Но это была не веревка. Оно было живое. Я вытащил пистолет и выстрелил в черную тушу, нависшую над Прайсом. В вспышке выстрела я увидел ряд извивающихся усиков или щупалец, черных и маслянистых. А еще рты. Нечто с двумя или тремя ярко-розовыми ртами, с тонкими, острыми зубами, похожими на рыбы кости.

Морс попытался сделать снимок. Я отбросил его с пути.

Когда я выстрелил, нечто издало странный визг.

Однако сразу же отпустило Прайса.

Я чувствовал отвратительный, лихорадочный жар, исходящий от твари, шуршащей и копошащейся наверху. А еще жуткий смрад, как от гниющих шкур. Темная фигура находилась в постоянном движении. Я прицелился и снова выстрелил. Тварь вновь издала тот пронзительный визг. Во вспышке выстрела я увидел... или мне *показалось*... как нечто, похожее на гигантскую летучую мышь, отступало в овальный провал в потолке. Увидел нечто похожее на раскрывающиеся перепончатые крылья, блестящую кожу, похожую на намазанный жиром винил, с крошечными волосками, и несколько выпуклых, похожих на бусины глаз. Оно двигалось быстро и исчезло между этажами.

Я даже представить не мог, что это могло быть.

И был рад, что оно не в боевом настроении.

Поставив Прайса на ноги, я подвел его к двери. На шее у него был круговой ожог, похожий на след от петли у висельника. Но он был в порядке. На улицах было пусто, и я открыл дверь.

— Возьмите друг друга за руки, — сказал я. — А теперь бежим.

Мы бросились через улицу, но ничто не выпрыгнуло из темноты, чтобы остановить нас. Сперва мы добрались до одной парковки, затем до другой, и обошли сбоку дилерский центр. Войдя внутрь, бросились в первый выставочный павильон. Ослепляющий свет ударил мне в лицо.

— Очень вовремя, мать вашу, — сказал Карл, опуская фонарик.

9

Утро выдалось таким бледным и серым, будто кто-то высосал из него кровь. Тьма отступила и скрылась в дырах и подвалах. Проспав пару часов, я проснулся одновременно с Карлом и Техасцем, чтобы встретить новый день.

— Скажи мне кое-что, — обратился ко мне Техасец, пока другие потягивались, зевали и

собирали вещи. — За этим мы приехали сюда? За этим парнем Прайсом? Как, по-твоему?

— Да, чувствую, что так.

— Но почему?

Я покачал головой.

— Не знаю. Просто чувствую. Другого не дано.

Не похоже, что он разделял мои чувства, но я не стал с ним спорить.

— Предлагаю бросить этого Морса, — сказал Карл. — Если он еще раз щелкнет, я его завалю.

— Остынь, — сказал я. — Его просто немного клинит.

Джип оказался цел, и мы были очень рады этому. Техасец и Карл вынесли к нему пластиковые канистры с бензином, слитым из других автомобилей, и приступили к заправке. Джени с Морсом собирали вещи. Я стоял, прислонившись к "Чеви Кобальту" и курил. Микки была рядом. Она молча смотрела на меня.

Спустя некоторое время я сказал:

— Давай. Выкладывай. Говори, что у тебя на уме.

Я посмотрел на нее, ожидая увидеть у нее в глазах огонь. Я довольно часто чувствовал исходящее от нее испепеляющее желание.

— В прежние времена я не представляла из себя ничего особенного, — сказала она. — Ты, наверное, догадываешься, чем я занималась. Зарабатывала на жизнь, позируя для фотографий. Ну, ты понимаешь, о чем я. Иногда в бикини или вроде того, иногда, вообще без всего. Но это не порно. Поверь, мне предлагали, но это не моя тема. Ты бы удивился, узнав, сколько календарей со мною выпустили.

Я улыбнулся.

— Нет, не удивился бы, — сказал я ей, гадая, для чего ей эта внезапная необходимость исповедаться.

Она улыбнулась мне, отбросив волосы назад. Она знала, что мне нравится смотреть на нее. Какая сексуальная женщина не знает, что мужчинам нравится смотреть на нее?

— Главное в том, Нэш, что я никогда не представляла из себя ничего особенного. Я считала себя моделью. Моя мать считала меня шлюхой. Но я хорошо зарабатывала, позируя с мотоциклами, грузовиками и квадроциклами, в одном поясе для инструментов и защитной каске. Она пожалала плечами. — Но я никогда не чувствовала себя частью чего-либо. До сего момента.

— Правда?

— Ты, наверное, подумаешь, что я сумасшедшая. Теперь, когда я с вами, ребята, я ощущаю себя... нужной, частью чего-то. Понимаю, это звучит глупо. Но это правда. Вы даете мне чувство безопасности, защищенности. Этот мир сошел с ума и стал опасным, но с тобой, Нэш, я чувствую себя уверенно. Почувствовала это с самого начала. От тебя исходит ощущение силы. Энергия. Мы все чувствуем это. И это притягивает нас к тебе.

— Во мне нет ничего особенного, поверь мне, — сказал я ей.

— Неправда.

Она сказала мне, что от меня, в отличие от других, исходит ощущение безопасности. У остальных не было ничего подобного. Она сказала, что своим присутствием Гремлин вызывал у нее мурашки, потому что она считала его принадлежащим к тому типу мужчин, которые всегда пускали слюни над ее календарями. И которые готовы были трахнуть стульчак унитаза, если б узнали, что ее зад прикасался к нему. Гремлин был таким.

— Маленький мозг с бушующими гормонами, — сказала она. — Ходячий глупый член. Я засмеялся. Да, что касается этого засранца, она попала в яблочко.

— Я изучаю людей, Нэш, — сказала она мне. — Всегда изучала. Меня интересовали люди и их отношения.

— И что ты думаешь об отношениях в моей маленькой команде?

— Думаю, они тесные и крепкие. У тебя хорошая команда, — призналась она. — Карл — нормальный парень. Он как послушный сторожевой пес. Никогда не предаст. Техасец Слим? О, боже, как бы его характеризовать? Он странный, но преданный. Любит рассказывать про морги и бальзамирование тел. И у меня складывается впечатление, что у него не чисто профессиональный интерес к трупам. Опять же, на девяносто процентов он — брехун. В остальном, он — нормальный.

Микки призналась, что Джени немного ее запугала. Возможно, потому что не любит ее и чувствует исходящую от нее угрозу. Но, как сказала Микки, для этого не было причины. Поскольку Джени очень красивая, имеет тонкие черты лица и идеальную нордическую внешность — от голубых глаз до высоких скул и светлых волос, скорее серебристых, чем желтоватых.

— Она, правда, привлекательная, Нэш. Но позволь мне сказать, она немного прохладно относится не только ко мне, но и к тебе, ко всем. Хотя она заботливая и сострадательная. Она дает тебе почувствовать, что заботится гораздо больше, чем готова это признать. Но это типа "Я забочусь, милый, но моя хата с краю".

Микки сказала, что сразу же почувствовала связь между мной и Джени. Будто она была подключена ко мне, а я — к ней, а вместе мы образуем некую электрическую цепь.

— Точно, — сказал я. — Только я начинаю уже думать, что эта цепь больше не работает.

— Если это так, то уверена, что она обвинит в этом меня, — сказала Микки. — Она давно уже на меня косо смотрит. — Ты обладаешь силой, и я сразу это поняла. От одного взгляда на тебя у меня начинали шевелиться волосы на затылке. Но сперва я не понимала, почему. Никто не пытается тебе перечить, кроме Джени с ее постоянными перепадами настроения. Я знаю, что в тебе что-то есть. Поскольку что бы это ни было, остальные боятся этого.

Я проникся к Микки симпатией. Она была честной. Такой же, как Джени, только более прямолинейной, никаких игр, никакой хитрости, никакой эзотерической женской загадочности. Микки открыла мне все карты. Было в этом что-то очень приятное.

— И что ты думаешь теперь, когда ты знаешь о Тени? — спросил я ее. — Думаешь, что я какой-то страшный монстр? Псих, который кайфует от того, что мучает других людей? Гребаное животное, не знающее пощады, каким считает меня Джени?

Микки собрала в своем взгляде всю силу обольщения, которой обладала — а она у нее была немаленькой — и посмотрела на меня.

— Нет, Нэш. Я вовсе так не считаю. Ты делаешь это во благо всех нас, при том, что это вызывает у тебя страх и ненависть. Но у меня это ненависть не вызывает, — сказала она, подойдя чуть ближе. — Я уважаю силу, которая в тебе есть. На самом деле, она меня заводит.

Я едва не рассмеялся. Она говорила правду. Я видел это по ее глазам. Сила заводила ее, и она не стеснялась в этом признаться.

— Как работает твоя интуиция?

— Нормально.

— Чувствуешь что-нибудь? — спросил я. — Насчет того, с чем мы можем столкнуться?

— Да.

— И?

Она облизнула губы и отвела взгляд в сторону.

— Мы в серьезной опасности.

10

Мы снова сидели в машине.

Было решено, что проще всего покинуть город тем же путем, которым мы приехали. По 80-му шоссе, на запад. Я не имел ни малейшего понятия, куда именно на запад мы едем. Знал лишь, что мы должны держаться того направления. Ибо это было где-то там. То, что я искал, или то, что должен был найти благодаря Тени. Поездка в Де-Мойн казалась страшной тратой времени почти во всех отношениях, и все же я знал, что она была важна. В каком-то смысле. Все дело было в Прайсе? Неужели в нем? Я не знал наверняка, но было похоже на то. Эта мысль пугала меня. Ибо единственной настоящей ценностью, которой, казалось, обладал Прайс, было то, он являлся экспертом в области инфекционных заболеваний.

Время покажет.

Карл сидел за рулем, и постоянно жаловался на мусор на дороге. Микки сидела спереди, рядом с ним. Я сидел сзади, с Прайсом и Техасцем. Джени с Морсом — в третьем ряду. Я повернулся, чтобы сказать ей что-то, но она поднесла палец к губам. Морс спал, и это было хорошо. Я принялся пытаться спрашивать Прайса вопросами. Возможно, просто хотел услышать кого-то, кто знает что-нибудь о происходящем.

И Прайс начал свой рассказ.

— Даже в прежние времена никто не хотел иметь дело с Эболой. Даже ваши заслуженные эксперты по биоугрозе боялись ее. При одном ее упоминании вирусологов бросало в холодный пот. Многие из нас считали, что Эбола является своего рода механизмом Судного дня. Единственной известной нам формой жизни, способной нанести серьезный урон человечеству. Возможно, не просто нанести урон, а уничтожить его подчистую. Организм Эболы был самой страшной вещью, которую мы могли себе представить. Мы знали о ней слишком мало. Она появилась в районе реки Эбола в Африке, уничтожила несколько деревень. Последующие несколько десятилетий случались лишь случайные, хотя и незначительные ее вспышки. Возможно, имей они более серьезные последствия, мы обратили бы внимание и пригвоздили бы гадину. Но вспышки имели несистематический характер. Мы не знали, как именно переносится вирус. По воздуху? По воде? И так, и так? Другим каким-либо способом? Являлись ли переносчиками трупы его жертв? Мы отследили его до Центральной Африки, и там след терялся. Мы знали, что он где-то рядом, что он распространяется, но так и не смогли найти его главный источник. Но мы знали, что он существует. И это нас пугало. Мы все представляли себе, что вирус устроит массированный прорыв, передаваясь от одного человека к другому. Миллионы погибших за считанные недели. Поэтому неудивительно, что специалисты по биоугрозе делали в штаны при одной мысли о работе с этим маленьким смертоносным микробом. Один крошечный порез в твоём защитном костюме... и все, не так ли? Вирус проникнет в ваш организм через любую маленькую ранку или ссадину.

Прайс рассказал, что Эбола была идеальной микробиальной огненной бурей. Если он

попал в вас, считайте, война уже проиграна, даже не начавшись. Если на фронте старой Эболы было уже все плохо, — поведал он нам, — то потом появилась еще Эбола Экс.

Она была еще хуже, если такое можно себе представить.

В целом, это тот же самый вирус, только более сильный и агрессивный. Распространяется быстрее и убивает быстрее. Эбола Экс поражает каждую часть человеческого тела, не жалея ничего: нервную ткань, спинной мозг, внутренние органы, лимфатические сосуды. Охватывает все, полностью стирая иммунную систему. Начинается с обширного свертывания крови, ограничивая ее доступ в различные системы организма. Лишенные питательных веществ и кислорода ткани начинают отмирать. Соединительная ткань превращается в кашу, кожа покрывается ярко-красными метастазами, которые разрастаются у вас, буквально, на глазах. Плоть становится дряблой, начинается внутреннее кровотечение. Десны размягчаются, зубы выпадают. Глаза наливаются кровью, из всех отверстий течет кровь. В огромном количестве выходит черная заразная рвота, сдирает кожу с языка. Вместе с ней выходит отслоившаяся мертвая ткань из трахеи и желудка, из ануса вытекает кровь, насыщенная измельченными кусочками внутренностей. Органы раздуваются, наполняясь свернувшейся кровью, и начинают гнить. Яички набухают, превращаясь в твердые синие шары, соски кровоточат, из влагалищ выходит зараженная ткань и обильные черно-красные выделения. Если несчастной жертвой является женщина, и она беременна, у нее происходит спонтанный выкидыш. Ребенок появляется на свет зараженным Эболой Экс, он истекает кровью, а глаза у него ярко-красного цвета. Он, как и мать, является токсичными биологическими отходами.

— Конечный результат... он ужасен, похож на нечто, слепленное голливудскими художниками по спецэффектам. Тело буквально разжижается, превращаясь в мясной суп, кишаций вирусом. — Прайс смотрел из окна на руины цивилизации. — Эбола — это уже плохо, но мы понимали, что в случае с Эболой Экс, мы имеем дело с идеальной машиной убийства. Это как рука очень злого бога. Процесс, угрожающий всему человечеству.

После этой небольшой лекции никто не проронил ни слова. Но молчание длилось недолго. Ужасные подробности сделали свое дело.

— А ты определенно веселый парень, — спустя некоторое время сказал Прайсу Техасец Слим, и в его словах не чувствовалось абсолютно никакого юмора.

Я продолжал думать о Медузе. Мне хотелось каким-то образом поделиться своими страхами с Прайсом, чтобы не походить при этом на спятившего параноика, который не видит разницы между ночным кошмаром и реальностью. Позже я при первой же возможности отведу его в сторону и расскажу ему. Заставлю его выслушать меня. А если он решит, что я брежу, значит, так оно и есть.

Пока мы ехали, я заметил, что Микки смотрит на меня в зеркало заднего вида. Когда я перехватил ее взгляд, она улыбнулась. Я был рад тому, что она с нами. И в то же время видел в ней возможный деструктивный элемент. Я поверил почти всему, что она рассказала мне утром, но я не был наивным. Я знал, что женщины, с такой внешностью, как у нее, делали карьеру, манипулируя мужчинами. Я знал, что должен быть осторожен.

— Могу я спросить, — произнес Прайс, — что именно питает ваше стремление двигаться на запад? Мне кажется, вы не имеете четкого представления, куда едете, или даже почему вы хотите туда попасть. И это несколько сбивает меня с толку.

Техасец посмотрел на меня, и я не решился встретиться с ним глазами. Я чувствовал на себе взгляд Джени, по-видимому, полный горечи, ненависти и упрека. Я должен был сказать

ему. Он был частью нашей команды, и имел право знать. Но я надеялся на более конфиденциальный разговор. Я не знал, что ему ответить, и был лишен такой возможности, потому что последовал внезапный удар, и джип понесло по улице юзом, потом он отскочил от припаркованной машины и врезался в груды щебня.

11

Морс с воплем проснулся от мирного сна и сразу же потянулся за своим "Никоном". Все кричали, недоумевая, что произошло. И я в их числе. Что-то ударило нас, и ударило чертовски крепко. Это было не случайное столкновение с припаркованной машиной или обломком здания. Что-то ударило нас. Что-то очень крупное. Через лобовое стекло я видел лишь кружащееся облако пыли.

— Все в порядке? — спросил я, когда шум улегся.

— Похоже на то, — ответил Карл. — Хотя нужно проверить джип.

— Что это было? — поинтересовалась Джени.

— Наверное, наш друг Карл въехал во что-то, — предположил Техасец Слим.

— Черта с два. Что-то ударило нас. Что-то большое.

Но что именно? Именно это я продолжал спрашивать себя. Мы завернули за глухой угол, образованный разрушенным зданием и осыпавшимся с него щебнем, а потом... не знаю... я увидел какую-то серебристую вспышку. Затем... бум.

— По-моему, это был автобус, — сказала Микки. — Он появился из ниоткуда... но, похоже, это был большой автобус.

— Я тоже это видел, — сказал Карл.

Я перевел взгляд с него на Микки.

— Школьный автобус? Или туристический? Какой автобус?

— Ничего подобного, — сказала мне Микки. — Он был серебристым. Как поезд.

Мы выбрались из джипа. На передней панели с пассажирской стороны виднелась приличная вмятина. Очень приличная вмятина, но не настолько глубокая, чтобы металл терся об колесо. Карл проверил двигатель и подвеску. Все было в порядке. На этот раз нам повезло.

— Все-таки мне интересно, что это было, — произнес Техасец.

— Смотрите, — сказала Микки, изучая вмятину. Она сковырнула что-то ногтем. Узкий кусочек серебристой краски. — Видите? Я же говорила. Это был большой гребаный серебристый автобус.

Морс сделал снимок краски.

Я представил себе один из тех заказных экскурсионных автобусов, на которых раньше пенсионеры ездили в Брэнсон, шт. Миссури, потоптаться под звуки кантри. Кто-то устроил на таком дикие гонки. Несмотря на абсурдность, этот образ не шел у меня из головы.

— У него не было окон, — сказала Джени.

Мы все посмотрели на нее.

— Вот, что я видела. Но толком не разглядела. Потому что клевала носом, — объяснила она. — Но потом я открыла глаза и увидела эту металлическую серебристую штуку. Она была огромная. Но без окон. Совсем без окон.

Я подумал, что это мог быть какой-нибудь армейский автомобиль. Но серебристый автобус... серебристый автобус... эти слова не шли у меня из головы. Где же я слышал про большой серебристый автобус?

Микки постукивала по губам длинным указательным пальцем.

— Тот парень... помнишь? Тот псих в халате? Он говорил что-то про серебристый автобус.

Карл рассмеялся.

— Тот гребаный Гомер? Черт, у него были покрашенные розовым лаком ногти на ногах, и он таскал с собой телефонную книгу. Сказал, что съел свою собаку.

Но теперь я тоже вспомнил. Парень в халате, чокнутый, бредящий, контуженный... но не обязательно ошибающийся. Что именно он сказал?

Они прибыли на серебристых автобусах. Я их видел. На них были оранжевые костюмы. Они забрали преподобного Боба и бросили его в автобус.

— Могу я поинтересоваться, о чем вы говорите? — спросил Прайс.

Я рассказал ему. Рассказал о том парне, и о том, что его слова в тот раз мне показались очень странными. А теперь я вовсе не считал их такими уж странными, и, по-моему, Прайс думал то же самое.

— Хммм. Серебристый автобус. Люди в оранжевых костюмах. Так он сказал? Интересно.

Но времени для предположений не было. На улице мы были хорошей мишенью. Мы вернулись в джип, Карл сел за руль и повез нас дальше. Пока мы ехали, я неоднократно пытался завязать с Джени разговор, но тщетно. Всякий раз, когда я заговаривал с ней, она обращалась с вопросом к Техасцу или Прайсу, либо позировала для Морса.

Она перешла уже все границы, — продолжал я говорить себе. Эта сучка жива, потому, что ты позаботился о ней, а теперь она обвиняет тебя. И ты будешь это терпеть, Рик? Может, в следующем месяце ты должен познакомить ее с большим братом Тенью...

Естественно, это была лишь злая фантазия мести за предательство, только и всего. Я не сделаю этого с Джени. Хотя, с другой стороны, если до этого дойдет, кого бы я выбрал? Глядя на лица сидящих в джипе людей, я знал, что выбор сделать будет нелегко.

За каждым углом, на каждой улице я ждал беды. Но ничего не происходило. Совсем ничего. Мы беспрепятственно покинули Де-Мойн. И думаю, даже тогда я знал, куда мы едем. Потому что я услышал это название ночью во сне.

Небраска.

12

Проехав несколько часов, мы заметили небольшой придорожный парк с мемориальной доской. Его пересекала река, а в конце тропинки был водопад. Мы все были грязными, и нам необходимо было помыться. Поэтому мы по очереди стали купаться, и это было чудесно. Джени и Микки пошли первыми. Затем Прайс и Техасец Слим. Морса я отправил одного. Я решил, что никто не захочет, чтобы он фотографировал их голышом, даже если в камере нет пленки.

Я пошел последним. Вода была холодной, но освежающей, и я мог бы простоять в ней весь день.

Мне нужно было все обдумать.

Мы стояли на пороге чего-то очень важного. Перед нами открывалась некая гигантская бездна, и это имело прямое отношение к Небраске, куда мы должны были отправиться по велению Тени. Конец был близок. Наша судьба находилась где-то за границей этого штата, и я знал это. Чувствовал это спинным мозгом.

Я стоял под водопадом и думал обо всех, кого потерял. Думал о Спексе. Думал о Шоне.

Но в основном я думал о своей жене. Я думал о Шелли, и казалось, будто она была мертва уже сотню лет. Ее образ не шел у меня из головы. Но он был уже не отчетливым, не свежим, и больше походил на медленно тускнеющий старый снимок.

И это пугало меня. По-настоящему.

Я вспомнил, как Шелли умирала, и заплакал. Я был рад, что она не умерла одинокой и нелюбимой, как многие другие. Я был рад, что держал ее за руку, когда она ушла. Тогда она была без сознания, и даже не знала, что я рядом, хотя я не верю в это. Не верю ни капли. Думаю, она все осознавала. Думаю, она умерла, зная, что я люблю ее.

Ты стала бы такой хорошей матерью, — подумал я. Помнишь, как мы говорили о детях, Шелли? Помнишь? О, наши дети были бы счастливы иметь такую мать, как ты. Ты стала бы идеальной матерью. Ты была ангелом во всех отношениях, и я рад, что сказал тебе это. Жаль только, что у нас нет детей, иначе я сказал бы им, какой чудесной женщиной была их мать.

Вот о чем я думал.

И казалось, не мог думать о чем-то другом. Я находился в оцепенении, и в какой-то момент вдруг понял, что не один. У края реки, по лодыжки в воде, стояла Микки.

— Не возражаешь, если я присоединюсь к тебе? — спросила она.

Я хотел было попросить ее уйти и оставить меня наедине с моими мыслями, но я не стал. И если честно, не хотел, чтобы она уходила.

— Конечно. Иди сюда.

Микки скинула с себя шорты и футболку. Она была потрясающе красивой. Длинноногая, с высоко стоящей грудью, с бронзовой от загара кожей, с длинными черными волосами, ниспадающими с одного плеча. Не думаю, что в тот момент я хотел кого-то сильнее, чем ее, и она прекрасно понимала это. Она дирижировала мной с того момента, как присоединилась к нам, и я ненавидел ее за это. Как и ненавидел себя, за то, что поддался.

— Иди сюда, — сказал я ей, и это прозвучало не как просьба.

Я поднял ее на руки. Плоть у нее была холодной от воды, но я чувствовал жар, пылающий у нее между ног. Я грубо обхватил ее, но она не сопротивлялась. Ее горячий язык оказался у меня во рту. Какое-то время мы ласкались и целовались, затем я схватил ее за волосы и, потянув вниз, ввел член ей в рот. Я принялся двигать ее головой вверх-вниз, пока она не стала давиться. Когда член у меня полностью отвердел, я схватил ее за бедра, впившись пальцами в ягодицы, и она обвила меня ногами.

В наших действиях не было никакой нежности.

Я поднес ее расположенный на уровне моего пояса уступ и положил на него. Широко раздвинул ей ноги и вошел в нее. Трахалась она фантастически, в этом не было сомнения. Я вложил в этот трах всю свою ненависть к ней. Долбил ее так, что она стала кричать. Кончив, оттолкнул ее от себя. Между нами не было любви. Это был жесткий, неистовый секс.

Именно этого она и хотела.

Когда я выходил из воды, со следующей за мной Микки, я был уверен в одном: Джени наблюдала за нами.

13

Так оно и было. И я понял это. Я прочел в ее глаза обвинение, она смотрела на меня, как на какое-то мерзкое, выползшее из-под камня насекомое. Возможно, это была игра воображения. Не знаю. Она бросала на меня злые взгляды уже так давно, что сложно было быть уверенным.

В ту ночь мне приснилась Медуза. Она двигалась с востока на запад, словно некий

гигантский пылесос, словно пыль из ковра, высасывая из тлеющих городов остатки человечества, и оставляя после себя лишь выбеленные кости.

Она приближалась все ближе и ближе, и я не мог убежать от нее. Я видел ее лицо. И что еще хуже, она видела меня. И звала меня по имени.

Потом чьи-то трясущие руки разбудили меня.

— Нэш, — сказала Джени. — Это просто сон. Всего лишь. Просто сон. Не шуми. Я только уложила Морса. — Она говорила о нем, словно о маленьком ребенке. Может, он и был им.

Я лежал, смотрел на нее, а по вискам у меня струился пот.

— Я видел ее, — сказал я Джени. — Она идет за нами. Она приближается.

Джени лишь кивнула.

— Она давно уже идет за нами.

— Ты... ты видела ее?

— Во сне. Наверное, все мы видели.

— Джени...

— Засыпай, Рик.

— Останься со мной, — сказал я. — Не оставляй меня одного.

Она покачала головой.

— Так больше не может продолжаться, и ты знаешь, почему. Спи. А когда проснешься, скажешь себе, что это был всего лишь сон.

Никогда прежде я не чувствовал себя таким одиноким.

14

По пути в Небраску мы с Прайсом много разговаривали. Он был очень эрудированным человеком, и, казалось, знал почти обо всем. Однажды вечером, сидя у костра на неприметном участке возле шоссе, я рассказал ему про Тень. Он был частью нашей команды, и я решил, что ему необходимо знать.

Нас было двое.

Я ожидал, что он посмеется надо мной. В конце концов, он был ученым. Образованным человеком. Но он не стал смеяться... и когда я рассказывал ему о Тени, вид у него был очень мрачный. Потом он долго молчал, размышляя.

Потом он поделился парой теорий насчет моего "друга".

Он сказал, что Тень — это предельный космический хаос, нечто, рожденное из ядерного деления и плутониевой насыщенности в доменной печи творения... нечто, появившееся из пустоты с помощью радиации, давшей ему тело, разум и настрой. По сути, это был дух, призрак, рожденный из термоядерной утробы, сверхзаряженный поток разумной радиации.

Новой дьявол для нового мира.

— Разрушение нашего старого мира, Нэш, породило новый, который является крайне пугающим во всех отношениях, — сказал Прайс. — Биологические мутации, которые все мы наблюдали, на самом деле, совершенно незначительны по сравнению с такими сущностями, как твоя Тень, и другими, которые могут появиться в скором времени. В этом нет ничего сверхъестественного... но, в то же время, все это не поддается научному объяснению и выходит за пределы нашего скудного, примитивного понимания, поэтому кажется чем-то божественным.

— Ты не видел Тень, — сказал я ему. — Но когда увидишь... скажем так, одного ее вида будет достаточно, чтобы ты упал на колени.

— Верю, что так и будет.

Прайс считал, что этот, так называемый Дьявол нового мира является случайным набором частиц, который стал организованным, целостным и органическим, за неимением лучшего слова, в результате массивированного выпадения радиации. И давайте признаем, как не безумно это звучит, что это самое страшилище давно уже ждало своего рождения. В бочках с радиоактивными отходами, в ядрах атомных реакторов, в хранилищах нестабильных изотопов. Просто лежало и ждало. Ждало своего рождения. Подобно тому, как неорганические химические вещества Азойской Земли ждали, чтобы стать жизнью.

Я всегда задавался вопросом, почему Тень является лишь в ночь полнолуния. Иногда я мог общаться с ней в другие ночи, но лишь в ночь полнолуния она появлялась, чтобы забрать свою жертву. Я решил, что эта сущность была чем-то настолько эзотерическим и мистическим, чем-то настолько сверхъестественным, что мой маленький мозг был не в силах постичь.

Но у Прайса насчет этого тоже была теория.

На самом деле, у этого парня были теории почти насчет всего. От женских оргазмов до циклов спаривания зеленых кузнечиков. Прайс на все имел свое мнение. Он был из тех людей, которые были настолько умны, что это не шло им во благо. Я попытался спорить с ним на некоторые темы, но это было ошибкой. Он заставил почувствовать меня полосатой обезьянкой, валяющейся в собственном дерьме. Он был профессиональным спорщиком, и буквально ставил меня на колени, и я с досадой признавал свою недалекость и необразованность. Но больше меня раздражало то, что он не видел во мне равного себе. Скорее объект развлечений, этакого милого щенка, которого учат не писать на мебель, но вряд ли равного себе в интеллектуальном плане человека.

Вы, наверное, думаете, что я был оскорблен, но это не так. Я восхищался подобными людьми. По-настоящему. Зачастую работяги вроде меня испытывают к людям более обеспеченным и образованным своего рода пренебрежение, превращая их в объект насмешек. Да, иногда это было оправданно, но чаще всего — нет. Как в случае с Прайсом. Он обладал высокой эрудицией и интуицией. И я был бы полным дураком, если бы избавился от него из-за каких-то неандертальских предрассудков.

Поэтому я слушал его. И учился.

Как я уже сказал, насчет полнолуния у Прайса тоже была теория.

И он выдал ее мне, как всегда, в форме лекции. Он сказал, что если смотреть на луну через призму фольклора и традиций, то можно разглядеть некоторые очень интересные закономерности. Луна, по его словам, с незапамятных времен вдохновляла человечество. Сводила людей с ума. Регулировала менструальные циклы у женщин. Всегда имела большое религиозное значение. У многих первобытных общин луна считалась божеством, создателем времени и пространства, хранилищем человеческих душ... еще нерожденных и ожидающих реинкарнации. Богиня Луна управляла циклами творения, рождаемости и смерти. Именно поэтому древние календари очень часто основывались на лунных фазах и менструальных циклах женщин, зачастую одинаковых по продолжительности. Луна управляла не только приливами, но и жизнями людей и животных, возрождением и воспроизведением потомства. Вот почему шотландские девушки одно время выходили замуж только в полнолуние. Вот почему определенные культуры могли быть посеяны лишь под ее

светящимся глазом. Говорили, что ведьмы притягивали луну, чтобы вызывать демонов и домашних духов только в эту благословенную ночь.

Но многое из этого являлось суеверием, и все же, во всем этом было зерно истины. Поскольку геомагнитное притяжение луны оказывало решающее влияние на всех живых существ и на их индивидуальные электромагнитные поля. И возможно, во время наибольшего влияния — в фазу полной луны — открывались определенные двери, которые в другие ночи могли быть закрыты. Возможно, ведьмы действительно вызывали демонов и безымянных чудовищ. А возможно, эти сущности в значительной степени напоминали Тень по происхождению и структуре. Та же самая геомагнитная сила, которая заставляла зерновые культуры и женщин плодоносить, также могла создать идеальную среду для чего-то подобного Тени, чтобы она проявлялась физически, используя космическую и лунную энергии, чтобы наполниться содержанием.

Это была опять же всего лишь теория, но она мне понравилась.

Прайс был умный парень, как я уже сказал.

Думаю, он был чертовски прав не только насчет влияния луны, но и насчет самой природы Тени. Я ему так и сказал. Признание его правоты не то, чтобы сильно его удивило. Он почти всегда был прав.

— Она хочет, чтобы мы ехали на запад, — сказал я ему. — Она двигает меня в том направлении с самого Кливленда. Не знаю, почему. Но, похоже, там что-то есть. Что-то...

Прайс подключил свой аналитический ум и сразу же сказал:

— Возможно, она не двигает тебя не к чему-то, а *от* чего-то.

Боже, этот парень — молодец.

Были еще другие вещи, которые я хотел ему рассказать. Про мои сны, про Медузу, но я не был еще к этому готов. Но скоро буду. Я был уверен в этом. Поскольку Медуза приближалась, прогрызала себе путь через разрушенные города, обгладывая остатки мяса с последних костей человечества. И она шла за нами.

Я знал это, чувствовал, что смерть и чума собираются у нас за спиной. Поэтому сказал:

— Ты работал в лаборатории на востоке, верно? Расскажи мне, как все было. Расскажи, что случилось в самом конце.

15

— Как я уже говорил, — сказал Прайс, я был специалистом по биоугрозе. Моей областью исследований были возбудители 4-ого уровня, крайне заразные организмы, способные вызвать пандемию. В научно-исследовательских центрах, таких, как Форт Детрик существовало четыре уровня биологической опасности. 4-ый — самый высокий. Там мы изучали инфекционные заболевания, от которых нет вакцины: хантавирусы, лихорадку денге, геморрагические лихорадки, вирусы Марбурга и Эболы, другие возбудители, которые были превращены в биологическое оружие или генетически изменены для усиления их вирулентности.

Прайс сказал, что получить доступ в комплекс биологической опасности 4-ого уровня, это все равно, что попасть в открытый космос. Вы проходили через многочисленные воздушные шлюзы в автономном костюме химзащиты, очень похожем на костюм космонавта. Все его так и называли. Вас обеззараживали на входе и выходе, подвергая химическому душу и ультрафиолетовому излучению, радиации низкого уровня, сканировали на предмет наличия смертоносных биоорганизмов. Видимо, это был довольно сложный процесс. Зоны безопасности 4-ого уровня постоянно находились под отрицательным

воздушным давлением, так чтобы в случае утечки, воздух не проникал во внешний мир, а всасывался обратно в саму зону заражения.

После того, как упали бомбы, последовала одна пандемия за другой, и все исследователи пытались следить за ними. Команда Прайса, входившая в спецподразделение патогенов, интересовалась Эболой Экс, вспышка которой случилась в Балтиморе. Им необходимо было изучить ее, пока не стало слишком поздно. А это было нелегко, при том, что инфраструктура в стране разрушалась.

— Но мы имели приоритет и находились под юрисдикцией министерства обороны, — сказал он. — У нас был приказ начать широкомасштабную операцию по обеспечению биобезопасности. И вот, что мы сделали. Для начала, нам потребовались образцы для работы. Поэтому спецподразделение по биобезопасности в полном защитном обмундировании высадилось в Балтиморе и доставило нам тридцать человек из одного жилого комплекса. Их отвезли в "Кутузку". Это защищенный объект, полубольница-полулаборатория.

— Во время операции я находился там. Несколько захваченных — а мы захватили их, Нэш, можешь не сомневаться, к черту гражданские права — уже впали в терминальную кому. Многие истекали кровью. Большинство из них казались инфицированными, но на самом деле были просто напуганы.

И это было лишь начало их кошмара.

Их доставили в "Кутузку", и каждого поместили в изолированную палату. Через несколько часов даже у более здоровых пациентов началась ломка. Прайс и остальные вскоре выяснили, что эта новая, усиленная Эбола распространялась очень быстро. Невыносимо было смотреть, как человек разрушается под воздействием этого вируса. Их остекленевшие, ярко-красные глаза смотрели в пустоту, из носа шла кровь, лица напоминали резиновую маску из-за обширного разрушения соединительной ткани, а мозги превращались в серую кашу.

Нельзя было терять ни минуты.

Хотя образцы крови и тканей были собраны, необходимо было взять образцы печени в момент смерти. Этот процесс назывался агональная биопсия. Биопсийный шприц вводился в печень, которая, как и другие органы, начинала разжижаться. В момент смерти труп подвергается спонтанному разжижению, когда омертвевшие органы и ткани буквально расплавляются, в большом количестве выходят жидкости, в том числе черная, как смола кровь, и все насыщенное вирусом.

В течение сорока восьми часов все пациенты погибли.

Интересно отметить, что Эбола Экс имитирует Эболу или Марбург в том, что, словно некий свирепый вирусный волк, пожирает кожу, мягкие ткани, внутренние органы и т. д., но также имитирует лучевую болезнь. В Детрике мы сталкивались с таким в большом количестве. Пациенты, лица у которых буквально лопались от нарывов, и выпадали волосы и зубы. Как при воздействии радиации повышенного уровня. Но это был всего лишь вирус. Все пациенты начинали бредить, поскольку мозги у них разъедались, многие начинали буйствовать. Все это — от нарывов до облысения и приступов ярости — напоминало мне о Скабах. Хотя, возможно, не было никакой связи.

Прайс продолжил рассказ:

— Мы произвели серию вскрытий и нашли то, что ожидали найти, — сказал он, лицо у него было словно вылеплено из теней. — Печень пожелтела и разжижилась, почки

разорвались, внутренности наполнились кровью и сгнили. То же самое со всеми органами и соединительной тканью. Они омертвели и растворились. Все трупы были одинаковы... превратились в биологические отходы в результате экстремального вирусного заражения.

— Следующим этапом было культивирование организма, — продолжал Прайс. — Мы поместили органические ткани, взятые у умерших в колбы с живыми клетками, взятыми в результате биопсии печени. Затем провели серию испытаний с кровью, желчью, различными выделениями и размягченными органами. Потом поместили их в инкубатор, имитирующий температуру человеческого тела. Через два дня получили процветающую культуру вируса. Тогда мы впервые увидели нашего монстра.

Прайс ненадолго замолчал. У меня возникло чувство, что он рассказывал мне вещи, которые надеялся унести с собой в могилу. Хотя временами он мог быть бесстрастным до жестокости, его рассказ был наполнен болью.

— Вирус? — наконец, спросил я.

— Да. Мы поместили его под луч... то есть, под глаз электронного микроскопа. И увидели филовирус, очень похожий на Эболу или Марбург.

Филовирусы, или "нитевидные вирусы", не похожи ни на что из мира вирусологии. В то время, как многие вирусы выглядят как шары или пробки, филовирусы внешне совершенно другие и походят на витую веревку или извивающихся червей. Многие думают, что они напоминают спагетти. Прайс сказал, что даже для микробиолога в них было что-то подозрительное и зловещее, и все, кто изучал их, чувствовал это.

— Не было никакого сомнения в том, что у нас Эбола, только мутировавшая. Новый штамм, невероятно смертельный.

Под микроскопом находилось удлиненное вирусное тело с десятками тонких нитей, выходящих из него. Похожих на белых червей или щупальца. Эбола Экс безудержно нападала на здоровые клетки непобедимой армией микробов-убийц. Они протягивали свои нитевидные усики, хватали клетку, поражали ее, и так далее. Как только они инфицировали клетку, они забирали из нее все питательные вещества и генетический материал, формируя тельца включения — кристаллические блоки чистого вируса — которые являлись воспроизведенным вирусным выводком, готовым к рождению и новым атакам. Сама клетка к тому моменту причудливо раздувалась, буквально "забеременев" вирусом. Каждое тельце вложения двигалось наружу, к стенке клетки, касалось ее и взрывалось сотнями новых вирусов. Затем эти вирусы проникали в стенки клетки, заставляя саму клетку деформироваться, раздуваться и, наконец, взрываться... Новорожденные вирусы высвобождались и отправлялись на поиски новых клеток-носителей, которых осушали, затем размножались и взрывались. Этот процесс повторялся снова и снова. В абсолютно пугающей геометрической прогрессии.

— Такой процесс на самом деле ужасен, — сказал Прайс. — Вирусы создают вирусы, и так до бесконечности. Блоки взрываются на сотни "личинок", клетка-носитель лопается, вирусы высвобождаются, попадают в кровь и прилипают к любой доступной клетке, неустанно усиливая исходный вирус.

Да, это было ужасно.

И по-настоящему пугало. В голову мне лезли мысли, от которых становилось не по себе. Все это было связано с тем, что я видел во сне, и с тем, что рассказал мне Прайс.

— Никогда не забуду, как впервые увидел эту тварь, — сказал он мне. — Это была абсолютная мерзость. Меня всегда восхищала смертельная красота Эболы, но эта

мутировавшая разновидность одним своим видом вызывала страх. Ты должен был видеть это, Нэш, чтобы понимать, о чем я говорю. Это удлиненное тело с десятками белых червей, растущих из него... извивающихся, словно змеи. Я подумал... да... в тот первый раз, когда увидел это... я подумал, что смотрю в лицо Медузы. — Он вытер пот со лба. — У меня было очень странное чувство, что эта кошмарная тварь знает, что я наблюдаю за ним. Что она смотрит на меня и знает, что она — мой хозяин. Она являлась злом в чистом виде, и я знал это. Я... боже милостивый, от одного ее вида мне хотелось перерезать себе вены.

Медуза.

Какое-то время я просто сидел и курил свои несвежие сигареты, глядя на костер и размышляя над концом моего вида. Потому что он приближался, и не было смысла это отрицать. Война значительно уменьшила численность населения Земли, ослабив оставшуюся часть... а Эбола Экс окончательно выбьет человечеству почву из-под ног. Она истребит нас. И это не какой-то бездумный микроб, а мутировавший, высокоразвитый микроорганизм, который прекрасно осознает свои действия и, что самое страшное, испытывает при этом удовольствие.

Не сдержавшись, я выпалил все это Прайсу. Рассказал про сны. Про Медузу. Описал ее внешний вид и высказал свои соображения насчет того, чем она является. Рассказал, что она движется с востока на запад, оставляя после себя лишь обглоданные кладбища.

— Невероятно, — смог лишь сказать Прайс. — И ты думаешь, что Тень уводит тебя от нее... к какой-то неведомой судьбе?

— Да. Она хочет, чтобы мы попали в Небраску. И хочет очень сильно. — Я покачал головой. — Почему Небраска? Почему не Южная Дакота, не Вайоминг, и не Монтана? Я не знаю. Просто не знаю.

— Что ж, этому, возможно, есть одна причина, — сказал он. — "Крик"

— "Крик"?

— Да, "Биттер-Крик". В Детрике мы называли его "Крик". Это Центр биобезопасности 4-ого уровня в городе Биттер-Крик, шт. Небраска, — сказал он мне. — Это научно-исследовательский комплекс и хранилище. Я никогда там не был, но знаю об этом месте. Все говорили о нем только шепотом.

Я почувствовал, как по спине у меня пробежал холодок.

— И что... что хранится там?

— Биологическое оружие, — ответил он. — Каждый гадкий микроб, генетически разработанный нами, хранится там. По крайней мере, такие ходили слухи. В мире вирусологии и микробиологии это что-то вроде Зоны 51. Он покрыт таким же налетом таинственности.

Биттер-Крик.

Я чувствовал, что Тени нравится эта идея. Конец был уже близок. Туда мы и двинемся. Я пойду первым, а остальные последуют за мной. Прямиком в сердце тьмы, прямиком в долину смертной тени.

Прямиком в ад.

БИТТЕР-КРИК, ШТ. НЕБРАСКА 1

Когда мы пересекли границу штата Небраска, нас настигла буря. Она началась с дождя, града и свирепого ветра, который пытался смести джип с дороги. Довольно скоро, по нам ударил не только дождь и град, размером с мячи для гольфа, но и самый разнообразный мусор. Ветер подхватывал все и ураганным огнем обрушивал на джип, от чего тот трясло так,

будто мы попали под артобстрел.

"Кукурузный штат" встречал нас не очень дружелюбно. Полагаю, мой старый приятель Спекс назвал бы это плохим предзнаменованием.

Карл свернул с 80-ого шоссе, пересек какие-то сельхозугодья и остановился перед огромным, размером с футбольное поле амбаром. Мы прикрыли головы и нырнули внутрь, радуясь, что нашли убежище.

По обеим сторонам располагались стойла с большим количеством сена, по центру амбара проходила бетонированная дорожка. Когда-то здесь содержался крупный рогатый скот.

Мы с Карлом и Микки наблюдали из дверей за бурей.

Это было действительно нечто. Дождь продолжал лить с периодическими залпами града. Черное небо было испещрено ярко-красными и синими полосами, мерцающими и переливающимися, словно северное сияние. Вдали, как взрывы при авиаударе, вспыхивали молнии. Амбар сотрясали раскаты грома.

— Нашему джипу досталось от этой гребаной бури, — сказал Карл. — Но он по-прежнему на ходу... по крайней мере, пока.

— Мы должны попасть в Биттер-Крик, — сказал я.

— А где это?

— По словам Прайса, это где-то на севере, в округе Бун.

Микки кивнула.

— Окей. И что в этом Биттер-Крике?

— Выясним на месте, — ответил я.

Я не собирался делиться с ними своими мыслями и чувствами и тем, что Прайс говорил про тот объект 4-ого уровня. Не было смысла пугать их еще сильнее. Потому что я читал у них в глазах сочетание волнения и страха, и в этом не было сомнения. Они знали, что мы приближаемся к нашей судьбе, что рядом находится нечто очень важное.

— Может, там будет рай, — с сарказмом сказала Микки. — Может, мы увидим свет в конце туннеля.

Карл затянулся сигаретой.

— Конечно, сладкая. — А, может, это будет ад.

— Давайте просто переждем шторм, — сказал я.

Я оставил Карла и Микки с их рассуждениями. И пошел к другим. Те сидели на невысокой каменной кормушке. Джени открыла несколько сухпайков, а Техасец Слим потчевал всех историей о торнадо, случившемся на ферме его тетки в Оклахоме. Это был своего рода его обеденный театр. Я не хотел есть, но стал слушать рассказ Техасца о коровах, которых засосало в воронку. Их сильно потрепанные туши выбросило на парковку возле одной барбекю-забегаловки в двадцати милях от фермы.

— Так что, мясо, хотя бы, не пропало, — сказал он.

Я пошел прочь, а Морс щелкнул мне вслед пару раз фотокамерой и прислонился к одному из стойл. От запаха горячей еды у меня закрутило в животе. Я постоял в одиночестве, непрерывно курая и гадая, не веду ли этих бедолаг на верную смерть.

Погруженный в раздумья, я поднял глаза и увидел, что передо мной стоит Джени.

— О чем думаешь, Нэш? — спросила она меня, хотя по выражению ее лица я видел, что ей абсолютно не интересно. — О чем-то важном или о сиськах Микки?

— О сиськах Микки.

Джени покачала головой и отвернулась.

— Это была шутка, — сказал я ей. — Брось.

Она осталась, хотя было очевидно, что ей больше не интересна моя компания. Разве можно было ее в этом винить? Все мужики в душе распутники, не так ли? Но только глупцы запускают ситуацию еще сильнее.

— Я думал об этих людях, Джени.

— А что с ними?

Я затянулся, жалея, что так и не бросил курить, и понимая, что на данном этапе это не так уж и важно.

— Они идут за мной, потому что по какой-то причине верят в меня. Либо они боятся Тени, либо думают, что она — или я — защищает их. В большинстве случаев они не задают вопросов. Они принимают все, как есть. И это меня тревожит. Их доверие.

— Ну, такого человека, как ты должно тревожить любое доверие, — сказала она, и когда заметила, что я не обращаю внимания на ее колкости, продолжила: — Им необходимо во что-то верить, Нэш. Всем им. Особенно сейчас. И ты должен признать, что им, в целом, повезло с тобой.

— Чего не скажешь про Спекса и Шона.

Но у Джени не было желания обсуждать умерших.

— И тебя тревожит это доверие?

— Да. — Я растер ногой окурки. — Мы едем в место, называемое Биттер-Крик Джени. Я знаю лишь, что оно где-то рядом. Прайс говорит, что это — хранилище, где военные держат бактериологическое оружие. Это все, что мне известно. Но я знаю, что мы должны туда ехать. И почему-то знаю, что все закончится именно там. Я должен ехать туда... но я не знаю насчет остальных. Сейчас я думаю, должен ли сказать вам ехать дальше на запад, а меня оставить здесь. Мне не нравится идея, что вы столкнетесь с тем, с чем должен столкнуться я.

— Хммм. У тебя внезапно появилось огромное желание не подвергать жизни других людей опасности?

— Да.

— Слишком поздно, Нэш. Они пойдут за тобой, и ты не можешь от них избавиться.

— А как же ты?

Джени изучающе посмотрела на меня своими холодными голубыми глазами.

— У меня есть свои причины оставаться с тобой. И, поверь мне, они никак не связаны с любовью к тому, кем или чем ты стал.

— Может, расскажешь, чем же я стал?

— А какой в этом смысл?

Джени отвернулась, и я схватил ее за руку. Она отдернула ее, словно только что коснулась гремучей змеи.

— Не трогай меня, Нэш. Ты больше не имеешь на это права. Я останусь с тобой, как и остальные. Но лишь потому, что мне это необходимо, а не потому, что я этого хочу.

2

— Чувствуете запах? — спросил Карл десять минут спустя, вырвав меня из размышлений.

Ветер дул с другой стороны, сквозь полуоткрытую дверь в дальнем конце амбара, и я

почувствовал в нем запах смерти. Горячий, тлеющий. Я хорошо знал этот запах. Так пах каждый город в стране, а, может, и во всем мире. Но я не ожидал почувствовать его здесь, в амбаре. Он был пронзительным, тошнотворным, и постоянно усиливался.

Карл, Техасец и я схватили оружие.

И двинулись на запах в дальний конец амбара. С каждым шагом во мне нарастало чувство тревоги. Нам не нужно было новых проблем. Нам нужно было попасть в Биттер-Крик. Достаточно того, что ждало нас там.

— За тем стойлом что-то есть, — сказал Техасец, держа в руках свой "Дезерт Игл".

Карл с "Калашом" двинулся вперед. Я пошел за ним следом.

Трупы.

В полу было вырыто что-то вроде кормушки, предназначение которой мне было неизвестно. В ней лежало пять или шесть тел. Зеленых, размякших от тлена. Все были раздуты, а смрад здесь был почти осязаемым.

— Черт, — ругнулся Карл.

Одно из тел зашевелилось. Затем другое. Это было невероятно, но я видел это собственными глазами. Несмотря на все те ужасы, что мне уже довелось испытать — а их было немало — меня вдруг охватил безрассудный суеверный страх перед живыми мертвецами.

Но здесь не было ничего сверхъестественного.

Тела были заражены паразитами. Только и всего. Из глазницы одного трупа выскользнул идеально белый и идеально гладкий червь. Он был скользким и дымящимся. Поднявшись в воздух примерно на три фута, он стал раскачиваться из стороны в сторону. Похожая на лампочку голова раскрывалась и закрывалась, словно он дышал.

Карл выстрелом разрубил его пополам, прежде чем тот успел плюнуть в нас своим пищеварительным ферментом. Пули превратили его в черную кашу. Оставшаяся часть скользнула обратно в глазницу.

— Нужно сжечь эти тела, — предложил Карл.

— Зачем? — спросил его Техасец. — Как только эти черви закончат есть, голод заставит их искать себе новое мясо.

— Верно, — сказал я.

Мы с Техасцем повернулись и двинулись к остальным. Я крикнул им, что это всего лишь черви, и они успокоились. Карл шел за нами следом. Не сдержавшись, он направил свой "АК" в яму и выпустил по останкам пару коротких очередей.

И в этот момент мы услышали крики.

3

На нас бросился какой-то человек. В руках у него была лопата, и он явно планировал ей воспользоваться. Я не знаю, где он прятался — возможно, под сеном. Но он кинулся прямо на Карла, прежде чем кто-то из нас успел вмешаться, и прежде чем Карл успел вскинуть оружие. Человек взмахнул лопатой, и Карл пригнулся. Лезвие лопаты прошло в опасной близости от его головы и ударило в бетон с такой силой, что полетели искры.

Затем Карл ударил человека прикладом своего "АК", и тот упал.

Это был одетый в лохмотья старик с белой бородой. Он стоял на коленях и тяжело дышал, из виска текла кровь.

Карл направил на него автомат.

— Мы не тронем тебя, — сказал я старику, а тот просто смотрел на меня дикими

глазами. Глазами напуганного животного. Он бормотал что-то, нес какую-то бессмыслицу. К тому времени остальные собрались вокруг нас. Увидев их, старик запаниковал и начал отползать на четвереньках в сторону двери.

Карлу пришлось пойти за ним.

— Пусть идет, — сказал я.

Старик добрался до большой двери и распахнул ее. Внутри хлынул дождь. Он налетал порывами. Старик промок насквозь за считанные секунды. Он что-то прокричал и бросился под дождь. Все это произошло меньше, чем за минуту.

Мы видели, как дождь и ветер обрушились на него. Он метнулся сперва в одну сторону, затем в другую, а потом... потом он закричал. Мы все увидели, как нечто огромное и извивающееся движется в его направлении. Оно схватило его и утащило в дождь. Никто из нас не понял, что это было. Все случилось слишком быстро. Воображение рисовало мне гигантскую змею, выползшую из мрака.

Старик снова закричал, а потом все стихло.

Мы стояли и ждали, с оружием в руках, но больше ничего не произошло. Лишь дождь стучал по лужам и хлестал по стенам амбара.

4

Через пару часов буря закончилась, и к тому времени мы были убеждены, что рядом, в пастбищах и кукурузных рядах затаились какие-то твари. Мы понятия не имели, кто это, но мы слышали их. Какое-то время мы слышали тихое попискивание и пронзительные визги. А один раз раздался гулкой грохот, будто кто-то топнул гигантской ногой.

После бури остался розоватый туман, но счетчик Гейгера показывал, что он безвреден. Учитывая то, что мы слышали, мне совсем не нравилась идея бежать до джипа. Поскольку в тумане виднелся лишь смутный силуэт.

— Возможно, было бы целесообразно подождать, когда туман рассеется, — сказал Прайс.

Я хотел было возразить ему, потому что должен был. Мы должны были ехать дальше. Во мне нарастало желание добраться до Биттер-Крика как можно быстрее. Больше ждать было нельзя. Предложение Прайса было встречено всеобщим молчанием.

Его нарушила Микки.

— Думаю, он прав, Нэш.

Но ждать никто не хотел. Я видел это.

— Я пойду первым, — сказал Карл. — Нэш, ты — со мной. Техасец, по моему сигналу выводишь остальных.

Я понял, что дело не только во мне. Другие тоже это почувствовали. Как и я, они испытывали тревогу. Мы должны были уезжать. *Должны были.*

Карл вышел первым, я — сразу за ним. Туман был влажным и каким-то липким, я почувствовал его у себя на лице. Когда мы отошли от двери на десять футов и оглянулись, амбар исчез. Туман проглотил его. Казалось, он загустел и превратился в непрозрачный бульон, и был теперь скорее не розовым, а молочно-белым.

Найдя джип, мы вздохнули с облегчением.

— Все в порядке, — крикнул я остальным, вытирая с лица осевшую влагу. — Идите сюда!

Карл прыгнул за руль и попытался завести джип. Двигатель закашлялся, и у меня екнуло

сердце. Иногда эти странные бури с молниями выводили из строя электрическую систему автомобилей, причем намертво. Наконец двигатель завелся и ровно заурчал.

Я выдохнул с облегчением.

Я знал, что мы здесь не одни. Вдали то и дело раздавались звуки волочения. Я видел призрачные силуэты, движущиеся в клубящейся мгле.

Что-то прошло позади джипа и исчезло, прежде чем я успел прицелиться.

— Быстрее! — крикнул я другим, пытаясь смотреть во все стороны одновременно.

Мимо меня снова что-то прошло. Я успел бы выстрелить. Оно было достаточно близко... но то, что я увидел, было чистой воды безумием. Сгорбленная фигура, передвигающаяся на четвереньках. Она походила на свинью, огромного, жирного борова, покрытого щетиной и бледного, как труп. Вот, что я увидел. Мне показалось, что у него было человеческое лицо.

Я слышал, как другие твари топчут в тумане.

Карл вылез из кабины.

— Они там что, застряли, мать их? — поинтересовался он.

Едва эти слова слетели у него с языка, как я снова услышал топот. Нечто издало пронзительный писк, выскочило из тумана и врезалось в Карла. Я поспешил к нему, и тут какая-то свинорылая тварь набросилась на меня. Я влепил в нее две пули, выстрелил еще три раза в мечущиеся, топчущие силуэты в тумане, но что-то ударило меня сзади, и я упал лицом вниз.

Я быстро вскочил на ноги, выстрелил и услышал крик Карла.

Спотыкаясь, я побежал к нему и увидел, что одна из тех тварей... бог знает, что это было... пригвоздила его к земле. Да, она походила на борова... только была белой и какой-то раздутой. Карл отбивался, а тварь молотила его своими раздвоенными копытами и пыталась добраться пастью до горла. Я подскочил и двумя ударами ноги сбил тварь с Карла. Я должен был пристрелить ее... но боялся попасть в Карла. Тварь откатилась в сторону, жирная и бледная. Снова вскочила на ноги, своим рылом она напоминала и свинью и человека одновременно. Розовые, блестящие глаза были прикованы ко мне. Она бешено хрюкала и визжала, пасть у нее походила дыру, заполненную острыми, желтыми зубами, загнутыми назад, как у гремучей змеи.

Она бросилась на меня, и я всадил в нее три пули, которые сбили ее с ног, но не убили.

Потом Карл схватил свой "АК", и очередью развалил ей башку.

Тварь лежала в грязи, дергая ногами, забрызганная грязью и облепленная листьями. Кровавые пятна казались почти черными на фоне ярко-белой плоти. Голова у нее была прошита в трех или четырех местах. Из отверстий толчками, с жутким хлюпаньем вытекала студенистая кровь.

— Господи, — пробормотал Карл и отвернулся.

Техасец, насколько я понял, отвел остальных обратно в амбар, ради их безопасности. И теперь звал нас.

— Да, веди всех сюда, — крикнул я.

Больше тех свиноподобных тварей я не видел.

Но приближались другие. Я их не видел, слышал лишь их чавкающий топот по размокшей от дождя подъездной дорожке. Я крепко сжал в кулаке "Беретту". Потом я услышал что-то еще, и если от кашляющего двигателя сердце у меня екнуло, то сейчас оборвалось и полетело в черную бездну. Это был какой-то первобытный, оглушительный

рев, от которого затряслось все вокруг.

Я распахнул двери и втолкнул в салон Джени и Микки, затем Техасца. У меня почти получилось. Да, у нас почти получилось. И тут раздался крик Прайса. Он обходил джип сзади, чтобы сесть со стороны Карла... а потом что-то схватило его.

Я услышал его крик.

Что-то обвилось вокруг него, как та тварь, которая забрала безумного старого фермера. Она была черной, гладкой и извивающейся, приплюснутой, внешние края усеяны шипами, как ловчие органы плотоядного растения.

Я выстрелил в нее. Карл тоже открыл огонь.

Я видел, как нечто увлекает Прайса в туман. Только не куда-то в сторону, а вверх, будто это нечто нависало прямо над нами.

Морс принялся щелкать фотоаппаратом, как военный корреспондент, и я запихнул его в салон.

Карл прыгнул в кабину, и я последовал, было, его примеру, но что-то метнулось из тумана, как хлыст и ударило меня. Не только ударило, но и отбросило футов на десять-пятнадцать от автомобиля.

Карл закричал.

Я услышал, как кто-то в джипе зовет меня по имени. Мне хотелось верить, что это была Джени, но я был уверен, что это Микки.

От удара у меня перехватило дыхание, я поднялся на колени и посмотрел вверх.

Тварь находилась прямо надо мной. Размером она была почти как мобильный дом. Гигантская, раздутая, бугристая, покрытая ключьями сального меха или жесткими шипами. Она висела в воздухе, будто накачанная газом. Может, так и было. Сперва в голову мне пришло нелепое предположение, что это паук. Но это был не паук. Я не знаю, что за тварь это была. Я увидел скопления оранжевых сферических глаз, конечности, напоминающие ноги или щупальца, только сегментированные, как хвост у скорпиона, розовые и пульсирующие, усыпанные по краям шипами. В самом центре этой причудливой, перекачиваемой массы зияла огромная черная бездна, возможно, являвшаяся пастью.

Эти конечности свисали со всех сторон.

Я чувствовал себя мухой, попавшей в паутину. Знал, что куда бы я не дернулся, эта тварь поймает меня. Поэтому я замер, совершенно ошеломленный... Сидя на корточках, я испытывал мучительную резь в мочевом пузыре. Тварь нависала надо мной, словно некий безумный кошмар, рожденный самим туманом. Сочащийся слизью и ошетилившийся шипами. По его конечностям время от времени пробегала дрожь.

В пасти у него что-то было.

Думаю, это Прайс.

Тварь перерабатывала его. Посасывала и пожевывала. Что-то вывалилось из этой гигантской пасти и со стуком упало на землю. Это была человеческая бедренная кость, отполированная до блеска.

Я почувствовал, как из горла у меня рвется истерический смех.

Медленно, болезненно медленно, я двинулся в сторону джипа, до которого, казалось, было квартала два.

Словно улитка я полз вперед, с такой летаргической скоростью, что на преодоление пяти футов у меня ушло бы минут десять. И все равно я продолжал двигаться. Тварь по-прежнему чавкала и хлюпала, но ее конечности время от времени подрагивали. Возможно,

чувствовала добычу, либо просто напрягала свои мышцы.

Джип.

Теперь он был близко.

Оказавшись в шести футах от него, я запаниковал. Я отчаянно пополз к нему по грязи. Тварь зашевелилась, а ее конечности — боже, их были десятки — стали сокращаться и трепетать, а некоторые принялись шарить по земле, словно пальцы, пытающиеся что-то нащупать.

Это было какое-то безумие.

Тварь продолжала есть, роняя кости и другие вещи.

Я видел ее довольно отчетливо. По крайней мере, ту ее часть, которая свисала из тумана.

Она напоминала чудовище из фильма ужасов 50-ых годов, некое богохульство из картин Роджера Кормака... гигантская, волосатая медуза, с извивающимися розовыми конечностями.

Увиденного хватило мне с лихвой.

Я вскочил на ноги и бросился к двери джипа. Открыл ее и прыгнул на переднее сидение как раз в тот момент, когда что-то скользнуло у меня над головой. Когда я захлопнул дверь, тварь рассвирепела. Она опустила конечности, и они стали скользить по крыше джипа, пытаясь найти ускользнувшую добычу. В течение одной пугающей минуты, эти щупальца закрыли собой все окна. Извиваясь, царапали стекло, и присасывались к нему розовыми присосками. Как не безумно это звучит, это очень напоминало автомойку с мягкими вращающимися щетками для чистки окон. Я смотрел на десятки этих розовых присосавшихся ртов. Они походили на губы.

Когда тварь отстранилась, Карл ударил по газам.

Что-то царапнуло по крыше, и что-то ударило по двери багажника, от чего джип трянуло. Затем на ветровое стекло брызнула ярко-красная кровь, и Карл смыл ее "дворниками". Я увидел, как с капота скатилась голова одной из тех полулюдей-полусвиней.

Потом мы снова оказались на главной дороге и понеслись сквозь туман.

Я никогда никого не спрашивал, почему они не попытались помочь мне, когда я оказался в ловушке. И думаю, это мне не надо. Я знал почему. Все они были парализованы страхом.

5

Не заезжая в Омаху, Карл повернул на север, в сторону 30-ого шоссе. Чем дальше мы ехали, тем тише становилось в джипе. А спустя какое-то время даже скудные разговоры сошли на нет.

Мы медленно ехали сквозь туман, чтобы не врезаться в стоящие на дороге машины или грузовики.

Карл продолжал вести, не останавливаясь.

Тишина становилась густой, почти осязаемой.

Через час мы остановились в каком-то маленьком городишке, чтобы заправиться. Я не помню название. Он был совершенно вымершим. Черная тишина эхом отдавалась на улицах. Дома были серыми и покосившимися, от досок начала отслаиваться краска. Лужайки заросли, а из трещин на улицах пробивались сорняки. Пыльные окна зияли пустотой. Здесь давно уже никто не жил. В небольшом парке напротив заправки, где Карл слил немного бензина, Микки обнаружила пару скелетов.

И больше ничего.

Мы двинулись дальше.

Я немного поспал, и когда проснулся, увидел, что Микки спит, свернувшись калачиком и положив голову мне на колени. Я посмотрел на Карла, и он зловеще ухмыльнулся. Микки проснулась с таким видом, будто и впрямь была не против того, на что намекал Карл.

Туман по-прежнему был довольно густым.

Мы заехали еще в один городишко. Улицы там были пустынными, дома выгоревшими. Множество разбитых машин, заросшие сорняками парковки и разбитые витрины.

— Смотрите, — сказала Микки.

Я увидел людей. Они стояли вдоль улиц, по которым мы проезжали. Лица у них были изуродованы нарывами и наростами. У некоторых в проеденных язвами дырах проглядывало сырое мясо. На одного стоящего приходился десяток валяющихся на тротуаре и гниющих в канавах. Все они были поражены чумой. Они забрасывали нас какими-то штуками, которые растекались по джипу. Хотелось думать, что это были гнилые помидоры.

Мы ехали еще пару часов, а затем сбавили скорость. Я увидел впереди город.

— Биттер-Крик, — объявил Карл.

6

В первую ночь мы не отправились туда. Переночевали на улице, в маленьком придорожном парке. Было уже поздно, и не думаю, что кто-то хотел ломиться туда в темноте, особенно не зная, что нас там ждет. Мы развели костер, поели и сели в круг. Говорили мало.

Ночь выдалась хорошая.

Туман рассеялся, звезды ярко светили. Небо было таким же, как десять лет назад и в любое время до Судного дня. Единственное, что отличало его, это то и дело мерцающий багрово-синий ореол на горизонте. В остальном оно было идеальным.

Я думал о Прайсе, обо всем, что он рассказал мне, и как это вписывалось в то, что я уже знал и в то, что поведали мне мои сны. Я чувствовал себя виноватым в его смерти. Он не хотел выходить в туман, но мы приняли решение за него. Предчувствовал ли он свою смерть? Возможно, нет. Просто мудрый человек сразу распознает глупые идеи.

Я зажмурился и увидел лица мертвых друзей. Затем они померкли, и я увидел города на востоке — безжизненные, продуваемые ветрами, с грудями дымящихся костей. Теперь к востоку от Миссисипи была одна лишь смерть, и она медленно ползла на запад. Айова была уже мертва. Как и Миннесота, Миссури, Оклахома, Арканзас и Восточный Техас. Мертвы. Канзас был одной ногой в могиле, а с ним и Дакота. Небраска должна была пасть следующей, и я знал это.

Медуза приближалась, и приближалась все быстрее.

Меня бросило в пот и затрясло, потому что, как и Тень, я чувствовал, что она где-то рядом. Город за городом проедает себе путь на запад. С Медузой у меня была некая парапсихологическая связь, и я чувствовал, что она приближается, ищет меня с горячим ветром чумы.

— Ты в порядке, Нэш? — спросила Микки. — У тебя странный вид.

— У него всегда странный вид, — сказал Техасец.

— Да, я в порядке, — ответил я.

Никто не поверил этому, как и я сам.

Я внимательно посмотрел на своих людей, на каждого по очереди.

Старый добрый Карл, всегда на моей стороне. Как сказала Микки, мой верный сторожевой пес. Техасец Слим, постоянно забавлявшийся над всем, что его окружает. Микки, с горящими похотью глазами, всегда готовая угодить. Джени, охладевшая ко мне, вынашивающая секреты и обиды. И Морс, просто чокнутый парень, дурачащийся со своей фотокамерой. Думаю, я так или иначе привязался к ним, поэтому хотел, чтобы они ушли.

Но я знал, что они не уйдут.

Потому что мы были на пороге чего-то очень важного, и они тоже хотели увидеть это.

7

Мы вошли в город днем, вооруженные до зубов. Мне необходимо было воочию увидеть Биттер-Крик. Хотелось узнать, как он выглядит, ощущается и пахнет.

Не прошло и часа, как мы наткнулись на первый труп.

Какой-то парень лежал в траве в скрюченной позе, на правом бицепсе у него была татуировка в виде четырехлепесткового листка клевера. Но она вовсе не принесла ему удачи. Он был весь изрезан, обожжен, изломан... будто упал с большой высоты из горящего самолета. Но это было не так. Его смерть действительно была мучительной и жестокой, но она не имела ничего общего с самолетами, потому что самолетов больше не было. Как не было больше ни поездов, ни бейсбольных игр, ни телевидения. По сути, почти ничего не осталось.

Только мы шестером.

Присев на корточки на кукурузном поле, мы смотрели на раскинувшийся в долине под нами город. На обочине дороги стоял пробитый пулями указатель. На нем была надпись: БИТТЕР-КРИК. А чуть ниже: ЧЕМПИОНЫ ПО БАСКЕТБОЛУ С-КЛАССА 1996 Г.

Я задумался, играл ли этот "счастливчик" в баскетбол.

Вряд ли. Его тело было настолько изуродовано, что сложно было сказать тридцать ему лет или шестьдесят. Хотя та татуировка указывала на определенную "крутость". Парни с татуировками всегда пытаются сказать что-то миру. А этот парень? Что он говорил? Почти ничего. Он больше походил на гарь, соскобленную со дна духовки. Только татуировка осталась нетронутой. Поди пойми.

— Похоже, удача от этого парня отвернулась, — сказал Карл.

— Как пить дать, — согласился Техасец.

Существовало множество вещей, которые могли погубить этого парня, но все мы знали, что это дело рук Деток. Их жертвы всегда выглядели именно так.

— Ладно, — сказал я. — Надо идти. Давайте выясним, что здесь к чему.

Морс сделал своим "Никоном" пару снимков, но никто уже не обращал на него внимания.

Мы вернулись на дорогу и двинулись по ней в сторону города. Но пройдя совсем немного, наткнулись на очередную жуткую сцену. Пугала. Они кольцом окружали город. Только, конечно же, это были не совсем пугала, а мумифицированные человеческие трупы, исклеванные птицами, высушенные ветром и жарким солнцем. Кресты, к которым они были прибиты, были очень высокими. Возможно, футов двадцать. И походили на мачты галеонов.

— Похоже на предостережение, — сказал Карл. — Чтобы отпугивать чужаков.

Морс сделал пару снимков.

— Не думаю, что все так просто, — сказала Джени, не вдаваясь в подробности.

Изо дня в день она становилась все более странной и загадочной. Тем не менее, мне

пришлось с ней согласиться. Это было не предостережение. Точнее, не совсем предостережение. Я думал скорее о жертвоприношении. Я задумался, были ли эти бедолаги мертвы, когда их прибивали к крестам. И решил, что не хочу это знать.

Мы с Карлом стояли и курили, тупо пялясь на распятия.

— Вам, парни, нужно быть поосторожнее с сигаретами, — сказал Техасец Слим. Он поводил ботинком по желтой траве. Травинки тут же рассыпались на крошечные фрагменты.

— Здесь ужасно сухо. Ужасно сухо. Она упавшая спичка или сигарета...

Я представил, как здесь все горит, и эта картина вызвала у меня улыбку. Потому что даже тогда, застыв у периметра этого места, я понимал, что это всего лишь очаг мерзкой заразы. У него была та же атмосфера, что и у чумной ямы.

— Было бы жаль, — сказала Микки.

Мы вшестером стояли на гребне холма, а под нами простирался Биттер-Крик. Городок был небольшой. Возможно, когда-то в нем жило тысячи четыре или пять, но это было до того, как упали бомбы. Лишь еще одна капля в луже под названием Небраска. Маленький городок, окруженный кукурузными полями.

Микки схватила меня за руку, и мы стали спускаться.

— Будь осторожен, — сказала она. — Сейчас нам всем нужно быть осторожными.

Я и сам понимал это.

Город был всего лишь очередным кладбищем, и все же я знал, что он — особенный. В некотором роде.

— Где тот объект, о котором говорил тебе Прайс? — спросил меня Карл. — То хранилище бактериологического оружия.

— Наверное, где-то за городом. Завтра поищем, — сказал я ему. Я попытался настроиться на волну города и почувствовал, как его мертвая атмосфера проникает в меня. Как если бы прижался ухом к стене гробницы.

Не говоря ни слова, мы пересекли границы города. Нигде не было никаких признаков жизни. Но в воздухе присутствует запах. Запах смерти. Гнилостным покрывалом он окутывал нас, душил своей жарой и тяжестью.

— Ммм, какой воздух, — сказал Карл. — Нигде так не пахнет, как в Небраске.

Улицы были заполнены ржавеющими машинами и грудями мусора, канавы забиты коричневыми листьями и осколками стекла. Окутанное туманной пленкой солнце висело высоко в небе, отражаясь от грязных витрин главной улицы. На всех были нарисованы белые кресты. Насколько помню, в Янгстауне военные делали так, когда зачищали дома от жертв чумы. Но вряд ли здесь эти кресты имели тот же смысл. Было в их происхождении что-то более мрачное, и даже языческое, нечто, напоминающее колдовские знаки.

Окраину "патрулировала" полицейская машина со спущенными колесами и разбитым ветровым стеклом. За рулем сидел скелет в грязных лохмотьях. На груди поблескивал серебристый значок. Это был не единственный скелет, который мы видели. Другие сидели на скамейках, лежали в траве, "отдыхали" в креслах за окнами контор. Сомневаюсь, что они умерли в таком состоянии. Кто-то разместил их.

— Я что-то чувствую, — сказала Микки.

Я ждал, что Техасец с Карлом выдадут какую-нибудь шутку на эту тему, но все молчали. Я тоже что-то почувствовал. Да, запах разложения, но было еще нечто, нечто более худшее. Смрад инфекции и нечистот, больничной одежды, пропитанной выделениями и гноем.

Мы подошли к какому-то небольшому парку. Он был полон людей, которые либо

сидели, либо лежали на земле, плотно прижавшись друг к другу, словно нищие. Многие из них были мертвы, но многие еще живы. Они молча смотрели на нас.

Мы старались держать дистанцию.

— У них Лихорадка, — сказал Техасец.

В этом не было никакого сомнения. Лица у них были покрыты язвами, нарывами и трещинами, из которых шел гной. Глаза были кроваво-красными и остекленевшими. Конечности скрючены. Тела истекали кровью. Люди кашляли и хрипло дышали. Там, наверное, было человек сто или больше. Все поражены Эболой Экс, чумой, холерой, сибирской язвой, и другими заболеваниями, которые я не мог определить на глаз. Они сидели, сгрудившись, в луже из собственных выделений и нечистот, как люди на уличном фестивале, ждущие выхода первой группы на сцену.

Оставалось лишь догадываться, кого или чего они ждали.

— Думаю, мы не должны здесь задерживаться, — сказала Микки.

Мы двинулись дальше.

8

Мы шли по пустым, усыпанным листьями улицам Биттер-Крика, и я знал, что мы — не одни. За нами наблюдали, и это была не Тень, хотя я чувствовал, что эта моя "вторая половина" уже близко. Странно, но я действительно *чувствовал* это, чувствовал, что Тень где-то рядом. Чувствовал нутром и шкурой, словно некую руку, тянущуюся из тьмы. Не нужно было видеть ее, чтобы знать, что она там. Время выбора еще не наступило, до него оставалась как минимум неделя.

Но Тень была активна.

Мы находились в Биттер-Крике.

Она ждала этого.

Но наблюдала сейчас за нами не она. Это могли быть другие инфицированные, как в том парке. Потому что мы уже натыкались на пять-шесть подобных коммун. Люди в них были либо уже мертвы, либо умирали, но чего-то ждали. Просто ждали.

Хотя, я не думал, что за нами следили они. Было что-то еще.

Я хорошо это чувствовал. Не знаю, как остальные. Кто-то там был. Я только надеялся, чтобы это был человек.

— Когда ты расскажешь нам, зачем мы здесь? — спросила меня Джени. — Когда уже раскроешь верноподанным свой великий план?

Я проигнорировал ее сарказм.

— Когда он сам мне раскроется, вот когда.

Напряжение между нами становилось почти невыносимым. Все осознавали это, но никто не обсуждал. У нас хватало дерьма и без наших с Джени разборок. Микки чувствовала это напряжение и шла рядом, то и дело касаясь меня голой рукой или ногой. Кожа к коже. В этом была какая-то алхимия, и она знала это.

Я стоял на углу какой-то улицы, и пытался почувствовать город, посылая во все стороны зондирующие лучи. Где же это? Где откровение? Я знал, что оно здесь. Я чувствовал, как оно скользит по позвоночнику, словно чьи-то ногти, проникает в живот, насыщает кровь электричеством... Где же оно? Когда оно проявится?

Я активизировал ту темную сферу в своем мозгу, с помощью которой связывался с Тенью, но ничего не произошло. Тень была близко, но, скорее всего, "вне сети".

— Что теперь, Нэш? — спросила Джени. — Будем стоять здесь, и смотреть, как Микки трется об твою ногу, или уже пойдём?

— Да пошла ты, — огрызнулась Микки.

— Чего от тебя ещё ожидать, — сказала Джени.

Я пошел дальше.

Перед нами возникло что-то вроде городской площади. Множество контор с кирпичными фасадами и пыльными окнами, дальше рассредоточились простые каркасные дома. Лужайки пожелтели и заросли, улицы были покрыты слоем влажных листьев. Автозаправка, видео-лавка, боулинг, кафе... Как в любом другом из тысяч городов по стране. Все располагалось примерно одинаково... Мэйн-стрит или Элм, как эпицентр, от которого веером расходилось все остальное. Все то же самое. Лишь еще один унылый городишко, пропитанный смертью. Это чувствовалось в воздухе... едкий запах старости, тлена и ушедших в себя воспоминаний. Запах библиотеки, набитой гниющими книгами... вот только гнили здесь вовсе не книги.

Я увидел еще белые кресты. Казалось, они были на оных каждой конторы и каждого жилого дома.

— Что ты об этом думаешь? — спросил я Техасца.

Тот пожал плечами.

— Черт его знает. Крест, насколько я понимаю, существует для двух целей. Чтобы что-то призвать, либо что-то отогнать.

Интересно, что об этом сказал бы Спекс с его особенным складом ума? — подумал я.

Пока мы шли, ощущая ядовитую атмосферу этого места, Джени не сводила с меня глаз. Я делал вид, что не замечаю этого. Но когда, в какой-то момент, я посмотрел на нее, я увидел в ее глазах странный блеск. Была ли это ненависть? Или злость? Нет, наверное, разочарование. Или что-то более глубокое. Я не знал, что это. Пока не знал. Но оно приближалось. Что-то назревало у нее внутри. Что-то, чем она собиралась поделиться со мной, когда придет время.

Но не раньше.

Все держали оружие наготове, и все были напряжены. Меня не покидало упрямое ощущение, будто мы пробираемся вдоль по реке, а с травянистых берегов кто-то следит за нами, выжидая подходящего момента.

Внезапно Микки остановилась. Остановилась и склонила голову.

— У меня такое чувство... будто за мной наблюдают, — сказала она.

Джени сделала глубокий вдох. Я, наверное, тоже.

— Это всего лишь я, — сказал Техасец. — Наблюдал за твоей задницей.

— Заткнись, — сказала она.

Микки, как я уже говорил, обладала мощной интуицией... могла читать мысли людей, могла чувствовать ситуации. И данная ей совсем не нравилась.

Морс, увидев, как она стоит во всей ее темной красе, встревоженная, тут же сделал снимок. Микки даже не моргнула. В прежние времена ее часто фотографировали, и для нее это было естественно.

Мы медленно двинулись по улицам, пытаюсь засечь того, кто наблюдает за нами. Возле маленькой аптеки мы обнаружили два тела. Детки. Они лежали на тротуаре, свернувшись калачиком... скорее оставшиеся от них почерневшие, хрупкие оболочки. Когда Карл ткнул одну ботинком, та рассыпалась, как сигаретный пепел. Я видел такое раньше. Иногда Детки

просто разрушались, как изотопы, выгорали изнутри.

Мы двинулись дальше.

По-прежнему ощущая на себе чьи-то взгляды.

— Нэш, — сказала Микки, сжимая в обеих руках "Браунинг", словно коп на стрельбище. — У меня здесь очень плохие ощущения. Кто-то наблюдает за нами.

Сейчас даже Карл воздержался от остроумного замечания.

Морс сканировал улицы через свой телескопический объектив, что-то напевая себе под нос. Джени посмотрела на меня, а я на нее. Возможно, я собирался повести себя, как настоящий лидер, собирался воодушевить своих людей, но тут что-то случилось.

Хлопнула дверь.

Хлопнула довольно сильно.

Мы все подпрыгнули.

И бросились на звук. Миновав переулок, мы оказались на другой обсаженной деревьями улице. С жилыми домами, зданиями и небольшой семейной закусочной в конце. Я увидел за витринами какое-то движение и бросился туда. Я первым влетел в помещение, держа свою "Беретту" наготове. Внутри было все, как обычно... засиженные мухами витрины, длинный прилавок, множество пустых столов. Все покрыто пылью и затянуто паутиной. Крест на стекле.

И девочка.

Лет одиннадцати-двенадцати, как мне показалось. Просто сидела там, в одной кабинке, будто ждала нас. Поскольку на улице еще стоял день, я понял, что она не из Деток.

— Привет, — сказал я. — Что ты здесь делаешь?

Но та не ответила.

Она была одета в какие-то лохмотья, которые раньше могли быть джинсами и толстовкой. Лицо у нее было грязным, рыжие волосы — спутанными и сальными. Пахло от нее так, будто она не мылась уже несколько месяцев и ходила прямо под себя. И по темным пятнам в промежности я догадался, что у нее были месячные.

— Хватай ее, — сказал я Карлу.

Карлу нравилась эта фраза. Так он чувствовал себя неким спецназовцем. Он протянул свой дробовик Морсу и двинулся к девочке.

— У тебя есть имя, солнышко?

Та тупо посмотрела на него взглядом жвачного животного. Он стал спрашивать ее, есть ли другие выжившие, где они, и что она делает здесь одна. Но девочка просто продолжала смотреть. Она была либо умственной отсталой с рождения, либо спятившей, либо стала такой благодаря миру, бросившему ее посреди мертвого города.

Карл дал ей пощечину, чтобы привести в чувство.

— Говори, гребаная сучка, — рявкнул он.

Но девочка не издала ни звука. С таким же успехом он мог бы ударить оттаивающий на прилавке ростбиф... эта девочка была не лучше. Живой кусок мяса.

— Прекрати! — сказала Джени. — Это всего лишь ребенок! Не смей ее бить!

Карл снова замахнулся для удара, но я покачал головой, и он опустил руку. Пожав плечами, он схватил девочку за волосы и бросил на пол. Уперев колени ей в поясницу, он вытащил из рюкзака скотч и заклеил ей руки за спиной. Девочка не дралась. И не сопротивлялась. Закончив, Карл рывком поставил ее на ноги.

— Нэш? — обратился он. — Прошу разрешения поссать на эту девку, чтобы она хотя бы

чуть лучше пахла.

Морс щелкнул фотоаппаратом.

— В просьбе отказано, — ответил я.

— Ладно, — сказал я. — Перерыв на пять минут.

— А я — за все десять, — сказал Техасец.

— Ага, мне нужно немного посидеть, — сказала Микки и упала в кабинку, постаравшись скрестить свои длинные бронзовые ноги так, чтобы я их видел.

И я увидел.

И Джени тоже это заметила.

Мы перекусили спагетти из сухпайков, свининой и бобами. Никто не завтракал, поэтому все были голодны. Я сидел, наблюдал за девочкой и курил, возможно, жалея себя и этот бездушный мир одновременно. Я смотрел на картину в целом и видел себя и моих людей, другие разрозненные группы, словно насекомые, ползающие по гниющему трупу какого-то мертвого зверя. Думаю, в целом, аналогия была правильная.

На мгновение я закрыл глаза, и увидел лишь, как приближается бесформенная серая чума. Медуза. Меня трясло. Сердце бешено стучало. Меня охватило непреодолимое желание исторгнуть все, что я копил внутри себя.

— Ладно, — наконец, сказал я. — Перерыв закончен. У нас полно дел.

Все поднялись на ноги, и у меня сразу же появилось уже знакомое ощущение, что за нами наблюдают. Я не мог от него избавиться. Если это не Тень и не та девочка, тогда что?

Помню, Микки смотрела на меня, взглядом сообщая мне, что тоже это чувствует. И тут я услышал громкий грохот на улице. Мне потребовалась доля секунды, чтобы понять, что это выстрел из ружья.

В витрине появилась дыра.

Мы все нырнули на пол, все, кроме девочки и Морса. Господи, глупый, безобидный Морс. Теперь он был не модным фотографом, делавшим развороты для "Ньюпорт Ньюс" и "Шпигель", нет. Теперь он был военным фотографом. Ибо, пока не пули впились в пыльные витрины, и те разлетались, словно сахарное стекло, осыпая нас осколками, Морс просто стоял, поднеся свой "Никон" к левому глазу, и возился с объективом и диафрагмой, пытаясь поймать хороший кадр для "Ньюсуик" или "Тайм".

Я крикнул, чтобы он присел. Не помню, что именно я сказал. Что-то типа "Пригнись, мать твою!". И в следующую секунду раздался еще один выстрел, и пуля вошла Морсу прямо в объектив. Случайный выстрел, либо очень хороший стрелок, я не знал. Но я увидел, как фотокамера разлетается, а затылок у Морса взрывается кровью. Он сложился пополам и умер, не произнеся ни слова. Я приказал всем заткнуться. У наших неприятелей была дальнобойная винтовка, калибра.30–30 или.30.06 Я хотел, чтобы они подошли ближе, чтобы я не промахнулся.

Тишина.

Ни единого звука, ни на улице, ни в кафе. Спустя некоторое время я услышал пару перекрикивающихся голосов. Похоже, дети или подростки. Мы замерли, пытаясь подманить ублюдков поближе. Вскоре они появились, переговариваясь о чем-то между собой. Шепотом я приказал остальным приготовиться, а сам встал за одну из кабинок, поскольку оттуда было лучше видно. Точно, где-то с полдюжины детей и один старик с ружьем. Они не потрудились отправить вперед разведчика, и приближались к кафе группой.

— Приготовьтесь, — прошептал я.

Микки взяла свой "Браунинг", Техасец — свой "Дезерт Игл". Я — свою винтовку "Сэведж", а Карл — свой "АК".

Я смотрел, как эти голодранцы собираются возле закуской. Компания была та еще. Все длинноволосые и такие грязные, что невозможно было понять мальчики это или девочки. В руках у них были железные трубы, рукоятки топоров и бейсбольные биты. Судя по темным пятнам на оружии, они знали, как им пользоваться. Предводителем у них был какой-то старик, и он нес ружье дулом вверх. Когда они полезли в закусочную сквозь разбитые витрины, мы открыли огонь. Трех мы пришили, прежде чем остальные успели понять, что происходит. Старик начал стрелять и случайным выстрелом убил одного из своей шайки, но никто больше не пострадал. Мы продолжили стрельбу и довольно скоро уложили их всех. Даже старика. Микки всадила пару пуль ему в правую коленную чашечку, и он был готов.

Карл первый подскочил к нему и ногой отбросил его ружье в сторону.

Потом подошел я, а Микки — за мной следом. Двое подростков были еще живы, они лежали на улице и исторгали кровь. Пахло от них так плохо, что даже Джени не спешила им на помощь. Они походили на дикарей из каменного века, грязные, покрытые синяками и оспинами, со сгнившими зубами. В воздухе пахло порохом, смертью и опорожненным кишечником... Хотя инфицированными они, скорее всего, не были.

Карл бил ногами старика.

Я приказал ему прекратить. Микки неплохо поработала над его коленом. Оно было превращено в кашу, одна кость торчала из штанины, как кончик разбитой бутылки из-под "Пепси".

— Грязь! Мусор! Гребаные отбросы! — кричал он нам. — Вы все просто грязь, мусор и жалкие животные! Вот вы кто!

— Заткнись, — сказал я ему.

Он смотрел на меня полными ненависти глазами.

— Думаешь, ты какой-то особенный? Думаешь, ты не дерьмо? — Он презрительно сплюнул. — Ты... ты и эти животные... вы не знаете, что вас ждет. Не, вы понятия не имеете. Но я знаю. Да, знаю.

Техасец Слим присел рядом с ним.

— Так почему же вам не просветить нас, милостивый государь?

— Какого черта он несет? — прорычал старик.

— Он хочет знать, что нас ждет, — пояснил я.

Старик рассмеялся с горечью в голосе.

— Кретины... вы же не знаете, да? Ха! Этот город не сегодня-завтра превратится в кладбище. Оно идет за всеми нами! Идет с востока, да! И здесь есть те, которые *хотят*, чтобы оно пришло! Видели тех больных? Они уже несколько недель стекаются сюда! Несколько недель! Некоторые умерли, но остальные находятся здесь, потому что хотят увидеть его! Посмотреть ему в лицо, когда оно придет домой, чтобы все здесь поджарить!

— Посмотреть в лицо чему? — спросила его Микки.

Старик ухмыльнулся ей, показав коричневые, гнилые зубы.

— Дьяволу, — ответил он. — Дьяволу.

Все вздрогнули, хотя никто не был удивлен. Я уже разговаривал с ними на эту тему, хотя в этом не было необходимости. Ибо в глубине души все знали то же, что и я.

Микки подошла и вытерла грязь у меня со щеки. Вы бы видели, как она сделала это. Она

облизнула кончик пальца, и очень медленно провела им по моей коже.

Микки хотела меня, и думаю, я тоже ее хотел. Я в том смысле, разве кто-нибудь из мужчин мог не хотеть Микки? Она была красоткой с обложки. В ней было соблазнительно все — грудь, зад, ноги. Можно представить, сколько парней дровичило над ее снимками в журналах. Да, она была жаркой штучкой. Такой горячей, что ее фотография в кармане штанов прожгла бы дыру и устроила пожар в промежности.

Но, по правде говоря, она меня пугала.

Сильно пугала.

В то время, как Джени отворачивалась, когда я вызывал Тень, и та забирала свою жертву, Микки нравилось смотреть. Ей действительно нравилось смотреть. Смерть и насилие заводили ее. Может, так было всегда, а может, это конец цивилизации что-то разблокировал в ней. Я не знаю, знаю лишь, что у нее были некоторые проблемы психосексуального характера, которые по-настоящему меня пугали. Она любила смотреть, как Тень поглощает плоть и кровь своих жертв. Ей нравилось стрелять в людей. Нравилось смотреть на мертвых и раненных. А сейчас? Когда она смотрела на трупы этих подростков? Она получала кайф. Если б нас не было рядом, она, наверное, мастурбировала бы. Набухшие от возбуждения соски выпирали сквозь ее футболку, и я был более чем уверен, что, между ног у нее сейчас все мокро.

Она перевела взгляд с тел на меня, в ее глазах читался неприкрытый голод. Казалось, она хотела кого-нибудь укусить, либо чтобы кто-то укусил ее.

Конечно же, Джени видела все это.

Я сразу перехватил ее взгляд и быстро отвернулся. Что-то в ее глазах заставило меня съежиться. Я спал сейчас с обеими девушками, с Джени довольно часто.

Поверьте, это не ради трофеев в коллекцию. Потому что в глубине души я всегда мучился вопросом, что я буду делать, если одна из них забеременеет. Потому что, если слухи не врут, новорожденные всегда становились радиоактивными Детками. Обычно, сразу же. То есть, чудовищами. Они выбирались из утробы, буквально выжигая все вокруг себя и в процессе родов убивая своих матерей.

Разве я мог позволить, чтобы Джени или Микки так страдали?

А еще, хватит ли у меня мужества прикончить их, если до этого дойдет?

9

Не прошло и полчаса, как появились Тесаки.

Они обычно возникали тогда, когда казалось, что хуже быть уже не может.

Я решил отпустить старика и девчонку. Нам они были не нужны, как, впрочем, и мы им. Я не знал, что делать со стариком. Наложил ему шину на ногу, как мог. Взгляд у того был такой, будто он постоянно хочет перегрызть мне горло.

Карл освободил им руки, и девчонка убежала. Старик посмотрел на меня в последний раз, плюнул мне под ноги, и проковылял за дверь, опираясь на сломанную ручку швабры вместо костыля. Бросил на трупы своих людей случайный взгляд, и пошел своей дорогой. Не преодолел он и полквартала, как раздался его крик.

Мы с Карлом как раз вытаскивали труп Морса из двери... И тут я увидел, как на старика набросились три Тесака. Разведчики. Это означало, что главные силы были на подходе. Вернувшись в закусную, я приказал остальным спрятаться. Как раз вовремя. Ибо по улицам грозовой тучей катился основной отряд. Они приближались с криками, колотя по пути все окна.

Я смотрел, как они проносятся мимо закусочной в грязных, оливково-серых пальто и противогазах. Видел их сальные чубы, топоры, пики, цепи и дубинки у них в руках. Некоторые несли отрубленные человеческие головы, держа их за волосы. Обнаружив тела Морса и подростков, они стаяй набросились на них. Другие постоянно напирала сзади, словно стаи насекомых. Тесаки скальпировали подростков. Выпотрошили и расчленили. Голову Морса забрали с собой.

Мы были в невероятно серьезной опасности.

В случае нападения, скольких-то мы сумеем убить, но я понимал, что в конечном счете они одолеют нас числом. Около часа Тесаки сновали вокруг, шипя друг на друга сквозь противогазы. Никто из них так и не зашел в закусочную. Я решил, что нам просто повезло.

И что они оставят нас в покое.

Но затем человек двадцать ворвались в помещение. Они были не настолько глупы, как я думал. Они знали наше местонахождение и играли с нами. Позволили нам расслабиться, усыпили нашу бдительность, и атаковали.

Мы застрелили как минимум десятерых, нырнули в подобное помещение и выскочили через черный выход в переулок. Прямо в гнездо этих засранцев. Открыв огонь, мы уложили сколько-то, но это был ближний бой, и враги напирала со всех сторон.

Я увидел, как пятеро или шестеро Тесаков навалились на Карла, и тот упал.

Техасец Слим закричал:

— *Нэш! Слева!*

Я повернулся и застрелил несущегося на меня с топором Тесака. В следующее мгновение Техасец толкнул меня на тротуар, и получил пикой в живот. Он спас мне жизнь, пожертвовав своей. Кто-то отшвырнул ногой от меня ружье, и на меня посыпались удары дубинок. Затем Тесаки сбили с ног Техасца. Он кричал, пока пять или шесть пик по очереди жалили его.

Я сумел подняться на ноги, но что-то ударило меня в затылок. Последнее, что я видел, это как Тесаки рубят Техасца, а Джени тащат по переулку прочь.

10

Помню, я очнулся от звука собственного голоса.

— *Джени? Джени? Джени... где ты, Джени?*

Я заморгал глазами. Наконец, они у меня отрылись, сфокусировались, и я увидел Тесаков. Нас забрали в какой-то загородный лагерь. Вдали я разглядел те распятые на крестах мумии. Повсюду горели костры, стояли брезентовые палатки. Я был привязан к вкопанному в землю столбу. Микки находилась с одной стороны от меня, Джени — с другой. Обе были без сознания. Поскольку одежда все еще была на них, я предположил, что их еще не насиловали и не пытали.

Но все было впереди.

Потому что Тесаки именно так поступали с женщинами. Мужчин они обычно сразу убивали. Хотя, возможно, на меня у них были особые планы. Возможно, хотели устроить из моей смерти большое представление.

Во всяком случае, пока они не проявляли к нам никакого интереса.

Я смотрел, как они точат топоры и пики, изготавливают оружие из кусков дерева и обрезков железа. Если они и обладали голосами, настоящими голосами, я их не слышал, лишь неразборчивое шипение. То и дело, когда между кем-то из них возникали стычки, они

издавали какое-то крысиное попискивание. А когда они дрались, поверьте мне, дрались они на смерть.

Я увидел, что пара Тесаков — мне показалось, это были женщины — нанизывают на кусок металлической проволоки какие-то штуки. Человеческие головы. Пять или шесть. Они втыкали проволоку в одно ухо и проталкивали, пока она не выходила из другого. Затем привязали проволоку между двух врытых в землю столбов.

Одна из голов принадлежала Карлу.

11

Должно быть, я снова потерял сознание, потому что, когда очнулся, прямо передо мной стояли двое Тесаков. И я чувствовал исходящий от них смрад сырого мяса, грязи и мочи. Один достал нож и освободил меня. Конечности у меня затекли, и я рухнул в траву, как подкошенный. Щурясь от солнечного света, я поднял глаза на противогазы Тесаков. Я знал, что под ними находится то, что утратило человеческий облик.

Они что-то прошипели мне.

А когда я показал, что не понимаю, один из них ударил меня ногой.

Я хотел, чтобы они убили меня. Это лучшее, на что я мог надеяться. Я не хотел видеть, что они сделали с девушками. Техасец и Карл были мертвы. Это не укладывалось у меня в голове. Потому что вместе с ними в каком-то смысле умер весь мой мир. Погибло ядро моего отряда. Связи были разорваны. Потому что Техасец и Карл связывали меня с Шоном, который связывал меня со Спексом. А тот связывал меня с Янгстауном, Шелли и моей прежней жизнью. А теперь все исчезло. Я утратил стержень.

— Идите в жопу, — сказал я Тесакам. Так всегда говорят тупые кретины вроде меня, когда понимают, что именно они в полной жопе.

Тесаки что-то прошипели в ответ.

И тут я услышал гром. Или то, что я принял за гром. Только это был вовсе не гром. Потому что он повторился, гораздо ближе. Оглушительный взрыв расплылся пять или шесть Тесаков, разнес их на кусочки. Ударил еще один снаряд. Затем еще и еще. Я почувствовал запах гари и крови.

Кто-то напал на лагерь.

Тесаки неистово металась вокруг. Я слышал выстрелы из автоматического оружия. Видел, как Тесаки падают под градом пуль. Сквозь клубы вьющегося дыма, между пылающих палаток я разглядел приближающихся налетчиков. Фигуры в блестящих оранжевых костюмах и шлемах. За затемненными пластиковыми стеклами проглядывали лица, шлемы были соединены шлангами с баллонами с воздухом, закрепленными на спинах. Костюмы были полностью герметичными. В руках фигуры держали короткоствольные автоматы.

Помню, я еще подумал: *Это же костюмы химзащиты. Такие надевали люди вроде Прайса, когда работали с возбудителями. Костюмы космонавтов. Так называл их Прайс.*

Это было какое-то гребаное спецподразделение по биобезопасности.

Тесаки уступали им в численности и были подавлены огнем.

Они гибли в огромном количестве. Я услышал крики Джени и Микки. Пополз по земле нашел умирающего Тесака и забрал у него мачете. Он схватил меня за ногу и зарычал. Я несколько раз ударил его мачете. Продолжал бить, даже когда лезвие покраснело, а он перестал двигаться.

А когда я повернулся, чтобы бежать к девушкам, то увидел рядом с ними двух человек в

оранжевых костюмах космонавтов. Лиц за стеклами шлемов я не видел. Слышал лишь шипение респираторов. Они направили на меня свое оружие — как мне показалось, это были пистолеты-пулеметы "Хеклер и Кох", которые используют контртеррористические подразделения. И они не опускали их.

Из внешнего динамика на шлеме одного человека раздался модулированный, искусственный голос:

— Пожалуйста, бросьте оружие.

Кажется, в тот момент я был крайне возбужден. За последние двадцать четыре часа моя жизнь была полностью разрушена. Я жаждал крови. Жаждал расплаты. Жаждал сладкой мести. Полагаю, я выглядел опасным с окровавленным мачете, вскинутым для атаки.

— Но мои друзья... они убили моих друзей... — сказал я.

— Они мертвы, Тесаки мертвы, — произнес голос. — Они больше вас не тронут.

Какое-то время еще раздавались случайные выстрелы автоматов. Но вскоре и они стихли. Наступила тишина, нарушаемая лишь бормотанием из динамиков на шлемах.

Я бросил мачете.

Но люди в костюмах так и не опустили свое оружие. Еще двое освободили Джени и Микки. Девушки бросились ко мне, глаза у них были полны отчаяния и вопросов.

— Идемте с нами, — сказал человек.

— Чего вы хотите? Мы же ничего не сделали, — сказал я ему. — Куда вы нас забираете?

— Туда, куда вы хотели попасть, — сказал он. — А сегодня... сегодня вы встретитесь с тем, от чего вы пытались убежать.

Я почувствовал, как по спине у меня пробежал холодок. Да, нас спасли, но у меня появилось нехорошее предчувствие, что нас собираются отдать чему-то куда более худшему. После всех тех жертв, которых я выбирал для Тени, мне казалось, что теперь на эту роль выбрали меня.

— Что, черт возьми, происходит? — спросила меня Микки.

Но я не имел ни малейшего понятия.

12

Хотя нет. Конечно, имел. Отчасти.

Именно об этом говорил тогда в Гэри тот парень в халате: *Они прибыли на серебристых автобусах. Я их видел. На них были оранжевые костюмы. Они забрали преподобного Боба и бросили его в автобус.* Я помнил, как заинтригован был Прайс, когда мы поведали ему эту историю, после того, как в Де-Мойне в нас врезался серебристый автобус. Он понял, в чем дело. Даже тогда, он точно знал, что это значит.

Меня, Джени и Микки отвезли на серебристом автобусе без окон на военную базу на окраине Биттер-Крик. Это и был "Крик". Он располагался за высоким забором из металлической сетки. На самом деле, заборы стояли в несколько рядов, и между ними бегали собаки. Группа невысоких, белого цвета, сборных зданий примыкала к большому кирпичному комплексу. Вокруг были разбросаны многочисленные хозяйственные постройки. Повсюду висели знаки: "СОБСТВЕННОСТЬ ПРАВИТЕЛЬСТВА США. ВХОД ВОСПРЕЩЕН". И мой любимый: "НАРУШИТЕЛИ БУДУТ ЗАСТРЕЛЕННЫ".

Под дулами автоматов нас отвели в одно из зданий. Внутри все освещалось электрическими лампами и было очень чисто. Я видел даже работающие компьютеры. Будто вернулся назад во времени на пару лет. Ибо в этом комплексе сохранился прежний мир, и все работало гладко и эффективно. Вокруг сновали фигуры в оранжевых "космических"

костюмах. Многие из них, завидев нас, замирали. Некоторые пятились, словно боялись нас.

— Я хочу знать, что здесь происходит, — сказала Джени. — Мы же ничего не сделали. Чего вы от нас хотите?

Ее вопрос остался без ответа. Похоже, это была какая-то военная операция. А значит, мы получим ответы только тогда, когда эти люди сочтут нужным. Нас провели через ряд шипящих воздушных шлюзов, доступ в которые осуществился только по специальным пластиковым картам. В конце каждого стояли вооруженные охранники. Мы прошли еще через два шлюза. На первом знак гласил: "БИОБЕЗОПАСНОСТЬ НУЛЕВОГО УРОВНЯ". следующем: "БИОБЕЗОПАСНОСТЬ 2-ГО УРОВНЯ". Всякий раз, когда открывала скользящая дверь, я чувствовал перепад в атмосферном давлении. Тебя будто засасывало в эту комнату. Именно об этом рассказывал Прайс. Отрицательное воздушное давление. На 2-ом уровне нас обработали голубым ультрафиолетовым светом. Затем мы сели в лифт и довольно долго спускались. Когда вышли, увидели знак "БИЗОПАСНОСТЬ 3-ГО УРОВНЯ. ЗОНА ОЖИДАНИЯ". Вокруг висели знаки с надписью "ДЕЗИНФЕКЦИЯ". Думаю, это означало химический душ, через который необходимо было пройти перед входом, и особенно, перед выходом.

Миновав 3-ий уровень, мы подошли к большому, зловещему шлюзу, о котором рассказывал мне Прайс. Перед нами была дверь из нержавеющей стали, от одного вида которой у меня внутри все зашевелилось.

"ВЫСОКИЙ УРОВЕНЬ БИОЛОГИЧЕСКОЙ УГРОЗЫ".

Пройдя через очередной шлюз, мы попали в некий тамбур с дезинфицирующим душем, ультрафиолетовыми стерилизаторами и шлангами, разбрызгивающими химикаты — судя по надписям — если нажать на них кнопку.

Я, Джени и Микки шли, прижимаясь друг к другу. Мы ощущали себя обезьянами, попавшими в камеру для исследований. Скорее всего, так оно и было. Мы были напуганы. Нас поджидали другие фигуры в оранжевых костюмах. Некоторые были в синих костюмах, со шлангами, подсоединенными к насосам, которые скользили по закрепленным на потолке рельсам. Мы слышали лишь шипение респираторов.

Оно эхом отдавалось вокруг, отчего казалось, будто мы находились в огромных стальных легких.

Стены были выкрашены в серый цвет, с потолка свисали шланги. Каждая щель и трещинка были замазаны чем-то клейким, видимо, во избежание утечки. За первым помещением находился ряд других, и нас вели все глубже в этот лабиринт из комнат. Я видел лаборатории и зоны содержания животных, оборудованные клетками. Нас привели в маленькую комнату с тремя пластиковыми анатомическими креслами возле стены. Расстояние между ними было футов пять, так чтобы вы не могли взять сидящего рядом за руку или потрогать его.

Нам приказали сесть, и мы подчинились.

Мы даже боялись лишний раз шелохнуться.

Две фигуры с автоматами охраняли нас. Затем третий человек, который привел нас, подал им знак, и все трое удалились. Скользящая дверь из прозрачного плексигласа

закрылась, щелкнул замок.

— Что, черт возьми, здесь происходит? — воскликнула Микки, поднимаясь на ноги. Сразу же раздался сигнал тревоги. Голос по внутренней связи произнес:

— Пожалуйста, оставайтесь на своих местах.

Микки снова опустилась в кресло. Мы с Джени обменялись испуганными взглядами. Затем слабо улыбнулись друг другу, хотя надежды было мало. Мы понимали, что нас поймали.

Дверь открылась, и в комнату вошел человек в оранжевом костюме. Он принес маленькую коробку из черного металла. Вернулись охранники.

— Во всем этом нет необходимости, — сказал я. — Мы ничем не заражены. Вы не должны держать нас здесь. Мы не больны.

— Разве? — произнес голос.

— Да, не больны! — сказала Джени. — Пожалуйста, выведите нас отсюда!

— Это мы и собираемся сделать, — ответил человек. — К сожалению, выйдут лишь двое. Один присоединится к нам.

— Хрен вам! — сказала Микки, вскакивая на ноги. Снова зазвучал сигнал тревоги. — Я вам не гребаная подопытная свинка.

Человек повернулся к ней.

— Заберите женщину. Она остается.

— Стойте, — сказал я. — Это же безумие!

Но его никак не тронули мои слова.

— Вы — тот, кто производил отбор.

Внутри у меня будто что-то оборвалось.

— Мы знаем об этом. Знаем о ваших жертвоприношениях языческому богу. Прекрасно знаем. Сделайте свой выбор... Кто из женщин пойдет с вами, а кто останется здесь?

Я вскочил на ноги, и в лицо мне уставилось дуло автомата. Нас с Джени взяли на мушку.

— Пожалуйста... не надо, — взмолился я.

— Делайте свой выбор, — сказал он.

— Послушайте...

— Выбор.

Спорить было бесполезно. Я предложил забрать меня, но человек отказался. Лишь двое из нас увидят Медузу, третий останется.

— Отлично, — сказал человек. Он указал на Джени. — Эту...

— Нет! Нет! Отвалите от нее! — закричал я. — Не ее... Не Джени...

— Тогда какую? — спросил он.

Я сглотнул и кивнул.

— Нэш! — воскликнула Микки, — Господи, что ты делаешь? Ты в своем уме, сукин ты сын! Я должна быть с тобой! Ты же знаешь, что я...

Вошли еще двое охранников и схватили Микки. Она сопротивлялась. Кричала. Царапалась. В конце концов, человек достал из черной коробочки шприц с длинной иглой и сделал инъекцию ей в горло. Потрясенную и дрожащую Микки вернули на место. Лицо у нее было мокрым от слез.

— Это какое-то гребаное безумие! — закричал я. — Мы же ничего не сделали! Мы не представляем для вас угрозы! Мы не заражены! Заберите нас куда-нибудь! Куда угодно!

Поместите нас всех в карантин! Только выведите из этой гребаной лаборатории!

Но человек оставался непоколебим. Мои слова ничего не значили для него. Он стоял, словно какой-то робот из дешевого фильма, и просто смотрел на меня сквозь стекло шлема. Время от времени в затемненном пузыре угадывалось лицо. Но глаз я не видел. Но именно с ними я хотел установить контакт.

— Действие скоро начнется, — сказал он. Микки свернулась в своем кресле клубком. Ее трясло, глаза остекленели от ужаса. Казалось, она была в шоке.

— Но она же не заражена, — сказала Джени.

Человек и охранники отступили к двери. Та открылась у них за спиной.

— На самом деле, — сказал он. — Ваша подруга только что получила инъекцию мутировавшего, смертоносного штамма Эболы Экс. В данный момент ее организм заполняется миллионами вирусных частиц.

Дверь закрылась.

Это был мой личный ад, мой день расплаты. Все те жертвоприношения привели меня сюда, по черной тропе к этому жуткому моменту измены. Я чувствовал себя мертвым, совершенно изношенным и отчаявшимся. Потребовалось некоторое время, прежде чем я смог взглянуть на Микки, на сломленное обманутое существо, в которое она сейчас превратилась. Одного ее взгляда было достаточно, чтобы мне захотелось сунуть пистолет себе в рот.

— Ты заплатишь за это, Нэш, — пообещала она мне. — Ты будешь страдать, как я сейчас. Умрешь ужасной смертью, в полном одиночестве.

13

Это началось через полчаса.

Мы с Джени очень хотели хоть как-то утешить Микки, показать, что мы, ее друзья, не бросаем ее, несмотря на происходящее... Но не могли. Она была инфицирована Эболой Экс, и мы не осмеливались вступать с ней в контакт. Все равно это не имело значения. Микки ненавидела нас обоих. Она хотела, чтобы мы, особенно я, познали агонию.

Через несколько минут настоящая Микки... *исчезла*.

Она просто сидела и дрожала, с остекленевшими от шока глазами. Никак не реагировала на то, что мы ей говорили. Будто вместе с Эболой ей ввели какое-то успокоительное.

Мы продолжали звать ее, пытаясь вырвать из этого состояния, но она словно не замечала нашего присутствия.

А через полчаса, как я уже сказал, это началось.

Она обмякла в кресле, голова закатилась в сторону, руки и ноги безвольно повисли. Она по-прежнему дрожала, а затем у нее начались дикие конвульсии, из горла вылетали сдавленные стоны. Глаза закрылись. По лицу струился пот. И уже можно было почувствовать исходящий от нее жаркий смрад лихорадки. Весь ее организм был атакован вирусом. Опустошался им.

Она на какое-то время обмякла, не шевелясь и не издавая ни звука, а затем конвульсии возобновились с новой силой. Из обеих ноздрей потекла кровь. Губы растянулись в сторону, обнажив окровавленные зубы. Из рта вырвалось кровавое облако. Микки резко выпрямилась, вцепившись руками в подлокотники. Глаза у нее открылись, и они были ярко-красными.

Джени закричала.

Микки была не просто инфицирована Эболой Экс, она была буквально одержима ею.

Она стала царапать себя, рвать кожу ногтями. Грудь и живот под разорванной футболкой были покрыты растущими нарывами. Она принялась выдирать из головы пряди волос. И издала пронзительный безумный крик.

Вирус охватывал ее с невероятной скоростью.

Ее лицо — некогда такое красивое и загадочно-сексуальное — начало искажаться, будто мышцы больше не работали вместе, а боролись друг с другом. Левая сторона обвисла, а правая завернулась вверх, отчего лицо стало напоминать жуткую гримасу трупа. При классической Эболе это происходило из-за поражения мозга, разрушения мягких тканей и распада соединяющих... Однако при этой мутировавшей форме вируса, видимо, все было гораздо хуже.

Кожа у нее покрылась красными язвами, приятный оливковый оттенок исчез, она стала бесцветной, пятнистой, испещренной какими-то синяками, распространяющимися буквально у нас на глазах. На лице, на ногах, на груди высыпали волдыри. Они лопались, сочась выделениями. На месте одного лопнувшего появлялись десятки новых, отчего лицо у нее стало неузнаваемым. Уродливой маской из студенистой плоти. Затем началось кровотечение. Кровь лилась у нее из глаз и изо рта, сочились из ушей и выступала из пор. Микки упала на колени, исторгнув огромное количество черной, как смола крови и ядовитой желчи.

Затем она издала последний мучительный крик.

Она крутилась на полу, бешено мотая головой из стороны в сторону. На пол, на стены, на прозрачную плексигласовую дверь летели брызги крови. Микки корчилась, лежа лицом вниз. Ее сотрясали такие дикие конвульсии, что казалось, будто ее тело было лишено костей. Потом она поднялась на колени, выпрямилась, а затем бросилась на пол. Принялась биться об него лицом и руками, издавая при этом влажные шлепки, и оставляя жирные пятна крови и размягченной ткани.

Она затряслась и затихла. Ее тело будто сдулось, словно из него вышел весь воздух.

Все это время мы с Джени сидели, забившись в угол и вцепившись друг в друга.

— Почему они не забирают ее, Нэш? — спросила Джени. — Почему они не забирают ее?

Я не знал, что ответить. Из-за крови и сочащихся выделений комната напоминала скотобойню. Стоял горячий, тошнотворный запах нечистот, крови и инфекции.

Добрых полчаса спустя Микки начала шевелиться.

Ее труп стал подрагивать.

Но она уже должна была умереть. У нее была ломка и кровотечение, вирус выжигал ее изнутри. Затем она села, спиной к нам, глядя сквозь заляпанную кровью плексигласовую дверь.

— *Микки?* — позвал я.

Она с трудом поднялась на ноги и повернулась к нам лицом. Ее черные волосы были мокрыми от крови, грязные пряди свисали на лицо, деформированное, словно расплавленный воск, который охладился слишком быстро и застыл в неправильных местах. Один глаз был запечатан паутиной ткани, другой был огромным и торчал из глазницы, словно кровоточащий яичный желток. Губы с левой стороны были затянуты нитями плоти, а с правой — растянуты в сторону, обнажив десна и зубы.

— Нэш, — прохрипела она. — Ее голос звучал так, будто горло у нее было забито

сырыми листьями. — Хочешь трахнуть меня снова?

Джени закричала, и я, кажется, тоже. Мы крепко обнялись, охваченные ужасом. Я поднял глаза на Микки, на ту мерзость, которой она стала, и буквально лишился дара речи. Рот у меня будто заполнился маслом. И я не мог ворочать языком, чтобы сформировать слова.

Микки двинулась вперед, из отверстий на лице сочился гной. Она схватила себя за одну грудь окровавленной рукой и сжала. Это было самое отвратительное, что я когда-либо видел. Потому что в момент сжатия грудь надулась, а затем лопнула. По животу у нее потекла черная жидкость и разжиженная ткань.

— В чем дело, Нэш? — Я недостаточно хороша для тебя? — сказала она, подойдя настолько близко, что жар и смрад, исходившие от нее, заставили меня поперхнуться. — Я недостаточно горячая. Да? Да? Да?

Одному богу известно, что могло случиться потом.

Но тут дверь открылась, и два человека в оранжевых костюмах вывели Микки из комнаты. Она охотно пошла с ними, ощущая сейчас себя частью их, а не нас. Они принесли для нее оранжевый костюм. И она облачилась в него. На ноги ей были надеты прорезиненные башмаки, на голову — шлем. Включился респиратор. Я услышал шипение ее дыхания.

Такая же безликая, как и остальные, она удалилась с ними.

Это был последний раз, когда я видел Микки.

К тому времени не осталось никаких сомнений в том, что происходит. Их просто не могло быть. Я вспомнил слова Прайса: *"Понимаешь, Нэш, когда возбудитель заражает носителя, что он пытается делать, так это фактически превратить носителя в вирус."* При этом он добавил, что полное и успешное преобразование невозможно. Но он ошибался, потому что именно это здесь произошло... под теми оранжевыми и синими костюмами были не люди, не здоровые организмы из обычной плоти и крови, а ходячие, функционирующие, *думающие* скопления возбудителя, вирусные копии людей.

Мы с Джени не имели с ними ничего общего.

Они были в сговоре с Медузой, и ждали ее прихода, их спасителя, их пророка, нового бога для нового уродливого мира.

Мы же с Джени еще не ассимилировались. Это делало нас опасными. Вот почему фигуры в костюмах космонавтов пятились от нас, когда мы вошли в комплекс. Они испытывали отвращение и страх. Страх инфекции. Страх заражения. Ибо они боялись нормальных, здоровых людей с активной иммунной системой точно так же, как мы боялись Эболы.

Сейчас мы с Джени были всего лишь сосредоточием болезни. Инфекцией, которую необходимо уничтожить. Мы были для них монстрами.

Через некоторое время две фигуры в оранжевых костюмах вернулись. Одна из них несла черную коробку.

— Пора, — произнесла фигура с коробкой.

— Не делайте это с нами, — сказал я. — Пожалуйста. Просто убейте нас. Уничтожьте. Не заражайте нас этим вирусом.

— Мы не собираемся ничего с вами делать, — сказал человек. — Когда вы обратитесь, она коснется вас и примет в свое лоно.

Он говорил о Медузе.

— Пожалуйста, — обливаясь слезами, взмолилась Джени. — Не трогайте нас. Не трогайте нас. — Она положила руки себе на живот. — Вы не можете. Я беременна.

14

Прошло три часа, а я все еще не мог оправиться от этой новости.

Но когда я, наконец, успокоился и посмотрел на нее со стороны, все встало на свои места. На протяжении некоторого времени Джени была странной и капризной. Даже сильнее чем обычно, и это было связано не сколько с моими отношениями с Микки, а с чем-то куда более важным. Она сказала мне, что поняла еще в Гэри. Когда мы находились в аптеке после нападения Тесаков и птиц, она ускользнула и нашла тест на беременность. Такими пользуются для диагностики в домашних условиях. Я помню, как она исчезла в тот день. Когда она вернулась, взгляд у нее был каким-то странным.

— Почему ты не сказала мне? — спросил я.

— А какой в этом был бы смысл, Рик? Что это изменило бы?

— Я имею право знать.

— Может, имеешь. А может, и нет.

Люди в "космических" костюмах вывели нас из комплекса под прицелом. Затем сопроводили на поле и заставили подняться на вершину холма. Оттуда было видно на многие мили вокруг. Под нами простиралась небольшая долина, заполненная людьми. Такими же, как те, на которых мы наткнулись в Биттер-Крике. Больными, страдающими, умирающими. Тот безумный старик сказал, что их давно уже собирали в этом городе с определенной целью.

Оно идет за всеми нами! Идет с востока, да! И здесь есть те, которые ждут его прихода! Видели всех тех больных? Они уже несколько недель стекаются сюда! Несколько недель! Некоторые умерли, но остальные находятся здесь, потому что хотят увидеть его! Посмотреть ему в лицо, когда оно придет домой, чтобы все здесь поджарить!

Именно так он сказал, и теперь я видел их, тысячи людей, толпящихся в долине, разносящих жаркий чумной смрад и ждущих в озере собственных нечистот и выделений. Они стонали и причитали, вздымая к небу прокаженные руки, ожидая прихода их бога, с изъезвленными лицами и налитыми кровью глазами.

Десятки людей в "космических" костюмах, вооруженных автоматами, плотным кольцом окружали холм. Еще десятки стояли у края толпы. У нас с Джени не было шанса на спасение. Ни единого. По крайней мере, так они считали. Но я решил, что, если броситься на них, они тут же откроют огонь, и пристрелят нас со страха. Потому что они боялись нас.

Смерть под градом пуль была лучшей альтернативой.

— Когда это случится, Рик? — спросила Джени.

— Скоро, — ответил я, видя, что на горизонте распространяется серое пятно. И я знал, что это Медуза, погружающая все на своем пути во тьму.

Я сидел и держал Джени за руку, словно мы были парой влюбленных, ожидающих начала фейерверка в честь Четвертого июля. Я достал сигарету, мечтая о прохладном пиве. Думаю, мне хотелось не только это. Меня беспокоило то, что, хотя я и понимал большую часть происходящего, моя роль во всем этом была мне не ясна. Тем более, роль *Тени*. Зачем мы были нужны ей здесь? Чего такого важного было во всем этом, что она постоянно тянула нас на запад?

Что она хотела здесь?

Что ей было здесь нужно?

Я должен был это узнать. Каким-то образом. Я закрыл глаза, чтобы не видеть бродящие внизу толпы, и закрыл уши, чтобы не слышать их возбужденных криков. Я сосредоточился на той темной сфере. На этот раз я не вызывал ее. Я пытался связаться с ней.

15

Тотчас волна черноты накрыла мой мозг. Мой разум установил связь с разумом Тени, и та дала мне почувствовать Медузу. Я ощутил у себя в голове чудовищное шевеление, будто тысячи червей заполнили мой мозг. Рыли туннели, закапываясь все глубже, размножаясь и откладывая яйца. А затем эти горячие, влажные комочки лопались, порождая миллионы извивающихся личинок.

Я закричал.

Закричал внутренним криком.

Ибо это была Медуза. Жизненная сила заражения, чумы и кладбищенского ужаса. То были не совсем черви, а взрывающиеся частицы вируса.

Голос Медузы звучал у меня в голове — сухое, змеиное шипение.

Я чувствовал запах миллионов склизких трупов, разлагающихся, лопающихся от газа, зеленых от тлена. То был запах склепа, смрад дымящихся трупных печей, падали, кишашей личинками и вирусной инфекцией. Запах городов, заваленных мертвецами и обглоданными костями, груды которых, словно крепостные валы, устремлялись в небо.

Голос шипел, а черви закапывались все глубже. И я чувствовал, как мой разум с грохотом схлопывается внутрь, когда Медуза обволакивала его черным, ядовитым облаком распада, захватывала его, как ее отродье захватывало мои клетки. Их усики проникали сквозь защитный слой, высушивали клетки насухо, накачивали их вирусом в виде миллионов яиц, горячих и сочных, готовых взорваться голодной смертью...

16

Джени встряхнула меня, вырвав из этого состояния, и я был благодарен ей за это, поскольку вряд ли вышел бы из него самостоятельно. Я открыл глаза и увидел, как на долину надвигается ползучая тень. Увидел, как верующие приветствуют ее, услышал, как они кричат от восторга или ужаса, а, может, и от того и другого. Медуза распространялась по земле, словно огненный шторм, уничтожая все на своем пути.

Я чувствовал это внутренне, видел это в своих снах, а теперь лицезрел ее материальное присутствие, как и все в долине.

Серая тень простиралась пустым и бесформенным пятном, насколько хватало глаз. Безжизненная, словно испарение мертвых неземных равнин. Она фрагментировалась, раздувалась и лопалась, раскрывалась, словно некий гигантский родовой канал в извивающейся массе белых отростков, простирающихся на многие мили, тянущихся к самим звездам. А мир превращался в падаль, кишашую миллионами и миллиардами голодных трупных червей. Отростки расщеплялись на множество усиков, волосков и нитей, липких от слизи и живых.

А за ними, словно лик луны, вырезанный из холодного кладбищенского мрамора, возвышалась сама Медуза. Мутирующая, постоянно меняющаяся, газообразная субстанция чистой злобы. Вытянутый лик, напоминающий мертвенно-бледную разлагающуюся гранулу, шелушащуюся и распадающуюся на мелкие частицы на жарком кладбищенском ветру чумного дыхания и кружащейся костной пыли. Живая чума вирусной материи с разумом

неутолимого голода и гигантскими черными туннелями вместо глаз, отражающими тусклый свет темных бесплодных миров и влажных межзвездных пустот.

Верующие принялись кричать.

Они ждали ее, грезили о ней в своем бактериальном бреде, и она пришла. Они восседали за ее столом не как гости, а как пища. И она смотрела на собравшиеся подношения с зубастой, кривой трупной ухмылкой чумных ям. Ее глаза пульсировали зловещим светом, ядовитыми желтыми отходами, ласкаемыми холодным огнем лихорадки.

Саваны, ласкаемые мертворожденными ветрами, шуршали, словно кладбищенские крысы в подземных гробницах. Она распутывалась, забирая, что ей давали, забирая своих жертвенных агнцев.

Я смотрел, как они кричат, когда она опускалась на них. Один за другим лопались словно перезрелые, гнилые тыквы. Их кровь, ткань и пораженное болезнью мясо испарялись и затягивались в хаотический вихрь, коим являлась Медуза. Она оставляла на своем пути лишь тлеющие кости, когда двигалась через долину, забирая то, что принадлежало ей и только ей.

Джени закричала, когда мы почувствовали налетевший на нас, словно дыхание печи крематория, жаркий ветер. Она кричала. Билась в моих объятьях. Билась в истерике, а я прижимал ее к себе, онемевший и опустошенный от вида этой обитательницы тьмы.

Она схватила меня за лицо. И принялась осыпать поцелуями.

— Если любишь меня, — кричала она. — Не дай ей забрать меня! Ради нашего новорожденного ребенка, ради моей любви к тебе, не дай ей положить всему конец! Вызови ее! *Нэш... Вызови Тень...*

Откровение.

Вот что заставляло Тень толкать нас сюда, все время вести нас на запад. Да, она хотела, чтобы мы не попались Медузе на пути. Но это была не главная причина. Тень не испытывала к нам любви. Она не была заботливой, сердобольной матерью, защищающей своих детей. Любовь была ей неведома. Она не понимала, что такое верность или преданность. Или даже необходимость защищать саму жизнь. Она знала лишь голод и знала, что здесь ее всегда ждал главный пир. Этот стол был накрыт давным-давно, и теперь ломился от пищи, в то время как сама Медуза была пиршеством жизненной силы.

Ветер стал еще жарче, и я поцеловал Джени, последний раз взял в руки ее прекрасное лицо, а затем вызвал Тень. Всмотрелся в ту темную сферу, в ту зону черноты, являющуюся проводником в нее. И возможно, в ее черное бьющееся сердце.

Я призвал ее.

И она пришла.

Что-то сдвинулось вокруг нас, а воздух наполнился пульсирующей энергетической силой. Он стал тяжелым, потрескивающим от статического электричества. Внезапно раздалось какое-то гудение и появился невыносимый запах озона.

Тень поднялась из эфира. из вихря визжащей материи, черной и жужжащей, злой и кружащей. Извивающееся, заряженное энергией облако радиоактивной пыли и обломков. Стихийное поле разумных электронов, ярости, разрушения и голода. Я чувствовал исходящее от нее ощущение грубой силы. От нее шел запах горелой проводки, расплавленной стали, кордита и дыма из доменных печей.

Медуза была безжалостной, неудержимой машиной смерти, а Тень была наделенным сознанием, живым термоядерным котлом.

Она поднялась на высоту двухэтажного дома.

Там задержалась. По ней бегали искры и электрические дуги. Из этой бури радиоактивных отходов смотрел два злобещих красных глаза. Шум, который она издавала... походил на скрежет металла, вой урагана и бурление котлов... был таким громким, что приходилось кричать, чтобы быть услышанным.

— *Забери их! Забери их всех! Забери все, что принадлежит тебе!* — кричал я ей.

Когда Тень начала двигаться, жужжание усилилось, а ее телесная оболочка начала вращаться еще быстрее. Теперь она двигалась в мою сторону. В последнее мгновение я почувствовал испепеляющий жар этой сущности. Казалось, будто я оказался возле плавильной печи. Тень по-прежнему находилась у подножия холма в тридцати футах от меня, но достаточно близко, чтобы обжечь мне кожу и опалить брови. В этот самый момент я сломался. Но, по крайней мере, я знал что-то... я знал, чем она была для других. Знал, какой ужас они испытывали, когда эта мерзость испепеляла их своим поцелуем.

Конечно же, я Тени был не нужен. Она набросилась на людей в оранжевых костюмах. Они были затянуты в эту живую печь, в этот живой ядерный реактор.

Тень забирала их очень быстро.

Они засасывались, впитывались, поглощались и распадались на части. Разжижались и исторгались с другой стороны. Затягивая их в себя, Тень вспыхивала, словно фосфор, зажигалась, как колдовской огонь. Как именно они поглощались сущностью, видно было не очень хорошо, но, если не отворачиваться, можно было заметить пару вещей. Иногда они разлетались на части, словно мясо в вакуумной камере. Вы видели кровь и ткань, конечности и органы. Не знаю, что еще кружилось в этом кипящем, радиоактивном торнадо. Думаю, она разделяла их на субатомном уровне, превращала их в частицы, поглощала их электромагнитные поля и те узы, которые удерживали молекулы воедино. Когда Тень получала то, что хотела — и, поверьте мне, это занимало секунд десять — она вновь собирала их, объединяла и извергала с другой стороны... но никогда в том виде, в котором они в нее попадали. Просто дымящиеся, почерневшие кучи, зачастую с измененной анатомией. Я видел руки, растущие из спины и головы, торчащие из животов, тела, полностью изменившие форму из-за молекулярной дисперсии и перегруппировки. А иногда, когда Тень забирала двоих или больше одновременно, они выходили в виде дымящегося и искрящегося комка расплавленного воска, с торчащими из него во все стороны костями. Атомы у тех фигур в "космических" костюмах смешивались, как в том старом фильме про муху и ученого. Масса, в которую они превращались, остывала довольно быстро, и было видно, что они сливались воедино, словно расплавленные пластмассовые солдатики.

Зрелище было тошнотворное и омерзительное.

Затем Тень забрала верующих, до которых еще не добралась Медуза.

Они затягивались в нее и разбирались на части, видоизменялись, перемешивались, и исторгались сплавленной горячей массой.

Джени стояла и смотрела. Я стоял рядом. Тень двинулась на Медузу, и мы обнялись. В тот момент я любил Джени больше всего на свете. Я любил ее так сильно, что на глазах у меня выступили слезы, потому что я знал, что неоднократно предавал ее.

— Наш ребенок никогда не родится, Рик, — произнесла она мне на ухо. — Ты знаешь, кем он станет. Таким же, как они все.

Потом она поцеловала меня и побежала вниз по склону.

Я бросился догонять ее, но не успел.

Она нырнула прямо в тот опустошающий вихрь, в ту сущность, рожденную из ядерных реакторов и атомных печей, в ту живую цепную реакцию радиоактивных отходов.

И когда она появилась с другой стороны... дымящейся, шипящей, уродливой массой, я закричал.

Мне оставалось лишь прыгнуть туда же самому, Но Тень сейчас двигалась слишком быстро, набирая скорость для столкновения с Медузой. Я вскарабкался обратно на холм, побежал со всех ног, кубарем скатился по противоположному склону и упал в заваленную листьями канаву.

Я не увидел, как Тень столкнулась с Медузой, но услышал взрыв. Услышал, как сдетонировали два столкнувшихся энергетических поля. Это было похоже на взрыв солнца. Яркая голубовато-белая вспышка ослепила меня, и оглушительный грохот сотряс землю. Холм снесло, я меня едва не похоронило под землей, камнями и обломками.

Вот и все.

Когда я, наконец, выбрался наружу, вокруг не было никого и ничего. Мир превратился в пустоту из пара, дыма и постепенно спадающей жары. Когда дым рассеялся, я увидел, что на месте долины зияет огромная тлеющая яма, простирающаяся на многие мили. От всех деревьев в поле моей видимости остались одни пни. Холм пропал. Как я уже сказал, осталась лишь пустота.

Я заглянул внутрь себя, чтобы увидеть ту темную сферу, но и она исчезла. Просто исчезла.

Я был один.

Совершенно один.

17

В школе, если вы помните, я читал рассказ в одном научно-фантастическом сборнике, и писатель начал его с самой короткой в мире истории ужасов.

Последний человек на Земле сидел в комнате.

И тут в дверь постучали...

Уже две недели я думаю про ту историю, пока сижу в этой комнате и наговариваю на украденный из комплекса диктофон свой рассказ. Уже две недели я нахожусь в этом маленьком доме на краю бездны, которая появилась в результате столкновения Тени с Медузой, и которая разделяет сегодняшний день с завтрашним, а, может, даже вчерашним.

Все мертвы.

Конечно же, я не могу знать наверняка, но в глубине души чувствую, что так оно и есть. Хотя в небе еще летают птицы, а в лесу снуют какие-то звери. Три ночи назад, где-то около полуночи я слышал вой волка, и это был самый одинокий и призрачный звук, который я когда-либо слышал. Поэтому жизнь здесь есть, только нет людей.

Записывать эти слова для меня было великой радостью, но еще больше я испытывал ужас и боль, ранее неведомые мне.

Мне пришлось во многом признаться, посмотреть на свою жизнь с высоты птичьего полета, и увиденное не принесло мне удовольствия. Я лишь рассказывал о произошедшем, и теперь, как говорится, мой рассказ подошел к концу. Два дня назад у меня на коже появились красные пятна. Я чувствую слабость. Суставы ноют. Этим утром из носа у меня шла кровь.

Микки получила свою месть.

Ее проклятие исполнилось.

Думаю, через двадцать четыре часа со мной все будет кончено, поскольку, чувствую, что болезнь усиливается. Говорить становится трудно. Я не знаю, как я смог заразиться Эболой Экс, через две недели после того, как в огненной буре столкновения погибли последние переносчики вируса. Мой счетчик Гейгера показывал, что три дня эта местность была насыщена радиацией, после чего уровень упал до допустимого. Лучевую болезнь я еще мог бы допустить... но то, что со мной происходит, заставляет меня поверить в Карму. Заставляет поверить в то, что я расплачиваюсь за отнятые мною жизни.

В то, что проклятие Микки было реальностью.

На этом я заканчиваю свою запись. Сомневаюсь, что кто-нибудь услышит ее, поскольку, давайте признаем, слушать ее уже некому. Сейчас я лягу и буду ждать смерти, а пока вспомню мою красавицу-жену, вспомню друзей, вспомню Шона, Карла и Спекса, Техасца и Микки. И особенно, Джени. Ту любовь, которую мы разделили, и зачатого нами ребенка, который так и не родился.

Последний человек на Земле сидел в комнате.

И тут в дверь постучали...

Это была Смерть...

КОНЕЦ

Больше книг на сайте - Knigoed.net